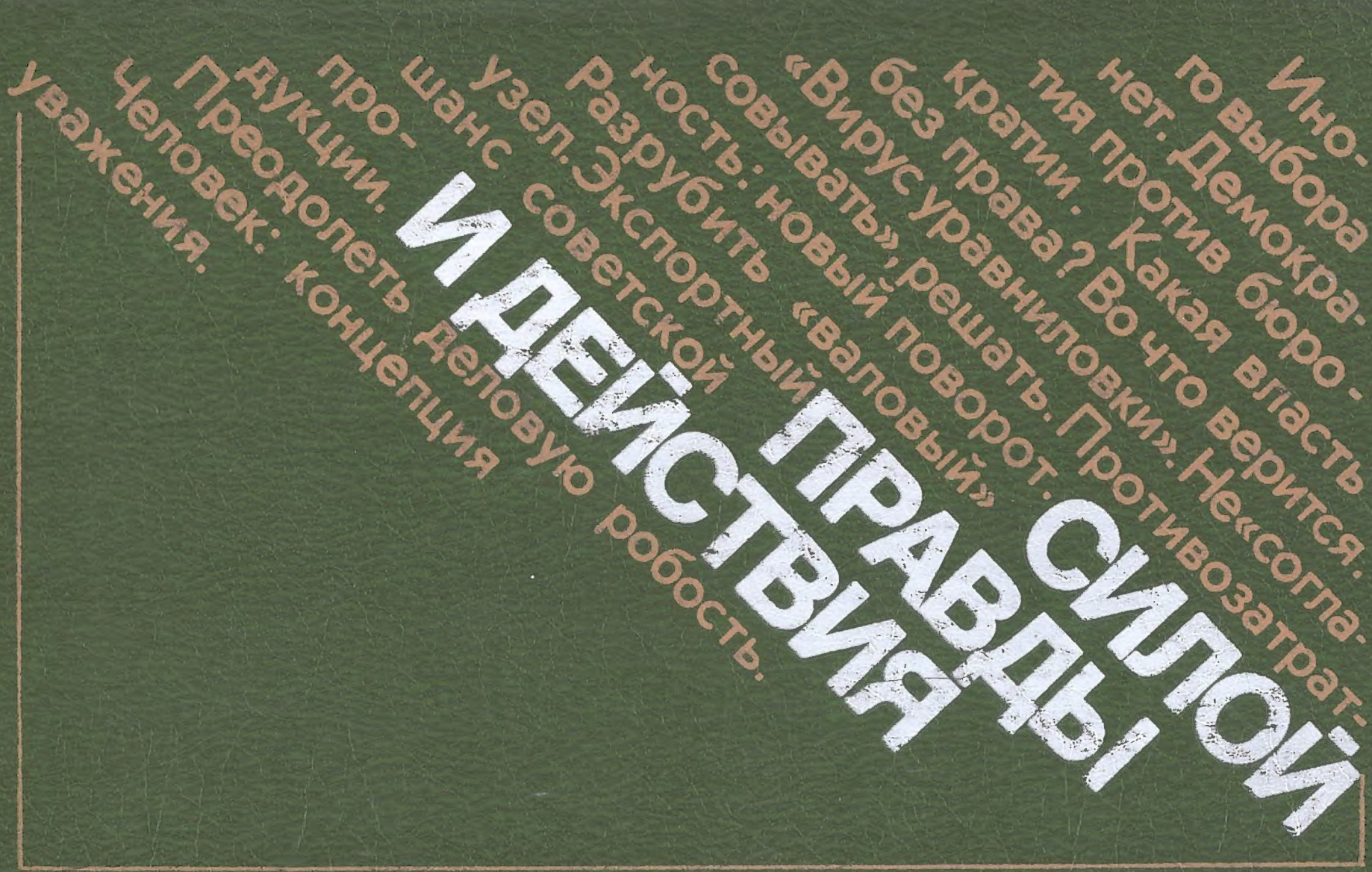
СИЛОЙ ПРАВДЫ
И ДЕЙСТВИЯ



СИЛОЙ ПРАВДЫ И ДЕЙСТВИЯ

За строкой резолюций XIX Всесоюзной партконференции

Киев
Издательство политической
литературы Украины
1989

ББК 66.61.(2)274
С36

Авторы: Г. Н. БЫКОВ, А. С. КОНДРАТЮК, Н. И. КОЗЮБРА, А. М. КОШИК, А. М. НЕВЕЛЕВ, Н. М. ОСТАПЕНКО, А. И. РЫМАРУК, В. Л. САВЕЛЬЕВ, А. А. СПИРИН, В. К. ЧЕРНЯК, Ю. И. ШАПОВАЛ, Ю. Г. ЯКУША

Составитель и автор предисловия А. Н. ШОСТКА

Силой правды и действия: За строкой резолюций С36 XIX Всесоюзной партконференции / Г. Н. Быков, А. С. Кондратюк, Н. И. Козюбра и др.; Сост. и авт. предисл. А. Н. Шостка.— К.: Политиздат Украины, 1989.— 391 с.

ISBN 5-319-00402-8

Авторы научно-популярной книги в разработке ее проблематики придерживаются двух основополагающих принципов: называть вещи своими именами и четко аргументировать свою позицию. У одних немало смелых оригинальных оценок периода культа личности и застоя, научные интересы других связаны с вопросами искоренения бюрократизма. уравниловки, бесхозяйственности. Наряду с анализом причин деформаций социализма, допущенных в прошлом злоупотреблений властью, в книге также анализируются проблемы и трудности нынешнего этапа практической реализации идей перестройки.

Адресована широкому кругу читателей.

С $\frac{0902040000—199}{М201(04)—89}$ БЗ.39.12.88 ББК 66.61(2)274+65.9(2)

ISBN 5-319-00402-8

© Политиздат Украины, 1989

Предисловие

Авторов этой книги, разных по научным интересам, способам исследования проблем, объединило общее стремление: высказать свое мнение о самом насущном в нынешней социальной действительности, о времени, характерную окраску которому придает перестройка с ее богатством альтернатив, новизной решаемых проблем, эмоциональностью.

В самом деле, что можно противопоставить сегодня революционному обновлению общества, ускорению социального и экономического развития, чтобы добиться ощутимого повышения жизненного уровня советских людей, выйти на качественно новый рубеж в общественном развитии? Самой жизнью вызваны силы и направления перестройки. Силы — это современная марксистская мысль, люди, утверждающие идеи обновления. Направления — это радикальная экономическая реформа, изменение социального положения личности, повышение уровня ее правовой защищенности, реформа политической системы, демократизация всей нашей жизни. В этом смысле XIX Всесоюзная конференция КПСС сделала четкий и предельно ясный вывод: люди поверили в перестройку и выступают за то, чтобы, высвободив духовную, нравственную, творческую инициативу человека, придать широким преобразованиям в стране необратимый характер, а социализму — его ленинский облик, его изначальные черты: новаторство, смелость, единство слова и дела.

Во времена исторических переломов всегда на смену устоявшимся, уже непродуктивным идеям и взглядам приходят новый образ мышления, новые концепции. В такой период новаторские, неординарные подходы к анализу и оценке насущных проблем общественного преобразования требуют не только принятия эффективных решений, но и быстрого реагиро-

вания на них, ускоренной их реализации. А это влечет за собой идеологический, нравственно-психологический перелом в мироощущении, самочувствии, настроении человека.

Другими словами, активное участие в обновлении общества, выбор каждым своего места в этом движении, умение мобилизовать свои интеллектуальные, эмоциональные, волевые ресурсы определяют в конечном счете потенциал, перспективность и успех перестройки.

Происходящие в стране процессы — отход от устаревших канонов, очищение от мифов и фальсификаций — трудные и неоднозначные. Соответственно и ситуации возникают непривычные и часто неожиданные. В таких условиях требуется оперативная переориентация: и политическая, и экономическая. Догматизм, апологетика «валовых» достижений — серьезная и опасная сила, тормозящая динамику жизни и мысли. Понять это — значит быстрее освоить новые концепции и опыт управления экономикой, партийного руководства перестроечными процессами, сделать все для ускорения реализации целей и программ перестройки. Ведь сложившаяся за многие десятилетия бюрократическая административно-командная система, еще и сегодня черпающая силу в подобострастии и равнодушии, не отомрет автоматически. Складывающийся новый механизм хозяйствования не возникнет сам собой. Демократия и гласность не обнаружат всех своих созидательных возможностей без осуждения некритического подхода к анализу нашего общества, истории его развития, использования плюрализма мнений, способностей, дарований, открытости каждой личности, без борьбы за право выбора, свободу действий. Именно к этому сводятся всеобъемлющие, судьбоносные выводы XIX Всесоюзной партконференции.

Задачи книги. Определяющим моментом в книге выступает концептуальный взгляд на проблемы, явления (не все, разумеется), связанные с осуществляемыми в стране преобразованиями. Отсюда и характер ставящихся задач:

показать связь происходящих перемен в экономике, духовно-нравственной сфере с новаторскими идеями, концепциями XIX Всесоюзной партконференции, которые стали историческими фактами идейно-политической и общественной практики;

обозначить круг проблем, которые выдвинула жизнь перед нашим обществом, дать возможность читателям глубже осознать принципы идеологии обновления, научиться извлекать уроки из прошлого для будущего;

на основе анализа, переоценки прошлого опыта сделать попытку научно осмыслить плодотворность ряда новаций,

подытожить накопленный в последнее время опыт решения злободневных проблем перестройки, показать ее в действии;

исследовать некоторые процессы, тенденции, наблюдающиеся в условиях демократизации общества, обозначить круг так называемых проблематичных вопросов, обратить внимание на дискуссионные моменты и дать по ним свои суждения, подчеркнуть всевозрастающую социальную ценность инициативы, концепции уважения к человеку.

Проблематика книги. XIX Всесоюзная партконференция отметила, что с апреля 1985 года наша идейно-политическая, общественная атмосфера коренным образом преобразилась. Изменения в нее внесли прежде всего скрупулезный анализ и всестороннее осмысление социально-политической и экономической ситуации, сложившейся в советском обществе в 70-е и в первой половине 80-х годов, принятый партией курс на демократизацию и гласность, перевод предприятий на новые условия хозяйствования. Из отношения авторов к этим изменениям логически вырастает и их отношение к проблематике, вытекающей из резолюций конференции.

Значительная часть книги отведена анализу сложившегося в нашем обществе механизма торможения. Этот механизм — не только следствие застоя. У него есть и исторические, и социально-политические корни. Кроме того, он, как показывается в книге, обязан своей живучестью бюрократизму, а также тому, что все еще трудно идет освоение многими партийными и хозяйственными руководителями нового мышления, новых подходов к делу. А ведь именно от этого, как, впрочем, и практического решения вопроса о том, что противопоставить непомерно разросшейся системе администрирования, подмене и дублированию партийными органами государственного и хозяйственного аппарата, зависит слом механизма торможения, переход от подавляющих волю и инициативность административно-командных методов управления к экономическим.

Партия, отражая стремление трудящихся к демократизации всех сторон нашей жизни, приступила к ломке стереотипов, к созданию условий для углубления демократических процессов, расширения гласности, свободного выражения мнений. Ведь социализм — реальный общественный строй, развивающийся по своим законам. Именно эти законы и подвели нас к ломке устаревших механизмов и взглядов.

Возвращение ленинской концепции социализма и восстановление в полном объеме ее теоретических и методологических положений — это веление времени. Новое прочтение ленинизма осуществляется авторами в процессе анализа причин, обусловивших атмосферу безгласия, сталинский произвол и

нарушение законности, пассивность масс, правовое бескультурье.

Демократические преобразования в ходе перестройки кое-кто склонен трактовать как вседозволенность. Эгоистическое желание «свободы делать все, что хочу» на практике ведет только к разрушению подлинной свободы и в конце концов к разрушению самой личности. Девиз «Больше демократии и гласности!» — это емкое выражение сущности правового государства, формы, принципов жизни людей широко образованных, высоконравственных, органически увязывающих свои интересы с интересами общества.

Авторы книги размышляют над вариантом экономической системы, способной устранить отчуждение человека от средств производства, создать эффективные стимулы трудовой и хозяйственной активности.

С учетом обстоятельств и потребностей, вызванных перестройкой, освещается и ленинское учение о социалистической кооперации, способствующей росту ассортимента товаров и бытовых услуг, обосновывается массовое возрождение кооперативного хозяйствования.

Нельзя не обнаружить, как все большее значение в наше время приобретают новые концепции развертывания научно-технического прогресса, управления материальными ресурсами, развития оптовой торговли средствами производства, маркетинга, создания регулируемого государством рынка, вопросы справедливого распределения. Трудности решения этих проблем — во всяком случае, в данный момент — видятся не только в несовершенной структуре экономики, медленном внедрении достижений науки и техники, в конфликте между потреблением и накоплением, между затовариванием и дефицитом, но и во всевозможных ограничениях самостоятельности и ответственности предприятий. Как считают ученые, поднимающие эту тему в книге, признание курса на самостоятельность предприятий, хозрасчет и самофинансирование часто служит для верхних эшелонов управления своеобразным заслоном от решения этих же задач.

И все же, несмотря на противоречивые инструкции и положения, подрывающие авторитет Закона о государственном предприятии, перевод многих предприятий на хозрасчет и самофинансирование неотвратимо ведет к росту общественного производства. Это свидетельствует, с одной стороны, о неудержимой силе нового, о необходимости внедрения хозрасчета и в плановых, снабженческих и хозяйственных органах. С другой стороны, это еще одно веское доказательство в пользу ряда исключительно важных новаций, изложенных в Законе.

Наша экономическая действительность уже имеет примеры деятельности предприятий на территории страны с участием иностранного капитала, а также самостоятельного выхода целого ряда советских предприятий и организаций на международный рынок. Выгода такой практики в современных условиях несомненна. Изучение и оценка внешнеэкономических связей СССР в свете теории марксизма-ленинизма, отработка новой концепции сотрудничества стран — членов СЭВ также полезны с точки зрения теории и опыта сотрудничества.

В этом плане не только ставятся вопросы — скажем, что сдерживает торговлю с Западом, как изучать требования мирового рынка, чувствуем ли мы «вкус» к экспорту,— но и даются ответы на них.

Таково в общих чертах содержание книги. Другие проблемы, затрагиваемые в ней, вытекают или являются продолжением, развитием названных.

Дискуссионные вопросы. Слова, характеризующие конференцию, атмосферу, царившую на ней, относятся к ряду самых восторженных. Особенно приятно, что она утвердила пришедшие с перестройкой уважение мнения оппонента, признание социалистического плюрализма. Это в корне меняет отношение к полярности и многообразию взглядов, суждений, позиций.

Действительно, еще несколько лет назад даже не допускалась мысль о критике партии, необходимости развития в ней гласности, более товарищеских отношений, о том, что социализму органически присущи товарно-денежные отношения. Теперь вокруг этих проблем идут споры, они в центре дискуссий, теоретических исследований и разработок.

Часто можно услышать: как же так, нам много лет говорили о том, что мы живем в самой демократической стране, а теперь нас призывают учиться демократии? По этому поводу обозначилось несколько точек зрения. Одни категорически заявляют, что подлинной демократии в нашем обществе не было, другие говорят об «усеченной демократии», «о демократии поддержки», «о демократии элиты». В книге развивается тема: от «демократии поддержки» к «демократии участия». Конечно же, не все и в этой позиции бесспорно.

В неутихающих дискуссиях, связанных с вопросами «План или рынок?», «Примат права над государством или государства над правом?», сторонников больше у авторов, не склонных к крайностям — «или-или». Они ставят вопрос иначе: и план, и рынок, и безусловный приоритет Закона в правовом государстве.

Существует мнение, что представители фундаментальной науки должны сами заниматься внедрением в производство своих научных разработок. Более того, наблюдается тенденция оценивать достижения фундаментальной науки по количеству внедренных тем. В книге отстаивается иная точка зрения. Основная задача науки — открытие новых законов и закономерностей развития природы и общества, работа на перспективу, а не на «выгоду момента».

Сейчас нередко высказывается мнение о том, что необходимо включить фактор конкурентной борьбы между производителями, что это подстегнет их к высококачественной и высокопроизводительной работе в интересах потребителя. Это мнение поддерживается в книге, хотя и не достигнуто единодушия в следующих вопросах.

Должны ли контролироваться государством цены, устанавливаемые производителями продукции, или они должны подчиняться рыночной конъюнктуре?

Как обеспечить высокое качество выпускаемой продукции в условиях, когда от этого не зависит практически выживаемость предприятий и экономическое положение отдельных людей?

Не уменьшается, а, напротив, все увеличивается количество открытых вопросов в сфере кооперативной деятельности. Эту тенденцию легко будет обнаружить и в книге. Существующие разногласия, однако, только лишний раз подчеркивают, что кооперативно-индивидуальный сектор экономики становится реальностью, равноправным сектором народнохозяйственного комплекса страны.

В 1988 году заметно снизились темпы роста совместных предприятий с участием иностранных партнеров. Нет полного согласия среди ученых и практиков относительно причин их снижения. Спор, в частности велся и по такому вопросу: следует ли опасаться того, что иностранная фирма может обладать контрольным пакетом акций? Позиция, изложенная в книге, следующая: нет, этого можно не опасаться.

А как нам теперь относиться к советологам, критике наших критиков? Некоторые склонны думать, что время меняется, а советологи не меняются. Поэтому, дескать, как относились к ним, так и следует относиться. Но высказывается и другая точка зрения: несмотря на то что советологи по-прежнему остаются тенденциозными в своих суждениях, по-прежнему верны своим «вечным» мотивам — антикоммунизму, абсолютизации «свободного мира» — все-таки становится заметнее их стремление к объективной оценке наших начинаний, решений, результатов наших усилий. Обе точки зрения не являют-

ся альтернативными. Они диктуют необходимость корректировки стандарта о закономерностях развития двух систем и учета в работе современной концепции неизбежного их взаимодействия.

Не утихают споры вокруг проблем нашей истории, философии, внешней политики — проблем, претерпевших самые серьезные деформации в период застоя и в прошлом просто замалчивавшихся. Сформулированные позиционные вопросы и ответы на них могут стать основой для последующих размышлений, научных исследований, поисков.

Партийная конференция принесла с собой немало надежд. Все они связываются в сознании людей прежде всего с реформой политической системы. Новая система представляется многим как открытое общество с господствующими в нем гласностью, критикой и самокритикой, борьбой мнений, единством партийно-политического влияния, демократического управления и общественного самоуправления. То есть речь идет о кардинальных переменах в партии и о реальном полновластии Советов, о том, что никто, как записано в резолюции «О гласности», не имеет монополии на истину и на гласность.

Проблемы демократизации внутрипартийной жизни, повышения роли и авторитета, прав коммуниста решаются ныне в духе XIX партконференции. По мнению ученых, фундаментом обновления явилось то, что партия стала примером инициативы в развертывании гласности. Она начала решительное очищение от искажений, деформаций, бюрократических истолкований демократического централизма — ключевого принципа жизнедеятельности партии.

Надежды на создание принципиально новой формы осуществления государственной власти вселяют строки из резолюции конференции: «...каждый Совет в рамках закона имеет полную возможность выбора форм и методов своей деятельности с учетом местных условий».

Мы приходим к пониманию того, что перестройка — это не только своеобразный вызов будущего, но и дело не одного поколения. И все же намеченная реформа политической системы, гарантирующая необратимость преобразований во всех сферах жизни, дает право думать, что оправдаются надежды на то, что экономика заработает на человека и люди оценят силу сильной социальной политики.

Трудностей немало. Они известны. Тем не менее неудовлетворенность нынешним состоянием дел не превалирует над реалистическим подходом к новым ситуациям, над верой в подлинный успех перестройки.

Долго, очень долго социализм в наших представлениях был обществом, которое развивается без конфликтов, без борьбы идей. Ныне эти псевдонаучные представления уступают место смелому поиску истины, здравому смыслу. Широкий, открытый взгляд на историю, что можно обнаружить и в книге, в частности в первой ее главе, подготовленной доктором исторических наук **Владимиром Леонидовичем Савельевым** и кандидатом исторических наук **Юрием Ивановичем Шаповалом,**— это наиболее яркая примета нового видения социализма как общества без тени коварного умолчания и идеализации, общества, решившего раз и навсегда покончить с холуйством, страхами и предрассудками.

1

ВРЕМЯ ТРУДНЫХ ВОПРОСОВ

Есть все основания утверждать, что если бы многих из нас до апреля 1985 года спросили, от чего, по нашему мнению, зависит будущее страны, мира в целом, то вряд ли в ответах акцент делался на таком факторе, как демократия. Ныне же, в чем, собственно, и состоит революционность времени, ситуация коренным образом изменилась. Сегодня мало кто в обществе, разве что наиболее стойкие адепты административно-командной системы, не ощущает потребности в демократизации жизни, в утверждении ее новых политических форм.

Наша потребность в демократии приобрела характер общественной закономерности. Она познана, раскрыта и выражена партией. Конечный смысл перестройки — это максимум демократии и максимум человеческого достоинства. У социализма нет будущего вне демократии, вне гласности, вне всестороннего развития личности.

Трудно, естественно, предсказать будущее социализма во всех деталях. Ясно одно: наше общество может стать достойным грядущей истории человечества лишь при условии полной реализации ленинской концепции социализма и демократии. Ныне мы находимся на начальном этапе воплощения в жизнь этой великой цели. Приняты важные политические решения, сделаны первые практические шаги, накоплен определенный опыт.

От «демократии поддержки» к «демократии участия»

В годы культа личности и застойные времена рожденные Октябрем политические институты, призванные быть проводниками воли народа (Советы, массовые организации трудящихся, народный контроль), были подмяты административно-командной системой, бюрократическим аппаратом и превратились фактически в механизм одобрения и поддержки принятых наверху решений. По сути, они стали формой «демократии поддержки», результат которой — пассивность масс, отстранение их от процесса принятия решений, принижение роли выборных органов и в то же время господство аппарата, фактически осуществлявшего как бы «вторую власть». Подобное двоевластие стало одним из главных элементов механизма торможения. Его же становой хребет составила вся окостеневшая система власти, ее командно-нажимное устройство.

Уже на начальном этапе перестройки стало ясно, что дальнейший прогресс общества, демократизация всех его сфер невозможны без решительного слома этого механизма торможения — «корсета», сковавшего инициативу народа, его самоуправленческие потенции. Политическое руководство страны проявило достаточно воли, отказавшись от убеждения, что мы имеем политические формы, которые стоит лишь подправить, подкорректировать — и общество может опереться на них в перестройке. Партией была также отброшена догма, о неизменности политических структур.

Цели политических реформ в нашей стране — передать большую часть управленческих функций народу, сделать массы главным действующим лицом, обеспечить эффективный контроль снизу за политическими институтами. В этом видится основное средство против бюрократизма, корыстных личных и групповых интересов, узурпации власти.

Решение таких задач предполагает прежде всего преодоление последствий деформаций политической системы: сосредоточения хозяйственно-управленческих функций в руках партийно-политического руководства; гипертрофированной роли исполнительного аппарата, всесилия ведомств; чрезмерного огосударствления общественной жизни, ставки на администрирование и принуждение; бюрократизации политических структур, дефицита критики и гласности. Именно эти пороки способствовали нарастанию застойных явлений в стране, да и в настоящее время они сдерживают перестройку общественной жизни.

Идея самоуправления

Сердцевиной политической реформы является обеспечение максимального простора самоуправлению общества. Практическое решение этой задачи встречает немало трудностей. Ведь сторонники административно-командной системы отметали даже саму идею самоуправления. Неудивительно, что «Советский энциклопедический словарь» издания 1955 года трактует это понятие как буржуазное. А в переизданный через 25 лет тот же словарь термин «самоуправление» вообще не вошел.

В результате, по заключению авторитетных специалистов, до середины 80-х годов общетеоретические проблемы социалистического самоуправления не получили развернутой, глубокой разработки, не говоря уже об их практической реализации[1]. И только после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, выдвинувшего в качестве одной из важнейших задачу развития социалистического самоуправления, возродился интерес общественности, ученых к этим вопросам.

Как же мы понимаем сегодня самоуправление народа? Главное содержание марксистско-ленинской идеи самоуправления заключается в обеспечении реального, практического участия все большей массы трудящихся в управлении, в разработке, обсуждении, принятии и осуществлении решений по всем вопросам общественной жизни.

Ныне КПСС не просто возобновила и восстановила в правах эту марксистскую идею, но и ориентирует на ее творческое развитие. При этом приходится постепенно преодолевать обедненные, односторонние трактовки и представления о самоуправлении, которые до сих пор бытуют в общественном сознании.

Развитие самоуправленческих начал видится партией не вне, а внутри нашей государственности, внутри всей политической системы путем возрождения и развития изначально заложенных в ней Октябрем демократических потенций. Речь идет о расширении функций Советов, профсоюзов, комсомола, системы народного контроля. Пока что их нельзя назвать самоуправляющимися организациями или органами.

---

[1] См.: *Ильинский И. П.* Социалистическое самоуправление народа. М., 1987. С. 40.

Реально ли социалистическое самоуправление?

Происходящие в последнее время в нашем обществе изменения дают немало оснований для положительного ответа на поставленный вопрос. «Демократия участия» все больше приобретает конкретные формы. Выявляется множество функций управления, которые трудящиеся осуществляют сами.

Сегодня страницы наших газет насыщены информацией об избрании директоров предприятий и учреждений, председателей колхозов, начальников цехов и смен, бригадиров и т. д.

Самоуправленческие начала пробивают себе дорогу в школе, в высших учебных заведениях. Речь идет о полной передаче в компетенцию студенческих организаций вопросов общественно полезного труда, быта и отдыха студентов.

В сфере культуры налицо тоже много нового. Например, эксперимент в театральном деле расширяет права художественного совета коллектива, введен порядок формирования творческих составов театров.

По инициативе трудящихся организованы и успешно действуют различные благотворительные фонды. Мы являемся свидетелями широкого движения в защиту окружающей среды, охраны исторических и культурных памятников. Все большее распространение получают самодеятельные организации в сфере досуга.

Другими словами, самоуправление становится реальностью. И важно то, что всякий шаг в этом направлении означает определенные перемены в нашей общественной жизни, решение тех или иных конкретных проблем.

Вместе с тем нельзя не отметить, что утверждение самоуправленческих начал происходит противоречиво, не без трудностей, причем значительных.

Дифференциация общества усиливает многообразие мозаики групповых интересов. Они, и это знаменательная примета перестройки, как никогда, обнажены, открыто сталкиваются как между собой, так и с общегосударственными интересами. Это характерно для всех уровней жизни общества. Так, практика выборов руководителей дает немало примеров, когда групповые интересы берут верх над общегосударственными. Или другой пример, уже из иной сферы. Идея регионального хозрасчета, активно прорабатываемая в республиках Прибалтики, порождает, на наш взгляд, помимо экономических, немало и политических проблем, касающихся теории и практики социалистического федерализма, в частности соотношения

общегосударственных и местных интересов. Примером принимающего подчас драматический характер столкновения национальных, региональных и общегосударственных интересов могут послужить события в Нагорном Карабахе.

В условиях социалистического плюрализма

Налицо качественно новая ситуация в сфере политических отношений. Разбуженные перестройкой социальные группы претендуют на активное участие в общественно-политической жизни через выражающих их интересы отдельных лиц и различных объединений. Это обстоятельство дает основания говорить о социалистическом плюрализме как одной из характеристик нашей демократии. А ведь еще совсем недавно официальная доктрина народовластия трактовала плюрализм неизменно как нечто чуждое и опасное для советского строя, как посягательство на наши политические и идеологические успехи.

В научной, пропагандистской литературе явно абсолютизировался достигнутый уровень социального и идейно-политического единства советского общества, недооценивались тенденции к усложнению его социальной и профессиональной структур, усилению претензий различных социальных групп влиять на принятие политических решений, отстаивать свои специфические интересы. Подобный подход служил обоснованием сложившегося авторитарного механизма политической власти, в котором не было места плюрализму интересов и мнений. Соответственно, участие граждан в управлении носило сугубо ритуальный характер и сводилось к одобрению уже принятых решений на высших уровнях. Это дискредитировало соответствующие политические институты в глазах трудящихся, создавало опасность их перманентной «пробуксовки».

Односторонний характер политического участия ныне взорван изнутри плюрализмом интересов, стремлением людей не только одобрять, но и принимать решения. В этих условиях возникает, о чем убедительно свидетельствует практика, чрезвычайной важности проблема создания такого политического механизма, посредством которого борьба различных интересов, мнений проходила бы в цивилизованных формах, не перерастала в конфликты, а вела к конструктивным решениям. Иначе, как показали те же события в Нагорном Карабахе, возможен разгул анархии и беззакония, ведущий к трагическим последствиям.

Необходимо признать, что существующий механизм участия людей в политической жизни еще не обеспечивает учета различных мнений, выработки оптимальных решений. Какой выход из положения? Представители так называемого «Демократического союза» предлагают решить вопрос о конституировании оппозиционной структуры — политической организации, оппозиционной «тоталитарному», по их словам, строю. Надо сказать, что в многопартийности видится выход из положения не только антисоветски настроенным лицам. Подобного рода настроения характерны для многих граждан, стоящих так сказать на лояльных позициях.

Обязательна ли в нашей стране для действенности социалистического плюрализма многопартийная система? Первый опыт перестройки показывает, что не обязательна. И Коммунистическая партия в силу своего положения в обществе способна учитывать сегодня в своей политике коренные интересы всех классов и слоев общества. Но следует особо отметить, что обеспечение демократического характера выявления и, главное, учета различных интересов немыслимо без обновления работы Советов, всех общественных организаций, являющихся важным каналом участия граждан в управлении общественными делами.

Кого избирать, как избирать?

Сегодня очевидно, что демократизация работы Советов, развитие у них самоуправленческих начал неотделимы от совершенствования избирательной системы, которая в значительной степени заформализована и обюрокрачена. В результате роль выборных органов фактически сведена на нет, традиционно пассивна основная масса депутатов. Почему? На этот вопрос достаточно полно ответил депутат Северодонецкого горсовета рабочий А. Г. Баранишин. Выступая в Северодонецком горисполкоме, он отказался избираться еще на один срок. И в качестве основной причины указал нынешний статус депутата, который превратился в обыкновенного просителя. К тому же Советы практически всегда действуют по сценарию, разработанному исполкомовскими аппаратчиками. Потому и депутаты не стремятся к тому, чтобы отстаивать интересы своей территории, своих избирателей. За них все обдумали в исполкомовских кабинетах. Депутатов пока еще подбирают, а не выбирают.

Болезнь эта, надо сказать, застарелая. Своими корнями

она уходит в 30-е годы, когда отчетливо стала проявляться тенденция к оказениванию, «упрощению» избирательной процедуры. Господство аппаратных методов было должным образом обосновано теоретически: выдвижение кандидатов в точном соответствии с количеством мандатов оправдывалось спецификой однопартийной системы и природой социалистической демократии.

Перестройка требует преодоления таких деформаций. Необходимо отметить, что выборы уже проводятся с определенными коррективами в сторону их демократизации. Так, в 1987 году в ходе избирательного эксперимента выборы в некоторые местные Советы проводились по многомандатным избирательным округам. К сожалению, и здесь в ряде мест проявился формальный подход к выдвижению кандидатов. Зачастую эта процедура становилась самоцелью, а не способом реального расширения и углубления демократических методов отбора депутатов.

XIX партконференция указала на необходимость решительного преодоления подобных явлений. Для этого были введены такие демократические нормы, как неограниченное выдвижение кандидатур, включение в избирательные бюллетени большего числа кандидатов, чем имеется мандатов, строгое соблюдение демократической процедуры выборов, регулярную отчетность и возможность отзыва депутатов. Особо подчеркнута на конференции необходимость предоставления обширных полномочий окружным предвыборным собраниям, которые должны стать демократическими формами широкого и свободного обсуждения кандидатур.

Итак, решения приняты, дело за их реализацией. При этом предстоит не только преодолевать старые, отжившие формы, но и внедрять в избирательную практику новые. Речь идет, например, о решении конференции рекомендовать на должности председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов. Необходимо подчеркнуть, что решение это было принято после оживленной дискуссии. Не прекращаются дебаты и сейчас. Учитывая серьезность проблемы, думается, что причин для их продолжения по мере практического воплощения принятого решения будет еще немало.

Одна из них заключается в прочности гарантий того, что не будет возврата к административно-командным методам руководства, олицетворявшим собой в прошлом сосредоточение в одних руках партийной и государственной власти. Уровень теоретической проработки данного вопроса, первые практические шаги в его решении дают основания для оптимизма. Но

и трудностей будет еще немало. И самая главная из них — это «состыковка» осуществления намеченных преобразований, ибо отставание в проведении одних и поспешность в других может породить просто непредсказуемые последствия. На наш взгляд, главное условие необратимости перемен — комплексность, взаимосвязанность осуществляемых мер. Если оно будет нарушено, а бюрократия всячески способствует и будет способствовать этому, не исключена опасность получить новый, видоизмененный вариант «партийного государства».

Какая мудрость нужна гласности?

Действительно, в нашем обществе постепенно складывается такая атмосфера, которая позволяет каждому гражданину реализовать право открыто высказать свое мнение по всем общественным и политическим вопросам. Причем это касается нашего прошлого, настоящего и будущего. Какое общество мы построили? Что нас ожидает? Какими мы стали и какими мы хотим быть? Вот тот, далеко не полный круг вопросов, которые волнуют общественность нашей страны, да и не только нашей страны.

Особой остротой отличается дискуссия об уроках истории, о роли масс и личности в ней, об исторической науке, ее престиже, доверии к ней. По большому счету — это разговор о судьбах социализма. Аргументами в нем стали не только, а под час и не столько работы историков, но и художественные произведения, кинофильмы, пьесы, посвященные нашему прошлому. Показательно, что участники дискуссий не шли дальше общих призывов говорить правду, не подчищать, не урезывать, не приукрашивать историю. Но как только появились первые публикации, разрушающие сложившиеся трафареты и схемы, ситуация стала меняться.

Все чаще раздаются голоса о «тревожащих моментах» в дискуссии об уроках истории и вообще в подходах к освещению всего исторического пути Советского государства. Все настойчивее стали утверждения, что справедливо критикуя допущенные промахи руководителей, возглавлявших страну в разные периоды, решительно настаивая на ликвидации «белых пятен» истории, на восстановлении исторической справедливости, мы начинаем заниматься критикой не столько отдельных лиц, факторов, периодов, сколько критикой социализма в целом как системы, изображаем путь, пройденный страной после Великого Октября, чуть ли не единой ошибкой, своего рода

историческим провалом. Подобную мысль предельно четко выразил, в частности, главный редактор журнала «Молодая гвардия» А. Иванов, который утверждает, что мы «очерняем», «втаптываем в грязь свою историю» и создаем представление, будто все 70 лет после Октября в Советском государстве «царил террор, лилась кровь, царили несправедливость, неразбериха и руководителей-то порядочных после Ленина в стране не было» [1].

С большей или меньшей четкостью подобные идеи стали варьироваться в выступлениях некоторых обществоведов, а также во многих письмах, направленных в адрес средств массовой информации. «Да,— написала, к примеру, одна из читательниц «Правды»,— гласность нужна, но как у всякой вещи, у нее две стороны — положительная и отрицательная... Такое впечатление складывается, что на волне гласности всплыла пена нахальных авторов, которые гласность понимают как возможность протаскивать пошлые, бездарные произведения, гадить на святая святых нашей жизни — социализм» [2].

Другой читатель «Правды» взялся также выявить как соотносятся «позитив» и «негатив» в выступлениях средств массовой информации. «По моим подсчетам,— пишет он,— положительное соотносится к отрицательному в пропорции 1 к 9» [3]. Подобный баланс, по мнению некоторых людей, никак нельзя сохранять. Они требуют уравнять показ положительного и отрицательного, считая это верным и лучшим воздействием на массы.

Никто не мешает спорить

Нет оснований сомневаться в искренности сторонников приведенной точки зрения. Но ясно и другое. За призывами против «очернительства» и «измены идеалам» скрывается особое понимание перестройки и демократизации. Более того, такое понимание на каком-то этапе стало перерастать в активное стремление повернуть гласность и перестройку в такое русло, в котором они попросту превратились бы в свою противоположность. Отзвуком подобных намерений и одновременно платформой консолидации их сторонников явилась статья

[1] Огонек. 1987. № 46. С. 6.
[2] Правда. 1987. 7 сент.
[3] Там же. 14 сент.

«Не могу поступиться принципами», появившаяся 13 марта 1988 года в газете «Советская Россия» и подписанная преподавателем химии Ленинградского технологического института Н. Андреевой.

Отличительной чертой рассуждений тех, кто разделяет точку зрения автора (назовем ее условно «охранительной»), является апелляция к реалиям современного идейного противоборства, сентенции на темы: «гласность дает врагам пищу», «что скажет о нас заграница» и даже утверждения, что те, кто ратует за демократизацию и гласность, поет, так сказать, с чужого голоса. К примеру, в статье в «Советской России» говорится, что «гласность, открытость, исчезновение зон, запретных для критики, эмоциональный накал в массовом сознании, особенно в молодежной среде, нередко проявляется и в постановке таких проблем, которые в той или иной мере «подсказаны» западными радиоголосами или теми из наших соотечественников, кто не тверд в своих понятиях о сути социализма». Как следствие этого, считает Н. Андреева, «у части студентов усиливаются нигилистические настроения, появляется идейная путаница, смещение политических ориентиров, а то и идеологическая всеядность».

По мнению одного из читателей газеты «Известия», мы «должны больше думать о нашем лице в мире, не давать повода для пересудов разным заморским «голосам» [1]. «Пока мы не покончим с политической безграмотностью в партии,— считает преподаватель вуза В. Алексеева,— ничего путного не получится, по-прежнему будем топтаться на месте, а антикоммунизм тем временем займется реставрацией капитализма в нашей стране» [2].

Как видим, оценки серьезные. Но кто же и когда в нашей стране начал сеять «политическую безграмотность» и тем самым вроде бы содействовать «реставрации капитализма?» У «охранителей» или, как их еще удачно называют, доморощенных «плакальщиков по социализму» есть ответ и на этот вопрос. Вот одно из мнений: «Хрущеву мы обязаны началом отхода от большевистских классовых позиций, который продолжается по сей день. Согласен с теми, кто считает, что под вроде бы демократическим лозунгом «антисталинизма» с профессиональными антикоммунистами объединяются живущие среди нас потомки свергнутых Октябрьской революцией классов, а также потомки нэпманов, басмачей и кулаков» [3]. Один

---

[1] Известия. 1988. 2 янв.
[2] Соц. индустрия. 1988. 6 апр.
[3] Московские новости. 1988. № 15.

из читателей журнала «Огонек», упрекая редакцию в публикации воспоминаний И. Эренбурга, утверждает, что с этой публикацией «на волю вылетает джин, пышущий жаром ненависти ко всему советскому, изрыгивающий антисталинщину — то есть равнозначный антисоветизму, антикоммунизму!»[1].

Заметим: «антисталинщина», то есть, по существу, курс на преодоление культа личности и его последствий, начало которому положил доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, приравнивается к антисоветизму и антикоммунизму. Таким образом, положительное отношение к личности Сталина делается как бы пробным камнем истинного патриотизма, партийности, верности социалистическим идеалам. И наоборот, критическая позиция отождествляется с услугой классовому противнику, очернительством, подрывом устоев.

Несколько вопросов к «плакальщикам по социализму»

Итак, призыв к мудрости — лейтмотив рассуждений «охранителей», предостерегающих приверженцев гласности. В этой связи уместно, прежде всего, спросить у них следующее: кто из руководителей партии и страны после апреля 1985 года призывал забыть о мудрости в деле осуществления перестройки, об интересах социализма и нашей Родины или ратовал за отход от социалистических ценностей?

Напротив, и в партийных документах, и в выступлениях руководителей партии и Советского государства постоянно повторяется мысль: все, что укрепляет социализм, в том числе гласность, демократия, все должно приветствоваться и поддерживаться. Это и есть тот объективный критерий, применяя который, мы можем верно, не поддаваясь ложному представлению о патриотическом долге, расширять рамки, пределы гласности и демократии. Однако, если кто-то внутри страны или за ее пределами хочет использовать нашу открытость и гласность, чтобы подстрекать экстремистские элементы, антисоциалистические силы (а они есть, и на это нельзя закрывать глаза), партия и государство открыто говорят: нет, против социализма идти никому не позволено и не будет позволено. Гласность — достояние советского общества, но она существует, естественно, не для того, чтобы кричать в запале

[1] Огонек. 1987. № 44. С. 5.

все, что вздумалось, а для того, чтобы публично высказывать и отстаивать свои взгляды, говорить правду.

Неоднократно и весьма недвусмысленно подчеркивалось: те, кто питает надежды на то, чтобы демократия, перестройка привели к социальному и политическому перевороту в Советском Союзе, ошибаются. Ожидания такого рода напрасны.

Конечно, многое сегодня приходится оценивать заново, многое переосмысливать, отказываться от того, что тормозит и обедняет нашу жизнь. Но это отказ не от социализма, его идеалов и принципов, а избавление от их коррозии. Чтобы понять, что такого отказа и быть не может, следует вновь напомнить: подавляющая часть советских людей родилась и воспитывалась при социализме, усвоила социалистические традиции и идеалы. Вот почему эти люди не позволят — тут мы прибегнем к терминологии «охранителей» — «отвинчивать гайки у рельсов социализма и вытаскивать шпалы».

Во всем этом нетрудно убедиться, внимательно читая современную советскую печать. Ее материалы свидетельствуют, что люди скрупулезно следят за утверждением гласности, развертыванием процесса демократизации. Их особенно беспокоит вопрос о гарантиях перестройки, ее юридическом обеспечении. Говоря о реакции трудящихся на перестройку, М. С. Горбачев отмечал: «Они нас подталкивают, и сильно подталкивают. Все время держат этот процесс под контролем, и позицию руководства держат под контролем. До него все время доходит импульс: не отступать, не замедлять, не останавливаться, идти вперед, как бы ни было трудно» [1].

Вопрос второй: почему коммунистической идеологии противопоказано множество, в том числе критических, мнений, разнообразие взглядов и точек зрения? Сегодня известно, во что обернулось для нашего общества не одно десятилетие декретировавшееся сверху «монолитное единство» воззрений. Перестройка со всей очевидностью выявила, чего на деле стоило такое «единство» — на поверхность всплыли длительное время замалчивавшиеся проблемы и явления, которые разрушили миф об одномерности и бесконфликтности нашего общества.

Откуда взялось такое разнообразие реакций на практические дела перестройки? Стало ясно, что единство в главном — в защите интересов социализма — не означает искусственного подравнивания взглядов. Оно предполагает разнообразие мнений по конкретным вопросам, многовариантность решения тех или иных задач. Исходя из ленинского понимания социализма, КПСС считает, что так и должно быть, что это нормально,

---

[1] Правда. 1987. 30 сент.

естественно. Расхождение точек зрения, поиски и споры не помеха единству, а условие его упрочения. Не помеха социализму и критические выступления. В конце концов их ошибочность(если они действительно ошибочны) так или иначе станет очевидной. «Рабочее движение,— отмечал в свое время Ф. Энгельс,— основано на острейшей критике существующего общества; критика является его жизненной стихией, как же может оно само избежать критики, стремиться запретить споры? Неужели же мы требуем от других свободы слова для себя только для того, чтобы вновь уничтожить ее в наших собственных рядах?» [1]. Вопрос, как видим, поставлен одним из основоположников той самой идеологии, именем которой клянутся «охранители».

Нет, не против единства вообще обращена перестройка, а против единства иллюзорного, покоящегося на бездумном или показушном послушании. Вот почему, призывая к консолидации общества на платформе социалистического обновления, КПСС в то же время поддерживает критический настрой, откровенные дискуссии по всем вопросам прошлого и настоящего, сопоставление разнообразных точек зрения. Партия вновь и вновь подчеркивает, что социализм в марксистско-ленинском его понимании должен давать возможность обеспечить плюрализм мнений, множественность интересов, потребностей, обеспечить реализацию этих интересов и потребностей.

Обеспечение такой возможности в рамках общесоциалистического выбора, разумеется, не может не изменять наше общество. Оно становится более многослойным и многосложным, что и порождает сумятицу в умах многих людей. Им кажется, что перестройка оборачивается чуть ли не разрушением, отрицанием ценностей социализма, его принципов. Но ведь общество становится более динамичным и открытым, оставаясь при этом социалистическим, не поступаясь основными принципами.

В связи с этим возникает третий вопрос: кто же приносит пользу делу социализма, а кто, напротив, вредит ему или, пользуясь терминологией авторов некоторых «гневных» писем, «говорит гадости в адрес страны»? Такой вопрос — часть проблемы, то и дело возникающей в дискуссиях вокруг прошлого и настоящего, проблемы критериев социалистичности, того, что является подлинно социалистическим и что чуждым самой идее социализма.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* // Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 277.

Так вот в первых рядах тех, кто якобы вредит нашим ценностям и идеалам, «охранители» обычно называют профессора, ректора Московского историко-архивного института Ю. Афанасьева, доктора исторических наук, автора статьи в «Огоньке» о Ф. Раскольникове В. Поликарпова, драматурга М. Шатрова, писателя, автора романа «Дети Арбата» А. Рыбакова, поэтов Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Окуджаву, режиссера фильма «Покаяние» Т. Абуладзе и других. Именно они, если верить самозванным «блюстителям» наших принципов, «мутят воду» и, естественно, льют ее на мельницу классового врага.

Теперь посмотрим, какими «изящными» атрибутами обставляются подобные оценки. Если один из читателей «Детей Арбата» убежден, что своей книгой А. Рыбаков «сделал подарок всем противникам Советской власти» [1], то другой просто предлагает считать все творчество писателя «параноидальным» [2]. Демонстрируя бдительность, «охранители» утверждают, будто В. Поликарпов в статье «Федор Раскольников» задался целью «опорочить и оклеветать Сталина, а вместе с ним и нашу историю» [3]. Мало того, они убеждены, что в нашей писательской организации наблюдается «всплеск антисоветчины», а поскольку XXVII съезд КПСС «умолчал о Сталине», этим и воспользовались «очернители: Евтушенко, Вознесенский, Д. Гранин, «Литературная газета», «Огонек» и многие другие. По своему уму или по подсказке они возобновили борьбу с «культом личности» [4].

Группа ученых-обществоведов упрекает Ю. Афанасьева в том, что он «призывает историков к пересмотру исторического пути советского народа за 70 лет» [5], а один уважаемый писатель, не утруждая себя аргументацией, объявляет его «апостолом сенсаций и наветов, почти кулачным бойцом во всех аудиториях» [6].

Однако дальше всех пошел читатель «Огонька», написавший в редакцию письмо не только с политическими обвинениями в отступлении от «основ», но и с предложением о том, что «таким... интеллигентам, как Окуджава, Евтушенко, и другим место в Сибири» [7].

---

[1] Сов. культура. 1988. 30 апр.
[2] Лит. газ. 1987. 19 авг.
[3] Огонек. 1987. № 33. С. 6.
[4] Октябрь. 1987. № 12. С. 195.
[5] Московские новости. 1987. № 19. С. 11.
[6] Лит. газ. 1988. 9 марта.
[7] Огонек. 1987. № 44. С. 5.

Читая все это, невольно задумываешься: так кто же говорит «гадости» — те, кто настаивает на бесстрашном и честном осмыслении нашей истории, на том, что диктуется жизненной потребностью, на том, к чему призывает партия, или же те, кто не желает выносить сор из избы? Но ведь известно, что боится выметать сор тот, у кого ничего, кроме сора, нет.

Наша страна, ее прошлое и настоящее достаточно богаты уникальным положительным опытом, а не только отрицательным. Но не говорить о последнем, не знать причин, его породивших, а тем более сознательно замалчивать их — это просто преступно.

На практике застойного периода особенно хорошо можно рассмотреть, к чему привело подобное замалчивание, имевшее форму борьбы с так называемым «очернительством». «...Восемнадцать последних лет,— отмечал член Центральной ревизионной комиссии КПСС, актер М. Ульянов,— мы все время призывали к хорошему примеру, мы не копались в своих негативах, мы делали вид, что у нас все в порядке. И вот теперь партия вместе с народом старается выпутаться из этой благопристойной, затягивающей болотистой системы. Так почему же сегодня — нам, большевикам,— бояться довести до конца перестройку, бояться понять, что нам мешает, а что помогает, что надо отсечь, а что надо, я бы сказал, переоценить» [1].

Разумеется, такая переоценка требует компетентности и ответственности. Именно в этом прежде всего должна состоять мудрость, в основе которой должна быть не искусственная дозировка «хорошего» и «плохого», а признание того, что критике подлежит все, что являлось отступлением от ленинских принципов и методов строительства социализма, от ленинских норм партийной жизни, игнорированием объективных законов и потребностей общественного развития, все, что тормозило созидание нового общества, а подчас вызывало и попятные движения. Ясно, что такая критика может раздражать лишь людей предубежденных, не желающих понять, что при всей своей беспощадности критика позволяет еще больше оттенить героический труд советского народа, который, несмотря на трудности и ошибки и вопреки им, вывел нашу страну на путь прогресса и социальных завоеваний.

---

[1] Московские новости. 1988. № 13. С. 4.

Гласность смывает «белые пятна»

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, наметившего линию партии на гласность, круг проблем, считавшихся ранее «белыми пятнами», неуклонно сужается. Гласность становится естественным, неотъемлемым атрибутом социального значения, в том числе знания исторического. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить опубликованную в последнее время статистику, введенные в научный оборот документы, многочисленные публикации обществоведов. Все эти материалы можно рассматривать как своего рода штрихи к реалистичному портрету советского общества, его истории и современности.

Развернувшиеся дискуссии, выступления в печати, по сути, подчинены одной задаче — глубже осмыслить ленинскую концепцию социалистического общества, выявить ее подлинные, не искаженные черты. Такое осмысление необходимо для того, чтобы творчески применять ленинские идеи в современных конкретно-исторических условиях.

Пристально вглядываясь в период, связанный с деятельностью В. И. Ленина на посту главы Советского государства, вчитываясь в работы последнего периода жизни Владимира Ильича, советские обществоведы, публицисты, писатели пытаются не только еще глубже постичь диалектику ленинской мысли, но и понять, почему, несмотря на гигантские усилия нескольких поколений советских людей, нам не удалось достаточно полно реализовать ленинские принципы нового общественного строя.

Со всей остротой в дискуссиях обсуждается проблема соотношения теоретической «модели» пути к социализму и реальной практики социалистического строительства. Признание того, что в рамках той формы социализма, которая сложилась в нашей стране, в кратчайшие сроки был решен ряд фундаментальных задач (индустриализация, культурная революция, перестройка межнациональных отношений, создание новых форм управления экономикой и всей общественной жизнью), что подвигом исторических масштабов стали победа над фашизмом и послевоенное возрождение — признание всего этого не ослабляет, вопреки прежней практике советского обществоведения, необходимости активного критического анализа пройденного пути.

Почему? Прежде всего потому что не решена главная экономическая задача социализма — обойти капитализм по уровню производительности труда, по производству продукции на

душу населения. Потому что не удалось создать общество, которое по всем без исключения аспектам было бы вдохновляющим примером для антикапиталистических сил, которое бы соответствовало изначальным марксистско-ленинским представлениям о социализме.

И причины здесь коренятся не только в том, что наша страна первой вступила на путь социалистического строительства и шла по нему в исключительно сложных условиях, когда на марше нужно было осмысливать и решать проблемы нового общества.

Дело заключается еще и в том, что к объективным трудностям социалистического строительства добавились обстоятельства субъективного свойства — социально-политический феномен, который принято называть культом личности, а также административно-командные методы руководства экономикой и обществом. Серьезные трудности породили бюрократизм и догматизм, волюнтаристские и субъективистские ошибки конца 50 — начала 60-х годов, которые осложнили выход социализма на новые рубежи, стали мешать тем процессам обновления, начало которым положил XX съезд КПСС. Наконец, в 70-е — начале 80-х годов при всех положительных сдвигах доминирующими оказались безынициативность и тормозящие факторы, которые в конечном счете привели к застою. Советские обществоведы, в том числе историки, самым серьезным образом сейчас анализируют все названные явления и то, что от них осталось и дошло до нашего времени.

Участники дискуссий решительно выступают против упрощенного толкования ленинских положений о социализме, против выхолащивания их теоретической глубины и значимости, легковесных представлений о социализме и коммунизме, против схоластики и надуманных пророчеств, оторванных от жизни и ее реальных процессов. Преодолевается и навязывавшееся ранее представление о нарастающем единообразии по мере продвижения к коммунизму, об исчезновении, отмирании многообразия (утверждалось, в частности, что в экономике возможна одна государственная собственность, одна схема управления ею, в социальной сфере происходит стирание всех различий, в политической сфере сохраняется неизменность структур и т. д.).

Сегодня общественность волнуют проблемы, связанные с политикой военного коммунизма и новой экономической политикой. При их обсуждении высказывается немало разнообразных, в том числе спорных, суждений. Дальнейшая активная научная проработка этих проблем позволит добиться правильного их понимания и освещения.

Самое пристальное внимание исследователей привлекают вопросы идейно-теоретической борьбы в 20-е годы, ибо это была борьба по важнейшим, краеугольным проблемам созидания нового общества. Именно тогда вырабатывались концепции индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, высказывались различные точки зрения на эти и другие проблемы. Изучение партийных дискуссий 20-х годов, возможно, позволит выявить альтернативы реализовавшемуся пути развития нашей страны.

Пока же среди обществоведов бытует мнение о том, что после X съезда партии, взявшего курс на осуществление нэпа, руководящее ядро партии во главе со Сталиным отстояло ленинские идеи в борьбе против троцкизма и «новой оппозиции». Именно этот курс был закреплен в решениях XIV и XV партийных съездов. Его активно поддерживали Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский и другие деятели. Они отстаивали вариант соразмерного, пропорционального и потому не слишком форсированного развития народного хозяйства молодого советского государства.

С конца 20-х годов стало ясно, что такой подход все больше расходится с позицией Сталина и поддерживающих его деятелей. По сути, это было расхождение в вопросе о применении принципов нэпа на новом этапе развития советского общества.

Сталин и его сторонники ратовали за стратегию форсированного развития, в соответствии с которой одна из целей — индустриализация — была расценена как приоритетная. Они считали, что без ее достижения страна погибнет. И все было подчинено и даже принесено в жертву этой стратегии.

Сегодня некоторыми учеными высказывается мнение о том, что подобная стратегия была искусственной, а саму идею сверхиндустриализации выдвинул не Сталин, а Троцкий. Сталин же, несмотря на всю свою антитроцкистскую риторику, лишь использовал идеи своего политического соперника. В крайне сложной обстановке, когда одним из решающих факторов выступал фактор времени, восторжествовал сталинский подход. Те же, кто выступал за экономически обоснованные, а не административно-командные методы хозяйствования, за научно обоснованные темпы роста, были объявлены отступниками от ленинских идей.

Со времени выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» и до недавнего времени именно так квалифицировали историки взгляды Н. И. Бухарина и его сторонников. Ныне на смену ярлыкам и обвинениям приходит стремление разобраться в сути позиции и предложений группы Бухарина, понять, был ли

их вариант развития страны лучше. Однозначный ответ пока не найден, хотя в некоторых публикациях обосновывается мысль о том, что высокие показатели развития были заложены и в неосуществленном варианте — менее затратном, менее «жертвенном». Нет еще и окончательного ответа на вопрос о том, можно ли было в тех исторических условиях избрать тот курс, который отстаивал Н. И. Бухарин и другие деятели, причисленные к «правым уклонистам».

Между тем объективный ответ на этот вопрос крайне важен с учетом того, что именно на годы индустриализации и коллективизации приходится наибольшее количество злоупотреблений властью. Историки отмечают, что сначала Сталин после своей поездки в конце 20-х годов в Сибирь распорядился применить в отдельных районах репрессивные меры в ходе хлебозаготовок, а потом такая практика стала повсеместно распространяться. «Чрезвычайные меры» стали универсальным методом решения экономических и других проблем.

Непредубежденно анализируя события конца 20-х годов, многие историки приходят к выводу, что хозяйственные затруднения того периода, в частности спад в закупках хлеба в 1927—1928 годах (его называют «хлебным кризисом»), были использованы Сталиным в своих амбициозных целях, подхлестнули свертывание начатого Октябрьской революцией процесса демократизации.

Учеными-обществоведами, а также публицистами стали активно преодолеваться полуправда и «фигура умолчания» в теме, которую антикоммунизм многие годы считал исключительно выгодной для себя и на которой строились бесчисленные советологические спекуляции. Это тема практического осуществления коллективизации, ее издержек, а среди них — голод начала 30-х годов. И как только советские специалисты — историки, статистики, демографы — обрели реальную возможность ею предметно заняться, стала видна еще больше предубежденность и надуманность многих оценок и выводов в работах тех, кто на Западе считается «знатоком» данной темы. То, что советские историки перестали замалчивать или отрицать сам факт голода в СССР в начале 30-х годов, начали анализировать его причины и последствия — все это способствует выяснению истинного положения вещей, повышает авторитет отечественной исторической науки, противодействует попыткам определенных западных кругов использовать трагические страницы истории, нашей страны как аргумент для нагнетания недоверия, для дискредитации миролюбивых усилий СССР.

Гласность позволила заполнить нашу историю личностями. Теми, кто некогда являлся советскому обществу в ореоле политической и интеллектуальной силы или просто играл видную роль в жизни партии и страны, а потом был как бы вычеркнут из списка существовавших.

Жизненная и политическая карьера этих людей вызывают необычайный, хотя и разный по своей природе, интерес. Совершенно очевидно, что одной из первопричин такого интереса является длительное умалчивание или же полуправда о лицах, которые на том или ином этапе действительно выступали против В. И. Ленина по конкретным вопросам политики партии, но были крупными партийными и государственными деятелями. Вопрос об оценке их деятельности непрост. Но, перестав уходить от него, перестав оперировать в оценках ярлыками из «Краткого курса истории ВКП(б)», советские ученые тем самым отвоевали еще один важный плацдарм в полемике с теми западными историками, которые много и охотно спекулировали на нашем искаженном представлении о значении и взглядах, например, Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Х. Г. Раковского, А. Г. Шляпникова, Н. Н. Крестинского.

Появившиеся в последнее время публикации об этих и других деятелях способствуют восстановлению полной, а не «адаптированной» правды, позволяют убедиться в том, что работавшие рядом с В. И. Лениным и порой расходившиеся с ним во взглядах партийные работники были не «опереточными злодеями», стремившимися любой ценой сорвать строительство социализма, а живыми людьми со своими достоинствами и недостатками, которые искренне болели за судьбу нашего общества.

Вот здесь, пожалуй, уместно сказать кое-что и о необходимой мудрости в подходе к освещению роли и подлинного значения видных деятелей в истории партии. Думается, объективность будет достигнута только тогда, когда исследователи тщательно «просветят» их роль и политические воззрения, не оставив в стороне ни одной детали, ни одного штриха, ни одного факта, подтверждающих их верность марксистско-ленинскому учению или же говорящих об обратном. Выискивание только «негатива» (а именно этим в минувшие десятилетия занимались, как правило, авторы многочисленных монографий об антипартийных группировках и уклонах) или же только «позитива» (этим, похоже, начинают заниматься сегодня некоторые публицисты) не содействует выяснению исторической правды, ведет к заблуждениям.

Активно стали касаться обществоведы и вопросов, связанных с деятельностью однозначно, так сказать, негативных

исторических персонажей, таких, например, как Г. Г. Ягода, Н. И. Ежов, Л. П. Берия. Это также крайне важно в критике воззрений наших идейных противников, как правило, списывавших злодеяния подобных политических авантюристов на социализм, а не на счет отступлений от него.

Если говорить в целом, то очевидно, что дискуссия наших обществоведов относительно правильного понимания советской истории идет как бы в двух плоскостях. С одной стороны, предпринимается попытка найти, выработать концепцию, связывающую воедино основные этапы послеоктябрьской истории партии и страны в свете правдивого видения событий этого периода.

С другой стороны, обществоведы ведут большую критическую работу, пытаясь отслоить во многом упрощенную и теснейшим образом сплетенную с политической конъюнктурой сталинскую схему победы Октябрьской революции и строительства социализма в СССР от исторических реалий, восстановить историческую правду.

Надо ли ворошить прошлое?

Нельзя сказать, что такой критический анализ у всех историков вызывает мажорные чувства. Некоторые из них настаивают на том, что «ответы на главные вопросы истории нашей партии наукой даны. И никому не удастся пошатнуть эту действительность, и переписывать эту историю не надо...» [1].

Предостерегая общественность от того, что в отдельных публикациях «под предлогом перестройки выдвигается в качестве первоочередной задачи пересмотр, переосмысление практически всей истории КПСС и истории советского общества», отдельные историки настивают на том, что «выработанный В. И. Лениным план строительства социализма твердо и уверенно осуществлялся партией и при жизни В. И. Ленина, и на всех последующих этапах нашей истории» [2]. Более того, приверженцы подобных взглядов уверяют, что именно «этот ленинский план социалистического строительства и его осуществление и освещали советские историки в своих книгах, а не сталинскую несуществующую «схему» революции» [3].

---

[1] Сов. культура. 1987. 9 июля.
[2] Там же. 4 мая.
[3] Московские новости. 1987. № 19.

Весьма характерна реакция людей на подобного рода утверждения. Вот, например, мнение читателя газеты «Советская культура»: «История — это объективная реальность. Она состоялась, и с этим уже ничего не поделаешь. Пересматривать надо лишь собственный субъективный подход к этой самой истории, подход упрощенный, мешающий построить достаточно репрезентативную модель событий прошлого. И перестройка здесь возможна лишь на основе широкого взгляда, без предвзятостей и сиюминутных конъюнктурных соображений, через выход на качественно новый уровень мышления» [1].

Точно подмечено: речь идет не об очередном конъюнктурном переписывании истории общества, государства, партии, экономического развития, а о необходимости видеть, осмысливать, анализировать пройденное во всей его полноте и диалектической противоречивости.

В дискуссиях обществоведов сегодня все точнее выявляются и те недостатки, которые ранее мешали объективному осмыслению прошлого. Это и односторонность в трактовке многих явлений, событий, в оценке тех или иных деятелей, распространение «фигуры умолчания» на целые периоды, события, отдельные личности. Это и упрощение, «выпрямление» прошлого во имя конъюнктурных политических конструкций. А ведь В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость исследовать историю объективно, не ухудшать и не улучшать ее. «В действительности,— отмечает академик М. П. Ким,— мы, отступая в освещении истории от ленинской установки, селективно подходили к событиям, к фактам. То есть были факты, которые надо изучать, надо освещать, надо воспевать, а факты, которые не отражали триумфального шествия, успеха, предавались забвению, их обходили» [2]. Как раз на этом и спекулировали те советологи, которые призывали своих коллег не доверять советским публикациям, выдавая нарушение важнейших принципов марксизма-ленинизма за сами принципы.

Объективной оценке нашей истории во многом препятствовали также ограничения в использовании архивных и других материалов, а также низкий уровень информированности советских ученых. «По объему, формам и способам получения научной информации,— констатирует академик С. Л. Тихвинский,— наши ученые отстают не только от научных работников многих капиталистических и социалистических стран, но и некоторых развивающихся государств» [3].

---

[1] Сов. культура. 1987. 28 мая.
[2] Коммунист. 1987. № 12. С. 68.
[3] Вопр. истории КПСС. 1987. № 6. С. 6.

Как видим, перечень даже некоторых проблем не дает оснований для самодовольства и самоуспокоения, к которому, хотят они того или нет, зовут те, кто уверяет, что ничего из нашей истории не надо пересматривать.

Опасности подлинные и мнимые

Особой остротой в сегодняшних дискуссиях вокруг уроков истории отличается вопрос о роли Сталина в истории партии и страны, о его политическом и моральном облике. Широкий интерес к данному вопросу, его различным аспектам пока, в основном, удовлетворяют писатели и публицисты, что приводит порой к преобладанию достаточно однобоких суждений о сложных и неоднозначных явлениях. Как подчеркнуто в редакционной статье газеты «Правда» от 5 апреля 1988 года, возвращаться снова и снова к вопросу о личности Сталина приходится еще и потому, что вокруг этой оценки идет спекуляция на самом дорогом, что есть у человека, на смысле прожитой жизни. Вопрос зачастую ставится так: дескать, если Сталин виновен не просто в ошибках, а в преступлениях, то, признавая это, не отрицаем ли мы наших прошлых достижений, труда, героизма, энтузиазма, самоотверженности миллионов честных людей, построивших социализм и защитивших его от посягательств врагов? «Не уничтожайте,— призывает, например, кандидат исторических наук П. Петров,— вместе со Сталиным все то, что было сделано народом. Не надо позорить, оскорблять народ, нацию» [1].

В основе подобного рода рассуждений лежит подмена понятий. Осуждая культ личности и его негативные последствия, партия тем самым осуждает не труд и усилия тех, кто двинул нашу страну на высоты социального прогресса, а те деформационные, противоречащие марксистско-ленинскому пониманию социализма явления, которые стали наблюдаться в политической, социально-экономической и духовной сферах нашего общества с конца 20-х годов.

Ставя вопрос о культе личности Сталина, партия тем самым указывает на необходимость более полного и точного уяснения причин того, почему в нашем государстве менее чем через два десятилетия после глубочайшего социального переворота в стране создалась атмосфера нетерпимости, подозрительности, подготовившая условия для злоупотреблений властью и массовых репрессий.

[1] Московские новости. 1988. № 14.

В ряде партийных документов четко и ясно сказано, что вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Сегодня достоверно известно, что Сталин не просто знал об актах беззакония, а организовывал их, дирижировал ими.

Непредубежденный и честный анализ вопроса о культе личности позволяет сделать более аргументированной критику утверждений антикоммунистов о том, будто культ личности вытекал из ленинизма, был неизбежным, что, дескать, не было бы Сталина, возникла бы другая фигура, но методы руководства, командный стиль, произвол остались бы. Однако трезвый взгляд на историю подтверждает, что культ не был неизбежным. Он чужд природе социализма и стал возможен лишь из-за отступлений от его основополагающих принципов.

Анализ развернувшейся полемики, изучение многих архивных документов дают основание для вывода о том, что проблема культа личности до конца еще не решена. Хотя принципиальная оценка культа дана партией на XX съезде, в постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года, докладе М. С. Горбачева на торжествах в честь 70-летия Великого Октября, других партийных документах, тем не менее проблема эта в некоторых своих аспектах нуждается в прояснении и изучении.

Прежде всего необходима серьезная проработка вопроса о причинах культа личности. Утверждая, что культ не вытекал из природы социализма и даже противоречил ей, все же следует признать, что он формировался в конкретных социально-экономических и идейно-политических условиях, а значит, и имел свои истоки. Неправильное истолкование данного вопроса действительно таит в себе определенную опасность. Ведь встречаются еще мнения о том, будто «антисталинщина», иначе говоря, критика культа личности равнозначна антисоветизму и антикоммунизму.

Для изжития подобных наивно невежественных представлений принципиальное значение имеет то, что КПСС не ставит знак равенства между Сталиным и всей партией, миллионами простых людей, приверженность которых марксистско-ленинским идеям не была поколеблена даже в самые тяжелые, самые трагические периоды нашей истории. Несмотря на культ личности и вопреки ему могучая инициатива народных масс, рожденная нашим строем, творила свое великое историческое дело, преодолевая неимоверные трудности и препятствия. Не автоматически, не самотеком пришли связанные с

этой инициативой и самоотверженностью победы: они достигались благодаря организаторской деятельности партии, ее местных организаций, миллионов честных партийцев, многие из которых сами стали жертвами культа личности.

В этой связи заслуживают внимания слова ветерана войны и труда В. Борисова: «К сожалению, и сегодня есть люди, которые хотят, чтобы целые главы нашей истории были «засвечены» и смазаны в сознании людей... Ошибка этих людей в том, что они до сих пор приравнивают Сталина к Родине и социализму... Я тоже очевидец тех лет. И не один я, многие ветераны скажут — нет никакой необходимости связывать имя Сталина с победной поступью социализма. Социализм творил народ, вся страна. А все, что было связано с культом, вело к подрыву веры в справедливость народной власти, чинопочитанию, лишало людей инициативы. И нужно набраться мужества и сказать себе: не надо связывать свой жизненный путь с этим именем!» [1]. Но ведь многие как раз искренне и усматривают такую связь своей судьбы с именем Сталина. Некоторые же, нужно прямо сказать, такую связь создают искусственно и на этом спекулируют. Вдумаемся, например, в такие слова Н. Андреевой из ее статьи «Не могу поступаться принципами»: «В формулу «культа личности» насильственно втискиваются индустриализация, коллективизация, культурная революция, которые вывели нашу страну в разряд великих мировых держав. Все это ставится под сомнение...

Поддерживаю партийный призыв отстоять честь и достоинство первопроходцев социализма. Думаю, что именно с этих партийно-классовых позиций мы и должны оценивать историческую роль всех руководителей партии и страны, в том числе и Сталина».

Н. Андреева, по сути, ломится в открытую дверь, ибо никто не призывает игнорировать или обесценить значимость того пути, который прошла наша страна, ее экономика, шагнувшая в исторически короткие сроки от сохи, от слаборазвитой промышленности до освоения атома, до высот космической науки и техники. Никто не призывает сходить с партийно-классовых позиций, оценивая любого из руководителей партии и страны, в том числе Сталина. Не зря ведь в докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» отмечено, что мы должны видеть его неоспоримый вклад в борьбу за социализм, защиту его завоеваний.

Никто не посягает на честь и достоинство первопроходцев. Наоборот, ориентируя на правильное понимание проблемы

[1] Сов. культура. 1987. 22 сент.

глубинных источников нашего развития, партия указывает, что написать объективную историю партии и советского общества невозможно, не написав историю жизни и борьбы народа. Это основной вопрос марксистско-ленинской методологии исторических исследований. Только следуя ей, можно показать, как жили, как трудились, во что верили миллионы людей, как соединялись победы и неудачи, открытия и ошибки, светлое и трагическое, революционный энтузиазм масс и нарушения социалистической законности, преступления. Это и есть партийно-классовый взгляд на историю как на результат деятельности народных масс. Это и есть диалектическое понимание истории во всей ее сложности и противоречивости, без гипертрофии отдельных сторон.

Еще раз о культе личности

Обосновывая несостоятельность положения, будто под культ личности насильственно подгоняются, да еще и ставятся под сомнения все достижения Советской власти, для начала важно выяснить предмет разговора.

Что такое культ личности? Как указывается в справочной литературе, первоначально под этим понималось обожествление представителей духовной и светской власти, наделение их сверхчеловеческими достоинствами и силой, освящение власти императоров, царей, королей, представителей духовенства. В современных проявлениях — это навязывание народу преклонения перед носителями власти как непогрешимыми, приписывание им способности творить историю по своему усмотрению и произволу.

Рабочему и коммунистическому движению культ личности чужд, поскольку он приводит к насаждению антидемократических методов в строительстве социализма, преувеличению роли насилия, к искусственному раздуванию роли руководителей, принижению роли принципов социализма.

Следовательно, подвергая критике культ личности Сталина, партия осуждает не принципы социализма, а отступления от них, попытки приписать или связать с одной личностью все успехи и победы, одержанные партией и народом на пути социалистического строительства и защиты его завоеваний.

Теперь коснемся другой стороны данной проблемы, на которую то и дело указывают участники сегодняшних дискуссий. Речь идет об авторитете руководителей партии и страны.

Известно, что К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин никогда

не отрицали необходимости укрепления авторитета лидеров рабочего движения. «Ни один класс в истории,— отмечал В. И. Ленин,— не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им» [1].

Вместе с тем известно, что решительно и бескомпромиссно основоположники марксизма-ленинизма выступали против всего, что, говоря словами К. Маркса, «содействует суеверному преклонению перед авторитетами...» [2]. Они в корне пресекали малейшие попытки их личного возвеличивания, были нетерпимы к лести и угодничеству, вели борьбу против любого их проявления.

Нужно заметить, в своих трудах и публичных выступлениях Сталин также решительно высказывался против преувеличения роли личности вообще и своей в частности. Так, в беседе с немецким писателем Э. Людвигом в 1931 году он говорил: «Вы только что спрашивали меня, решает ли у нас все один человек. Никогда, ни при каких условиях наши рабочие не потерпели бы теперь власти одного лица. Самые крупные авторитеты сходят у нас на нет, превращаются в ничто, как только им перестают доверять рабочие массы, как только они теряют контакт с рабочими массами» [3]. Однако история показала всю пустоту и фальшь этих слов. В 30-е — начале 50-х годов в стране и в партии создалась обстановка, когда суждения одного человека («отца народов») приобрели силу истины в последней инстанции. Будучи трезвым и искушенным политиком, Сталин это прекрасно осознавал и этим пользовался, все больше и больше отступая от ленинских норм внутрипартийной демократии, принципов партийного руководства.

Не мог не видеть Сталин и того, как многие его подчиненные делают себе карьеру на, говоря словами К. Маркса, «суеверном преклонении» перед ним. Тем не менее он не только не пресекал нараставшее восхваление собственной персоны, а фактически поощрял фальсификацию значимости его личного вклада в дело создания большевистской партии, подготовки Великого Октября, строительства социализма. «Историкам,— отмечал еще в 1939 году в книге «К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина» М. И. Калинин,— будет нелегко составлять биографию товарища Сталина, несмотря на ее простоту, а вернее, вследствие ее простоты» [4].

---

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* // Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 241.

[3] *Сталин И. В.* // Соч. Т. 13. С. 105.

[4] *Калинин М. И.* К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина. М., 1939. С. 7.

Тем не менее такая биография была составлена и внедрена в общественное сознание. Речь идет не только о появившейся в послевоенное время и отредактированной самим Сталиным его краткой биографии. Имеются в виду также прославлявшие деятельность Сталина публикации К. Е. Ворошилова, А. Я. Вышинского, А. А. Жданова, Л. М. Кагановича, М. И. Калинина, А. И. Микояна, В. М. Молотова, Е. М. Ярославского и других. Они содержали преувеличенно хвалебные, комплиментарные, противоречащие исторической правде оценки роли Сталина и тиражировались в периодике, в обществоведческой и другой научной литературе. Зато в подобных изданиях, естественно, нельзя найти даже упоминания о том, например, что по меньшей мере трижды — по аграрному вопросу на IV съезде РСДРП (1906 г.), по вопросу об отношении к буржуазному Временному правительству в первые дни после Февральской революции (1917 г.), по вопросу о национально-государственном устройстве страны (1922 г.) — Сталин расходился в своих суждениях с В. И. Лениным, не говоря уже о других, более серьезных по своим последствиям, отступлениях от марксизма-ленинизма.

Таким образом, у общественности настойчиво формировали представление о том, будто Сталин — равновеликая классикам научного коммунизма фигура. Вот что говорилось, например, в одном издании ЦК ВКП(б) к 70-летию со дня рождения Сталина: «В истории человечества XIX и XX веков высятся четыре величественные фигуры гениальных мыслителей и величайших революционеров — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, освещая своим учением путь борьбы миллионных масс трудящихся всего мира против капитализма, за победу социализма... Сталинский гений, сталинская мудрость, сталинская воля вошли в историю человечества, как могучая, чудодейственная сила, мобилизующая массы, преобразующая мир» [1].

Объективность требует отметить, что не только ближайшее окружение Сталина сыграло отрицательную роль в формировании социально-политической и психологической атмосферы в период культа личности. Вынужденно или нет, но таким восхвалением Сталина занимались и те, кто были в прошлом его политическими противниками.

Возьмем, к примеру, Л. Б. Каменева. На XIV съезде ВКП(б) в 1925 году он пытался (правда, безуспешно) убедить делегатов в опасности сосредоточения власти в руках

[1] Великий вождь и учитель Коммунистической партии и советского народа. К семидесятилетию со дня рождения И. В. Сталина. М., 1949. С. 3.

Сталина. «Мы,— говорил он,— против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя»... Именно потому, что я неоднократно говорил это тов. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполить роль объединителя большевистского штаба» [1].

Спустя девять лет мнение Каменева полярно меняется. В выступлении на XVII съезде в 1934 году он выделил в истории Советского государства две эпохи — эпоху Ленина (1917—1925 гг.) и эпоху Сталина (после 1925 г.). Здесь же Каменев провозглашает: «Да здравствует наш, наш вождь и командир товарищ Сталин!» [2].

Н. И. Бухарин на XVII съезде призывал сплотиться вокруг ЦК и вокруг «товарища Сталина как персонального воплощения ума и воли партии, ее руководителя, ее теоретического и практического вождя» [3].

История, однако, показала, что ни фимиам Сталину, ни покаяние в грехах подлинных и мнимых не спасли тех, кто относил себя к представителям старой ленинской гвардии.

Сегодня историки и другие обществоведы до конца еще не готовы ответить на вопрос, в чем причина безудержного восхваления Сталина сверху. Это можно прояснить только тогда, когда будут написаны объективные, основанные на тщательном изучении документальных источников, политические биографии и самого Сталина, и тех, кто входил в его окружение.

Вместе с тем история свидетельствует, что восхваление Сталина шло не только сверху вниз. Оно имело достаточно прочные корни и в умонастроениях многих рядовых граждан нашей страны. Прежде всего потому, что культ личности отражал собой феномен определенного уровня политической культуры масс. Уровень этот был довольно низким и усугублялся отсутствием прочных демократических традиций, опыта парламентаризма в истории страны, несовершенством механизма внутрипартийной и государственной демократии.

Теоретическое осмысление происходивших в обществе процессов тормозилось дефицитом подготовленных кадров, естественным недоверием пришедших к власти «низов» к сформировавшейся еще в рамках капиталистического строя госу-

---

[1] XIV съезд ВКП(б). 18—31 дек. 1925 г.: Стеногр. отчет. М.; Л., 1926. С. 274—275.

[2] XVII съезд ВКП(б). 26 янв.— 10 февр. 1934 г.: Стеногр. отчет. М., 1934. С. 521—522.

[3] Там же. С. 125.

дарственно-правовой науке, недооценкой потенциала интеллигенции.

Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что стабилизация положения в стране после стольких лет разрухи, лишений, кровавых столкновений уже сама по себе «работала» на Сталина, который, умело используя партийный аппарат, создавал себе образ сильного и одновременно мудрого вождя. На такой образ «работала» и низкая политическая информированность населения, да и попросту недостаточная его грамотность.

Факт. Во второй половине 20-х годов около половины населения старше 9 лет было неграмотно. Даже в партии в это время неграмотные составляли 3 процента. К началу 40-х годов около 20 процентов населения все еще оставалось неграмотным. Среди секретарей райкомов и горкомов партии в это время 70 процентов имели лишь начальное образование, среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик этот показатель составлял более 40 процентов.

Естественно, что многие люди испытывали зачастую непреодолимые трудности в попытках самостоятельного осмысления сложных коллизий политического развития в 20—30-е годы. В таких условиях появилась возможность внедрять просталинские стереотипы, позволявшие на одном полюсе видеть «любимого вождя народов» и «великого кормчего» (определения из политического лексикона конца 30-х годов), а на другом — врагов «вождя», которые автоматически становились «врагами народа».

Немаловажное значение имело то, что такой подход поддерживался коллективными усилиями ряда лиц из руководства партии, пользовавшихся неформальным авторитетом (например, С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе) и считавших, видимо, что персонификация достижений сделает их более наглядными и убедительными, пойдет на пользу упрочению единства партии и народа. Немаловажно и то, что стереотип Сталина на начальном этапе формировался как противовес «диктаторским» притязаниям Троцкого. Потому всякая попытка «одернуть» Сталина могла восприниматься как подрыв ленинских устоев, защищая которые в борьбе с троцкистами, он приобрел авторитет. В конечном счете это стимулировало в поведении Сталина авторитарность, непререкаемость суждений, уверенность в неопровержимой правоте своих действий. Формированию этих качеств, разумеется, содействовали и особенности его характера — грубость, нетерпимость, болезненная маниакальная подозрительность.

Следует учитывать и тот факт, что борьба с троцкизмом как реальной угрозой социалистическим завоеваниям требовала от партии такой концентрации усилий и слаженности в действиях, которые в течение нескольких лет заставляли комбинировать демократические методы борьбы с оппозицией с репрессивными. Нельзя, по-видимому, забывать и о том, что после идейного разгрома троцкизма Л. Д. Троцкий за рубежом упорно и целенаправленно предпринимал антисоветские действия и что противодействие им зачастую не могло оставаться лишь в рамках идейной борьбы.

Таким образом, истоки культа личности неверно было бы сводить только к «феномену Сталина», некоему гипнотическому влиянию вождя на свое окружение и на массы. Проблема гораздо шире и сложнее. И она еще ждет своих исследователей.

О проявлении культа личности на Украине

Некоторые страницы истории нашей республики подтверждают: о культе личности Сталина нельзя говорить без анализа тех деформаций социализма, вследствие которых стали возможными авторитаризм, произвол и беззаконие.

После образования СССР объективная противоречивость в развитии интернациональных и национальных процессов, недостаточно точная правовая фиксация прав республик, не всегда четкое разграничение компетенции союзных и республиканских органов создавали определенные сложности в функционировании нового союзного государственного механизма. Об этом шла речь на XII съезде РКП(б), сделавшем акцент на борьбе с великорусским шовинизмом. Противоречиво развивалась объективно необходимая — в интересах приближения партии к массам — политика «коренизации», имевшая и своих приверженцев, и своих оппонентов. Необходимость борьбы на два фронта — как с проявлениями великорусского шовинизма, так и с пережитками местного национализма — требовала, говоря ленинскими словами, «архитакта национального». Однако четкий учет национальной ситуации на местах зачастую подменялся огульными обвинениями в сепаратизме.

Сказанное отнюдь не означает, что реальной опасности националистических шатаний или даже сепаратистских устремлений на местах не было. Попытки консолидации националистически настроенных антисоветских сил, активно поддерживаемых из-за рубежа, в ряде республик, в том числе и

на Украине, проявились достаточно отчетливо. Однако нельзя закрывать глаза и на то, что по мере складывания административно-командной системы акцент все больше переносился не на пресечение инспирируемых из-за рубежа националистических диверсий, а на борьбу с неизбежными последствиями политики «коренизации», которые выражались прежде всего в бурном росте национального самосознания народов. Частью партийных кадров этот рост учитывался не в полной мере, иногда он воспринимался с априорной подозрительностью. Место продуманного анализа национальных процессов постепенно начали занимать кампании «борьбы с буржуазным национализмом», под которые легко было подвести любую попытку поиска более приемлемых форм взаимоотношений между «центром» и «местами», а то и естественную приверженность национальным традициям. Попытки бороться против местного национализма путем частых кадровых перемещений создавали в республиках обстановку нервозности, нестабильности, что уже само по себе удобряло почву для злоупотреблений властью.

В обстановке размытости критериев оценки национального и националистического склонность объявлять национализмом любое выражение национальных чувств стала широко распространенным приемом «искоренения» инакомыслия. Огромный вред подобных извращений состоял в культивировании атмосферы страха и всеобщей подозрительности, в замене подлинных нравственных критериев их суррогатами. Борьба с буржуазным национализмом зачастую выступала как средство сведения личных счетов, продвижения по служебной лестнице и т. п. Обернувшись ощутимым понижением уровня нравственности, это явление, в свою очередь, усугубило атмосферу наушничества, клеветнических доносов — всего того, что сделало культ личности подлинной трагедией для всех народов нашей страны.

Специфическую окраску событиям на Украине в конце 20 — начале 30-х годов придавали трудности форсированного проведения коллективизации, продовольственный кризис, переросший в голод в ряде районов. Обстановка культа личности в республике оказалась чреватой серьезными перекосами в осуществлении экономической, социальной, культурной политики. Ограничения демократии постепенно из временных превращались в постоянные. Централистские тенденции, сужение компетенций и прав органов союзных республик далеко не всегда были исторически оправданными.

В такой обстановке руководству КП(б)У не всегда удавалось проводить четкую грань между теми, кто искренне болел

за состояние дел и поэтому подвергал критике отдельные стороны деятельности партийной организации республики, и теми, кто наживал на этой критике «политический капитал», а то и действовал по прямой указке зарубежных националистических центров. Под общую формулу «национал-уклонизма» подводились совершенно разные политические и идеологические явления, при этом эмоции зачастую заменяли анализ тех или иных положений.

С начала 30-х годов политическую жизнь УССР все больше начинает определять тезис Сталина о неизбежном обострении классовой борьбы и наличии в советских республиках «ползучих» националистических уклонов. В связи с этим классовая бдительность постепенно начала превращаться во всеобщую подозрительность, нагнетание напряженности, постоянные поиски «врагов народа». Созданию такой обстановки в немалой степени содействовал еще в конце 20-х годов Л. М. Каганович, возглавлявший тогда ЦК КП(б)У и развернувший после письма Сталина членам Политбюро ЦК КП(б)У (апрель 1926 г.) борьбу против «шумскизма».

В 1930 году состоялся процесс по делу «Спілки визволення України» (СВУ), которое первый секретарь ЦК КП(б)У С. В. Косиор связал с «шумскизмом». Выступая в июне 1930 года на XI съезде КП(б)У, он утверждал, что «дело СВУ является жестоким приговором шумскизму. Оно показало, что шумскизм был не чем иным, как подголоском, агентурой украинского буржуазного национализма» [1].

В своей речи на XVI съезде ВКП(б) летом 1930 года С. В. Косиор упомянул о еще одной разоблаченной на Украине организации — «Народно-революционной социалистической партии» (НРСП). По его словам, обе контрреволюционные организации — и СВУ, и НРСП — «по своей идеологии, по лозунгам и по программе, которую они выставили, целиком повторяли платформу правых уклонистов. Они заявляли прямо, что ничего больше не хотят, кроме как осуществления платформы правых» [2].

Такого рода оценки вписывались в сталинскую схему роли «правых уклонистов» как деятелей, пытавшихся якобы реставрировать капитализм в СССР. С позиций сегодняшнего дня такая трактовка, как нам представляется, требует более внимательного рассмотрения всего, что связано с политической и идеологической платформой СВУ и НРСП.

---

[1] XI з'їзд КП(б)У. 5—15 черв. 1930 р.: Стеногр. звіт. Харків, 1930. С. 285.

[2] XVI съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1931. С. 179.

Новый толчок к активизации борьбы с национализмом был дан с приездом на Украину П. П. Постышева, избранного секретарем ЦК КП(б)У. Он в докладе на XII съезде КП(б)У и в выступлении на XVII съезде ВКП(б) упрекал коммунистов Украины в том, что они не сделали должных выводов из сталинских указаний. Упрекал Постышев республиканскую партийную организацию и в том, что она, разоблачив в 1926—1927 годах «шумскизм», «националистический уклон Скрыпника... проглядела, и притом в момент острой классовой борьбы»[1]. И после самоубийства Н. А. Скрыпника в июле 1933 года критика его взглядов и деятельности продолжалась.

В 30-е годы на Украине были широко развернуты поиски скрытых троцкистов, диверсантов и других «врагов народа». Они нанесли серьезный урон кадровому корпусу Компартии Украины, немало честных коммунистов пали жертвами беззаконий.

Факт. За период между XII и XIII съездами КП(б)У (с января 1934 г. по май 1937 г.) общее количество членов и кандидатов в члены партии уменьшилось в республике на 92 482 человека, или на 23 процента. С 1 января 1934 года по 1 апреля 1937 года было исключено из партии 92 366 человек, в том числе были обвинены как троцкисты и националисты — 7515 человек, шпионы и диверсанты — 883 человека, правые — 115 человек. Только в партийном аппарате были разоблачены как «враги народа» 323 человека. В аппарате ЦК КП(б)У в это время подверглись репрессиям заведующие отделами науки, пропаганды и агитации, культурно-пропагандистской работы, сектором национальных меньшинств, заместители заведующих отделами руководящих партийных органов и культпропотдела, два помощника секретаря ЦК, два ответственных инструктора ЦК. Если взять, к примеру, отделы пропаганды и агитации в обкомах партии, то в числе «врагов народа» оказались их заведующие в Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской и Винницкой областях.

13 января 1937 года было принято решение ЦК ВКП(б) о неудовлетворительном руководстве Киевского обкома и недостатках в работе ЦК КП(б)У. На состоявшемся уже после принятия этого решения XIII съезде КП(б)У первый

---

[1] XVII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет, С. 70.

секретарь ЦК КП(б)У С. В. Косиор обвинил П. П. Постышева в утрате «элементарной большевистской бдительности», а также в том, что он позволил окружить себя «враждебными троцкистскими элементами».

Вскоре, однако, репрессии коснулись и тех, кто был избран в руководящие органы КП(б)У на ее XIII съезде.

Факт. Из 11 членов Политбюро ЦК КП(б)У были репрессированы 10 человек, из 5 кандидатов в члены Политбюро — четыре. В числе пострадавших были такие видные деятели, как А. П. Любченко, Н. Н. Попов, В. П. Затонский, К. В. Сухомлин, М. М. Хатаевич, С. В. Косиор (он был смещен с должности первого секретаря ЦК КП(б)У в январе 1938 года и впоследствии репрессирован). Из 62 членов ЦК КП(б)У, избранных на XIII съезде, были репрессированы или необоснованно обвинены во враждебной деятельности 55 человек. Из деятелей, бывших членами этого ЦК, в новый состав Центрального Комитета, избранного XIV съездом КП(б)У в июне 1938 года, попал лишь один человек — С. К. Тимошенко.

Огромным был нравственный ущерб, нанесенный общественному сознанию репрессиями против известных и уважаемых в республике деятелей и их последующим многолетним шельмованием.

Имена этих деятелей, как правило, связывались с раскрытием той или иной контрреволюционной организации. Так, С. В. Косиор и его брат Казимир были обвинены в том, что они «получили задание Пилсудского внедриться в Коммунистическую партию Украины и пробраться на руководящие посты». Более того, С. В. Косиор был объявлен главой «польской организации войсковой» (ПОВ).

Н. Н. Попов, Е. И. Вегер, С. А. Саркисов, М. М. Хатаевич, И. Э. Якир и другие были объявлены участниками «правотроцкистского центра» на Украине, якобы действовавшего под руководством ПОВ. Были «раскрыты» и «областные правотроцкистские центры». В Киеве лидерство в таком центре было приписано П. П. Постышеву и С. А. Кудрявцеву.

А. П. Любченко, В. П. Затонский, А. А. Хвыля, В. И. Порайко и другие обвинялись в участии в «антисоветском националистическом центре», под руководством которого якобы действовала в армии «военно-националистическая организация». По делу этой организации был репрессирован командующий Харьковским военным округом И. Н. Дубовой.

Кроме названных организаций, были «разоблачены» также: «подпольный центр русских эсеров на Украине», антисоветский подпольный «священный союз партизан», «блок украинских демократических партий», «организация молодой генерации украинских националистов». Кстати, участникам последней вменялась в вину подготовка убийства Н. С. Хрущева, который с января по июнь 1938 года исполнял обязанности, а в июне 1938 года был избран первым секретарем ЦК КП(б)У.

Необоснованные репрессии коснулись и украинских чекистов, чему в немалой степени способствовали установки Н. И. Ежова, данные им во время приезда на Украину в феврале 1938 года. Именно в этом году в республике резко изменилась карательная практика, почти все арестованные осуждаются к высшей мере наказания. В этот период были расстреляны чекисты-дзержинцы М. И. Лацис, В. Н. Манцев, С. Ф. Реденс и другие.

Факт. Всего в республике жертвами беззаконий стали 1199 только руководящих работников НКВД.

Многие деятели науки и культуры, особенно причастные в свое время к деятельности мелкобуржуазных украинских партий, были репрессированы в связи с раскрытием дел «Украинского национального центра» (1931 г.), «Украинской военной организации» (1933 г.), «антисоветской организации бывших боротьбистов» (1937 г.) и ряда других.

В принадлежности к агентуре «Украинской военной организации» в 1932—1933 годах была обвинена и незаконно репрессирована большая группа находившихся в тот период в СССР или прибывших в страну по линии Коминтерна руководящих деятелей Коммунистической партии Западной Украины. Среди них члены политбюро и секретари ЦК партии О. В. Крилык-Василькив, М. Т. Косар-Заячкивский, К. А. Максимович, Г. В. Бараба-Иваненко, Р. В. Турянский, Ю. В. Сохацкий-Братковский; члены ЦК КПЗУ и секретари ЦК комсомола Западной Украины И. Д. Вантух и А. В. Шах, член ЦК партии и представитель КПЗУ при исполкоме Коминтерна П. С. Ладан и другие.

К уголовной ответственности по этому делу был также привлечен ряд советских, хозяйственных, научных работников из числа бывших членов КПЗУ, эмигрировавших на Украину в 20-е — начале 30-х годов. Тяжчайшие преступления против Коммунистической партии и советского народа, против марксистско-ленинской идеологии инкриминировались и отстраненным от партийной работы многим руководителям

КПЗУ. Они, как отмечалось на XII съезде Компартии Украины, обвинялись в принадлежности к «агентуре фашизма», в «саботаже» борьбы партии против контрреволюционного украинского национализма, в использовании «национального уклона Скрыпника для разложения партийных рядов», их разоружения перед наступлением классового врага [1].

Своеобразным «украинским резонансом» на убийство С. М. Кирова явился состоявшийся 13—15 декабря 1934 года суд над «террористами-белогвардейцами», которые были объявлены «организаторами подготовки террористических актов» против работников Советской власти на Украине. По этому делу были осуждены 37 человек, среди них украинские писатели Г. Косынка, Д. Фальковский, К. Буревий, А. Влизько, А. Крушельницкий и его сыновья — Иван и Тарас, В. Мысык и другие.

Историки не имеют еще в своем распоряжении достаточного количества документов ни для выяснения политико-правовой подоплеки каждого из названных и других «процессов» и «дел», ни тем более для установления степени вины каждого из подсудимых или репрессированных. Вот почему прояснение вопроса о репрессиях немыслимо без прямого содействия правоохранительных и иных компетентных органов, которые вправе подтвердить или отрицать наличие состава преступления в действиях не только отдельных лиц, но и целых организаций на Украине в 30-е годы. Очень важно, особенно в свете последних документов по процессу так называемого «правотроцкистского блока» и дела «Трудовой крестьянской партии», отделить правду от клеветы, реальные преступления от сфабрикованных дел.

При характеристике обстановки в республике, сложившейся в конце 30-х годов, следует учитывать и тот факт, что в соответствии с решениями февральско-мартовского (1937 г.) и январского (1938 г.) Пленумов ЦК ВКП(б) партией были осуждены грубые ошибки, допущенные парторганизациями Украины при исключении коммунистов из партии. Многие честные работники были восстановлены в партии. Однако воздействие этого акта фактически сводилось на нет тем, что ответственность за перегибы в борьбе с «врагами народа» возлагалась на вновь разоблачаемых «врагов народа».

Общественно-политическая жизнь республики в 40—50-е годы также несет на себе печать культа личности. В первую

---

[1] XII з'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України: Стеногр. звіт. К., 1934. С. 204—205, 533—534.

очередь речь идет о кампаниях, связанных с принятием постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», борьбой с «космополитами», с так называемым «делом врачей». Хотя последствия этих событий по размаху были не столь трагическими, как «дела» и «процессы» 30-х годов, проблему нанесенного ими идейно-политического и нравственного ущерба также нельзя оставлять без внимания.

Была ли альтернатива культу личности?

Выявление причин, обусловивших приход к власти Сталина и формирование режима его личной диктатуры, предполагает, на наш взгляд, серьезное исследование пока еще во многом нераскрытых теоретических положений В. И. Ленина о политической реформе и предпринимавшихся практических шагов по их осуществлению. «Возможно,— отмечает, например, профессор С. Дзарасов,— что если бы Ленин не был в тяжелом физическом состоянии, он бы разработал более развернутую программу политической реформы. Тем не менее и предложенные меры имели кардинальное значение. В случае их осуществления они исключали возможность раскола партии и связанных с ним тяжелых последствий» [1].

Известно, что в порядке подготовки к XII партийному съезду В. И. Ленин предложил реформу деятельности Центральной Контрольной Комиссии. «Наш ЦК,— отмечал В. И. Ленин,— сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету. Этому помочь должна предлагаемая мною реформа, и члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел» [2].

Предлагавшаяся В. И. Лениным реформа, с его точки зрения, значительно бы упрочила партию. Увы, такая реформа, причем, как свидетельствуют факты, не без противодействия Сталина, не была осуществлена, и две главных, отмечен-

[1] Соц. индустрия. 1987. 8 дек.
[2] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.

ных Лениным опасности — бюрократизм и раскол партии — стали реальностью.

Как повели себя в этих условиях деятели, стоявшие у руля партии и считавшие себя преемниками Ленина?

«Ленина нет, но есть ленинизм. Бессмертное в Ленине — его учение, его работа, его метод, его пример — живет в нас, в той критике, которую он создал... Наша партия есть ленинизм в действии... Как пойдем вперед? С фонарем ленинизма в руках» [1]. Это написано Троцким в январе 1924 года.

Е. А. Преображенский в статье, напечатанной в «Правде» 26 января 1924 года, писал: «Мы должны сделать все человеческое и сверхчеловеческое, чтобы выполнить духовное завещание тов. Ленина... В тот период, когда наши враги ждут от нас максимальных несогласий, споров и раздоров,— именно теперь мы проявим величайшее единодушие, сплоченность и совершенно сознательную железную дисциплину».

Однако подобные заявления многие авторитетные деятели, считавшие себя последователями В. И. Ленина, на практике не осуществили. Они повели себя фракционно. Это лихорадило партийные организации, уводило от живого дела, мешало работать. Подавляющему большинству в партии стало ясно, что взгляды некоторых видных партийных деятелей не только не совпадают, но и прямо противоречат ленинским идеям и планам, что их предложения не помогают, а вредят, сбивают страну с ленинского курса. Это в первую очередь относится к Л. Д. Троцкому и его сторонникам.

Подоплеку их поведения, думается, весьма выразительно проясняют слова одного из зачинателей советской журналистики Михаила Кольцова, писавшего: «Чтобы быть хорошим ленинцем в политике, неплохо быть ульяновцем в жизни» [2]. То есть необходимо обладать высокими и политическими, и личностными качествами, которыми отличался В. И. Ленин.

Кто решится сегодня сказать, что оставшиеся после смерти Ленина у руля партии деятели, включая, разумеется, Сталина, такими качествами обладали?

Не случайно руководящее ядро партии, сложившееся во время болезни В. И. Ленина и нуждавшееся после его смерти в монолитном единстве, фактически распалось. «Старые разногласия,— по словам М. С. Горбачева,— имевшие место еще при жизни Ленина, дали о себе знать и в новой обстановке, причем в очень острой форме» [3]. Все это уже косвенно содей-

---

[1] *Троцкий Л.* Ленина нет... // Правда. 1924. 24 янв.

[2] *Кольцов М.* Избранное. М., 1985. С. 29.

[3] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1988. Т. 5. С. 396.

ствовало утверждению авторитарной власти. Прямому такому утверждению способствовало невыполнение ленинского предложения о необходимости смещения Сталина с должности Генерального секретаря ЦК партии. Ответственность за это несут в первую очередь члены Комиссии по приему ленинских документов, которым 18 мая 1924 года, за пять дней до открытия XIII съезда партии, Н. К. Крупская передала ленинское «Письмо к съезду» (оно считается политическим завещанием В. И. Ленина). Именно эта Комиссия, в состав которой входили Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин и другие, а также члены Политбюро А. И. Рыков, М. П. Томский и Л. Д. Троцкий предложили состоявшемуся 21 мая 1924 года Пленуму ЦК РКП(б) не публиковать ленинское завещание и произвести его оглашение по делегациям XIII съезда партии.

Как отмечают историки, перед отдельными делегациями съезда выступали Каменев, Зиновьев и Сталин. В их интерпретации получалось, что В. И. Ленин говорил лишь о возможности перемещения Сталина с поста генсека, хотя речь в ленинском письме шла не о возможности, а о способе перемещения [1]. На самом деле Владимир Ильич говорил об этом перемещении как вполне определенном, решенном деле, мотивируя его необходимость тем, что Сталин не сумеет всегда достаточно осторожно воспользоваться сосредоточенной в его руках необъятной властью. Однако эти ленинские мысли были сознательно извращены и сведены лишь к оценке личностных качеств Сталина. В результате делегаты съезда и Пленум ЦК, искренне веря в то, что Сталин учтет ленинскую критику, высказались за то, чтобы оставить его на высоком посту (хотя сам Сталин формально просил об освобождении его от обязанностей генсека). Видимо, здесь сказалась и надежда коммунистов на то, что руководящее ядро партии сумеет гарантировать демократическое развитие партии и государства. Теперь мы знаем, что этого не произошло и что одним из факторов, содействовавших формированию «суеверного преклонения» перед сталинским авторитетом, стало его лидерство в борьбе против тех группировок, в которых поочередно оказывались те, кто еще вчера объявлял себя «ленинцем», в том числе Зиновьев, Каменев, Бухарин и другие деятели.

По мнению отдельных ученых, они потому и стали жертвами репрессий, что «были прежде всего борцами против утверждавшегося культа личности Сталина» [2].

---

[1] См.: *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.
[2] Коммунист. 1987. № 12. С. 75.

Такая оценка, на наш взгляд, нуждается в уточнении: эти деятели прежде всего потому стали жертвами, что были непоследовательными борцами против культа. Культ личности одного человека стал итогом коллективной непоследовательности и слабости. Все это, усугубленное несовершенством механизма внутрипартийной демократии (несовершенством, во многом порожденным отказом от предложенной В. И. Лениным в последний период его жизни политической реформы), привело к неограниченной власти Сталина и связанным с культом нарушениям законности.

После смерти В. И. Ленина, отбросив новую экономическую политику, Сталин избрал для реализации именно такой вариант социализма, против которого предостерегали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, критически анализируя различные представления о социализме и коммунизме.

Почему Сталин сделал именно такой выбор? В первую очередь потому, что такой вариант социализма ставил вне контроля его личную власть, позволял разрешать неизбежно возникающие противоречия методом принуждения. Такой вариант «упрощал» решение многих сложных общественных проблем. В него безболезненно вписывалось и противоречившее ленинскому представление Сталина о партии, которую он рассматривал «как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность» [1].

Зловещая практика сталинизма

Линию на юридическое обеспечение видевшейся ему модели социализма Сталин повел жестко и целенаправленно. И тут у него нашлись «соавторы». Факты свидетельствуют, что после смерти В. И. Ленина развитие юстиции некоторое время шло в русле ленинских идей. Однако с половины 20-х годов все сильнее стали давать о себе знать конъюнктурные тенденции. В ряде юридических работ появились положения, сознательно извращающие основные принципы советского права и ленинские идеи законности. Прежде всего это относится к трудам А. Я. Вышинского, теоретически подготовившего процессы 30-х годов.

Наиболее сильный толчок применению репрессивных мер был дан убийством С. М. Кирова 1 декабря 1934 года. Обра-

[1] *Сталин И. В.* // Соч. Т. 5. С. 71.

щает на себя внимание, что именно в этот день Президиум ЦИК СССР за подписью М. И. Калинина и А. С. Енукидзе принял постановление, в соответствии с которым следствию разрешалось вести дело обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком, судебным органам предписывалось не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, а органам наркомата внутренних дел — приводить приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников отмеченных категорий немедленно по вынесении судебных приговоров. Фактически это постановление исключало нормальное ведение правосудия. Вскоре было узаконено «Особое совещание», принят закон 14 сентября 1937 года, легализовавший упрощенный процесс и фактическую ликвидацию права на защиту в делах о вредительстве.

С начала 30-х годов начало заметно ужесточаться уголовное законодательство. В 1932 году был принят закон, по которому хищение, кража государственного, колхозного, кооперативного имущества наказывались расстрелом (при наличии смягчающих обстоятельств расстрел можно было заменить 10 годами лишения свободы). С 1935 года под этот закон стали подпадать лица начиная с 12-летнего возраста. С 1937 года за подобные преступления предусматривалось лишение свободы на срок до 25 лет.

Методы уголовной репрессии сочетались с нагнетанием в обществе ощущения зловещей и скрытой угрозы над завоеваниями революции, атмосферы наушничества, клеветнических доносов — всего того, что сделало культ личности подлинной трагедией для народов нашей страны. Тем не менее Сталин на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 году утверждал, что «развитие не может остановиться на этом. Мы идем дальше, вперед, к коммунизму» [1].

В рамках сталинского представления о социализме и коммунизме не было места для сомнений, споров, дискуссий в поисках оптимальных политических и хозяйственных решений. Вот почему Сталин всячески стимулировал совершенствование репрессивных органов, обращая их против своих политических противников, а затем и против многих ленинских кадров партии, хозяйственных руководителей, ученых, командиров и политработников Красной Армии, рядовых коммунистов и советских граждан, а также многих членов коммунистических партий других стран, которые работали в аппарате

[1] XVIII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1939. С. 36.

Коминтерна или по каким-то причинам оказались на территории Советского Союза. Во времена трагических событий периода культа личности пострадали также церковь и верующие.

Вопрос о роли Сталина в организации необоснованных репрессий вызывает неоднозначную реакцию в современных дискуссиях. Находится немало людей (в том числе и обществоведов), которые хотят отвернуться от этого болезненного вопроса, замолчать его, сделать вид, что ничего особенного не происходило. Доктор исторических наук Л. В. Шириков, например, считает наивным утверждение о том, что только Сталин был непосредственным вдохновителем и организатором массовых репрессий, вершил суд по своему произволу. В доказательство он приводит доклад Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» и его заключительное слово на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), где речь шла о том, чтобы «бить и выкорчевывать» только действительных троцкистов — врагов рабочего класса, изменников Родины, а также материалы январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б), принявшего постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Все это, по мнению Л. В. Ширикова, научно пока неразработанные проблемы, чем, дескать, и пользуются любители сенсаций [1].

Воистину нельзя не удивиться «наивности» доктора исторических наук. Конечно, не Сталин лично проводил репрессии. Он действовал через карательные органы, для чего аппарат органов госбезопасности был фактически выведен из-под контроля партии и правительства. А вот направлял его деятельность сам Сталин, лично, через специально подобранных людей.

Факт. Сталин собственноручно подписал 383 списка, согласно которым тысячи людей стали жертвами беззакония.

Он сделал органы госбезопасности орудием массовых репрессий. Возглавлявшие эти органы Г. Г. Ягода, Н. И. Ежов, а затем Л. П. Берия, прикрываясь авторитетом Сталина, искореняли чекистские традиции, организовывали истребление честных людей, вносили в деятельность органов госбезопасности чуждый им дух огульного недоверия и подозрительности

---

[1] См.: Вопр. истории КПСС. 1987. № 9. С. 155.

к людям, поощряли беззаконие и карьеристские тенденции. Была учинена расправа над чекистами, прошедшими школу Ф. Э. Дзержинского, среди которых были Я. К. Берзин, М. С. Кедров, Я. Х. Петерс, С. В. Пузицкий и другие.

Факт. Репрессиям подверглись более 20 000 работников госбезопасности, многие из которых пытались противиться беззаконию и произволу.

В 30-е годы были организованы процессы, в ходе которых уничтожались наиболее видные деятели партии. Это процессы по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (август 1936 г.), «антисоветского троцкистского центра» (январь 1937 г.), «антисоветского правотроцкистского блока» (март 1938 г.). К высшей мере наказания были приговорены Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Л. Пятаков, Л. П. Серебряков, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский и другие. В июне 1937 года по делу об участниках «антисоветской троцкистской военной организации» были обвинены в шпионаже в пользу иностранных разведок, а затем расстреляны видные советские военачальники М. Н. Тухачевский, А. И. Корк, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, В. М. Примаков и другие.

Факт. В результате потерь среди командного состава к началу Великой Отечественной войны лишь 7 процентов командиров Вооруженных Сил имели высшее военное образование, а 37 процентов не прошли полного курса обучения даже в средних военно-учебных заведениях. Всего, по приводившимся накануне войны данным, из Красной Армии было «вычищено» 40 000 человек.

В ходе репрессий 30-х годов из 7 членов Политбюро, избранного в июне 1924 года, погибли 5 человек (кроме И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого). Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранного на последнем перед массовыми репрессиями XVII съезде партии, погибли 99 человек. Из 1966 делегатов этого съезда были уничтожены 1108 человек.

Что это, «перегибы»? Это была сталинская месть за то, что при выборах ЦК на XVII съезде против его кандидатуры было подано около 300 голосов.

Разумеется, историческая правда требует учитывать тот факт, что в соответствии с решениями февральско-мартовского (1937 г.) и январского (1938 г.) Пленумов ЦК ВКП(б) партией были осуждены грубые ошибки, допущенные парторганизациями при исключении коммунистов из партии, многие честные работники были восстановлены в партии. Следует ска-

зать и о том, что в конце 1938 года были ликвидированы так называемые «тройки», куда входили, например, на уровне области первый секретарь обкома партии, начальник органов госбезопасности и прокурор. Было объявлено о пересмотре дел некоторых категорий политических заключенных и даже были жестоко наказаны после смещения Ежова многие следователи.

Именно на это обычно ссылаются те, кто не хочет «драматизировать» вопрос о репрессиях. Но ведь теперь-то на основании многих документов хорошо известно, что закон и потом грубо попирался и большей частью страдали невиновные люди. Что же касается решений 1937 и 1938 годов, осуждающих перегибы в поисках «врагов народа», то эти решения были следствием «понимания» Сталиным, что в таких поисках «кое-кто» переусердствовал. Однако это не означает, что «отец народов» понял необходимость возродить после всего пережитого партией и страной человечность, доверие, ленинские демократические принципы. И не случайно на смену Ежову и некоторым устраненным его приспешникам пришел уже со своими пособниками Л. П. Берия, отличавшийся особой жестокостью.

Документы также подтверждают, что не следует преувеличивать реальный эффект решений двух упомянутых Пленумов 1937 и 1938 годов.

Факт. С апреля 1937 по май 1938 года из КП(б)У было исключено 16 511 членов и кандидатов в члены партии, а восстановлено в рядах партии за этот же период 4627 человек.

Кроме того, не следует забывать, что ответственность за перегибы, как правило, возлагалась не на бесчеловечные и уродливые явления, порожденные культом личности, а на вновь разоблачаемых «врагов народа».

И потом, если бы эти решения, осуждавшие перегибы, были действительно проведены в жизнь, то прекратились бы все последующие беззакония — в ходе Великой Отечественной войны и в послевоенный период (достаточно вспомнить «ленинградское дело», по которому было репрессировано более 200 человек и более 2000 руководителей снято с работы, а также «дело врачей»).

Не случайно Сталин, несмотря на серьезные и неоправданные кадровые потери, в докладе на том же XVIII съезде ВКП(б), подводя итоги чистки партии в 1933—1936 годы, настаивал, что чистка была «неизбежна и она в основном дала положительные результаты. На настоящем XVIII съезде представлено около 1600 тысяч членов партии, т. е. на

270 тысяч членов партии меньше, чем на XVII съезде. Но в этом нет ничего плохого. Наоборот, это — к лучшему, ибо партия укрепляется тем, что очищает себя от скверны. Партия у нас теперь несколько меньше по количеству ее членов, но зато она лучше по качеству.

Это большое достижение» [1].

Конечно, в освещении такого сложного вопроса, как вопрос о массовых репрессиях всегда существует опасность упрощенного толкования, сенсационности. Важно не забывать и о том, что и в сложных условиях многие коммунисты и беспартийные смогли сохранить свое человеческое достоинство, веру в торжество справедливости, идеалы Великого Октября. Требования компетентности, осознания высокой ответственности всяким, кто берется за исследование этих вопросов, имеют непреходящую актуальность.

Вместе с тем, как ни в каких других вопросах, здесь недопустима полуправда, разделение правды на «выгодную» и «невыгодную». А ведь именно на такой подход подталкивают некоторые из «охранителей» идеалов. Грань между неизбежными в новом деле социалистического строительства ошибками и сознательно совершавшимися политическими преступлениями должна быть проведена предельно четко.

Перестройка и советология: разрушение стереотипов

Происходящие в нашей стране процессы перестройки, демократизации, гласности приковывают к себе внимание мировой общественности. Заинтересованность проявляют как наши друзья, так и те, с кем у нас существуют политические, идейные расхождения. Ходом и перспективами перестройки интересуется весь мир.

Особый резонанс получили решения XIX партконференции, которая положила, по выражению московского корреспондента газеты «Вашингтон пост» Д. Ремника, начало «новой русской революции» [2].

Следует сказать, что на Западе существуют различные тенденции в восприятии перестройки. Налицо огромный рост интереса и даже симпатии к процессам, развернувшимся в нашей стране. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и

[1] XVIII съезд ВКП(б). С. 28.
[2] Сов. культура. 1988. 7 июля.

негативные тенденции, отражающие позицию тех влиятельных империалистических кругов, которые весьма обеспокоены, а то и напуганы динамизмом социализма. Приверженцы антисоветизма озабочены размыванием стереотипов «холодной войны», эрозией «образа врага» в массовом сознании. Как результат — активизация буржуазного пропагандистского аппарата, прежде всего внешнеполитического.

Действие указанных тенденций в общественно-политической жизни Запада, естественно, не могло не сказаться на советологии — специфической отрасли буржуазного обществоведения, занимающейся изучением теории и практики социализма, историей и политикой КПСС. Ныне налицо настоящий советологический бум, выражающийся в усиливающемся потоке книг, материалов конференций, «круглых столов» и других видов информации о нашей стране.

Факт. Только в США ежегодно издается более 200 книг и публикуется более 2000 статей о Советском Союзе.

Все это свидетельство возросшей активности советологов. М. Гольдман, профессор Русского исследовательского центра при Гарвардском университете, как-то в шутку заметил на встрече с журналистами, что он не спит ночами, ему мерещатся неудачи перестройки.

А если говорить серьезно, то нельзя не отметить тот факт, что революционные перемены, начавшиеся в советском обществе после апреля 1985 года, оказались, как признался американский экономист Т. Нэйлер в книге «Стратегия Горбачева. Открытие закрытого общества», «полной неожиданностью для американских политиков, экономистов и советологов».

Почему же так произошло? Причина коренится в преимущественной ориентации советологии на выполнение сугубо пропагандистских функций, на формирование различного рода мифов и стереотипов «о внешнем враге», «империи зла», «тоталитарной угрозе» и т. п., призванных навязать общественному мнению весьма непривлекательный образ социализма. Естественно, выполнение пропагандистских задач не требовало особой научной глубины в советологических разработках. Предвзятость, американоцентризм, односторонность, выискивание «негатива» — все это присуще в той или иной мере советологической продукции, многие авторы которой, по крайней мере до последнего времени, находились в плену застарелых стереотипов и политически бесплодного одномыслия.

Ныне, надо отметить, положение меняется. На характере советологических разработок не могли не сказаться происходящие в нашей стране и во всем мире события. Укрепляются

позиции тех советологов, которые стремятся объективно разобраться в существе происходящих в нашем обществе перемен, получить как можно больше информации о советской истории, деятельности КПСС на ее различных этапах.

Подобные устремления наиболее явственно проявляются у «молодого поколения» советологов, которые меняют сегодня «старую гвардию». «Единственный путь избавиться от старых стереотипов — через знания» [1]. Таково мнение Майкла Ослина, который закончил Джорджтаунский университет и готовится к советологической карьере. С подобной точкой зрения нельзя не согласиться.

Следует сказать, что ломка стереотипов происходит и в нашем обществе. Мы сами стали разрушать миф о Западе как одномерно враждебном нам стане. С помощью теле- и радиомостов, разнообразных и непредвзятых публикаций появилась возможность для реального взгляда на жизнь современного противоречивого, но все-таки целостного мира.

Советские средства массовой информации стали действительно информировать, а не только интерпретировать информацию, предоставили возможность высказаться не только тем, кто симпатизирует СССР, но и тем, кто, мягко говоря, далек от таких симпатий (например, Р. Пайпсу, З. Бжезинскому, директору Информационного агентства США Ч. Уику и другим). Их выступления, естественно, комментируются. Но радует сам факт, что советские люди впервые за многие десятилетия получили возможность самостоятельно сопоставлять и анализировать мнения, полученные из первых рук.

Социально-психологический климат нашего общества, который раньше сознательно формировался как климат осажденной крепости, где любое разномыслие (реальное или кажущееся) было своего рода «криминалом», постепенно начинает изменяться. Люди свободнее, искреннее, компетентнее судят обо всем. И это не могло не сказаться благотворно на их социальной активности.

О критике наших критиков

Наивно было бы полагать, что политические изменения в характере отношений между Востоком и Западом устраняют существующие идейные расхождения в вопросе политического устройства общества. Полярность позиций сохраняется, что

---

[1] Правда. 1988. 3 июня.

предопределяет продолжение не вчера начавшейся полемики между приверженцами социалистической демократии, с одной стороны, и буржуазной — с другой. Ведется она на различных уровнях. Если говорить об особенностях нашей критики советологических представлений о социалистической демократии, то до некоторого времени в ней явно отдавалось предпочтение анализу позиции наиболее ортодоксальных антисоветчиков, ущербность которой доказать особого труда, как правило, не составляло.

Конечно, давать отпор откровенным инсинуациям и извращениям необходимо при всех условиях. Но при этом никак недопустимо, чтобы видение классовой позиции определялось хлестко-декларативными «отповедями фальсификаторам» и не предполагало серьезного разбора аргументации тех, кто смотрит на наше политическое устройство иными глазами.

Восстанавливающаяся в КПСС ленинская традиция вскрывать и анализировать недостатки в теоретической и практической деятельности, не оглядываясь на идейных противников, позволяет сегодня уже по-иному, более взвешенно и трезво оценивать представления советологов о теории и практике социалистической демократии. Ведь даже в самой предвзятой, крайней точке зрения есть что-то ценное, рациональное.

В одном из своих выступлений М. С. Горбачев напомнил ленинскую мысль о том, что «надо уметь анализировать позицию своего оппонента, даже классового противника, потому что никто так глубоко и остро не ставит вопросы, никто так настойчиво не отыскивает слабостей в твоей позиции, как твой противник» [1].

В справедливости этих слов нетрудно убедиться. Достаточно обратиться к соответствующим советологическим публикациям. Позиция их авторов, которые скептически, с предубеждением оценивают усилия КПСС по демократизации советского общества, находит свое выражение в критике многих сторон нашей действительности. В данном случае важно определить, с какой позиции она ведется — злопыхательской или, напротив, объективной, а то и конструктивной. Выявление этого обстоятельства позволит не заносить огульно всех зарубежных критиков в разряд антисоветчиков, только и помышляющих о том, как бы нам покрепче «насолить», оклеветать и т. п.

Ведь довольно часто в последнее время бывает так, что за скепсисом, критическим восприятием нашей действитель-

---

[1] Правда. 1987. 15 июля.

ности скрывается у того или иного зарубежного автора самое обыкновенное любопытство, интерес, стремление выяснить суть наших проблем. Мы же, не разобравшись подчас должным образом в мотивах, побуждающих критику в наш адрес, либо игнорируем ее как заведомо несостоятельную (поскольку исходит из уст советолога), либо переходим на личности (мол, разве способен такой-сякой буржуазный ученый постичь все нюансы нашей теории и практики).

И получается так, что во многих публикациях до последнего времени (да и сегодня нет-нет да и встретится подобное) представления советологов о социалистической демократии всерьез фактически не воспринимались. Как исходящие из стана буржуазных обществоведов, они лишались познавательной функции. В то же время безгрешность того или иного нашего автора, неуязвимость его позиции гарантировалась декларируемой принадлежностью к марксистско-ленинской науке. Но ведь ныне ни для кого не составляет секрета тот факт, что в условиях застоя в обществоведении весьма часто опошлялись марксистские принципы критики чуждых ему идейных течений. Но это предмет особого разговора.

Нам же важно подчеркнуть, что пора научиться уважать и себя, и своего оппонента. Ибо в современном цивилизованном мире ни одна политическая идея, не говоря уж об идеологии, не оспаривается простаками. Интеллектуальный потенциал советологии достаточно высок. К тому же ее представители имеют преимущества «человека со стороны», которому от того, что многое в нашей жизни незнакомо, необычно, легче подметить разного рода несообразности, увидеть то, к чему мы просто привыкли и чего не замечаем. В этой связи известный американский советолог П. Кенез, говоря о недалеком нашем прошлом, заметил: «Непосвященный западный обозреватель, знакомясь с Советским Союзом, будет поражен незнакомым, высокопарным языком газет, бессодержательными фразами на транспарантах и лозунгах, многочисленными пропагандистскими кампаниями и существованием бесполезных организаций. Ему неясно, почему советские люди украшают свои улицы лозунгами типа «Слава труду!», «Ленин и сейчас живее всех живых!», «Выполним решения XXVI съезда КПСС», т. п.» [1].

В приведенной цитате, несомненно, есть предмет для разговора. В частности о том, насколько объективен тот или иной советолог, столкнувшись с незнакомым, непривычным

---

[1] *Kenez P.* Birth of Propahanda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917—1929. Cambridge Univ. Press, 1985. P. 13.

для его мироощущения объектом исследования. Как уже отмечалось, многие наши оппоненты скептически оценивают перспективы демократизации и развития гласности в нашей стране. Например, Ф. Льюис из «Нью-Йорк таймс» считает, что «сохраняется столь свойственный Советам разрыв между словом и делом, между теорией и практикой. Ставится ребром, а затем уверенно обходится вопрос о том, как обеспечить отзывчивость однопартийной системы к нуждам людей, как заставить власть подчиняться ее же собственным законам и уважать права граждан» [1]. Зададимся в этой связи вопросом: а имеются ли какие-либо основания для подобных утверждений? Если стоять на почве объективности, исходить из реальности жизни, то следует признать, что имеются.

Правда, еще совсем недавно наша пропаганда, как правило, отрицала правомерность и обоснованность постановки вопроса о разрыве между теорией и практикой социалистического демократизма. И все те, кто все же говорил о таком разрыве будь то в нашей стране или за рубежом, немедленно зачислялись в разряд злопыхателей и антисоветчиков. Конечно, были и есть наши враги. И их, к сожалению, еще немало. Но были и есть люди, которые справедливо указывали на разрыв между словом и делом, основываясь на достаточно трезвой оценке идейно-политического и морально-психологического климата в советском обществе. Например, известный американский советолог, правовед Дж. Хазард в 1977 году в беседе с политическим обозревателем Г. Герасимовым на вопрос о его мнении о новой советской Конституции ответил: «Хорошая Конституция, но и прежняя тоже была хорошей, только выполнять ее надо бы» [2].

И в то время, пока наша пропаганда старалась доказать, что социализм, его политическая система развиваются по восходящей, без особых проблем, советологи, нащупывая эти проблемы, болевые точки общества, давали им свою, часто угодную антисоветским установкам органов буржуазной пропаганды, интерпретацию. Их стержень составляла идея о том, что социализм как система в принципе не способен обеспечить развитие демократии. Тезис, по своей сути, антинаучен, хотя доводы приводились на первый взгляд убедительные. В особенности для человека, особо не искушенного в марксизме-ленинизме и нашей истории. Взять хотя бы факты массовых репрессий в период культа личности. Да и впоследствии авторитарный режим, созданный Сталиным, давал немало оснований для критики.

---

[1] Сов. культура. 1988. 5 июля.
[2] Там же.

Наши же пропагандисты зачастую просто не признавали многие негативные явления советской действительности, а в полемике упор делали главным образом не на предметный разбор конкретных аргументов, а на абстрактные, схоластические рассуждения о демократическом потенциале развитого социализма. И надо откровенно признать, что его комплиментарная модель вызывала неприятие даже у тех людей за рубежом, кто предан социалистической идее и относится с симпатией к нашему народу. Так, западногерманский писатель Макс Фриш, выражая свои впечатления о поездке в СССР в конце 60-х годов, писал: «Поскольку они все положительное немедленно заносят на счет системы, легко впадаешь в противоположную крайность и заносишь на ее счет все отрицательное» [1].

Упрек Макса Фриша вполне справедлив, ибо он отстаивает, оставаясь на позициях социализма, право на критику того общества, той реальности, которая у нас существует,— со всеми ее позитивными и негативными сторонами. Иное дело, конечно, предубежденные взгляды советологов. Но и в полемике с идейным противником нельзя отрываться от почвы реальности в угоду охранительно-догматически понимаемой партийности. Это только ослабляет наши позиции, делает их уязвимыми. И ныне еще велик риск попасть просто в глупое положение, стремясь опровергнуть любые критические замечания в наш адрес. И это в то время, когда, как отмечал М. С. Горбачев, «мы себя критикуем так, что аж перья летят, как никто нас никогда не критиковал,— ни с Запада, ни с Востока, ниоткуда» [2].

О социализме и тоталитаризме

Известно, что одним из способов обоснования нашими идейными оппонентами несовместимости демократии и социализма является отождествление последнего с тоталитаризмом. Подобные попытки квалифицировались в нашей литературе как антисоветские по своей направленности и антинаучные по существу. Подобная оценка в принципе вполне правомерна. Но вот что касается ее обоснования, то, как нам представляется, оно ныне вызывает немало вопросов.

---

[1] Лит. газ. 1988. 15 марта.
[2] Правда. 1987. 30 июля.

Сегодня обществоведы и публицисты немало внимания уделяют проблеме сталинизма и связанными с ней вопросами о характере политической власти, сложившейся в нашем обществе в 30-е — начале 50-х годов. Уже достаточно определенной стала точка зрения, согласно которой ряд авторов квалифицируют сталинский режим как тоталитарный. Например, Н. Попов пишет, что «Сталин создал идеальное тоталитарное государство...» [1]. И. Мельниченко в еженедельнике «Літературна Україна» (1988. № 22) утверждает: что эпоха Сталина — это «эпоха террора, эпоха отчуждения власти у Советов... это эпоха антисоветская в буквальном, строгом значении этого слова...». Согласно А. П. Бутенко, «сталинская политическая система» превратила существующую власть в его «собственное самоуправство, по-новому диктаторское, но не против эксплуататоров, а против трудящихся, их лучших представителей» [2].

Хотя и не все в подобном подходе выглядит достаточно обоснованным и бесспорным, но в главном его сторонники, на наш взгляд, правы: установленный Сталиным политический режим ничего общего не имел ни с ленинизмом, ни с гуманистической сущностью социализма. Именно этот режим, именно, используя термин А. П. Бутенко, «сталинская политическая система» стала объектом внимания западных советологов, которые, как мы теперь убеждаемся, отнюдь не без оснований квалифицировали ее как «тоталитарную». Но дело в том, что их классовая позиция не позволила отделить сталинизм от ленинизма. Деформацию социализма от социалистического идеала. А некоторые советологи даже отождествляли социализм и фашизм.

Выступая против подобных приемов, справедливо указывая на их спекулятивный характер, мы, как это ни парадоксально, зачастую занимали позицию, которая мало чем отличалась от точки зрения советологов. Если последние отождествляли сталинизм с социализмом, обвиняли последний в тоталитаризме, то наши критики, защищая социализм, по инерции, догматически следуя сталинским же постулатам о превосходстве социалистической демократии над буржуазной, отстаивали ту же пресловутую командно-административную систему. Подобный подход, надо признать, мало чем напоминал научную полемику. К сожалению, его рецидивы не изжиты и по сей день. А ведь если отнестись к анализу работ

---

[1] Сов. культура. 1988. 26 апр.

[2] *Бутенко А. П.* Власть народа посредством самого народа. М., 1988. С. 145.

советологов, посвященных обоснованию тоталитарного характера советской политической системы, серьезно, то в них можно обнаружить достаточно обоснований, которые, по крайней мере, требуют соответствующего разбора.

Взять, к примеру, советологические типологии авторитарных и тоталитарных режимов, в которых обосновываются общие закономерности их возникновения. Базируются эти типологии, как правило, на анализе обширного эмпирического материала, содержат немало точных конкретных наблюдений, выводов, оценок. Это касается, в частности, и характера сложившейся в сталинский период политической системы.

И чтобы доказать, что террор, репрессии, лагеря и прочие атрибуты сталинского режима ничего общего не имеют с социализмом, конечно же, нужна полная правда о тех временах. Только она и может стать реальной основой нашей позиции в полемике с теми из стана советологов, кто пытается отождествить социализм с тоталитаризмом и фашизмом.

Думается, что нет оснований уклоняться и от разговора о наличии неких общих признаков в возникновении и функционировании авторитарных режимов в различных общественно-политических системах. А они, эти признаки, как нам представляется, существуют независимо от того, является ли тоталитаризм результатом деформаций социализма либо обусловлен логикой развития буржуазного общества. Это достаточно убедительно показано в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба», где природа тоталитаризма рассматривается на основе «анатомирования» фашистского режима и сталинской системы.

Конечно, не все позиции автора бесспорны. С ним можно спорить и не соглашаться. Но подкупает то, что В. Гроссман не уходит от острых вопросов. Такой решимости как раз и недостает еще нашим обществоведам для того, чтобы ответить на целый ряд вопросов. Не пора ли, например, осуществить обстоятельный критический разбор работ советологов, посвященных сравнительному анализу фашизма и сталинизма. Ведь часто в последнее время можно услышать вопрос: а чем отличается механизм узурпации власти Сталиным и Гитлером? Как на него ответить и не погрешить против истины? Вновь повести разговор о различиях между буржуазной и социалистической политическими системами и на том ограничиться? Очевидно, что сегодня подобный подход уже недостаточен. Необходим предметный разговор о природе авторитаризма и тоталитаризма, подкрепленный конкретно-историческим анализом причин, обусловивших их возникновение в той или иной стране.

Политика и культура

Рассуждения наших оппонентов за рубежом о тоталитарном характере советского общества неразрывно связаны с утверждениями о консерватизме масс, о их политической и культурной неподготовленности к демократии и гласности. Если обобщенно охарактеризовать позицию советологов в их оценке политической культуры нашего народа, то для нее показательно в качестве исходной методологической установки наличие своеобразного двойного стандарта. Суть его очень удачно выразил английский политолог Д. Каванах, который отметил, что «начиная с работы Алмонда и Вербы (1963 г.) было распространено мнение о существовании «политической культуры участия», соответствующей либеральным демократическим режимам, и «подчиненной», или «пассивной», политической культуры, соответствующей авторитарным режимам» [1]. К последней советологи относят социалистическую политическую культуру.

Ее определяющей чертой, по их мнению, является преемственность с дореволюционной политической культурой, отражающей многовековой опыт абсолютизма. Последняя наделяется в буржуазной литературе, надо сказать не без оснований, непривлекательными, антидемократическими чертами. Подчеркивается прежде всего ее автократический характер, центральным элементом которого называется слабость в дореволюционной России представительных институтов; сильная централизованная власть и сильно персонализированное восприятие ее со стороны членов общества; чрезвычайно широкая компетенция правительства, касающаяся всех сторон жизни индивида; недоверие, враждебность к государству со стороны общественности. «В дореволюционной России,— пишет Д. Каванах,— немногие граждане обладали эффективными гражданскими правами, в стране отсутствовали свободные группы интереса, цензура была строгой, существовал низкий уровень политического участия и политических знаний у населения» [2].

Оценка, надо сказать, вполне справедлива, и поэтому было бы глупо оспаривать антигуманную, антинародную сущность и роль политической культуры, которая веками насаждалась правящим классом, самодержавием, церковью в

---

[1] *Kavanagh D.* Political Science and Political Behavior.— L., 1983. P. 51.

[2] Ibid. P. 60.

дореволюционной России. Но вместе с тем необходимо внести ясность в понимание вопроса о так называемой преемственности, ибо он довольно запутан советологами. Достаточно сказать, например, что до некоторых пор ряд буржуазных авторов приписываемую советскому народу «агрессивность», как черту «коммунистической культуры», объясняли тем, что «большевистские руководители были, по-видимому, подвержены русской народной практике тугого пеленания детей!». Эта «глубокомысленная» догадка была высказана английским антропологом Дж. Горером в изданной им в 1949 году книге «Народ великой России».

Большинство нынешних советологов не воспринимают серьезно столь нелепые суждения. Их представления не так уж примитивны: есть у них и довольно точные наблюдения, и достаточно меткие характеристики, и вполне корректные оценки.

Конечно, в целом на советологических исследованиях не могли не отразиться присущие буржуазной методологии пороки. Прежде всего — это односторонний подход к проблеме преемственности как следствие игнорирования глубинной обусловленности политической культуры отношениями собственности, положением и взаимодействием различных классов в обществе, сущностью и особенностями его политической системы. Ее понимание советологами зиждется на гипертрофированном представлении о степени живучести элементов «традиционной культуры» в политическом сознании и политическом поведении масс после социалистической революции. Следует сказать, что, подвергая критике подобную позицию, было бы ошибочным вдаваться в другую крайность и считать, что с установлением политического господства рабочего класса старые привычки, традиции, внедрившиеся в сознание и поведение людей образцы, стереотипы автоматически отпадут. Ведь даже у пролетариата после революции, как подчеркивал В. И. Ленин, «сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества» [1].

И тем не менее неправомерно абсолютизировать указанный момент, ибо в основе формирования новой политической культуры лежат иные политические традиции, иные культурные ценности. Ее носителем был российский пролетариат, вооруженный научной идеологией, которую олицетворяла, говоря словами В. И. Ленина, «великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» [2]. Именно в этом смысле есть основания утверждать о преемственности

---

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 449.
[2] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 129.

между социалистической политической культурой и той политической культурой, которая имела место в дореволюционном обществе. Объективной основой преемственности в данном случае выступает единая классовая природа пролетарской политической культуры и политической культуры социалистического общества, единство ее социальных функций, а также то, что главным носителем культуры в том и в другом случае является рабочий класс.

Следует отметить, что в буржуазной литературе ряд авторов отдают себе отчет в неправомерности отождествления старой и новой политической культуры. Так С. Уайт считает, что в политико-культурном наследии дореволюционной помещичье-чиновничьей России были такие черты, которые не могла воспринять новая политическая культура — классовая система, высокий уровень религиозности, слабое знание или интерес к политическим институтам и доктринам [1]. А Дж. Грей считает, что в советском обществе имеет место «общее признание социалистических целей, которые можно было бы рассматривать как изменение в политической культуре» [2].

Но все-таки следует признать, что в буржуазной литературе превалирует противоположная точка зрения. Ее сторонники строят свое понимание социалистической политической культуры путем спекуляций на всех негативных явлениях в период культа личности. Было бы, конечно, глупо отрицать все то, что характеризует с отрицательной стороны идейно-политический и духовный климат в нашей стране в 30—40-х годах. Хотя именно так и было до последнего времени, когда мы не признавали, что во времена культа личности и без того довольно низкий уровень политической культуры масс был фактически заморожен. В условиях господства бюрократических методов управления, процветавших беззакония и самоуправства среди значительной части населения царило правовое бескультурье, туманные представления о власти, страх перед начальством.

Существовала определенная взаимосвязь между сложившейся административно-командной системой и низким уровнем политической культуры масс. Советский историк Ю. С. Борисов, в частности, указывает на недостаточную изученность данной проблемы [3]. С ним нельзя не согласиться и признать, что советские обществоведы находятся в большом

---

[1] *White S.* Political Culture and Soviet Politics. P. 65.

[2] Political Culture and Political Change in Communist States. L., 1979. P. 265—266.

[3] Комс. правда. 1988. 2 апр.

долгу перед общественностью. А существующий до сих пор вакуум стремятся заполнить идейные оппоненты. Именно с их подачи в качестве определяющего признака социалистической политической культуры изображается «апатия» масс, их «убеждение», что власть — это прерогатива привилегированной группы и т. д.

Таким образом, многими советологами деформации идеалов выдаются за сами идеалы, отступления от принципов социалистического демократизма — за сами принципы. Такой подход фактически извращает сложную диалектику процесса формирования социалистической политической культуры. А ведь ее носители — лучшие представители партии, рабочего класса, других классов и слоев никогда, даже в страшное время произвола, не прекращали борьбу с администрированием, бюрократической централизацией, культом личности, нарушениями социалистической законности. Многие из них были репрессированы. Именно эти силы олицетворяли собой преемственность в развитии политической культуры нашего народа, а не те, кто, находясь у руля государственной власти, насаждали чуждые социалистическому демократизму методы управления.

К сожалению, годы культа личности и застойное время не прошли без последствий. Не одно поколение сформировалось в атмосфере безгласия, антидемократические традиции вошли в плоть и кровь многих людей. Показательны в этой связи, например, некоторые читательские письма в редакции газет и журналов, авторы которых, гневно осуждая недостатки нашей жизни, требуют виновных «посадить», «расстрелять», «повесить на площади, чтобы все видели», «четвертовать» и т. п. Причем все это предлагается вполне серьезно, иногда как мера за мелкие прегрешения, даже несогласие с точкой зрения оппонента. Подобную нетерпимость, конечно же, никак нельзя отнести к признакам зрелости политической культуры авторов таких писем.

Груз привычек, навыков авторитарного мышления и антидемократических действий питает консервативное сопротивление перестройке. В плену старых представлений находится и часть партийных, советских и хозяйственных кадров. «Очень много развелось людей,— подчеркивал М. С. Горбачев,— которые завод, кишлак, село, колхоз, район, город рассматривают как свою вотчину» [1].

---

[1] *Горбачев М. С.* Успех перестройки — в руках народа // Правда. 1988. 10 апр.

Следует отметить, что традиции прошлого довлеют над каждым из нас. Все мы дети своего времени. Не случайно одно из непременных требований перестройки — начать с самого себя. А это дело непростое — избавление от стереотипов «обязательного» мышления.

Живучесть старых привычек, стереотипов — это факт, с которым нельзя не считаться. И поэтому даже несправедливые характеристики политического, культурного облика наших людей со стороны советологов не возникли на пустом месте. И не мешало бы к ним иногда прислушаться. Взгляд со стороны, пусть даже затрагивающий самолюбие, поможет преодолеть инерцию привитого нам за многие десятилетия некритического, умиленно-восторженного взгляда на самих себя.

Забегание вперед, идеализация нашли свое отражение в выводе XXVI съезда КПСС о том, что советский человек — это человек высокой политической культуры. Но ведь конкретный, а не абстрактный советский человек весьма неоднозначен и многолик. И в среде, скажем, рабочих наряду с политически сознательным большинством немало таких людей, которые выступают за сохранение старых порядков. В обществе идет интенсивный процесс индивидуализации материальных и духовных интересов и потребностей трудящихся, что, естественно, самым непосредственным образом отражается на политической культуре общества. В этих условиях вредно продолжать льстить «широким массам», заигрывать с ними и полагать, что если это «представитель трудящихся», то уж непременно у него высокий уровень политической культуры.

Но вместе с тем вредна и другая крайность — недоверие к народу. Не секрет, что казенно-бюрократическое восприятие «простых смертных» характерно для определенной категории наших кадров.

Недоверие к массам — характерная черта консервативных сил, противостоящих перестройке внутри страны. И именно в этом с ними сходятся наши идейные оппоненты за рубежом, утверждающие, что партии так и не удалось преодолеть устарелые ценностные ориентации масс. Отсюда советологи делают вывод, что массы в Советском Союзе не созрели для демократии. Вывод, с которым целиком сопрягаются отдельные голоса в нашей стране тех, кто вопит: «Вот до чего довела ваша демократия!», «Вот до чего довела ваша перестройка!» Подобная позиция, как подчеркивал М. С. Горбачев, питается неуважением к народу. За ней «неверие в его мудрость, патриотизм, в его здравый смысл, его творческие

способности, неверие в его ответственность, в преданность социализму» [1].

И еще на одну проблему хотелось бы обратить внимание. Это проблема духовности. Она волнует ныне всех тех, кто ведет борьбу за перестройку. Если без демократии нет социализма, то без культуры не может быть демократии,— прозвучало на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Не секрет, что на протяжении длительного времени наши представления о политически активной личности были, мягко говоря, весьма упрощенными. Скажем, атеистические убеждения главного героя Ильфа и Петрова вполне укладывались в формулу «Бога нет!», которая виделась достаточным аргументом в полемике с верующими. В почете долгие годы были начетничество, политическая трескотня, которые выдавались за политическую грамотность. Историческое сознание масс ограничивалось параметрами «Краткого курса истории ВКП(б)». Упрощенное, догматическое политическое мышление находило свое выражение в категоричности оценок, нетерпимости к чужому мнению, подозрительности.

Все это, безусловно, не могло не привлечь внимания советологов. Их усилиями создан образ нашего общества, все поры организма которого пропитаны политикой в ущерб культуре. Немало в этом образе предвзятого, а то и просто карикатурного. Но опять же возник он не на пустом месте. Ведь было же в нашей истории, мягко говоря, подозрительное отношение властей к интеллигенции. Не изжиты же по сей день диктат, администрирование, окрик в вопросах культуры. И в пропаганде нет-нет да и дает о себе знать упрощенно понимаемый классовый, политический подход. Все это, наряду со всеми прочими причинами, не могло не сказаться на духовном состоянии общества, его политической культуре. Писатель Л. Леонов заметил в этой связи, что «сейчас экологически запущена душа, она низведена до низшего ранга, экологически перегружена политикой. Все пропитано политикой, от нас требуют наслаждаться красотой, которая подсвечивается политикой. Это все делается в ущерб большой человечности. А этого природа не терпит и не простит.

При описании климата каких-нибудь атолловых островов прежде всего описывается количество безработных, неграмотных, борьба рынков и т. д. и т. п.— по лестнице вниз...» [2].

---

[1] *Горбачев М. С.* Успех перестройки — в руках народа // Правда. 1988. 10 апр.

[2] Лит. газ. 1987. 8 июля.

Дефицит духовности — производная утвердившихся в 30-е годы командно-административных методов руководства. Однако существует здесь и обратная зависимость. Питательная среда бюрократизма — безграмотность, бескультурье масс. Ведь произвол и беззакония проводились «от имени народа».

Рецидивы прошлого дают о себе знать довольно ощутимо и поныне, в частности, в такой важной и деликатной сфере, как партийное руководство культурой. Печать представляет немало примеров на сей счет. Причем бескультурье, некомпетентность возводится иными горе-руководителями в предмет гордости. Приходит на ум в этой связи расхожая в прошлом формула — «мы-де университетов не кончали!». Нынешние заурядные «кураторы» культуры, безусловно, прошли курс дисциплин высшей школы, ибо того требует анкета. Но ситуация, как заметил народный артист СССР Кирилл Лавров, на местах от этого мало изменилась, где «правят бал необразованность, примитивный вкус, выдаваемый за «мнение партии», когда каприз и амбиции того или иного руководящего лица ведут к лавине запретов, ибо многие люди, ответственные за культуру, просто не знают других методов» [1].

Конечно, наивно было бы полагать, что удастся в одночасье преодолеть эти методы. Не решают в полной мере вопроса и осуществляемые кадровые перемещения. Ведь не секрет, что на смену наиболее одиозным фигурам приходят подчас люди, политические и профессиональные качества которых также не отвечают современным требованиям.

Поэтому, видимо, решение многих вопросов, связанных с совершенствованием культурной политики, идет не так быстро, как того хотелось бы. Но все же лед тронулся! И большинству людей ясно, что к административно-командным методам возврата быть не может. Что же касается антиперестроечных сил в управленческих структурах, то их судьба зависит от того, насколько решительно будет вестись борьба партии при активнейшей поддержке народа с рецидивами прошлого. Понятно то, что добровольно они своих позиций не сдадут.

Сегодня особенно важно, чтобы в борьбе против любых проявлений авторитарно-патриархальной политической культуры не уподобляться консерваторам в их воинствующей нетерпимости и догматизме мышления. А опасность такая существует. Ибо все мы, как уже неоднократно говорилось с самой авторитетной трибуны, как бы заново проходим школу демократии.

---

[1] Правда. 1987. 19 дек.

Оценивая ныне политическую и экономическую ситуацию, сложившуюся в стране в 20—30-е годы, многие ученые полагают, что в выборе между чрезвычайными мерами и развитием демократии была допущена ошибка. Они считают, что нам предстоит еще понять, почему тогда взяли верх сторонники «чрезвычайщины». Но одно несомненно, считает автор второй главы доктор исторических наук **Анатолий Степанович Кондратюк,**— следствием такого выбора явились культ личности, волюнтаризм, застой.

Перестройка — это прежде всего духовный скачок в новый образ жизни. Вместе с перестройкой к нам приходят самоуважение и уважение друг к другу. Мы помещаем себя в новые координаты, состоящие из демократизации и гласности, опыта партии и нашего собственного интеллектуального, политического и нравственного опыта.

2

ДРУГОГО ПУТИ У НАС НЕТ

И вновь самую трудную ношу исторических перемен взяла на себя партия. Проявив огромную смелость и принципиальность, прямоту и честность, она нашла в себе силы и мужество самокритично и гласно оценить создавшееся в ней самой положение, сказать народу правду и тем самым в сущности однозначно определила свой выбор — иного пути, чем кардинальные перемены во всех сферах жизни общества, просто нет. Обнажив причины предкризисной ситуации и застойных явлений в обществе, партия взяла на себя ответственность за сложившуюся ситуацию. Она объективно взглянула на свою деятельность, методы руководства, сознательно вызвала на себя общественную критику. В данном случае партия поступила так, как завещал В. И. Ленин: «Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра» [1].

Наши достижения значительны, и советские люди по праву гордятся ими. Но партия обязана видеть жизнь во всей ее полноте и сложности. Никакие достижения не должны заслонять ни противоречий в развитии общества, ни ошибок и недостатков.

На нашем пути были и огромные потери, тяжелые ошибки и просчеты, массовые репрессии, преступления. Отсюда и перестройка понимается как преодоление чуждых природе социализма явлений, как обновление социалистического общества, как восстановление в теоретическом и практическом плане ленинской концепции социализма.

---

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 257.

«Трое на красном ковре»

Так назывался спектакль, который был показан по Центральному телевидению накануне XIX партконференции, в конце июня 1988 года. Еще несколько лет назад то, что легло в основу его сюжета, казалось невозможным не только в жизни, но и на экране.

В самом деле, могло ли произойти такое? Председатель одного из лучших колхозов района, да и области, пытается привлечь к судебной ответственности за развал сельского хозяйства первого секретаря райкома партии. Чтобы разрешить этот конфликт мирным путем, секретарь обкома партии приглашает «истца» и «ответчика» в кабинет для «дружеской» беседы.

Обличительным пафосом проникнуто каждое слово председателя колхоза. На примере своего хозяйства он убедительно доказывает невозможность нормальной работы и жизни в так называемые застойные годы. Командные методы руководства — вмешательство во все дела колхозников, указания, что, где и когда сеять и убирать, требование выполнить план любой ценой — это стиль работы и способ партийного влияния на хозяйственные дела со стороны райкома партии. А полная зависимость и подчиненность, преклонение перед районным начальством — это удел хозяйственного руководителя.

Но неужели во всем виноват только секретарь райкома партии? В ходе острого полемического диалога между героями спектакля выясняется, что райком партии и его первый секретарь руководили так, как от них требовали. Однако большая доля вины лежит и на председателе колхоза. Он ведь служил верой и правдой районному руководству. Зная о последствиях, выполнял любые, подчас абсурдные указания. Радовался мнимым успехам и липовым наградам. Но он находит в себе силы признать собственную вину и не снимает с себя ответственности. Перестройка для него — это возможность очистить совесть, искупить вину, ответить за свои ошибки.

Этот пример свидетельствует о том, что в последнее время в нашей повседневной жизни, в среде коммунистов и беспартийных среди множества проблем особое место занимает проблема совершенствования деятельности партии, определения ее места и роли в политической системе нашего общества. И это понятно. Ибо исторический опыт учит, что состояние дел в партии решающим образом сказывается на жизни страны.

Поэтому вопросы партийного руководства вызывают сегодня всеобщий интерес, волнуют всех советских людей. Резкие, острые, откровенные, озабоченные — самые разнообразные мнения трудящихся едины в одном: подлинный, а не «ритуальный» авторитет партийных органов, их авторитет как лидеров коренных перемен и обновления — одно из главнейших условий успеха перестройки.

Как же могло случиться, что партия не смогла своевременно предотвратить ситуацию, когда общество с прогрессивным строем оказалось на грани экономического кризиса? Почему партия, которая сильна тем, что не боится сегодня вскрывать серьезные недостатки и ошибки и публично признавать их, не смогла предотвратить в свое время безверие людей, размывание нравственных ценностей, апатию и отчуждение? Почему коммунисты и беспартийные предъявляют сегодня серьезные претензии к партии, особенно к ее органам на местах?

Новизна и масштабность революционных преобразований, происходящих в нашей стране, поставили нашу партию в совершенно новую ситуацию, потребовали возрождения ленинских принципов ее деятельности. А это свидетельствует, что они в свое время были грубо нарушены.

Немного истории: от Сталина к Брежневу

Наверное, нужно признать, что в истории нашей партии, ее деятельности после Ленина четко прослеживаются две линии развития, которые хотя и переплетаются, но не сливаются. Наряду со сталинским пониманием политического авангарда, способов деятельности партии — прямой изменой ленинскому нравственному началу в партии, всегда оставалась ленинская трактовка «авангарда класса». Речь идет не об отдельных личностях, которые боролись за воплощение в жизнь ленинских идей, а об исторической линии в деятельности партии. История доказала, что партия коммунистов подтвердила свое право быть политическим авангардом советского общества. Но история показала и другое: важно изучать деятельность партии в контексте социалистического общества, ее восприятия обществом, народом, анализировать реальные взаимодействия всех общественных сил. В этой связи важно также, чтобы партия освободилась от апологетического взгляда на себя, который отрицает противоречивость ее развития и деятельности, утверждает догматическую концепцию монолитного единства и все возрастающей руководящей роли.

Поэтому не случайно центральное место в работе XIX Всесоюзной партконференции занял вопрос о новой роли партии как политического авангарда общества. Этот вопрос был поставлен в докладе, он звучал во многих выступлениях делегатов. Без преувеличения можно сказать, что выступления о роли партии самые острые, самые страстные. А как же иначе? Ведь сегодня авторитет партии проходит серьезное испытание.

В поисках ответов на злободневные, животрепещущие вопросы жизни мы, как никогда раньше, обращаемся к наследию В. И. Ленина. Ведь его труды — классический образец органического сочетания теоретической и практической работы. И это не просто дань огромного уважения, не только признание огромного авторитета. Это — диктуемое жизнью, настоятельное требование возродить в современных условиях, причем возродить как можно быстрее и полнее, ленинскую сущность социализма, возродить дух ленинизма во всем, и прежде всего в самой партии.

Если сегодня предъявляются серьезные претензии к партийному руководству, значит, где-то партия отступила от ленинских принципов, пренебрегла ими. Как, когда и почему это произошло? Вот один из вопросов, волнующих нас.

В докладе на XIX партконференции говорилось, что произошли определенные деформации самой партии, в содержании ее деятельности и связях с трудящимися, приведшие к утрате многих демократических большевистских традиций, которые были ей присущи изначально, закладывались многолетними усилиями Ленина и его соратников [1].

После смерти Ленина руководство партией и государством в 20—30-е годы было далеко не едино, его разъедали политические интриги. Эту ситуацию умело использовал Сталин: борьба за единство партии со временем переросла в борьбу против любого другого мнения, кроме мнения генсека. Объединяясь с одними партийными деятелями, Сталин устранял других, чтобы потом с помощью третьих убрать прежних своих союзников. Он уничтожил тысячи лучших коммунистов, ленинскую гвардию, подмял под себя партию, создал идеальное тоталитарное государство, власть единоличного диктатора.

Понятно, что и отношения в партии в то время не соответствовали ленинским представлениям о ней. Деформированная партия не могла, естественно, осуществлять руководство политическими методами. Сталин только прикрывался

---

[1] См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. М., 1988. С. 71.

партийными лозунгами, часто ссылаясь на Ленина. Однако сталинское и ленинское понимание партии глубоко различны, противоположны. Известны высказывания Сталина о том, что партия должна быть похожа на «орден меченосцев». Он умело и хитро использовал партийную трибуну и саму партию для укрепления личной диктатуры и добился этого.

Сменившие Сталина Хрущев, а затем и Брежнев не захотели отказаться от сконцентрированной в их руках власти. Хотя и предпринимались некоторые меры по демократизации партийной и хозяйственной жизни, но они носили поверхностный характер и не были доведены до конца. Тогдашних лидеров вполне устраивала сложившаяся командно-административная система руководства. Таким образом, история партии, ленинское учение и прежде всего ленинская концепция партии подверглись серьезным искажениям. Несмотря на клятвы и заверения прежних наших руководителей в верности ленинизму, Ленин, выражаясь его же словами, был превращен ими в безвредную икону. Всегда и везде, по любому поводу ссылаясь на Ленина, уверяли нас, что партия уверенно идет ленинским курсом. На поверку этот «курс» оказался далеким от истинно ленинского.

Согласно ленинской концепции, партия тогда является политическим авангардом, когда способна воздействовать на людей присущими ей средствами. Если же она этого не может делать и прибегает к чиновничье-бюрократическим средствам, то перестает быть политической организацией, превращается — пусть даже в верховную — но всего лишь часть государственного аппарата.

Так и произошло. За долгие годы культа личности и застоя вместо политического руководства партийные органы осваивали немудреную науку командовать. И, нужно сказать, освоили ее очень хорошо: до сих пор некоторые наши партийные работники не могут расстаться с усвоенными фельдфебельскими замашками. Вместо политических методов воздействия длительное время утверждались командно-административные формы управления, осуществляемые партийными комитетами, их штатным аппаратом.

От Центрального Комитета КПСС до первичной парторганизации проповедовалось одно лишь требование к коммунисту — безропотное и точное выполнение указаний сверху. Вместо коллегиальности господствовало единоначалие, вместо выборности — назначенство, вместо гласности — строгая секретность, вместо коллективного обсуждения, дискуссий — законченные истины, вместо прямого участия широких масс в управлении государством — школярское освоение ими от-

влеченных идейно-политических понятий... Любой шаг в сторону от «соизволенного» расценивался как злостное нарушение партийной дисциплины.

Партийные комитеты брали на себя все больше дел, в том числе чисто хозяйственных, текущих, оперативных. Они постепенно подменяли Советы, профсоюзы, хозяйственные органы. Сложившаяся командно-административная система по-своему парадоксальна: партийные комитеты, отвечая якобы за все, практически не несли ответственности за свои указания.

Нормой в работе партийных комитетов, особенно райкомов и горкомов партии, стало вмешательство в управление производством по любому поводу. Указания раздавались, как говорится, направо и налево, подчас без учета реальной обстановки, без глубокого экономического обоснования. Доходило до того, что партийные функционеры обозначали сроки, когда колхозникам необходимо пахать, сеять, бороновать, косить, убирать и т. п. При этом с удовлетворением отмечалась сила «партийного влияния». И не замечалось то, как мешает людям подобное влияние, как оно подрывает их уверенность в работе, порождает социальную апатию.

В свою очередь хозяйственники привыкли жить за спиной райкомов или горкомов партии. Почему это происходило? Прежде всего потому, что руководителей различных рангов приучили обращаться в партийный комитет по всем вопросам, внушили, что только здесь можно их решить. Так постепенно у партийных работников (да и у рядовых коммунистов) укоренилось мнение, что диспетчерские, распорядительные поручения — это и есть конкретное партийное руководство.

Не случайно и сегодня многие проблемы партийной работы, идеология обновления упираются в то, что партийные комитеты растеряли свое влияние как органы политического руководства и «подгребли» под себя все, чем должны заниматься государственные и общественные организации. Сложившаяся с годами практика и сегодня еще заставляет некоторых партийных работников, даже недавно пришедших в аппарат, применять все тот же командный стиль.

Поэтому один из важнейших вопросов — это вопрос о рамках партийного руководства. Сегодня совершенно очевидно, что без перестройки партийной работы, без четкого определения правовых пределов деятельности партии просто нельзя серьезно говорить о разделении ее функций с функциями государственных и общественных организаций, о повышении роли и самостоятельности последних.

В прошлые годы у нас прочно укоренилось убеждение:

все, что касается в критическом плане деятельности партии, партийных дел — тема не для обсуждения, а тем более не для печати. «Все мы ходим вокруг этой проблемы — роли партии, как кот вокруг горячей каши,— писала в редакцию газеты «Правда» Н. Кузнецова из Киева,— боимся, а народ все видит и потому не вполне доверяет перестройке, ее необратимости» [1].

Жизнь требует, чтобы прямо и определенно назвать истинные причины, в результате которых партия, а точнее ее руководство в течение нескольких десятилетий совершало ошибки в социально-экономическом, культурном, а главное — в политическом аспекте. Недомолвками, уходом от ответов на жгучие вопросы, ссылками на сомнительные объективные причины сейчас уже невозможно объясняться с народом. Люди теперь не только знают многие просчеты прежнего партийного руководства, но и способны грамотно их проанализировать, разобраться в их причинах и должным образом оценить. Ведь перестройка кардинально и необратимо меняет нас самих, наши взгляды и представления, наш социальный кругозор и психологию.

Итак, закономерен вопрос: всегда ли был высок авторитет нашей партии?

Длительное время в историко-партийной литературе — многочисленных статьях, книгах, сборниках — постоянно утверждалось, что руководящая и направляющая роль партии в социалистическом обществе возрастает, что это закономерная общеисторическая тенденция, обусловленная как объективными, так и субъективными факторами. В официальных документах также подчеркивалось это. Например, на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев отмечал: «На XXV съезде был сделан вывод о том, что в период развитого социализма роль партии в жизни общества возрастает... Именно теперь, в свете впечатляющих достижений советского народа, еще глубже воспринимается известная ленинская формула: партия — ум, честь и совесть нашей эпохи» [2].

Вся наша печать каждодневно повторяла такого же рода фразы. Происходило именно то, об опасности чего неоднократно предупреждал В. И. Ленин,— зазнайство партии. «Известно, что неудачам и упадку политических партий,— писал Ленин,— очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаться» [3].

---

[1] Правда. 1988. 7 июня.
[2] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 68.
[3] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 327.

Возрастание руководящей роли КПСС — это противоречивый, диалектический процесс, который может иметь свои подъемы и спады. Нельзя говорить также об авангардной роли партии без повышения ее авторитета. Сейчас авторитет партии в нашем народе зиждется на том, что именно она выступила инициатором и организатором обновления общества. Но не следует забывать, что этот авторитет распределяется неравномерно на все звенья, организации и структуры партии.

Особенно снизился авторитет партии в застойные годы. Как не хочется при этом говорить слово «партия». Ибо КПСС — это 20 миллионов коммунистов и среди них миллионы честных, добросовестно выполняющих свой долг советских людей — рабочих, колхозников, представителей интеллигенции. Отмечая снижение партийного авторитета, правильнее было бы говорить о руководстве партии, руководителях партийных комитетов. Потому, что именно они в первую очередь несут ответственность за грубейшие нарушения ленинских принципов партийной жизни.

Много лет на партию, ее руководителей нас приучали смотреть только снизу вверх. Вожди были непременно «мудрые», их решения народ всегда одобрял «единогласно». И всех нас при этом объединяла «монолитная сплоченность». За многие годы в обществе нагромождались лесть и праздное славословие в адрес первых партийных руководителей. Становилось привычным, что повышение урожайности, улучшение плодородия земли теснейшим образом связывалось с умелым руководством первого секретаря обкома или райкома партии. Справились успешно область или район с выполнением плановых заданий и социалистических обязательств — заслуга первых секретарей. И награды, звания в первую очередь им...

Застойные годы характерны забеганием вперед в постановке задач и целей, отсутствием реализма в оценке возможностей, что особенно ярко проявилось в концепции развитого социализма. Было слишком много обещаний, которые порождали надежды, ожидания людей. Но когда эти обещания и заверения зависли в воздухе, наступило разочарование людей, которое само по себе действует как момент отчуждения масс. Народ переставал верить партийному слову, что, естественно, сказалось и на авторитете партии.

Почему же стали возможными разного рода неоправданные прогнозы развития нашего общества, легковесные заверения наших лидеров? Среди главных причин здесь следует выделить игнорирование ленинского указания о значении

теории в деятельности партии. На июльском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось: «Не только сбои и промахи в сфере экономики и социальной политики, но и отставание, не говоря уже об ошибках, на теоретическом и идеологическом фронте могут осложнить и нанести непоправимый ущерб нашему революционному делу» [1].

В застойный период ленинские положения о социализме трактовались упрощенно, нередко выхолащивались их теоретическая глубина и значимость, что создавало легковесные представления о коммунизме, разного рода пророчества и абстрактные суждения. Это, в свою очередь, снижало историческое значение социализма, ослабляло воздействие социалистической идеологии.

Следует отметить, что культ личности Сталина, застойные годы наложили неблагоприятный отпечаток на развитие идеологии, теоретической мысли. В освещении деятельности нашей партии обществоведы традиционно шли за официальными партийными документами, ограничивались в основном их комментированием. В ходу были только готовые установки, которые нужно было только пережевать. В общественных науках прочную монополию заняли «избранные идеологи», на которых следовало равняться и мнению которых ни в коем случае нельзя было возражать. В такой атмосфере откровенная правда могла расцениваться как клевета на прекрасную действительность. Таким образом, многие годы партия по существу не выполняла одну из важнейших своих функций — разработку теории применительно к новым этапам развития нашего общества.

Все это отрицательно сказалось на содержании, формах и методах идейно-воспитательной работы. Несмотря на то, что только в 60—70-е годы по вопросам идеологической работы было принято около 80 постановлений, эффективность ее нельзя признать удовлетворительной. И прежде всего потому, что идеологическая работа не подкреплялась практическими делами. Она нередко подменялась скоротечными кампаниями, оторванными от жизни, ее насущных проблем и практических задач, что обрекало пропаганду на абстрактное просветительство, беспредметную словесность. Острота жизненных противоречий часто игнорировалась, действительное положение дел на местах замалчивалось. Зато при этом мы не ограничивали себя проведением всевозможных парадов, различных фестивалей, смотров и т. п.

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 29 июля 1988 г. М., 1988. С. 35.

Сознательное искажение действительности рассматривалось как средство агитационно-пропагандистской деятельности, направленной на поддержание высокого морального настроя у трудящихся, укрепление авторитета руководства, воспитание у масс идейной убежденности. Как отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, мир повседневных реальностей и мир показного благополучия все больше расходились друг с другом [1].

Все это не могло не сказаться на нравственной атмосфере общества. Снизился интерес людей к общественным делам, подтачивались высокие нравственные ценности нашего народа, начали возрастать такие негативные явления, как пьянство, наркомания, проституция, рвачество, взяточничество. Глубокие корни пустил потребительский образ жизни как реакция на игнорирование интересов личности, на ограниченные возможности самореализации человека, на дискредитацию и ослабление роли важнейших ценностей социалистического образа жизни. В таких условиях говорить о доверии к партийному слову, к пропаганде не приходилось.

Отступление от принципов творческого марксизма-ленинизма оставили в идеологии тяжелый след, снизился ее теоретический уровень. В сущности, идеологическая работа стояла на службе догматических представлений о социализме, утратила критическое отношение к действительности и тем самым способствовала застойным явлениям. Пропаганда, обходя животрепещущие проблемы бытия, вырождалась в ритуальное действо. Потеря интеллектуальной инициативы, догматизм, разрыв слова и дела привели к ослаблению идейного влияния партии. Надо признать, что после Ленина у нас не было научно обоснованной организации воспитания человека, системы духовного возвышения личности.

Авангардная роль партии, ее авторитет немыслимы без личного примера коммуниста, особенно коммуниста-руководителя, начиная с секретаря первичной парторганизации и кончая генеральным секретарем ЦК. Ведь те деформации, которые произошли в партии, надо в первую очередь отнести за счет ее руководителей. Думается, что одной из главных причин снижения авторитета партии явилось злоупотребление партийной властью, нарушение ленинских принципов коллективности руководства. Вместе с тем не дает покоя и такой вопрос: разве партия в целом не виновата за появление культа личности Сталина? За тяжелейшие последствия этого

---

[1] См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 янв. 1987 г. М., 1987. С. 12.

чуждого социализму явления, за волюнтаризм и субъективизм, за грубейшее нарушение партийной жизни, конечно, как бы мы не лукавили, вина лежит на КПСС как правящей партии.

Беспокоясь о судьбе перестройки, советские люди требуют создать такие условия в партии и обществе, которые навсегда бы очистили нашу жизнь от рецидивов вождизма, исключительных авторитетов, безграничной власти, беззакония. «Пятьдесят лет мы переходили от одного культа к другому,— пишет в «Правде» коммунист А. Орлов из Москвы.— После того, когда в обществе насаждались страх, насилие, самовосхваление вплоть до прижизненных памятников, к демократии просто так, забыв обо всем, не перескочишь. Нужна перестройка основательная, нужно понимание партийными работниками, что вмонтировать демократизм в партократию не удастся...» [1].

Почему же ныне коммунисты и беспартийные предъявляют высокие претензии к партийным работникам, к руководителям партийных органов? Почему во время обсуждения Тезисов ЦК КПСС к XIX партконференции развернулись острейшие дискуссии по вопросу об ограничении сроков пребывания на выборных партийных должностях? Прежде всего потому, что народ судит не по званиям, а по конкретным делам. Это особенно проявилось в ходе выдвижения делегатов на партконференцию. Ведь авторитет того или иного руководителя создается не властью, не должностью, не членством в правящей партии. Здесь решающую роль играет нравственность коммуниста.

Не случайно в политическом завещании Ленина моральным качествам коммунистов уделено так много внимания. Вся деятельность В. И. Ленина, руководившего свыше четверти века партией, являет собой яркий пример и образец осуществления на практике партийного руководства. Важно напомнить, что после победы Октябрьской революции В. И. Ленин был главой Советского правительства и формально не имел первой должности в партии. Но он был признанным вождем ее. И никому из его соратников не приходило в голову сказать, что он сосредоточил в своих руках слишком большую власть. Мудрость Ленина, его теоретический ум и редкий дар политика и организатора служили гарантией против злоупотреблений властью.

Однако после смерти Ленина шаг за шагом началось отчуждение партии, особенно ее руководства от общечеловече-

---

[1] Правда. 1988. 7 июня.

ских нравственных ценностей. Сталин на практике реализовал свою концепцию партии, и в этом процессе особую роль сыграл механизм репрессий. Партия под руководством Сталина стала безгласной организацией, оторванной от народа. Она не руководила, а командовала. Внутри партии сложилось определенное противостояние между аппаратом и массой членов партии. Ленинский принцип — аппарат для партии, а не партия для аппарата — был нарушен. Административно-командная система сказалась на всей общественно-политической жизни страны, господствовала атмосфера нетерпимости, вражды, подозрительности.

В последнее время вокруг личности «вождя всех народов» идут дискуссии. Хотя, казалось бы, все ясно: в партийных документах дана принципиальная оценка 30—40-м и началу 50-х годов и Сталину как руководителю. Однако объективное и все более полное освещение сущности сталинизма оказалось не по душе сторонникам консервативного мышления. Появились и прямые защитники Сталина и того периода, которые по примеру Н. Андреевой «не могут поступаться своими принципами». Критика культа демагогически отождествляется ими с очернением истории страны, партии. Анализ «белых пятен» нашего прошлого становится для них чуть ли не синонимом отрицания трудовых и ратных подвигов советского народа.

Но вопрос ставится совсем по-другому. При правдивом освещении достижений, связанных с социалистическим строительством, нельзя не сказать и о методах их осуществления. Широко открыв дверь для правды, мы сегодня говорим как о достижениях, так и о недостатках, ошибках, допущенных на нашем пути. Люди хотят увидеть корни негативных явлений в жизни общества, выяснить причины деформации партии, социализма в целом. Ведь всякое умолчание и всякая полуправда — политическое, социальное зло, подрывающее веру даже в самые благие намерения, порождающее скептицизм. Без понимания прошлого нет будущего. Народ, не знающий своей истории, не может двигаться вперед.

Сегодня надо прямо сказать: Сталину и его приспешникам не может быть прощения, ибо те средства, которые они применяли для достижения якобы высоких целей, обошлись нам миллионами человеческих жизней. Многие люди спрашивают: можно ли Сталина считать коммунистом? Думается, что нет. Он скомпрометировал это высокое звание. Сталин был неограниченным диктатором, самодержцем, преступником.

Разве можно пройти мимо миллионов загубленных жизней советских людей, преданных большевиков, создавших партию,

строивших и защищавших социализм, Советскую власть, до конца оставшихся верными знамени Ленина! Наш долг состоит в том, чтобы сделать все для исключения повторений подобных преступлений.

Встречаются иногда утверждения, что Сталин возомнил себя всесильным «божеством» только в последние годы своей жизни, что культ личности характерен лишь для последнего периода его руководства. Но это не так. Еще В. И. Ленин увидел опасность самовластия Сталина и предлагал сместить его с поста генсека. Указывая на отрицательные черты характера Сталина, Владимир Ильич отмечал, что это может показаться мелочью, которая рискует получить решающее значение. К сожалению, на практике так и вышло.

Отмечая значение решений XX съезда КПСС в разоблачении культа личности, необходимо сказать, что его оценка сводилась в основном к деятельности одного человека. И только в докладе М. С. Горбачева, посвященном 70-летию Великого Октября, впервые был поставлен вопрос об ответственности не только Сталина, но и его окружения, об оценке режима власти, при которой стали возможными массовые преступления. Это открыло новый подход к анализу того периода.

Действительно, не мог же Сталин сам, в одиночку, добиться абсолютной власти. Значит, это нужно было его окружению. Иначе как могло случиться, что такая патологическая личность, палач, похотливый мерзавец, как Берия, оказался на вершине партийной и государственной пирамиды, рядом с вождем? Допустим, что Сталин ничего не хотел замечать. А что же другие члены Политбюро, ЦК партии? Неужели не видели, не знали? Видели и знали, конечно, но молчали, спасая себя и свои должности. Каганович, Молотов, Маленков, Жданов, Ворошилов и другие разделяют прямую политическую ответственность за установление абсолютной власти и за творившиеся беззакония, в которых принимали непосредственное участие.

После времени сталинизма, как уже отмечалось, партия предприняла попытку очищения, возврата к прежним нравственным ценностям. На первый взгляд казалось, что жизнь наша была прямой противоположностью 30—40-м годам. Новые руководители много обещали, говорили о демократизации общественной жизни, о благе народа, но это были только слова. «Зачаточные» реформы по сути ничего не дали, кроме уверенности в безграничной устойчивости и непоколебимости административной системы. Надежды и иллюзии на обновление быстро рассеялись. Большинство думающих людей

разочаровались: как же так, опять на словах одно, а в жизни — совсем другое?

Что же помешало навсегда избавиться от командно-административной системы, уродливых методов руководства партией, обществом? Ведь со времени XX съезда партии и до апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС прошло почти 30 лет — немалый срок для истории нашей страны. Но все это время общество продолжало двигаться, по существу, в тупик во всех отношениях.

Ради справедливости надо прямо сказать, насколько этот период деформировал партию, нравственную атмосферу в обществе, духовное здоровье народа, особенно молодежи. И опять же причины всех этих бед теснейшим образом связаны с деятельностью личностей, стоящих во главе партии, в частности Л. И. Брежнева. Именно при нем со всей откровенностью обнажилась вся подноготная командно-бюрократической системы руководства. Именно в это время официальная книжная идеология оказалась наиболее оторванной от реальной действительности. В те годы очень много говорилось и писалось о единстве, о всенародной поддержке курса партии и т. п. Но под таким единством понималось бездумное выполнение указаний «самого» и его окружения.

Если Сталин в своей репрессивной деятельности опирался на органы НКВД, то Брежнев — на бюрократию, слои, которые располагались по пирамидально-иерархическому принципу. Если в 30—40-х годах руководители хотя бы внешне проявляли склонность к аскетическому образу жизни, то в 70-е — начале 80-х годов многие руководящие кадры и не скрывали корыстно-гедонические мотивы. Отсутствие личного авторитета у руководителя возмещалось авторитетом должностей, званий, наград и прочих реалий, которые «верхний» щедро раздавал «нижним», а те платили ему лестью, угодничеством. Не случайно на XIX партконференции некоторые делегаты справедливо отмечали, что во главе партии и государства долгое время стояли «наградохвататели».

Сегодня нам неловко вспоминать, как проходили предыдущие съезды партии, Пленумы ЦК КПСС, когда зал сотрясали хвалебные речи в адрес докладчика и «бурные», «продолжительные», «долго не смолкающие», «переходящие в овацию» аплодисменты. Как теперь все это объяснить?

По многочисленным отчетам, статистическим данным все планы успешно выполнялись и перевыполнялись. Например, в Отчетном докладе XXV съезду КПСС утверждалось, что история страны не знает столь широкой социальной программы, как та, которая была выполнена в девятой пятилетке, что

другая кардинальная проблема, в решении которой страна продвинулась вперед,— это развитие сельского хозяйства, его техническое перевооружение, укрепление экономики колхозов и совхозов. Сегодня мы уже знаем об этих «достижениях».

В настоящее время на страницах нашей печати идут дискуссии: построен в нашей стране социализм или нет? Некоторые ученые утверждают, что социализм у нас не построен. На наш взгляд, правильнее было бы поставить вопрос по-другому: тот ли социализм мы построили, какой хотели и о котором говорил В. И. Ленин? Думается, что вместо ленинского социализма у нас построен авторитарно-бюрократический, который идеологи во главе с Сусловым объявили «развитым социализмом». Вместо власти народа утвердилась власть бюрократии, власть «культиков».

К началу 80-х годов правление Брежнева приняло комический характер. Обстановка поклонения граничила с фарсом. Всякие события являлись поводом для безудержного его восхваления. Здесь уже прямо «соревновались» в расточительстве льстивых эпитетов. Вспомним, какой характер приняло всенародное обсуждение «литературных произведений» вождя — «Возрождение», «Малая Земля», «Целина», «Воспоминания». Все центральные и местные газеты были переполнены хвалебными статьями и рецензиями. По этим «произведениям» создавались фильмы, спектакли, немало постановщиков и режиссеров получили правительственные награды, почетные звания. Сам же автор, как известно, был удостоен Ленинской премии «за выдающиеся произведения современности».

При Брежневе сознательно подкупались и развращались руководящие кадры. Персональные машины, роскошные квартиры и дачи, карьера, награды, льготы, нужные связи, осуществление возможности попасть в руководящую и распределяющую элиту стали главной целью для многих партийных руководителей и их семей.

Формы и методы руководства, сложившиеся в застойные годы, тиражировались в обществе по горизонтали и вертикали. Их копировали многие партийные, советские и хозяйственные руководители. Это углубляло разрыв между ними и народом, ставило их в полную зависимость от «хозяина» сверху, от его произвола. Партийная дисциплина стала средством голого принуждения, независимо от того, правильно или нет действие того или иного руководителя. Так создавалась «номенклатурная знать».

Естественно, что в таких условиях никакой речи не могло быть о критике, реальной выборности органов и тем более контроле за их деятельностью. Самое страшное заключалось

в том, что фальшь и ложь превратились в обычное явление, стали восприниматься как вполне допустимый способ оправдания неблаговидных действий на самых различных уровнях управленческой пирамиды.

В брежневские времена стало правилом для немалого числа партийных и хозяйственных руководителей решать и устраивать сначала дела личные и лишь затем коллективные, производственные. В то же время от активной общественной деятельности были отстранены действительно инициативные люди, умеющие думать, опираться на прогрессивные конструктивные позиции и взгляды.

Бюрократизация партийно-государственного аппарата способствовала грубейшим нарушениям норм партийной жизни, злоупотреблению властью, породила коррупцию. Машина круговой поруки вовлекла в орбиту преступлений тысячи и тысячи должностных лиц. Происходило опасное по своим масштабам и последствиям разложение кадрового корпуса партии.

В условиях планируемой сверху единогласной выборности, отсутствия сменяемости руководителей, их критики стало возможным сращивание многих руководящих работников с работниками торговли, правоохранительных органов и даже с преступным миром. Создавались целые преступные кланы. Система взяточничества и коррупции была выявлена в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Туркмении, Закавказских республиках, Молдавии, в Краснодарском крае, на Украине и в Москве. Нечистые на руку личности внедрялись в самые высшие эшелоны власти, влияли не только на развитие экономики, но и на законодательство. Следователи, прокуратура, суд, органы внутренних дел были поставлены в такие условия, что уголовные дела по взяточникам, расхитителям государственного имущества, организаторам коррупции были практически сведены на нет.

Мог ли, скажем, не знать Брежнев о том, что творилось в Узбекистане, Казахстане, Молдавии и других регионах, руководителей которых он всегда ставил в пример? Трудно ответить на этот вопрос. Ясно одно: он покровительствовал таким, как Рашидов, а они в свою очередь всегда поддерживали его, восхваляли, льстили ему.

Кто же, как не Брежнев, Рашидов, Щелоков, Кунаев, Чурбанов, Медунов, Бодюл, Усабалиев, Камалов и целая плеяда таких же высокорангированных, но окончательно скомпрометировавших себя в глазах народа лиц, довели страну до кризисного состояния? О каком авторитете таких руководителей, а через них и всей партии в тех условиях можно говорить?

Нет ничего без причин

Анализируя причины грубейших нарушений норм партийной жизни, невольно задумываешься: почему у нас об ошибках и преступлениях принято говорить через много лет после их свершения. Не потому ли, что в свое время большинство из нас молчаливо взирало на происходящее, сторонилось борьбы за справедливость. Да, времена культа личности, годы застоя оставили нам в наследство самое страшное — страх, боязнь сказать то, что думаешь.

Как могли быть допущены такие деформации в жизни партии и общества? Каковы причины всех этих уродливых явлений?

Главные причины, безусловно, заключаются в несовершенстве политической системы. Именно из-за ее серьезных деформаций стали возможными всевластие и беззаконие Сталина и его окружения. Сложившиеся в то время командно-административные методы управления оказали пагубное воздействие на все стороны жизни общества и в последующие годы. Последствия этой системы мы ощущаем до сих пор.

Корни многих наших бед кроются в принижении значения (а то и в сознательном свертывании) социалистической демократии. Именно это привело к культовым явлениям.

Другими словами, существовавшая до последнего времени политическая система в нашей стране была не только неспособной предохранить нас от застойных явлений в экономической, социальной, внутрипартийной жизни, а наоборот, способствовала им. Народ фактически был отстранен от реального участия в решении государственных и общественных дел.

Коррозия политической системы привела и к серьезным недостаткам в подборе, воспитании и расстановке руководящих кадров. Недооценивалась их политическая и теоретическая подготовка, идейно-нравственные качества. В подборе кадров преобладал технократический подход, когда на первый план выдвигалось знание работником той или иной отрасли производства.

Факт. В 1981 году в составе первых секретарей обкомов Компартии Украины специалистов промышленности и сельского хозяйства было 96 процентов, тогда как из них партийно-политическое образование имели только 34,5 процента.

На XIX Всесоюзной партконференции обращалось большое внимание на необходимость значительного улучшения подготовки партийных работников, руководящих кадров. От-

мечалось, в частности, что руководителя должна отличать высокая образованность и компетентность, политическая культура, интеллект, порядочность, умение увлечь, повести за собой людей.

Перестройка предъявляет партийному работнику очень много новых требований. Сегодня для него, как никогда, важно обостренное чувство нового, политическое чутье, теснейшая связь с массами, знание их настроений, запросов и пожеланий, умение прислушиваться к людям и работать с ними. От него требуется умение руководить политическими методами, не подменяя, а объединяя усилия партийных и общественных организаций, понимание экономических и правовых методов управления.

Практика последних десятилетий убедительно подтвердила, что длительное пребывание на руководящих постах ведет к застою в движении кадров. Привилегированное положение высших звеньев партийного аппарата, функциональный образ жизни партийных работников неизбежно ведет их к изоляции, к невозможности воспринимать те проблемы, заботы и нужды, которыми живет народ.

Классики марксизма-ленинизма предупреждали, что всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. В годы застоя часть недостаточно зрелых коммунистов, попавших на руководящие должности и почувствовавших свою «бессрочность», считали себя чуть ли не удельными князьями, опускались иногда до злоупотреблений, используя рычаги власти и беззаконие. На XIX партконференции отмечалось, что многие из тех, кто годами оставался на руководящих должностях, возомнили себя непогрешимыми и несменяемыми. Снижение ответственности немалой части выборных лиц и партийного аппарата, их отрыв от партийных масс, трудящихся нередко заканчивались, как мы теперь знаем, политическим и нравственным падением. Именно здесь корни постыдных фактов злоупотребления властью, морального перерождения, вскрытых в ходе перестройки.

Поэтому, учитывая предложения и требования коммунистов, беспартийных, XIX партконференция приняла решение о сменяемости выборных руководящих работников. Причем без каких-либо исключений, которые еще допускались в Тезисах. В этом решении наиболее зримо проявилось начало истинной демократизации нашей жизни.

Существовавшая ранее система расстановки кадров без учета общественного мнения не всегда позволяла выдвигать на руководящие посты наиболее способных людей, преданных интересам партии и народа. Функционирующая система не

обеспечивала самоочищения — вот ее главная беда. В системе власти произошли разного рода наслоения, в ней, как говорил В. И. Ленин, появилось немало примазывающихся к господствующей партии лиц, в которых идейность стала подменяться лояльностью, личной преданностью вышестоящим руководителям. Этот процесс девальвации качеств коммуниста-руководителя происходил потому, что в партии не соблюдались нормы партийной жизни, отсутствовали демократизм, гласность и настоящий контроль со стороны народа.

Административно-бюрократический аппарат многочисленными ограничениями самостоятельности закреплял за массами и отдельными гражданами роль пассивного исполнителя, что создавало почву для прорастания «культов» и «культиков».

Весь этот критический анализ недостатков и ошибок в деятельности партии, особенно ее руководителей, сделан не с целью очернения нашей истории, акцентирования внимания только на ошибках, а для того, чтобы проанализировать явления особого рода. Явления застойных лет, явления, таящиеся в недрах командно-бюрократического, авторитарного стиля руководства.

Да, в истории нашей страны есть, к сожалению, страницы, которые нельзя листать без чувства унижения и боли. Без анализа прошлого мы никогда не будем иметь гарантий того, что многие ошибки и нарушения не повторятся. И освещение тяжелых просчетов и преступлений, имевших место в прошлом — недалеком и более отдаленном,— не следует понимать как сведение каких-то счетов. Надо, чтобы все те, кто злоупотреблял властью и способствовал этому, знали, что такое не забывается и не прощается. Это послужит делу перестройки, и особенно укреплению народного доверия к партии.

Люди должны знать правду. Поэтому так актуально утверждение партконференции о том, что партия будет последовательно вести политику открытости и гласности, свободного обсуждения проблем прошлого и настоящего. Ибо только такая политика способствует нравственному оздоровлению советского общества, освобождению от всего, что чуждо его гуманной природе.

Что разумно — то действительно

Перестройка была подготовлена глубинными, мощными, объективными процессами и потребностями как в социально-экономической, так и в духовной сфере общества. К выводу

о ее необходимости партию привели насущные и неотложные потребности нынешнего времени. Перестройка — это не только избавление от застойности и консерватизма предшествующего периода, исправление допущенных ошибок, но и преодоление исторически ограниченных, изживших себя черт общественной организации, форм и методов партийной работы. Это придание социализму самых современных форм, соответствующих условиям научно-технической революции, интеллектуальному прогрессу советского общества.

В докладе М. С. Горбачева, выступлениях делегатов на XIX партконференции, в принятых резолюциях дана всесторонняя характеристика сущности перестройки партийной работы. Она охватывает все звенья партии. И это не частичные улучшения и совершенствования, а коренные изменения всей жизни и деятельности партии на основе углубления научной обоснованности, реалистичности партийной работы.

Конференция остро поставила вопрос о разграничении функций партии, государственных и хозяйственных органов. Именно этим вызваны практические шаги по совершенствованию структуры и деятельности партийного аппарата, предпринятые июльским (1988 г.) Пленумом ЦК КПСС. Прежде всего разграничение функций касается верхних эшелонов руководства страной. С одной стороны, это возрастание роли высших органов государственной власти и управления, с другой — Центрального Комитета КПСС и Политбюро исключительно как органов политического руководства. Признано необходимым исключить принятие партийных решений, содержащих прямые указания государственным и хозяйственным органам, отказаться от командно-приказных методов руководства.

Освобожденный от административно-хозяйственных функций, партийный аппарат призван сосредоточить свою работу на ключевых направлениях внутренней и внешней политики, перенести центр тяжести на политические методы руководства. Это нашло отражение и в структуре, и в кадровом составе аппарата. Освобождение партийного работника от хозяйственных хлопот даст ему возможность для интенсивного общения с людьми, систематического пополнения знаний, самообразования и самовоспитания, то есть позволит ему стать специалистом в своей области. Да и мы увидим в нем не чинушу с указывающим перстом, горделиво восседающего за красным сукном президиума, а компетентного руководителя, прогрессивно мыслящего и действующего человека. Надо, чтобы интеллигентность, элементарная культура, порядочность и деликатность партийных работников присутствовали не в од-

них лишь повестях и романах, написанных по методу социального заказа.

В связи с этим может возникнуть вопрос: не означает ли разграничение функций партийных и государственных органов отлучения политики от экономики, снижения внимания партии к решению хозяйственных задач? Нет, напротив, речь идет как раз о необходимом и единственно реальном пути усиления партийного, политического воздействия на систему приоритетов в экономике и социальной практике. Столь же беспочвенны и представления о том, будто в нашем социалистическом обществе экономика может развиваться без ориентации на политически выраженные интересы трудящихся, исключительно по законам рынка. Вместе с тем следует подчеркнуть, что руководящая роль партии принадлежит не только ее высшим эшелонам, не только партийным комитетам. Партия — это прежде всего первичные организации в трудовых коллективах с их каждодневными производственными и житейскими заботами. Именно через активную деятельность первичных парторганизаций и будет преломляться партийная политика, осуществляться ее влияние на хозяйственную деятельность.

В. И. Ленин предупреждал о недопустимости отрыва политики от экономики или противопоставления политического руководства хозяйственному руководству, особо отмечал активную роль политики в социалистическом преобразовании экономики. «... У нас,— говорил он,— хозяйственное дело — наше общее дело. Это самая для нас интересная политика» [1]. В. И. Ленин учил, что искусство политического руководства состоит в умении определить смены этапов и периодов объективного развития и в соответствии с этим перестраивать работу партии в связи с изменением условий ее деятельности. Вместе с тем он был противником ненужных, общих перестроек.

На XIX Всесоюзной конференции КПСС отмечалось, что при разграничении функций партийных и государственных органов должна быть во всей полноте и с учетом современных условий возрождена ленинская концепция партии как авангарда общества, который, основываясь на марксистско-ленинском учении, обеспечивает теоретическую разработку важнейших вопросов развития страны, занимается выработкой идеологии перестройки, дает правильное, социалистическое направление движения нашего общества.

---

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 330.

В ходе дискуссии по обсуждению Тезисов ЦК КПСС к XIX партконференции встречались высказывания о несостоятельности однопартийной системы, утверждения о том, что многопартийность исключила бы имевшие место в прошлом злоупотребления властью. Сейчас трудно судить, насколько и как смогло бы количество партий само по себе исправить что-либо в тех условиях. Думается, что в нашей стране нет объективных условий для создания других партий. Сегодняшние перемены в стране, охватывающие экономику, политику, социальную сферу, происходят по инициативе КПСС. Другое дело, что партия должна работой доказывать свое право на политическое руководство обществом, а не просто утверждать его Конституцией. И доказывать это не другой какой-то партии, а народу. Руководящая роль КПСС, как и роль партийного работника любого ранга, ныне определяется уже не авторитетом званий и должностей, как это раньше бывало, а конкретными делами, повседневной работой в массах, с массами и для масс. Только реальными практическими действиями по улучшению дел во всех сферах нашей жизни оценивается ныне деятельность любой организации партии.

Решение судьбоносных для страны и социализма задач обновления общества требует повышения руководящей роли партии и новых критериев оценки выполнения ею этой роли. Важно подчеркнуть, что ныне руководящая роль партии в обществе возрастает не только в смысле общеисторической тенденции, о чем говорилось раньше. В настоящее время она возрастает фактически, конкретно, деятельно. «Выступая инициатором реформы и активным проводником ее в жизнь,— подчеркивается в резолюции XIX партконференции,— партия на деле выполняет свою миссию политического авангарда рабочего класса, всех трудящихся» [1]. Выполнение этой роли сегодня оценивается критериями, в числе которых — самоочищение, решительность в делах перестройки, демократизация и гласность в жизни партии, укрепление связей с народом.

Социализм невозможен без демократии

Почему именно вопросам демократии отводится такая роль в решении сложных и ответственных задач обновления нашего общества? Разве в нашей стране не было демократии или ма-

[1] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 124.

ло говорилось об этом? Ради справедливости надо сказать, что говорилось и писалось о демократии немало. У нас ведь до сих пор встречается такое понимание: если тебя за воротник не хватают — значит, живешь в условиях демократии. На самом деле демократия — это совсем не то, что народу что-то разрешают, а то, что народ сам себе чего-то не позволяет.

Рассматривая вопросы демократизации, необходимо прежде всего исходить из диалектического единства социализма и демократии, взаимообусловленности их возникновения, становления и развития. На это обращал особое внимание В. И. Ленин. Он писал, что «социализм невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготовляется к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы... без осуществления полностью демократии» [1].

Важно подчеркнуть, что проблема демократизации жизни нашего общества неотделима от процесса демократизации в партии. Ведь в обществе демократии никак не может быть больше, чем ее будет в самой правящей партии. И неспроста вопросы перестройки партийной работы, партийной жизни с целью их демократизации занимают приоритетное место. Сегодня особенно очевидно: если процессы демократизации в обществе будут пресечены, перестройка задохнется, партию ждет моральная гибель.

Разъясняя сущность партийного демократизма, В. И. Ленин подчеркивал право каждого коммуниста на открытое участие в жизни партии, право свободного обсуждения вопросов партийной политики с полной свободой критики, пока по этим вопросам не принято общеобязательных партийных решений. Он указывал на необходимость коллегиальной выработки партийных решений и обеспечения выборности всех руководящих органов снизу вверх.

Заботы о партийной демократии и об ограждении партийных рядов от карьеристов и проходимцев между собой тесно связаны. Примазывающимся к партии демократия не нужна. Им нужны чины да кресла, дотянуться до которых как раз и мешает демократизация. Поэтому карьерист и бюрократ всегда против демократии.

И как бы ни был широк круг проблем демократизации, самые главные из них связаны с деятельностью руководящих

---

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 128.

органов партии. Должно ли руководство партии быть особым органом власти, стоящим над всеми другими органами управления? Как контролировать эти особые органы власти, например Центральный Комитет, Политбюро? Можно ли опротестовать их решения как не конституционные? Вот вопросы, волнующие сегодня миллионы коммунистов. «По той осведомленности, в которой находится рядовой житель страны, аккуратно читающий газеты и смотрящий телевизор, судить о перестройке в работе ЦК и всего его аппарата, по-моему, невозможно,— писал в «Правду» инженер из Свердловска Н. Тимошенко.— Почему? Да потому, что ЦК не коснулся, на мой взгляд, важнейший элемент перестройки и демократизации — гласность. Мы не знаем, что такое его постоянно действующий аппарат, каковы его структура, численность, организация работы, принципы подбора кадров и их подготовка, условия работы и социального обеспечения этих кадров. Мы не знаем элементарных вещей о Политбюро и Секретариате ЦК. Например, чем занимается, за какой участок работы, жизни партии и страны отвечает каждый из членов Политбюро и секретарей ЦК? Мы также не знаем, чем занимаются в ЦК его члены, избранные туда от нашей области. Об американских сенаторах и конгрессменах мы порой осведомлены лучше, чем о своих руководителях» [1].

Недаром все участники дискуссии по Тезисам ЦК и выступающие на XIX партконференции одобрительно отнеслись и к намеченной перестройке порядка обсуждения вопросов в ЦК, и к введению прямого тайного голосования, и к рассекречиванию партийной жизни, то есть к тем мерам, которые помогут преодолеть отрыв руководящих партийных работников от широких масс, на деле обеспечат рядовому коммунисту его уставное право участвовать в выработке политики партии.

Как известно, Ленин нетерпимо относился к самой мысли о возможности руководить единолично, не считаясь с коллективом, не опираясь на мнение партии и ее руководящих органов. Он всегда внимательно прислушивался к высказываниям своих соратников, поощряя коллективное обсуждение как больших, так и малых вопросов, совместную разработку решений. Но эти ленинские требования, как уже отмечалось, не выполнялись в период культа личности и застоя. В партийных органах нарушалась коллегиальность в работе, ослаблена была роль выборных органов. На протяжении ряда лет вне повесток пленумов оставалось немало проблем, вол-

[1] Правда. 1988, 28 июня.

нующих партию и народ. Пленумы ЦК не раз проводились накоротке, формально. Многие члены ЦК в течение всего срока пребывания в его составе не имели возможности участвовать в прениях и даже внести предложения.

В таком же духе, в основном, проходили пленумы ЦК компартий союзных республик, обкомов, крайкомов, горкомов и райкомов партии. Критика недостатков сводилась к перечислению фамилий отдельных руководителей, подчас одних и тех же. Нередко в таких случаях люди с иронией говорили: еще раз напомнили, кто и кем работает.

К сожалению, подобная практика продолжается и сегодня. До сих пор на многих пленумах обкомов или райкомов партии часто фигурируют одни и те же фамилии, повторяются одни и те же проблемы. Если выступает рабочий, колхозник или хозяйственник, то сначала следует краткий отчет о личных успехах или достижениях коллектива, затем — преимущественно хозяйственные просьбы и «под занавес» — робкие пожелания обкому (райкому) партии. Если же слово берет первый секретарь, то в начале он долго «озадачивает», по сути, самого себя, мимоходом соглашается с критикой и охотно «раздает наряды» областным (районным) ведомствам.

Единственным гарантом успеха перестройки, демократизации партийной жизни может быть только всеобъемлющая, надежная, эффективная система контроля снизу. И сколько бы мы не придумывали справедливых законов, без реального контроля народа за состоянием дел в обществе демократия выродится в декларацию, о чем мы уже хорошо убедились на собственном опыте. Не случайно в последние годы жизни В. И. Ленин все чаще писал об опасности бесконтрольной власти партийных и государственных органов. Не случайно он возвращался к вопросу о рабочем, всенародном контроле.

Не повторять ошибок

Самое тревожное в истории нашей партии и общества — повторяемость ошибок. Ведь культ личности Сталина, волюнтаристские действия Хрущева и инфантильную застойную политику Брежнева характеризует одна общая черта: эти политические явления возникли из-за отсутствия реального механизма, обеспечивающего контроль масс за действием руководителей.

Какими же были взгляды В. И. Ленина на контроль масс за работой аппарата управления? Что помешало потом полностью реализовать ленинские идеи «контроля снизу»?

Возвращение к ленинским принципам, творческое изучение опыта различных форм партийно-государственного, всенародного контроля бесспорно послужат делу перестройки, развитию социалистической демократии. Ленинская идея создания единого партийно-государственного контроля подразумевает взаимопроникновение контроля в рамках законов и морали социализма. Эти вопросы затрагиваются в более чем ста выступлениях, статьях В. И. Ленина. Под непосредственным его руководством складывалась и развивалась эффективная система контроля в партии и стране.

В. И. Ленин рассматривал контроль как мощное средство вовлечения широких масс в управление государством, как важнейшее условие углубления демократии. Уже через два с половиной месяца после провозглашения Советской власти был принят декрет «О Центральной контрольной коллегии и местных учетно-контрольных коллегиях и комиссиях», который положил начало единым органам контроля в Республике Советов. 23 января 1920 года Наркомат Госконтроля был преобразован в Рабоче-крестьянскую инспекцию — Рабкрин.

На IX партконференции в сентябре 1920 года был создан высший контрольный орган партии — Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК), целью которой было предупреждать появление в партии фракций и группировок, очистить ее от недостойных людей. Ставилась задача «действительно сделать ее настоящим органом партийной и пролетарской совести» [1].

В ряде последних работ (1922—1923 гг.) «Письмо к съезду», «Как нам реорганизовать Рабкрин?», «Лучше меньше, да лучше» В. И. Ленин обосновал необходимость создания единого партийно-государственного органа контроля на основе слияния ЦКК и РКИ и определил его задачи, структуру и методы деятельности. Возможно, Ленин начал видеть будущее складывавшейся административно-командной системы. Он, видимо, предчувствовал всю страшную опасность этого и подверг переосмыслению общепризнанные к тому моменту критерии контроля. XII съезд партии принял решение о реорганизации контрольных органов. Главными направлениями работы объединенного органа контроля были совершенствование, сокращение и перестройка госаппарата, его демократизация. Это давало высшим органам партии возможность установить более прочную связь с широкими рабоче-крестьянскими массами. Ленин считал, что члены нового органа контроля обязаны присутствовать на каждом заседании Политбюро,

---

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 394.

должны составить сплоченную группу, которая, «невзирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет — ни генсека, ни других членов ЦК — не мог помешать им сделать любой запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел. Этот орган обладал и соответствующими правами, не подчинялся ЦК партии, а был подотчетен только партийному съезду.

Однако просуществовал он недолго. В условиях складывающейся в 30-е годы личной диктатуры «вождя всех времен и народов» демократия могла существовать лишь в определенных рамках. Лишними при этом стали и контролирующие органы. На XVII съезде партии они были ликвидированы. Взамен была создана Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), которая, по сути, стала придатком партийного аппарата, не имеющим никакой самостоятельности. Тем самым Сталин развязал себе руки для массовых репрессий.

Как известно, В. И. Ленин настойчиво добивался вовлечения рабочих и крестьян в деятельность высших руководящих органов партии и Советской власти, систематического их обновления. Однако демократические основы были лишь заложены, но не развиты. Ведь если бы пребывание Сталина на посту генсека было ограничено определенным сроком, культового уродства можно было бы избежать. Не было бы в нашей истории и застойного периода, если бы Брежнев не находился у власти 18 лет.

В ленинском предложении XII съезду партии «Как нам реорганизовать Рабкрин?» четко прослеживается мысль об обязательном обновлении руководящих партийных органов, о разграничении функций ЦК партии и Советской власти. Ленин предлагал увеличить число членов Центрального Комитета партии до 50—100 за счет избрания рабочих и крестьян.

Однако ленинская идея избрания в партийные и советские органы лучших коммунистов из рабочих и крестьян не была реализована до конца. И если в застойные годы состав ЦК и увеличился в несколько раз, то не за счет рядовых партийцев.

После XX съезда КПСС была проведена реорганизация формально-бюрократической системы Госконтроля, созданы органы партийно-государственного контроля. За три года своего существования они сделали немало полезного. Но уже в 1965 году новое руководство во главе с Брежневым упразднило этот орган. И как следствие — опять возобладали методы вседозволенности, показухи, очковтирательства, зачастую исходившие из высших звеньев управления. Стали складываться

зоны, закрытые для контроля, для критики. Так было в целом по стране, в каждой республике и в каждом районе. Партийное руководство органами народного контроля было ослаблено, его потенциальные возможности использовались плохо. Ленинский принцип вовлечения широких слоев трудящихся в работу органов контроля опять был фактически забыт.

И сегодня еще в выборных органах встречаются не наиболее авторитетные коммунисты, а «владельцы» авторитетных должностей. Трудно выражать доподлинно и точно волю и чаяния трудящихся, если их представители в партийных комитетах в абсолютном меньшинстве. Например, в Центральном Комитете КПСС, избранном на XXVII съезде, рабочие и колхозники среди членов ЦК составили лишь 5 процентов, среди кандидатов в члены ЦК — 10, среди членов Центральной Ревизионной Комиссии — 20 процентов. В то же время две трети членов ЦК никогда не были ни рабочими, ни колхозниками.

Налицо несоответствие между растущей численностью членов партии и слабостью партийного влияния на многих участках нашей деятельности. Произошла определенная девальвация звания члена партии. Не секрет, что во многих случаях членство в партии становилось трамплином для карьеры. На протяжении последних 20 лет членом КПСС едва ли не автоматически становился тот, кто получал анкету. За 15 лет между XXIV и XXVII съездами КПСС было принято в партию более 9 миллионов человек, а исключено — 1 миллион 100 тысяч человек. Сейчас в партии каждый десятый взрослый, каждый девятый работающий гражданин страны, каждый пятый инженер и техник, каждый четвертый специалист сельского хозяйства, почти каждый шестой учитель и врач, более половины писателей, треть композиторов и кинематографистов, две трети журналистов, 71 процент докторов наук, более половины кандидатов наук. В аппарате управления большинство работающих — члены партии. В то же время уровень партийного руководства многими сферами в годы застоя значительно снизился.

В. И. Ленин считал, что «можно даже отважиться на кажущийся парадокс: число членов организации не должно подниматься свыше определенного минимума *для того*, чтобы влияние ее на массу было широко *и устойчиво*»[1]. И хотя это было сказано в иных исторических условиях, в сложившейся ныне ситуации с ростом партийных рядов эта ленинская мысль не только не потеряла своего методологического значения, но

---

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 210.

и, как представляется, приобретает прямую практическую значимость. Поэтому не случайно сегодня сама партия поставила остро, как никогда раньше, вопрос о качестве своего состава.

XIX Всесоюзная партконференция осудила «разнарядку» в этом процессе, высказалась за то, чтобы основными критериями при оценке качества вступающего в партию стали его политическая позиция, реальное участие в перестройке, отношение к делу, моральный облик.

Как известно, партконференция приняла семь резолюций. У каждой из них свой аспект политической, социальной, экономической жизни страны. Но есть в них один общий и самый главный мотив — это мысль о демократии, об уважении к человеку. Впрочем не только резолюции, но и весь ход конференции — свидетельство все расширяющейся гласности, открытости общества и возросшего внимания к человеку. Только сейчас мы пришли к пониманию, что вновь должны возродить ленинский подход, который означает: в полной мере вернуть человека в материальное производство, сделать его там настоящим хозяином, а в политике, в духовной жизни — главным действующим лицом. Человек должен везде и во всем чувствовать, что страна нуждается в его нравственном здоровье, его интеллектуальных силах.

Эпоха «вождей» постепенно сходит на нет, возрастает роль каждого отдельного гражданина, который раньше считался лишь «винтиком» в государственном механизме. Поэтому партия и ставит вопрос о человеке как решающей силе общественных перемен к лучшему, главном источнике грядущих перемен на путях обновления нашей жизни.

Одной из ключевых проблем перестройки является возрождение чувства хозяина земли у крестьян, чувства хозяина предприятия — у рабочих, чувства хозяина страны — у всех членов нашей многонациональной Отчизны. Подлинного хозяина!

В нынешних условиях суть подхода к человеку состоит не только в том, чтобы провозгласить его активным субъектом обновления общества. Главное — создать условия для проявления творческих способностей и дарований личности. Именно этого — внимания, интереса и уважения к каждому — у нас, к сожалению, так не хватало, да и сейчас порой не хватает. А без этого ни человек для перестройки, ни перестройка для человека ничего не дадут.

Именно поэтому партийные комитеты, первичные парторганизации, осуществляя политическое руководство жизнью трудовых коллективов, призваны видеть в центре созидательной работы прежде всего человека, а не обезличенные процессы.

Трудно вообразить, что реформа политической системы общества возможна без демократизации внутренней жизни партии, без подлинно товарищеских отношений между всеми коммунистами. Еще труднее представить без этого авангардную роль КПСС в перестройке и самоочищении общества. Это ключевая мысль настоящей главы. Ее автор — кандидат исторических наук **Алексей Андриянович Спирин.**

Действительно, все очевиднее становится необходимость восстановления ленинского понимания принципа демократического централизма. Старые представления о нем не обеспечивают условий для борьбы с администрированием, запретительством, для свободного обмена мнениями, демократизации избирательного процесса в партии. Идеология обновления все заметнее берет верх над «разумом» инерции и самообмана.

3

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ВОЗРОЖДЕНИЕ

Среди многочисленных вопросов о месте и роли Коммунистической партии в осуществлении революционных задач перестройки чаще других ставятся следующие: почему принцип демократического централизма, положенный в основу организационного строения и деятельности КПСС, на определенном этапе был подменен бюрократическим централизмом? Почему первичные партийные организации, рядовые коммунисты в значительной мере потеряли реальные возможности влиять на содержание деятельности партии и ее руководящих органов? Почему не был поставлен прочный заслон для проникновения в партию людей нечестных, корыстолюбивых, стремящихся извлечь выгоду из партийного билета?

На эти и многие другие вопросы самокритично ответила XIX Всесоюзная конференция КПСС.

Причина заключается прежде всего в том, что произошли определенные деформации в самой партии, в содержании ее деятельности и связях с трудящимися, приведшие к утрате многих демократических, большевистских традиций, которые ей были присущи изначально, закладывались многолетними усилиями В. И. Ленина и его соратников. Отсюда совершенно закономерной является четкая установка конференции на дальнейшую демократизацию руководящей деятельности и внутренней жизни КПСС, полное возрождение внутрипартийной демократии. Без этого невозможна авангардная роль КПСС в перестройке и обновлении советского общества.

Каковы же пути достижения этих задач? Как восстановить ленинское понимание принципа демократического централизма, коллективности в работе, повысить роль первичных парторганизаций, каждого коммуниста в решении задач перестройки? Как устранить деформации в организационном строении партии, ее избирательной системе, овладеть всем арсеналом демократических средств работы?

Ленинские традиции и реальность

Если в правящей партии, призванной определять теорию и стратегию общественного развития, внутреннюю и внешнюю политику, формировать идеологию социалистического обновления, вести политическую и организаторскую работу в массах, воспитание и расстановку кадров, не будут обеспечены демократические условия для практической работы, то трудно рассчитывать на успешное решение всех других, более конкретных задач перестройки. Принципиальная позиция КПСС в постановке вопроса о полном возрождении внутрипартийной демократии, придании ей необратимого характера диктуется рядом обстоятельств. Прежде всего внутрипартийная демократия — это исторически сложившаяся, подтвержденная многолетней практикой система внутрипартийной деятельности, основной атрибут партийной жизни. Она предполагает такую систему партийной деятельности, которая осуществляется в соответствии с ленинскими принципами и нормами партийной жизни и обеспечивает полновластие коммунистов, их активное участие в делах своих организаций, в реализации политики партии.

Утверждение внутрипартийной демократии как главного гаранта реализации стратегического курса партии, задач перестройки, вызывается и тем, что КПСС строилась В. И. Лениным как организация единомышленников, законом жизни которой должно быть свободное обсуждение всех проблем и единство действий после принятия решений. Однако в годы культа личности и в последующий период эти положения деформировались в командно-административные методы руководства, единоличное распорядительство, субъективизм, привели к ослаблению партийной дисциплины, нарушению принципа равенства коммунистов. И хотя время от времени признавалась нетерпимость такого положения, в жизни все оставалось по-старому. Нарушались ленинские нормы и принципы руководства. Ослабла роль партийных собраний и выборных органов, что лишало возможности коммунистов активно участвовать в обсуждении жизненно важных вопросов и в конечном счете реально влиять на обстановку в трудовом коллективе и обществе в целом. В условиях планируемой сверху единогласной выборности, отсутствия сменяемости руководителей, их отчетности перед избравшими их коммунистами, принижения роли критики стали возможны злоупотребления и нарушения со стороны работников различного ранга, иногда моральное и нравственное их перерождение.

О демократическом централизме и его антиподе

XIX Всесоюзная конференция КПСС в качестве задачи первоочередной важности определила полное восстановление ленинского понимания принципа демократического централизма как руководящего принципа организационного строения, жизни и деятельности партии. Исторический опыт КПСС, братских коммунистических партий подтверждает, что этот принцип проявляется в единстве идейных, тактических и организационных взглядов, основанных на научной теории и закрепленных в программных и уставных документах. Их соблюдение всеми партийными организациями и коммунистами является непреложным законом.

Демократический централизм проявляется и в осуществлении руководства из единого центра, едиными высшими органами, в подчинении меньшинства большинству, соблюдении обязательной для всех партийной дисциплины, в обеспечении слаженной и эффективной работы местных партийных органов, всех коммунистов. Проявлением этого принципа является также оптимальное сочетание централизма с демократией, осуществление выборности, подотчетности и сменяемости всех руководящих партийных органов, обеспечение равноправного и полновластного участия всех коммунистов в выработке политики партии, во всех партийных делах.

В дореволюционный период с усилением репрессий против партии большевиков на первый план в партийной работе выдвигались строгая централизация и конспирация. Максимальная централизация деятельности партии сохранялась и в условиях гражданской войны и военной интервенции. Это было совершенно закономерно и обоснованно, диктовалось специфическими условиями царских репрессий, военного времени. Но и в этот период В. И. Ленин постоянно подчеркивал необходимость утверждения в практике партийной работы выборности, коллегиальности, гласности, свободы обсуждения, критики и самокритики. Он никогда не противопоставлял развитие демократии развитию централизма и рассматривал их как единый процесс, в котором обе составляющие взаимодополняют и обогащают друг друга.

Усиление централизации, по ленинскому определению, необходимо до тех пределов, пока они не сковывают инициативу коммунистов и исключают возможность навязать им мнение бюрократического или анархиствующего меньшинства, гарантируют от проявлений волюнтаризма и администрирова-

ния. В свою очередь углубление демократизации не имеет ничего общего с вседозволенностью, безответственностью, а тем более с анархией. Поэтому как чрезмерная централизация, так и безбрежная демократизация одинаково опасны и вредны в партийной работе и неизбежно влекут за собой тяжелые последствия. «Мы стоим за демократический централизм,— писал В. И. Ленин.— И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны — от анархизма... Нет ничего ошибочней, как смешение демократического централизма с бюрократизмом и с шаблонизацией» [1].

К сожалению, эти ленинские положения, имеющие принципиальную важность для реальной практики, были искажены и нарушены в условиях господства командно-административной системы в сторону централизма. В результате, отмечалось на XIX Всесоюзной партконференции, атмосфера партийного товарищества постепенно уступала место отношениям, основанным на приказах и исполнении, делении партийцев на начальников и подчиненных, на нарушении принципа равенства коммунистов.

В застойные годы принцип демократического централизма был подменен бюрократическим централизмом. Это проявилось прежде всего в нарушении важнейшего ленинского требования: все партийные органы, их кадры должны находиться под постоянным контролем партийных масс. Многомиллионный отряд рядовых коммунистов, по существу, был отчужден от реальных политических процессов. Многие из тех, кто годами и десятилетиями находился на руководящей работе, возомнили себя непогрешимыми и несменяемыми, а любые критические замечания в их адрес расценивались как подрыв авторитета партии. Выборность руководящих партийных кадров нередко подменялась кооптацией, коллегиальное, свободное и деловое обсуждение актуальных вопросов партийной жизни зачастую превращалось в пустую формальность.

Извлекая уроки из опыта прошлых лет, XIX Всесоюзная партконференция сделала однозначный вывод: КПСС не допустит впредь повторения чего-либо подобного, что связано с периодами культа личности и застоя. Все уставные нормы, составляющие суть руководящего принципа организационного строения и жизнедеятельности партии, должны работать сегодня на перестройку, обеспечивать реальное воплощение ленинских норм партийной жизни и принципов партийного руководства. Они призваны также утвердить в качестве непрелож-

---

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 151, 152.

ного закона жизни партии, всех ее ячеек и каждого коммуниста свободу действий на стадии обсуждения вопросов и единство действий после принятия решений большинством. Именно в этом должно проявляться оптимальное сочетание демократии и централизма, реальное воплощение социалистического плюрализма мнений, культуры дискуссий и вместе с тем строгое и неукоснительное выполнение каждой партийной организацией, каждым коммунистом коллективно принятых решений, партийной дисциплины.

Начавшаяся материализация идей обновления требует от партийных комитетов и первичных парторганизаций создания постоянно действующего механизма сопоставления взглядов, развития критики и самокритики, широкой гласности в работе, информированности по всем вопросам внутренней и внешней политики партии, внимательного изучения общественного мнения. Создание подобной атмосферы невозможно и без готовности, желания и умения каждого коммуниста конкретными делами утверждать демократические нормы в повседневной практике, без личной ответственности за выполнение партийных поручений и своих обязанностей.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что усиление внимания партии к проблемам демократизации ее внутрипартийной жизни приводит в отдельных случаях к формированию прямолинейного взгляда на демократический централизм: мол, чем больше демократии, тем меньше централизма. С другой стороны, определенная неподготовленность общественного мнения к восприятию новых идей порою приводит к фактам примитивного толкования этого основополагающего принципа, а иногда и к безответственным требованиям вообще отказаться от него. Так, в период обсуждения Тезисов ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партконференции высказывались мнения заменить принцип демократического централизма так называемым принципом «демократического внутрипартийного плюрализма». Обосновывалось это предложение допускавшимися в прошлом серьезными нарушениями начал коллективности и внутрипартийной демократии, свертыванием традиционной для ленинской партии свободы дискуссий. Как известно, после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК партия осудила эту порочную практику. Поэтому решение возникающих на этой почве проблем КПСС ищет не на путях отказа от принципа демократического централизма, а его восстановления в соответствии с ленинским пониманием.

В характеристике сущности демократического централизма принципиально важным является также ленинское положение о том, что централизация обязательно предполагает де-

централизацию. В. И. Ленин подчеркивал, что децентрализация является необходимым условием революционной централизации и необходимым коррективом ее, что центр будет бессилен, если в то же время мы не проведем максимальной децентрализации, и в ответственности перед ним, и в осведомленности его о всех колесах и колесиках партийной машины [1]. Иными словами, будучи диалектической противоположностью централизма, децентрализация является одной из форм демократизма и в реальной практике проявляется в том, что каждое звено партийной системы наделяется определенными функциями, каждая партийная организация автономна в выборе приемов и способов деятельности и является вполне самостоятельной в решении всех вопросов, находящихся в ее компетенции. Децентрализация может усиливаться путем передачи ряда функций центральных органов местным партийным организациям.

Коллективность руководства и авторитарные тенденции

Коллективность не только концентрирует в себе весь спектр внутрипартийных отношений, но и является важной предпосылкой правильного воспитания кадров, развития активности и самодеятельности коммунистов, надежной гарантией от принятия волевых, субъективистских решений, от любых проявлений культа личности, нарушения ленинских норм партийной жизни.

Реализация и совершенствование норм коллективной работы служат важнейшей основой для преодоления последствий командно-административного стиля руководства и авторитарных тенденций, которые привели внутрипартийные отношения к серьезной деформации, а нередко и к полной ликвидации внутрипартийного демократизма. Во многом положение не изменилось к лучшему и в 70-е — первой половине 80-х годов, когда коллективность провозглашалась на словах, а на деле осуществлялись авторитаризм и жесткая зарегламентированность. В некоторых партийных организациях роль пленумов и бюро как коллегиальных органов оказалась приниженной, совместная выработка решений подменялась единоличными распоряжениями, что приводило порою к грубым ошибкам.

[1] См.: *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 21—22.

Извлекая уроки из практики застойных лет, XIX Всесоюзная конференция КПСС отметила, что одним из ключевых направлений демократизации партии она считает восстановление в полном объеме ленинского принципа коллегиального обсуждения и принятия решений. Недопустимо, когда партийный аппарат подменяет выборные органы, а роль коммунистов сводится к присутствию на собраниях и голосованию за списки предложенных кандидатов и готовые проекты резолюций.

Принцип коллективности в его ленинском толковании исключает какую бы то ни было обезличку и безответственность. Он направлен на строгое разграничение функций каждого члена выборного органа и персональную ответственность за их исполнение. «...Как коллегиальность необходима для обсуждения основных вопросов,— подчеркивал В. И. Ленин,— так необходима и единоличная ответственность и единоличное распорядительство, чтобы не было волокиты, чтобы нельзя было уклоняться от ответственности» [1]. Отсюда совершенно понятно, что нужна не только коллективная мысль для выработки и принятия решений, но и персональная ответственность, организованность, дисциплинированность и исполнительность каждого члена выборного партийного органа, каждого коммуниста.

Что же необходимо сделать, чтобы повысить значение пленумов, бюро, партийных собраний? Ответ на этот вопрос дает современная практика партийной работы. Заметные положительные изменения происходят в работе тех партийных организаций, где меняется характер подготовки и проведения заседаний коллегиальных органов руководства, повышается их деловитость, утверждается критический и конструктивный подход к решению всех вопросов. Судя по реальной практике и сообщениям средств массовой информации, значительно повышается роль выборного актива в работе пленумов, бюро и партсобраний там, где коммунисты все решительнее избавляются от стереотипов мышления, от отношений субординации, от конъюнктурщины и перестраховки.

В повышении эффективности работы коллегиальных партийных органов особое значение имеет утверждающаяся в партии и стране обстановка гласности, открытости, контроля и критики. Широкая партийная гласность вытекает из классовых целей и задач ленинской партии, ее природы и демократического характера. В этой связи В. И. Ленин отмечал, что без гласности смешно было бы говорить о демократизме.

---

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 428—429.

Опыт прошлого и современность многократно подтверждают, к каким негативным последствиям приводит забвение этой аксиомы. А главный вывод состоит в том, что без гласности невозможно решать вопросы повышения активности коммунистов, боевитости первичных партийных организаций, укрепления связи партии с массами.

КПСС в целом, ее местные организации располагают разнообразными формами для утверждения гласности и открытости в работе коллегиальных партийных органов. Существенным дополнением к ним стала реализация решения Политбюро Центрального Комитета партии об издании информационного журнала «Известия ЦК КПСС». В этом журнале начали публиковаться решения высших органов партии, проекты постановлений по крупным вопросам партийной и общественной жизни. Предполагается также через это издание регулярно информировать общественность о текущей деятельности ЦК, его руководящих органов и аппарата, публиковать стенограммы важнейших заседаний, совещаний и встреч в ЦК КПСС, сведения об избрании и утверждении партийных работников, их биографии, хронику жизни местных партийных организаций.

Политбюро ЦК КПСС поддержало также предложение и об издании газеты «Правительственный вестник» в качестве официального органа Совета Министров СССР. Газета приступила к информированию общественности о деятельности правительства по проведению в жизнь экономической, социальной и культурной политики, об актуальных проблемах, связанных с осуществлением перестройки в стране. В «Правительственном вестнике» предполагается публиковать аналитические обзоры данных статистики и социологических исследований, связанных с реализацией принятых решений, сообщения о реагировании правительственных органов на критические выступления средств массовой информации и письма трудящихся.

Демократизация всей внутренней жизни КПСС потребовала нового подхода и к вопросу о контроле за деятельностью коллегиальных партийных органов, их кадров. Он вызывается тем, что в годы застоя складывались такие зоны, где партийные комитеты и бюро, их руководящие кадры были закрыты для контроля и критики. Это не могло не привести к возобладанию методов вседозволенности, круговой поруки, протекционизма, очковтирательства, зачастую исходивших из высших звеньев партийного руководства. К осуществлению контрольной работы за деятельностью коллегиальных партийных органов крайне слабо привлекался выборный актив и, по

существу, не участвовали в ней широкие партийные массы.

Предметный урок, который извлекла партия из практики последних лет, однозначен — коллегиальные органы на деле должны отвечать своей высокой роли, своевременно предупреждать проявления авторитарного стиля, не давать разрастаться недостаткам личного характера, и прежде всего у первых секретарей. Для усиления контроля снизу было бы целесообразно ежегодное гласное обсуждение их отчетов в бюро партийных комитетов закрепить и в Уставе КПСС.

Усилению контрольной деятельности в партии, в том числе за работой выборных коллегиальных органов и их руководящих кадров, несомненно, будет способствовать создание единого контрольного органа — Центральной контрольно-ревизионной комиссии ЦК КПСС и соответствующих органов на местах, которые должны избираться на партийных съездах и конференциях и будут им подотчетны. При этом Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и Центральная Ревизионная Комиссия КПСС упразднятся.

В своей практической деятельности партия исходит из ленинского положения о том, что не замалчивание и замазывание ошибок, а их открытое признание и исправление поднимает ее авторитет в массах, укрепляет ее ряды. А это значит, что в современных условиях по отношению к критике, по критической и самокритической постановке вопросов и их решению можно судить о политической зрелости коллегиальных партийных органов и каждого коммуниста, их готовности к переменам, способности на деле осуществлять перестройку.

И действительно, там, где глохнут критика и самокритика, где партийный анализ реальной обстановки подменяется разговорами об успехах, там деформируется вся партийная деятельность, создается обстановка благодушия, вседозволенности и безнаказанности, ведущая к самым серьезным последствиям. При этом просматривается четкая взаимосвязь в развитии критики и самокритики, с одной стороны, и совершенствованием внутрипартийной демократии — с другой. Иными словами, не могут быть по-настоящему развиты критика и самокритика там, где нарушаются нормы партийной жизни, не соблюдаются требования внутрипартийной демократии. И наоборот, где критика и самокритика подняты на должную высоту, возможности нарушения уставных требований, норм внутрипартийной демократии значительно сужаются.

К каким негативным последствиям приводит отступление от этого диалектического соотношения, наглядно свидетельствуют серьезные нарушения в Ворошиловградском, Днепропетровском, Львовском обкомах партии. Главной причиной до-

пущенных там недостатков явилось неумение создавать обстановку коллегиальности и гласности, принципиальной критики, особенно снизу, самоуспокоенность, вера бывших руководителей этих областных комитетов партии в свою непогрешимость, пренебрежительное отношение к закону.

Эти и многие другие примеры убеждают, что гласность, критика и самокритика, контроль широких партийных масс за деятельностью коллегиальных выборных органов, руководящих работников — это гарантия здорового функционирования и развития партии, всех ее звеньев, гарантия от ошибок в политике и практической деятельности.

Преодоление пассивности

Даже в условиях начавшейся реакции после поражения революции 1905—1907 годов В. И. Ленин писал, что наша партия организована демократически, а это значит, что все дела в партии ведут прямо или через своих представителей все члены партии на равных правах и без всякого исключения, что все должностные лица, руководящие коллегии и учреждения партии — выборные, подотчетные и сменяемые[1]. Если поставить вопрос, осуществлялись ли эти ленинские требования в практике партийной работы последних лет, то ответ, к сожалению, может быть только отрицательным. Причем серьезной деформации, недооценке и принижению значения социалистической демократии подверглось не только ядро, но и вся политическая система советского общества. Произошло обюрокрачивание государственных структур, чрезмерное огосударствление общественной жизни, ослабление социального творчества масс и непомерное разрастание управленческого аппарата.

Усиление роли и бюрократизация исполнительных органов, утверждение командно-нажимных методов руководства, подмена хозяйственных и государственных органов вели к ожиданию волевых распоряжений и указаний, практическому бездействию многочисленного выборного партийного актива. В этой связи на XIX Всесоюзной конференции КПСС приводился конкретный пример. Число лиц, избранных в различные государственные и общественные органы, достигло трети взрослого населения страны, но при этом их основная масса была отстранена от реального участия в решении государст-

[1] См.: *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 14. С. 252.

венных и общественных дел. Провозглашение демократических принципов на словах и авторитарность на деле, трибунные заклинания о народовластии, но волюнтаризм и субъективизм на практике, говорильня о демократических институтах и реальное попрание норм социалистического образа жизни, дефицит критики и гласности — все это широко распространилось, укоренилось в жизни общества.

Внешне все выглядело нормально. Регулярно проводились пленумы и сессии, заседания других выборных органов, но работа их часто была заформализована, на обсуждения нередко выносились второстепенные или заранее предрешенные вопросы. Аппарат управления все больше обосабливался, возвышался над выборными органами, у него проявлялись самостоятельные интересы, и он начал пользоваться неподконтрольной властью. Подолгу несменяемые работники аппарата нередко утрачивали вкус к новому, отгораживались от людей надуманными инструкциями, а иногда открыто тормозили работу выборных органов. Более того, некоторые из них стали смотреть на выборные органы как на некую обузу, от которой одни тяготы и помехи.

Перестройка потребовала выработки такого механизма внутрипартийной жизни, который бы обеспечил решающую роль выборных органов, и чтобы никакой аппарат или исполнительный орган не смог и не имел права их подменить, а тем более возвыситься над ними. Ныне в партии складывается подобный механизм, и суть его состоит в следующем.

Первое. Восстанавливается авторитет выборных партийных органов как полномочных представителей коммунистов. При этом особая забота проявляется о качественном составе выборного актива первичных партийных организаций, численность которого в партии в целом и на местах неуклонно растет.

Факт. Накануне XXVI съезда КПСС в состав парткомов и партбюро первичных партийных организаций Украины, секретарями и заместителями секретарей первичных, цеховых партоорганизаций и партгрупоргами было избрано около 762 тысяч человек. Перед XXVII съездом КПСС их численность увеличилась почти на 55 тысяч человек, а в целом за последние десять лет выборный актив Компартии Украины увеличился более чем на 100 тысяч человек. В настоящее время он составляет более 905 тысяч человек, из них свыше 42 процентов являются рабочими и колхозниками. Женщины в выборном партийном активе Компартии Украины составляют около 28 процентов.

Конечно, благополучная статистика не является показателем качественной работы коллегиальных выборных органов. Партийные комитеты и первичные парторганизации проявляют особую заботу о подборе в выборные органы коммунистов не для представительства и показного единодушия, а действительно талантливых, активных, пользующихся авторитетом, преданных делу перестройки. В соответствии с современными требованиями они заботятся о том, чтобы каждый член выборного органа, и тем более их руководители, были образцом целеустремленности, идейной стойкости, нетерпимости к любым недостаткам, утверждали истинно ленинский стиль поведения и работы. Самокритичную оценку по этому поводу дал первый секретарь Радянского райкома партии г. Киева Н. В. Тищенко: «Следует откровенно признать, что не все члены бюро идут в ногу со временем, живут и трудятся по высшим нормам партийной этики. Поэтому важно сместить акценты с самолюбования, уверенности в собственной непогрешимости на реалистическую оценку, видение теневых сторон конкретной личности».

Второе. Особая роль в обновлении внутрипартийных отношений, активизации работы выборного актива принадлежит совершенствованию механизма отчетов и выборов. В. И. Ленин видел в нем важнейшее условие демократизма, подчеркивая, что без выборного начала красивые слова о небюрократическом централизме остаются голым фразерством.

Ныне в практике отчетов и выборов, избрания актива, секретарей партийных комитетов и бюро происходят динамичные изменения. Это наглядно показала проходившая в соответствии с установками июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС очередная отчетно-выборная кампания. Партийные комитеты и организации стремились обеспечить широкое обсуждение кандидатур и тайное голосование, возможность включения в избирательные бюллетени большего числа кандидатов, чем имелось мандатов. Принципиально важно, что партийные организации вправе теперь вносить предложения по кандидатурам в состав вышестоящих партийных органов, принимая решение открытым голосованием. Демократическим нововведением является и предоставление первичной парторганизации, в которой находится на учете член вышестоящего выборного партийного органа, права в любое время ходатайствовать о выводе его из этого органа, если работник скомпрометировал себя, утратил доверие организации.

Все эти меры, несомненно, будут способствовать привлечению в руководящие партийные органы, к руководству первичными парторганизациями инициативных и авторитетных

коммунистов, способных не на словах, а на деле двигать перестройку вперед, умело работать в массах.

Значительно усложнили работу с выборным партийным активом переход предприятий на хозрасчет, повышение тарифных ставок и должностных окладов работников производственной сферы. Это относится в первую очередь к подбору и расстановке секретарей первичных и цеховых парторганизаций. Как известно, хозрасчетный метод хозяйствования предъявляет повышенные требования к максимальному использованию потенциальных возможностей каждого работника, экономии и бережливости. В этой ситуации человек, только значащийся в списке бригады, цеха, хотя и выполняющий такую важную и нужную общественную обязанность, как секретарь парторганизации, становится только обузой. Кроме того, тот объем партийной работы, который ложится сегодня на плечи неосвобожденного секретаря парторганизации, особенно с численностью коммунистов от 100 до 150, требует от него нередко всего рабочего времени. А поскольку эти обязанности в промышленных коллективах чаще всего выполняют квалифицированные рабочие и специалисты, мастера и старшие мастера участков, то становится совершенно очевидным, что это не может не отражаться на производстве.

С повышением тарифных ставок и должностных окладов рабочих и служащих хозрасчетных предприятий значительно осложнился и процесс подбора кадров на освобожденные партийные должности. Разница в оплате труда освобожденного секретаря парторганизации и начальника цеха, главного специалиста, мастера производственного участка (на промышленных предприятиях главным образом из этих категорий работников выдвигаются люди на освобожденную партийную работу) составляет нередко от 50 до 300 и более рублей.

Реальная практика уже показывает пути преодоления этих противоречий и недостатков. В частности, назрела необходимость пересмотреть § 55 Устава КПСС о сокращении численности партийной организации до 75—100 человек для установления должности освобожденного секретаря. Наряду с этим определенную часть денежных средств от партийных взносов (до 10—15 процентов) следовало бы оставлять в распоряжении местных партийных комитетов, в том числе и для доплаты освобожденным секретарям партийных организаций. Проблему доплаты к основному заработку за общественную работу секретарям партийных организаций мог бы решить и совет трудового коллектива предприятия (объединения). Не вызывает сомнения то обстоятельство, что к установлению окладов освобожденных секретарей партийных организаций необходимо

подходить строго дифференцированно, с учетом их подготовки, опыта, компетентности, личного отношения к работе и т. д.

Третье. Важным условием развития внутрипартийной демократии и повышения активности выборных органов, как подтверждает опыт и практика, является их периодическая отчетность перед избравшими их коммунистами. Застойные годы особенно убедительно подтвердили правоту ленинского предупреждения о том, что взятые сами по себе выборность и децентрализация еще не гарантируют партию от ситуации, когда случайно в центре окажется наделенное громадной властью неспособное лицо. Средства против этого, писал В. И. Ленин, не дает никакой устав, его могут дать лишь меры «товарищеского воздействия» [1].

В числе подобных мер особое место занимают отчеты — непосредственный контроль партийных масс за деятельностью избранного ими партийного органа и его руководителей. В этой связи важной политической кампанией явились отчеты выборных органов по руководству перестройкой, состоявшиеся накануне XIX Всесоюзной конференции КПСС. Впервые в масштабах всей партии таким образом отчитывались партийные органы — бюро партийных комитетов, парткомы и бюро первичных парторганизаций. Причем самой постановкой вопроса выборные органы, их секретари, другие члены парткомов и бюро обязаны были дать взыскательную оценку собственной деятельности, отчитаться, как они перестраивают свою работу, как добиваются ускорения перестройки на порученных им участках.

В Компартии Украины в ходе отчетов по руководству перестройкой были проведены Пленум ЦК, пленумы всех обкомов, горкомов и райкомов партии, собрания в 43 792 первичных и 43 083 цеховых партийных организациях. Созданию обстановки открытости, партийного товарищества, принципиальной требовательности в ходе отчетов способствовало то обстоятельство, что подготовка пленумов и собраний велась на демократической основе, в ней активно участвовали члены партийных комитетов, актив. Проводились социологические исследования, анкетные опросы, устанавливались «прямые линии» связи с партийными комитетами и т. д.

Для каждого выборного органа, для каждого входящего в его состав коммуниста эти отчеты были, по сути, экзаменом на соответствие времени и требованиям перестройки. И надо заметить, что этот экзамен выдержали далеко не все. В частности, острую оценку положению дел, упущениям и не-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 14.

достаткам в деятельности бюро, секретарей партийных комитетов в руководстве перестройкой дали участники пленумов Запорожского, Кировоградского, Николаевского, Одесского обкомов партии. Неудовлетворительной была признана работа первого секретаря Добропольского горкома Донецкой области, второго секретаря Криничанского райкома Днепропетровской области, секретаря Корецкого райкома Ровенской области, которые освобождены от занимаемых должностей. Такую же оценку получила работа 524 парткомов и бюро первичных и цеховых партийных организаций. Переизбрано за пассивность 4055 секретарей, заменено 18,2 тысячи членов бюро и парткомов. Из состава партийных комитетов выведены скомпрометировавшие себя работники.

Стремясь к выполнению на деле ленинского требования о том, чтобы работа выборных органов, руководителей была открытой для всех, делалась на виду у массы, XIX Всесоюзная партконференция значительно расширила рамки и периодичность отчетности выборных партийных органов. В Резолюции конференции «О демократизации советского общества и реформе политической системы» подчеркивается необходимость проведения регулярных отчетов бюро райкомов, горкомов, окружкомов, обкомов, крайкомов партии, ЦК компартий союзных республик перед своими комитетами, а парткомов и партийных бюро — перед первичными, цеховыми парторганизациями. При этом коммунисты наделяются правом досрочного отзыва из выборных партийных органов лиц, не справляющихся с обязанностями, скомпрометировавших себя, а при необходимости — переизбрания всего состава выборного органа.

Четвертое. Опыт недавнего прошлого подтвердил, что в деятельности выборных партийных органов одинаково вредны как чрезмерная регламентация, так и забвение принципа обновления. Отсутствие четких уставных и нормативных положений о сменяемости кадров и актива приводило к тому, что на руководящей работе и в выборных партийных органах годами и десятилетиями оставались одни и те же люди.

Факт. Из 195 членов ЦК Компартии Украины, избранных на XXVI съезде республиканской партийной организации, более 68 процентов вошли в состав этого руководящего органа второй и третий, а 30 человек — четвертый раз подряд. Особых изменений в этом плане не произошло и в последующее время. Среди членов ЦК Компартии Украины, избранных на XXVII съезде, 117 человек, или 56 процентов, находятся в составе этого органа также десять и более лет. Аналогичное положение сложилось и в большинстве областных, городских

и районных комитетов партии. Причем для многих членов этих выборных органов, как показывает практика, быть в их составе является как бы приложением к занимаемой должности, а обязанности нередко сводятся только к посещению пленумов.

Подобный подход характерен и для выборных органов первичных парторганизаций. Дефицит демократизма в их работе нередко порождается наличием здесь так называемой «двойной власти», когда их состав переполнен коммунистами, занимающими руководящие должности. Во многих партийных комитетах и партбюро удельный вес управленческих кадров достигает 50 процентов их состава. Все это способствует процветанию административно-нажимного стиля, а партийные отношения нередко подменяются служебными, что снижает принципиальность и требовательность за строжайшее соблюдение партийных норм и принципов.

В результате сдерживания смены выборных руководящих работников и актива целые поколения коммунистов не смогли по-настоящему участвовать в жизни партии. Вместе с тем многие подолгу несменяемые выборные работники и активисты возомнили себя непогрешимыми и незаменимыми, что нередко, как известно, заканчивалось политическим и нравственным падением.

Ныне партия располагает конкретным и действенным механизмом обновления выборных партийных работников и активистов. Его основные положения сформулировала XIX Всесоюзная партконференция. Так, с целью ограничения сроков пребывания на выборных должностях предусматривается, что все члены партийных комитетов, включая членов Политбюро и Генерального секретаря ЦК КПСС, могут избираться на ту же должность не более чем на два срока подряд. Конференция поддержала также предложение о едином сроке полномочий — пять лет для выборных органов — от ЦК КПСС до райкома партии и рекомендовала ввести в практику проведение через 2—3 года партийных конференций с правом частичного (до 20 процентов) обновления состава комитетов.

Пятое. Активность работы выборных органов в немалой степени зависит и от формирования правильных взаимоотношений между ними и партийным аппаратом, между партийными комитетами и их первыми секретарями, первичными парторганизациями и избранными ими партийными комитетами и бюро. Анализ официальных партийных документов, сообщений средств массовой информации, реальной практики показывает, что здесь далеко не все обстоит благополучно.

Партийные комитеты и бюро как исполнительные органы, подконтрольные и подотчетные избравшим их организациям, нередко превышают свои функции и полномочия. В нынешних условиях они призваны неукоснительно осуществлять волю коммунистов по проведению в жизнь неотложных мер, диктуемых потребностями перестройки и выраженную в решениях собраний и конференций. На практике же члены иных партийных комитетов оказываются на побегушках у инструкторов партийного аппарата, а проекты постановлений, подготовленные последними, нередко лишь штампуются, «узакониваются» на заседаниях бюро или пленумах.

Повышение роли и ответственности выборных органов, разграничение функций партийных и государственных органов настоятельно потребовали изменения структуры и состава партийного аппарата. Структура аппарата партийных комитетов должна целиком отвечать задачам усиления политического руководства, соответствовать целям нового этапа перестройки. А это значит, что новый аппарат призван прежде всего способствовать выборным органам и партии в целом в полной мере выполнять функции политического авангарда общества. Все это несомненно требует освобождения аппарата от административно-хозяйственных функций, перенесения центра тяжести на политические методы руководства.

Конкретные направления перестройки работы партийного аппарата определены в документах июльского и сентябрьского (1988 г.) Пленумов ЦК КПСС. В их решениях подчеркивается, что партийный аппарат, являясь неотъемлемой составной частью организационной структуры партии, призван быть активной силой перестройки, инструментом, с помощью которого выборные партийные органы осуществляют свои политические, организаторские и воспитательные функции, ведут текущую работу по реализации и проверке исполнения принятых решений, оказанию помощи нижестоящим организациям в их деятельности.

«Масса должна иметь право...»

Решающим критерием, которым руководствуются в настоящее время партийные организации в оценке кадров, их политической и гражданской позиции, является отношение к перестройке, забота о ее необратимости, реальные дела по ее осуществлению. Все это неотделимо от таких понятий, как глубокая идейная убежденность и моральная ответственность

за судьбы страны, верность слову, строгое соблюдение партийной и государственной дисциплины, неуклонное следование ленинской этике большевизма.

Реальная действительность, к сожалению, убеждает, что для многих работников все эти требования остаются пока только пожеланием, а не нормой их жизни. Не случайно еще дают о себе знать рецидивы командно-административных методов, пренебрежительное отношение ко всему новому, передовому. Немало еще работников, которых пугают масштабы и глубина перестройки, которые не хотят, а иногда и не умеют работать в условиях демократизации всех сфер общественной жизни. В этой связи в постановлении ЦК КПСС «О работе Киевской городской партийной организации по выполнению решений XXVII съезда КПСС» (январь 1988 г.) отмечается, что многие руководящие кадры еще не научились работать в условиях развернувшейся демократии, неправильно относятся к критическим выступлениям, повседневно не занимаются воспитанием людей. Политическая работа в массах не всегда тесно увязывается с конкретными задачами перестройки. Порой она ведется абстрактно, в отрыве от того, чем живут трудовые коллективы, что волнует людей.

Углубление демократических начал в кадровой политике — это испытанный ленинский принцип. Масса должна иметь право, писал В. И. Ленин, не только выбирать себе ответственных руководителей, но и сменять их, знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности [1].

Сложившиеся в условиях господства командно-административной системы методы управления, гипертрофированность роли исполнительного аппарата и его численный рост, огосударствление общественной жизни страны привели к искажению, а порою полному забвению демократических принципов решения кадровых вопросов, заложенных В. И. Лениным. Извлекая уроки из прошлого, XIX Всесоюзная партконференция определила конкретные меры для искоренения формально-номенклатурного подхода к подбору и расстановке кадров. Выборность с активным использованием конкурсных начал, выдвижением альтернативных кандидатур становится основным методом формирования состава руководящих кадров во всех сферах общественной жизни.

Демократический механизм выдвижения к руководству людей действительно талантливых, компетентных, способных политическими методами решать современные задачи, все более прочно утверждается в повседневной партийной работе. Нор-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 157.

мой партийной жизни стало избрание секретарей (в том числе первых) тайным голосованием из двух и более кандидатур. Но говорить об окончательном переломе консервативных настроений преждевременно.

Ведь даже при решении кадровых вопросов демократическим путем просматривается общая закономерность. «Двумятремя» кандидатурами, чьи фамилии вносятся в бюллетень для тайного голосования при избрании первого секретаря райкома или горкома партии являются, как правило, второй секретарь, председатель райисполкома, а то и представитель вышестоящего партийного органа. Иными словами, именно эти кандидатуры и раньше были резервом для выдвижения на должность первого секретаря партийного комитета. А поиск настоящих новаторов, способных преодолеть инерцию и рутину, глубоко осознающих необходимость качественных перемен в обществе и своем регионе, нередко отсутствует. В этой работе порою слабо используются возможности и помощь социологов, психологов, управленцев. Зачастую не привлекается к ней и широкий выборный актив, рядовые коммунисты, обществоведы.

Во многих случаях при демократическом решении кадровых вопросов партийные организации, их парткомы и бюро не научились еще активно влиять на настроения в коллективах, слабо изучают мотивы выдвижения тех или иных кандидатур, что порою приводит к избранию либеральных, нетребовательных руководителей. Многочисленные факты свидетельствуют, что в подготовке и проведении выборов не преодолены элементы заорганизованности, превращения их в очередную «бюрократическую игру», игнорирование мнения трудовых коллективов. В конечном итоге все это оборачивается нарушением истинно демократического подхода к решению кадровых проблем, искажением ленинского требования о том, чтобы заведование делом оставалось всегда в руках вполне компетентных и гарантирующих его успех работников.

Сохраняя в своих руках подбор и расстановку кадров на ключевых постах, КПСС с помощью демократических методов добивается, чтобы из практики кадровой работы навсегда ушли бюрократический диктат, «авторитет должности», «культ кресла», навязывание кандидатур и другие рецидивы командно-административной системы.

Вместе с тем далеко не везде поняли, что выборность — это не всеобщая гарантия от всех бед в решении кадровых вопросов, а лишь важная составная часть системы подготовки, расстановки и воспитания кадров в соответствии с ленинскими заветами и принципами. Поэтому наряду с выборностью

и демократическими началами в решении этих вопросов возрастает значение идейно-нравственных качеств личности, ее ответственности за судьбы страны, за порученное дело.

Позиция: гласность и открытость

Общеизвестно, что в документах апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС партия принципиально и самокритично оценила работу первичных партийных организаций на рубеже 70—80-х годов. Было справедливо отмечено, что далеко не каждая из них вела решительную борьбу с негативными явлениями, вседозволенностью, круговой порукой, ослаблением дисциплины. Партийным организациям подчас не хватало боевитости, требовательности к своим членам, внимания к формированию идейно-политических качеств коммунистов.

Возникает закономерный вопрос — преодолены ли сегодня эти недостатки в их работе? Выполняют ли первичные парторганизации авангардную роль в перестройке? Реальная действительность убеждает — далеко не везде и не во всем. И самая серьезная недоработка партийных комитетов состоит в том, что первичные парторганизации еще не стали основным звеном перестройки. Более того, ряд из них даже тормозит перестройку своим бездействием. Партийные комитеты, бюро, секретари первичных партийных организаций нередко упускают ключевые вопросы, которые требуют первостепенного внимания коммунистов, оказываются порою неспособными дать принципиальную оценку утратившим доверие руководителям, личного участия каждого коммуниста в деле перестройки. Нередко проявляется шаблон, формализм в проведении собраний, неумение, а иногда и нежелание работать в условиях демократизации и гласности, в полной мере использовать силу коллективного опыта и разума коммунистов.

Не изжита до конца и такая порочная практика, о которой рассказал в своем письме в «Правду» Б. Кутовой из г. Тореза Донецкой области. В партийной организации, где он состоит на партийном учете, за весь 1987 год не проводились ни заседания бюро, ни собрания, не обсуждались назревшие вопросы, то есть кроме сбора членских взносов работа практически не велась. Однако во время отчета партбюро она была признана «удовлетворительной». Автор письма закономерно ставит вопрос — а что же тогда означает неудовлетворительная оценка?

При всем многообразии задач, которые решают сегодня

первичные парторганизации, каждый коммунист, совершенно очевидно, что успех дела обеспечивается только в том случае, когда они олицетворяют собой постоянное присутствие партии в жизни общества, осуществляют свою авангардную роль. По-новому партия ныне ставит вопрос и об ответственности каждого коммуниста за положение дел там, где он работает, за его личный вклад в перестройку, за деятельность своего трудового коллектива.

Степень участия коммуниста в перестройке, его производственная и общественная активность в значительной мере зависит от уровня понимания демократических начал, от желания и умения их практически применять, быть истинным борцом за внутрипартийную демократию. Причем общие призывы о повышении активности, авангардной роли коммуниста, ответственности и дисциплины вне связи с конкретными условиями и лицами, выполняющими определенные функции, обязанности, поручения, как многократно подтверждено практикой, превращаются в пустой звук, формальность и бесполезный ритуал. Не случайно в жизни многих парторганизаций еще не изжита такая порочная практика: если коммунист ходит на партийные собрания, платит членские взносы, не задает лишних вопросов, то он может рассчитывать на спокойную жизнь, положительную характеристику, имеет реальную возможность продвинуться по службе и т. д. В результате этого среди немалой части партийцев преобладают невмешательство, пассивность, инертность.

Совершенно очевидно, что путь избавления от подобных недостатков может быть только один — использование всего демократического потенциала, которым ныне реально стала обладать и партия в целом, и ее первичные звенья. А это предполагает создание в каждой партийной организации обстановки гласности и открытости, критического, творческого, истинно демократического подхода к решению всех вопросов, опору на коллективный опыт и уважительное отношение к мнению каждого коммуниста.

Как все эти процессы влияют на повышение активности коммунистов, наглядно видно на примере работы парторганизации колхоза «Червоний лан» Липоводолинского района Сумской области. Партком колхоза в своей работе опирается на коллективную мысль коммунистов, инициативу цеховых организаций, партгрупп. В этих звеньях все партийные вожаки избраны демократическим путем на конкурсной основе. Через выборы заняли свои должности и руководители подразделений, главные специалисты хозяйства. Все 35 депутатов местного сельского Совета избраны из 2—3 кандидатур. Повыше-

нию авангардной роли коммунистов способствует и то обстоятельство, что за последние два года заслушаны отчеты большинства партийцев, в том числе многих руководящих работников. Среди членов парторганизации нет не выполняющих плановые задания, многие коммунисты выступают с инициативами, вносят ценные предложения по совершенствованию работы. Продумана расстановка коммунистов — они заняты в ведущих подразделениях хозяйственной деятельности.

Парадоксы «волевого» регулирования

В подавляющем большинстве в партию вступают лучшие представители рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, которые искренне и бескорыстно выполняли и выполняют свой партийный долг. Вместе с тем на рубеже 70—80-х годов не удалось поставить прочный заслон тем, кто не достоин носить высокое звание члена ленинской партии, кто своими поступками скомпрометировал себя. Действовал, а зачастую и сегодня не преодолен объективно устаревший стереотип мышления: чем больше принято новых членов партии, тем лучше.

На протяжении застойных лет членом партии почти автоматически становился тот, кто получал анкету в соответствии с существующими разнарядками. А удельный вес отказов принять в партию на собраниях в эти годы был практически самым низким за всю историю КПСС. Он порою не превышал половины процента, то есть из двухсот человек, которые получали анкеты на общих собраниях, в приеме отказывали только одному. Насколько эта порочная практика укоренилась в стиле работы партийных организаций, свидетельствует следующий факт. За первую половину 1988 года, например, в Волынской, Закарпатской и ряде других областей вообще не было случая, чтобы райкомы или горкомы партии отказали в приеме кандидатами в члены КПСС.

Вполне закономерно, что с общей тенденцией к качественному росту партийных рядов быстрыми темпами увеличивалась численность местных партийных организаций. Если за 1971—1975 годы партийные организации Украины приняли в члены КПСС 383,3 тысячи человек, то в 1981—1985— 455,5 тысячи.

Причина деформации и прямого нарушения многих ленинских требований к росту и улучшению состава партийных рядов состоит прежде всего в том, что рядовая масса коммунистов оказалась отстраненной от прямого контроля за качест-

вом вступающих в ряды КПСС. В решении этих вопросов мнение трудовых коллективов, беспартийных во внимание практически не принималось. В результате вне партии остались многие активные, преданные делу работники, особенно из числа специалистов, интеллигенции. Вместе с тем в ее составе оказались люди случайные, без твердых убеждений, а иногда и прямые перерожденцы. Как образно заметил поэт Е. Евтушенко, надо признать горькую истину: многие члены партии оказались сегодня не в партии перестройки.

Проникновению в партию людей корыстолюбивых и стремящихся извлечь выгоду из партийного билета, способствовало и то обстоятельство, что за последние десятилетия на руководящие должности назначались, как правило, только члены КПСС. Тем самым как бы провоцировалось стремление определенной части людей вступать в партию по карьеристским соображениям, а партийный билет становился для них своего рода пропуском к номенклатурным должностям, персональным благам, своего рода индульгенцией, загодя оправдывающей любые нарушения и поступки.

Все это вызывает необходимость, не отказываясь от регулирования роста и социального состава партийных рядов, подойти по-новому к их решению. Прежде всего представляется необходимым отказаться от «волевого» регулирования, от субъективно устанавливаемых процентных показателей, при которых от желающих вступить в партию заявления не принимают, а анкета выдается заранее определенному лицу.

На утверждение демократизации методов приема новых членов КПСС несомненно направлена и установка XIX Всесоюзной партконференции на объективный учет мнения трудовых коллективов, обсуждение этих вопросов на открытых партийных собраниях. Конечно, эти положения и раньше содержались в партийных документах, но выполнялись и выполняются они далеко не везде.

Реальность сегодняшних дней убеждает, что только демократический подход может гарантировать от различных бюрократических извращений в этом жизненно важном для партии деле, обеспечить поистине коллективный и гласный контроль коммунистов и беспартийных за качеством нового пополнения. А основным критерием укрепления и повышения боеспособности партийных организаций ныне должно стать не количество членов, а уровень партийного влияния как в трудовом коллективе в целом, так и на каждом из его участков.

Нет ничего от искусственной напыщенности «жрецов науки» в главе, написанной доктором юридических наук **Николаем Ивановичем Козюброй.** Развивая тему реформы политической системы, многие ученые без страха и ложной скромности уже дают ответ на вопрос, почему многие наши законы бездействуют.

Дефицит законности, который мы испытываем, волнует нас не меньше, чем дефицит товаров, доброты. Правовая реформа, создающая предпосылки становления социалистического правового государства, вряд ли по душе тем, кто жили по праву всегда «правого» и не считают себя виновными в том, что инкриминировано им в апреле 1985 года. Но льстить друг другу не будем: не все были равны перед законом. Только сейчас мы находимся на пути к тому, чтобы закон был единым для всех.

4

СОВЕТСКОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Истоки идеи

Идея государства, основывающего свою деятельность на законе, не нова. Ее истоки уходят в глубины истории. Еще древнегреческий философ Платон писал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги». Во многом аналогичные взгляды развивались также такими выдающимися представителями древности, как учеником Платона философом и ученым Аристотелем, римским политическим деятелем и писателем Цицероном и другими. И все же в более-менее завершенном, концептуальном виде названная идея была сформулирована только в XVII—XIX веках. Развитие ее теоретических основ тесно связано с именами английского философа XVII столетия Д. Локка, французского просветителя, философа и правоведа XVIII века Ш.-Л. Монтескье, родоначальника немецкой классической философии И. Канта. Известную лепту в формирование теории правового государства внесли передовые представители политической мысли России — провозвестник революционных идей А. Н. Радищев, революционные демократы А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Ф. В. Тарановский, ученые-юристы либерального толка А. М. Коркунов, А. Ф. Кистяковский, С. А. Котляревский, П. И. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич и другие.

Концепция правового государства явилась своеобразной реакцией на необузданность феодально-абсолютистского государства, в котором монарх соединял в себе всю полноту власти — законодательной, исполнительной и судебной, на ничем не ограниченный произвол диктаторских, олигархических ре-

жимов. Основной ценностный смысл (лейтмотив) названной концепции состоял в утверждении суверенности народа как источника власти, в стремлении подчинить ее деятельность стоящему над ней праву (отсюда широкое распространение идеи так называемого «примата права» над государством), оградить основные права и свободы граждан от посягательств со стороны государства и его представителей. Не трудно заметить, что по своей направленности теория правового государства носила несомненное либерально-демократическое звучание.

Однако исторический опыт свидетельствует о том, что мало обосновать концепцию, пусть даже самую социально-полезную и прогрессивную. Для того, чтобы она могла воплотиться в жизнь, необходимо создать соответствующие предпосылки в обществе — экономические, политические, морально-психологические и другие. А это практически оказывается делом более сложным, чем построение теоретической модели. Экономическая нестабильность, безработица, дискриминация различных групп населения, нарушения демократии и законности — эти и другие факторы довольно часто превращали конституционные положения о правовом государстве, которые были закреплены в ряде развитых капиталистических стран после второй мировой войны, скорее в декларацию, чем в реальность.

Констатируя ограниченность буржуазных политико-правовых институтов, неверно их недооценивать, а тем более усматривать в них исключительно респектабельный фасад, за которым скрывается произвол и беззаконие властей. Такой подход к оценке состояния и тенденций развития буржуазного правового государства так же далек от истины, как и его гипертрофирование (что, кстати, в обыденном общественном правосознании встречается не так уж редко). Правовая действительность в капиталистических странах неоднородна, сложна и противоречива. И этого нельзя не учитывать при оценке ее роли в развитии буржуазного общества. Закрепление принципов и институтов правового государства в конституциях западных стран, хотя автоматически и не превращает их в реальность, тем не менее открывает возможности для использования этих принципов и институтов трудящимися в их борьбе за свои права и свободы, против наступления реакции. Как свидетельствует практика капиталистических стран, значение права как средства защиты интересов трудящихся, хотя и медленно, но все же растет, что признают многие представители прогрессивных сил, в том числе юристы. Причем подчас правовые механизмы такой защиты в законода-

тельстве разработаны настолько четко, что западный опыт в этом плане не грешно позаимствовать сегодня и нам (разумеется, применительно к нашим условиям).

Немного теории

Идея правового государства входила в наш обиход нелегко. Долгое время она считалась «буржуазной» и для социализма неприемлемой, хотя справедливости ради следует сказать, что ученые-юристы не стояли в стороне от разработки многих проблем, которые составляют теоретическую базу правового государства. Что касается самого термина «правовое государство», то его, применительно к характеристике социалистического государства, предпочитали избегать, употребляя при этом чаще всего термин «государство подлинной законности».

Возникают естественные вопросы: насколько необходима и оправдана замена одного термина другим теперь? Не является ли это простой данью моде (а мода на новые термины и понятия нередко вполне может соперничать с модой на одежду) или даже более того — «западофильством»? Отвечая на них, следует подчеркнуть, что, во-первых, отнюдь не все, что зародилось или зарождается в недрах капиталистического общества по своей природе является буржуазным. Вряд ли кому-либо придет ныне (в отличие от прежних времен, когда «буржуазными» объявлялись генетика и кибернетика) в голову назвать «буржуазными» свершившиеся в условиях капитализма научные открытия, успехи развитых капиталистических стран в разработке новых технологий, вычислительной техники и т. д. Очевидно, далеко не все можно отнести к буржуазному, а тем более реакционному, и среди того, что делается в западных странах не только в научно-технической, но и социальной области. И игнорировать достижения многих буржуазных государств, подчас довольно значительные, в области прав человека и утверждения демократических политико-правовых институтов было бы ошибочным. Правовое государство — одно из самых ценных завоеваний прогрессивных, демократических сил в послевоенный период. Можно без преувеличения говорить о том, что оно является общим достоянием человеческой цивилизации и культуры, своеобразным конденсатом огромного исторического опыта. Отбрасывать этот опыт лишь на том основании, что он накоплен не нами, а другими народами, было бы неразумно. Еще известный русский

историк Н. М. Карамзин не без оснований говорил: «Что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!»

Во-вторых, получившая ранее распространение в нашей науке концепция государства подлинной законности при всей ее полезности, рассматривала проблемы совершенствования демократии и укрепления социалистической законности, обходя или, во всяком случае, отодвигая на задний план главные вопросы: оценку правомерности, справедливости самого закона (а ведь в форму закона, как показывает исторический опыт, может быть облечен и откровенный произвол); признание свободы человека в качестве высшей ценности; создание надежных правовых механизмов, способных противостоять тотальному огосударствлению общественной жизни, непомерной концентрации власти в одних руках, бюрократизму, произволу и беззаконию со стороны государственного аппарата и других политических институтов, включая партийные органы. Именно решение этих задач является краеугольным камнем намеченных XIX Всесоюзной партийной конференцией реконструкции политической системы и правовой реформы. Поэтому введение в оборот нового термина «социалистическое правовое государство» предполагает радикальную переориентацию наших представлений о роли права в социалистическом обществе, отказ от десятилетиями складывавшихся стереотипов — взглядов на право как на орудие государства в борьбе с преступностью, инструмент государственного управления и т. п., а также введение на этой базе принципиально новых государственно-правовых институтов, выступающих в качестве демократических гарантий суверенитета и свободы народа и подчинения государства обществу.

Еще в 1875 году К. Маркс, критикуя ряд антинаучных положений и теоретических уступок лассальянству, имевших место в проекте Готской программы немецкой рабочей партии, в частности, тезис этой программы о так называемом «свободном государстве», подчеркивал, что сделать государство «свободным» — это отнюдь не является целью подлинной рабочей партии и социалистического переустройства общества. «Свобода — писал он,— состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган этому обществу всецело подчиненный» [1]. Можем ли мы сказать, что такое преобразование сегодня в нашей стране осуществлено? Если быть откровенными, то следует признать, что нет.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* // Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 26.

Причин этому, как объективных, так и субъективных, множество. В первые послереволюционные годы, в условиях гражданской войны утверждение правовых начал практически было неосуществимо, поскольку природа права такова, что свои созидательные возможности оно в состоянии реализовать только в мирное время, когда получают развитие производство и обращение, а товаропроизводители выступают в качестве независимых личностей. Это в значительной степени подтверждает и исторический опыт нашей страны.

С окончанием гражданской войны и переходом к новой экономической политике работа по формированию правовых устоев Советского государства заметно активизировалась, что привело к сокращению присущих «военному коммунизму» принудительно-насильственных, командно-административных мер регулирования как в сфере экономики, так и в других областях общественной жизни. Были упразднены или преобразованы чрезвычайные органы, повышена роль суда и адвокатуры, усилены гарантии субъективных прав граждан, в том числе в их отношениях с государственной властью (резко ограничено, в частности, право на арест). В это время учреждается прокуратура, главным назначением которой становится надзор за законностью деятельности государственных органов и должностных лиц.

Разумеется, нельзя сказать, что в условиях нэпа развитие и укрепление правовых начал деятельности Советского государства шли гладко, исключительно по линии, устремленной вверх. Этот процесс протекал небезболезненно и трудно. Не было завершено формирование нового типа права с четкими демократическими механизмами обеспечения суверенитета народа, господства закона, прав и свобод личности, подчинения государственного аппарата обществу. Широкое распространение имел правовой нигилизм, порожденный ненавистью масс к старым законам, а по инерции — к законам вообще, усугубленный к тому же мелкобуржуазной психологией широких слоев населения. Продолжали сохраняться тенденции и методы «военного коммунизма» в некоторых сферах, включая производство, низка была правовая культура большинства работников государственного, хозяйственного и партийного аппаратов. Широкое распространение имело отношение к праву как к явлению «временному», «буржуазному», обреченному на отмирание и т. п.

Так что вряд ли правильно было бы говорить о том, что правовое государство в нашей стране сложилось в первые годы Советской власти и уничтожено в период культа личности Сталина. Да, определенные предпосылки для формиро-

вания правового государства в первые годы после революции были созданы, они умножились в период нэпа, существенно раздвинувшего горизонты представлений о социализме и путях его построения и давшего толчок активизации правовой формы в ее подлинном понимании (со взаимностью прав, обязанностей и ответственности, юридическим равенством участников правовых отношений и т. п.). Но государству того этапа развития советского общества (государству диктатуры пролетариата) до правового было еще далеко.

30-е годы: регресс права

К сожалению, в конце 20-х годов прогрессивный процесс правового развития приостановился, более того повернул вспять. В стране стала складываться совершенно иная ситуация, грубо противоречащая ленинским идеям построения социализма, принципам социалистического права и законности. Возникла система партийно-государственного руководства страной, которую ныне называют административной, а еще точнее авторитарной (тоталитарной), усилился бюрократизм, об опасности которого предупреждал В. И. Ленин. Произошло заметное «выветривание» правовых начал из общественной жизни: достижения регулятивной культуры, правовые ценности нередко не учитывались, а подчас и откровенно попирались законотворческой практикой, что привело к использованию юридической формы во вред интересам общества и народа и появлению так называемого правонарушающего законодательства.

Как и следовало ожидать, оно вначале возникло в сфере экономической, что особенно отчетливо проявилось при решении задач преобразования деревни, в частности при проведении коллективизации. Были отменены изданные в годы нэпа законы об аренде земли, значительно расширены полномочия местных исполнительных органов государственной власти по административной конфискации имущества, усилились репрессивные меры против лиц, не желавших сдавать в колхозы личный скот и т. д. Особенно массовый репрессивный характер носила освященная законом кампания по выселению кулацких семей. В соответствии с подготовленной инструкцией ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 года их предполагалось выслать свыше миллиона. И хотя конечные результаты выполнения этой инструкции на сегодня точно не известны, даже те довольно противоречивые цифры выселенных,

которые приводились в печати, свидетельствуют об акции по сути невиданной в истории по своим масштабам и жестокости. Так, по одним данным с начала 1930 по конец 1932 года было выселено 240757 кулацких семей [1], по другим — только за 1930—1932 годы подвергнуты выселению 381000 кулацких семей [2], по третьим, более уточненным, хотя и не окончательным, численность хозяйств, ликвидированных в ходе раскулачивания, составила 1000000—1100000 [3].

Переход к методам «командной» экономики и обусловленное им ослабление экономических стимулов в сфере производства повлекли за собой значительное усиление внеэкономического принуждения не только в форме мер административного характера, но и резкого (чрезвычайного) расширения круга уголовно-наказуемых деяний и ужесточения репрессий за них. За что только не устанавливалась уголовная ответственность: управдомы наказывались в уголовном порядке за плохой присмотр за домами, хозяйственные руководители — за бесхозяйственность, председатели колхозов и члены правления — за невыполнение договоров контрактации, колхозники — за невыработку минимума трудодней, за небрежное хранение сельхозмашин, рабочие — за опоздание на работу и за прогул, руководители заводов и начальники ОТК — за выпуск недоброкачественной продукции и т. д. и т. п. Усилению репрессий служили расплывчатые характеристики ряда вполне нормальных с точки зрения экономических законов и здравого смысла деяний как «равноценных хищению» или даже «равносильных вредительству». В качестве иллюстрации можно привести принятый в 1941 году закон, согласно которому продажа, обмен и отпуск на сторону оборудования и материалов, оказавшихся излишними и неиспользованными, а также незаконное приобретение их объявлялось «преступлением, равносильным расхищению социалистической собственности». Нельзя не вспомнить здесь и печально знаменитого Закона от 7 августа 1932 года, в соответствии с которым за такое «сверхопасное» деяние, как сбор колосков на поле после уборки урожая, могло грозить длительное лишение свободы.

Как видим, решение экономических проблем все более смещалось в сферу уголовного законодательства, причем с заметной тенденцией к увеличению в нем удельного веса «террористических законов», о несовместимости которых с правом говорил в свое время К. Маркс [4].

---

[1] См.: История КПСС. М., 1960. С. 441.
[2] См.: Вопр. истории КПСС. 1975. № 5. С. 140.
[3] См.: Правда. 1988. 16 сент.
[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* // Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 14, 162—163.

«Выветривание» правовых начал из сферы экономики не замедлило распространиться и на другие области общественной жизни. Сворачивалось действие многих демократических институтов, в том числе важнейшего из них — суда. Одним из наиболее ярких примеров, подтверждающих названный процесс, может служить учреждение (посредством законодательных актов!) чрезвычайных, закрытых органов типа прискорбно известного противоконституционного Особого совещания, образованного при НКВД СССР Постановлением ЦИК СССР от 5 ноября 1934 года, приговорившего к расстрелу и отправившего в лагеря по так называемой упрощенной процедуре судопроизводства многие тысячи невиновных людей, лишенных права на защиту, на апелляцию, других элементарных процессуальных гарантий. «Суд» по делу гениального ученого-генетика Н. И. Вавилова продолжался, например, всего несколько минут, над соратником В. И. Ленина, наркомом юстиции в 30-е годы Н. В. Крыленко — 20 минут. Протокол последнего «суда» уместился в 19 строк. Приговоры в обоих случаях были одинаковы — расстрел. Правда, Н. И. Вавилову он позднее был заменен 20 годами тюремного заключения. Примеры подобного рода можно продолжать до бесконечности. Ни чем иным, как пародией на правосудие, «позитивной санкцией беззакония» названное постановление и учрежденный им «суд» назвать нельзя.

Ответственность за трагические события нашей истории, массовые репрессии, беззаконие и произвол, о которых мы с болью говорим сегодня, чаще всего взваливают на Сталина и на его ближайшее окружение. Да, их вина перед партией и народом за преступные деяния огромна и непростительна. Но возникает закономерный вопрос: почему наша социальная система позволила одному человеку или даже небольшой группе лиц творить беззакония, приведшие к столь роковым последствиям в масштабах целой страны? Да потому, что эта система не располагала развитыми демократическими институтами и надежными правовыми механизмами защиты (гарантиями) от произвола, своеволия и бесконтрольности должностных лиц и органов. Разумеется, наивно все причины, приведшие к культу личности и его тяжелым последствиям, объяснять исключительно отсутствием или несовершенством правовых механизмов. Эти причины имеют более глубокие исторические корни.

Чем основательнее наука будет проникать в проблемы нашего недавнего прошлого, тем отчетливее будут вырисовываться предпосылки сталинизма, облик социальных сил, на которые он опирался и которые были заинтересованы в «свер-

тывании» нэпа. Но даже теперь можно с уверенностью говорить о том, что командно-административную систему породил комплекс причин, среди которых определяющее значение принадлежало объективным социально-экономическим условиям весьма противоречивой действительности 20—30-х годов. Среди них следует отметить прежде всего особенности переходного периода в нашей стране, как стране второго эшелона капитализма, не прошедшей его стадии в полном объеме, что в свою очередь породило такие специфические черты послереволюционного периода, как отсутствие материально-технической базы, цивилизованных работников с высоким уровнем дисциплины и ответственности, сформировавшихся при капитализме, и другие. Отсюда — стремление к форсированному преодолению отмеченных негативных факторов любыми способами и средствами, вплоть до методов «штурма и натиска» и гипертрофии насилия, что особенно заметно проявилось после смерти В. И. Ленина.

На процесс создания командно-административной системы и становления культа личности не могли не оказать воздействия и некоторые культурологические и социально-психологические факторы: откровенная слабость буржуазно-демократических политических и правовых традиций, обусловившая в свою очередь низкий уровень политической и правовой культуры народа, которая в значительной степени продолжала носить патриархальный характер с присущим ему культом почитания «хозяина», «вождя», склонность к жесткой регламентации вся и всего, «бесполезным формальностям» и бумаготворчеству, веками присущими управленческому аппарату России.

Еще в середине прошлого столетия русский историк, либеральный общественный деятель и публицист К. Д. Кавелин, говоря о причинах отсталости России, отмечал, что их «очень и очень много, как то: ошибочная система управления, отсутствие строгого правосудия и правильного кредита, целый кодекс стеснительных для промышленности и торговли правил, вследствие которых ни та, ни другая не могут свободно развернуться, как в других странах, гибельное начало хозяйственного управления, имеющее в нашей государственной администрации такое обширное применение»[1]. Если бы не некоторая архаичность стиля, можно было бы подумать, что эти слова принадлежат нашему времени.

---

[1] Голоса из России: Сб. А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Кн. III. М., 1975. С. 115.

Горячие головы «с обостренным классовым чутьем», очевидно, могут усмотреть в обращении к столь далекому прошлому крамольные параллели между царской Россией (причем дореформенного 1861 года периода) и нашей сегодняшней социалистической действительностью. Однако мы приводим это высказывание для того, чтобы показать: командно-административные методы управления и обусловленная ими чрезмерная склонность к «стеснительным правилам» — это не порождение социализма, как считают многие западные идеологи. Они уходят в глубины предшествующих общественно-исторических формаций, в веками формировавшиеся национальные традиции, которые в России, видимо, проявились более отчетливо и сохранились дольше, чем в других странах (кстати, этап тотального огосударствления общественной жизни прошли многие из нынешних высокоразвитых стран). И факт, что эти традиции оказались очень живучими.

Не подлежит сомнению и то обстоятельство, что в условиях командно-административной системы, приведшей к серьезной деформации, а то и к свертыванию многих демократических и правовых институтов, заложенных при жизни В. И. Ленина, разрушить названные традиции было невозможно. Более того, сталинская система питала их. В результате усилился правовой нигилизм, широко распространилось неверие в реальность таких основополагающих демократических принципов, как неприкосновенность личности, равенство всех перед законом, справедливость судебного разбирательства и др. Естественно, что говорить даже о возможности создания правового государства в этих условиях не приходилось.

Застой — расплата за пренебрежение демократией

Определенные перспективы для формирования правового государства в нашей стране открылись после XX съезда КПСС. Разоблачив произвол и беззакония периода культа личности, он сделал важные шаги, направленные на восстановление ленинских принципов народовластия и социалистической законности. Была осуществлена широкая реабилитация невинно осужденных, ликвидированы органы внесудебной репрессии, в том числе упоминаемые Особые совещания, отменен упрощенный порядок рассмотрения дел о государственных преступлениях, органы государственной безопасности и внутренних дел очищены от преступных элементов и взяты

под контроль партии и высших органов государства. Однако на этом меры по укреплению законности, охране прав и свобод граждан фактически завершились. Не было сделано главного — не преодолено сложившееся за долгие годы огосударствление по существу всех отношений и институтов общества: политические структуры остались прежними, демократизация общественной жизни, сделав первые важные шаги, не получила дальнейшего развития и оказалась минимальной, в идеологической жизни продолжал господствовать догматизм.

Глубокий отрицательный след на формировании предпосылок для создания правового государства оставили застойные явления, особенно остро давшие о себе знать в период с конца 60-х до середины 80-х годов. Именно в это время «пробуксовывали» демократические институты, искажался принцип социальной справедливости, в частности распределение по труду, нарушалось равенство граждан перед законом, появились группы лиц из представителей верхних эшелонов власти, для которых «законы не писаны», не обеспечивалась гласность.

Примерно с середины 60-х годов в стране начала расти преступность, и в то же время снижаться эффективность борьбы с ней, особенно с крупными хищениями, взяточничеством и другими должностными злоупотреблениями. Усилилась коррупция в среде работников госаппарата и правоохранительных органов. Нарастала волна фальсификации дел, очковтирательства, сокрытия правонарушений от учета. Заметно участились случаи нарушения прав и свобод граждан. Разрослись зоны, выведенные из-под критики, а стало быть, и неподвластные действию закона.

Короче говоря, социальная (политическая, нравственная, правовая) атмосфера, существовавшая в обществе в названный период, не только не способствовала искоренению правового нигилизма, но, напротив, усиленно питала его, хотя правильных слов о необходимости уважения к праву, закону и в эти годы с высоких трибун было сказано немало. А 7 октября 1977 года была принята новая, ныне действующая Конституция СССР, статья 4 которой провозглашала: «Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан». Казалось бы, это конституционное положение вполне соответствует основной идее правового государства, чем открывает прямой путь для его формирования в нашем обществе. К сожалению, названное, как и многие другие демократические конституционные положения, оставалось скорее лозунгом, нежели реальностью,

несмотря на высокое заявление о том, что «мы создали Конституцию не для декорации».

Как отмечалось на XIX Всесоюзной партийной конференции, расплата за пренебрежение демократическими нормами социалистического образа жизни и их подмену авторитарными, административными методами оказалась суровой — равнодушие, ослабление социальной активности масс, отчуждение человека труда от общественной собственности и управления.

Именно в окостеневшую систему власти, в ее командно-нажимное устройство упираются сегодня коренные проблемы перестройки — и экономическая реформа, и развитие социально-культурной сферы, и воспитание у людей хозяйски заинтересованного отношения ко всему происходящему в стране. Вполне закономерно поэтому партия усматривает в кардинальной реформе советской политической системы, оздоровлении и развитии социалистической демократии решающее условие осуществляемого в стране обновления и одновременно залог дальнейшего продвижения нашего общества по пути прогресса. «Сегодня,— подчеркивалось на XIX партконференции,— надо иметь мужество признать: если политическая система останется неподвижной, без изменений, то мы не справимся с задачами перестройки» [1].

Перестройка требует не просто изменений политической системы, не просто больше демократии, она вызывает необходимость поднятия их на качественно новую ступень, а стало быть, по-новому ставит ряд проблем их совершенствования и перспективного развития.

Реформа политической системы призвана решить следующие основные задачи:

— найти оптимальные формы и стимулы для реального включения трудящихся в управление, в выработку решений в масштабах страны, региона, трудового коллектива;

— открыть максимальный простор процессам самоуправления общества, создать условия для полного развития инициативы граждан, представительных органов власти, партийных и общественных организаций, трудовых коллективов;

— отладить механизм демократического формирования и выявления интересов и воли всех классов и социальных групп, их согласования и реализации во внутренней и внешней политике Советского государства;

— обеспечить условия для дальнейшего свободного развития каждой нации и народности, укрепления их дружбы и

---

[1] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 26.

равноправного сотрудничества на принципах интернационализма;

— создать надежные гарантии против узурпации власти, бюрократизма и формализма, защиты конституционных прав и свобод граждан, а также выполнения ими обязанностей по отношению к обществу и государству;

— четко разграничить функции партийных и государственных органов в соответствии с ленинской концепцией роли Коммунистической партии как политического авангарда общества и роли Советского государства как организации и орудия власти народа;

— создать эффективный механизм, который обеспечивал бы своевременное самообновление политической системы с учетом меняющихся внутренних и международных условий, способной ко все более активному развитию и внедрению во все сферы жизни принципов социалистической демократии и самоуправления.

Венцом кардинального преобразования политической системы и процесса последовательной демократизации советского общества как раз и должно стать формирование социалистического правового государства. Хотя за время, прошедшее после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, осуществлен ряд крупных мер по правовому обеспечению перестройки, они коснулись преимущественно сферы экономики, причем, отдельных ее звеньев. Проблемы же совершенствования правовых механизмов улучшения характера и организации политической власти, разделения ее функций, повышения роли представительных органов — Советов народных депутатов, усиления правовой защиты личности, в том числе о ее взаимоотношениях с государственным аппаратом, и т. п. оставались по существу в тени. Поэтому в резолюции партконференции «О правовой реформе» вполне справедливо подчеркивается, что правовое обеспечение перестройки находится ныне лишь в самом начале пути. Впереди огромная и трудная работа детальной разработки концепции социалистического правового государства и ее практического осуществления.

Переориентация теоретических представлений

Как отмечалось, одним из главных «китов» (постулатов), на которых зиждятся концепции правового государства на Западе, является идея «примата» права над государством.

В советской же правовой науке долгие годы усиленно проповедовалось обратное положение — о безусловном «примате» государства над правом, которое рассматривалось преимущественно как простое орудие государственной власти. Такое, казалось бы на первый взгляд, чисто теоретическое смещение акцентов имело весьма и весьма ощутимые практические последствия. Оно по существу идеологически закрепляло зависимость народа, его прав и свобод от воли государства. Получалось, что последнее по своей милости может «предоставить» гражданам соответствующие права, а может и отнять либо ограничить их по своему же усмотрению. Деформация теоретических представлений не могла не сказаться отрицательно на правосознании народа, прививая ему черты покорного благоговения перед законодательными органами и ущемляя тем самым его достоинство.

Нельзя сказать, что такие теоретические представления о соотношении государства и права не подвергались сомнению в отечественной юридической литературе. Ряд правоведов, в том числе и автор этих строк, неоднократно (особенно в последние 10—15 лет) подчеркивали чуждость марксизму-ленинизму концепций «примата» государства над правом, как, впрочем, и права над государством, обосновывали неправомерность односторонней трактовки указанных явлений, недооценки или преувеличения их взаимовлияния и взаимодействия, обращали внимание на необходимость исследования взаимоотношений между государством и правом во всей их диалектической сложности и противоречивости.

Хочется отметить, что дело, очевидно, не в «приматах»: государства над правом или, напротив, права над государством. Чрезмерное же противопоставление их друг другу вряд ли может привести к положительным результатам.

Главное для создания Советского правового государства — это добиться такого положения, при котором государство, как, впрочем, и партия, были бы подчинены обществу, стали подлинными выразителями его интересов, а право, в свою очередь, перестало бы выступать в качестве орудия, которым можно произвольно манипулировать, а тем более инструмента выражения и осуществления узкогрупповых интересов, облеченных в форму закона, как это, к сожалению, нередко бывало в прошлом, да и не преодолено до конца и ныне. А для этого необходимо создать новые, постоянно и реально действующие политические и правовые механизмы, которые исключили бы саму возможность деформации социалистических принципов народовластия и суверенитета народа, стали надежной преградой на пути установления режима личной

власти, всякого рода культов и культиков, а деятельность государственного аппарата и иных политических институтов ввести в строгие рамки законов, принятых в соответствии с установленной Конституцией демократической процедурой.

Торжество закона во всех сферах общественной жизни — вот ключевая черта, которая должна быть присуща социалистическому правовому государству.

Что такое закон?

Слово «закон» вошло в наш обиход довольно прочно. Однако часто употребляя его, отнюдь не все четко представляют, что же следует понимать под законом. Как свидетельствуют проведенные в конце 1987 года Институтом государства и права АН УССР совместно с Министерством юстиции УССР социологические исследования, значительная часть опрошенных лиц (свыше 25 процентов) под законом подразумевает любой нормативный акт (постановление, приказ, инструкцию и т. д.), исходящий от любого органа государства, около 2 процентов опрошенных законом назвали решения партийных органов, а 7,3 процента вообще затруднились ответить на этот вопрос. Справедливости ради следует сказать, что и сам законодатель к такой четкости стремится далеко не всегда. Иногда словом «закон» обозначаются все издаваемые государством нормативные акты. Подобная его трактовка проникла даже в Конституцию СССР (см. статьи 4, 34, 37, 39; 155, 156 и др.). Вряд ли такое положение можно считать нормальным. Когда говорится о необходимости обеспечения верховенства закона во всех сферах жизни общества как важнейшем признаке социалистического правового государства, то имеется ввиду закон в строгом юридическом значении, то есть нормативный акт, принятый специальными законодательными органами государственной власти при неукоснительном соблюдении всех демократических процедур или же всенародным голосованием (референдумом), регулирующий наиболее важные общественные отношения и обладающий высшей юридической силой.

Высшая юридическая сила закона состоит в том, что он не может быть отменен, изменен или приостановлен ни правительственными постановлениями и распоряжениями, ни ведомственными приказами и инструкциями, ни решениями партийных органов, сколь бы высоки и авторитетны они ни были. Все нормативные акты, будь то государственные или партий-

ные, должны полностью соответствовать закону. В случае их расхождения с законом должен действовать последний. Это одно из основополагающих требований социалистического правового государства.

К сожалению, приходится констатировать, что названное требование, как и сам принцип верховенства закона, до настоящего времени остается по существу «пустым звуком», он лишен реального содержания. До сих пор многие важнейшие общественные отношения, в том числе затрагивающие общенациональные интересы и касающиеся прав и свобод советских граждан, регулируются не законами, а постановлениями правительства и ведомственными нормативными актами. Нет, например, законов об информации, ценообразовании, о планировании и других. Многие, даже недавно принятые, законы остаются «неработающими», поскольку страдают существенными изъянами, продолжает нарушаться принцип обязательности закона для всех, независимо от занимаемого служебного положения и т. д. Словом, речь идет не просто об укреплении либо усилении принципа верховенства закона, а о его восстановлении. В этих целях представляется необходимым осуществить комплекс мер.

Демократизация принятия законов

Для восстановления названного принципа следует прежде всего значительно демократизировать практику принятия законов. В настоящее время, как и ранее, они разрабатываются и принимаются в своем преобладающем большинстве аппаратным путем, а не в соответствии с демократической процедурой. В правовом государстве этой порочной практике не может быть места: законы должны обсуждаться и приниматься исключительно высшими законодательными органами страны — Съездом народных депутатов СССР, который в соответствии с принятым в конце 1988 года Законом об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР предполагается созывать ежегодно, и Верховным Советом СССР, который наконец-то стал постоянно действующим.

К ведению Съезда народных депутатов относится принятие Конституции СССР, внесение в нее изменений, принятие решений по вопросам национально-государственного устройства, отнесенным к ведению Союза ССР, определение государственной границы страны, основных направлений внутренней и внешней политики СССР, а также решение ряда других во-

просов. Верховный Совет призван сосредоточить внимание на разработке и принятии текущих законов, вытеснив не согласующуюся с правовым государством практику подмены Верховного Совета его Президиумом (и соответственно подмены законов указами последнего). Разумеется, для этого необходимо не только значительно удлинить продолжительность сессий Верховного Совета, как предусмотрено ныне Конституцией, но и резко повысить профессионализм его депутатов. Все это, очевидно, позволит исключить в будущем такие беспрецедентные случаи, как, например, случай, который произошел на седьмой сессии Верховного Совета одиннадцатого созыва при обсуждении проекта Закона о порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан. Многие депутаты выступили тогда с довольно резкой критикой ряда положений названного проекта. Ввиду серьезности замечаний, требующих дополнительной проработки проекта, логически напрашивался правильный и демократический путь: продлить сессию Верховного Совета, дав возможность депутатам всесторонне взвесить и обсудить высказанные замечания, внести необходимые поправки в проект закона, после чего принять его. Однако этой логике, которая вполне соответствует духу и принципам правового государства, не последовали. Закон все же был принят, а взвешивать высказанные замечания и дорабатывать его (не проект, а Закон!) было поручено аппарату. В результате уже на следующей сессии Верховного Совета СССР в указанный закон были внесены поправки. Не парадокс ли? Можно ли при таких условиях обеспечить стабильность законов, которой нам сегодня так недостает? А если говорить откровенно о том же Законе о порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, то он оказался малоэффективным. По существу этот Закон «урезал» часть II статьи 58 Конституции СССР, ограничив ее действие оговорками, которые сужают возможности граждан обращаться в суд за защитой своих прав.

Один из основных изъянов законотворчества последних лет, в значительной степени вызванный положением законодательного органа в стране и уровнем профессионализма его депутатов,— это излишняя и неоправданная поспешность подготовки и принятия новых законов. И если раньше наблюдалась одна крайность, когда законопроекты готовились долгие годы и даже десятилетия, то теперь же часто наблюдается другая — стремление к форсированному принятию новых законов, зачастую без их надлежащей научной проработки и анализа различных решений. Разумеется, правовое обеспече-

ние перестройки не преемлет медлительности, от него во многом зависит необратимость осуществляемых ныне в обществе процессов обновления. И все же следует помнить, что чрезмерная торопливость в таком сложном и тонком деле как законодательствование может нанести вред, подорвать веру людей в реальность предпринимаемых усилий и справедливость законов. Далеко за примерами ходить не приходится. Достаточно вспомнить небезызвестный Указ Президиума Верховного Совета СССР об усилении борьбы с нетрудовыми доходами, многие установления которого явно диссонировали с курсом на внедрение экономических рычагов, развитие инициативы и предприимчивости и послужили «опорой» для прокатившейся по стране лавины гонений на многих честных тружеников — так называемых шабашников, без которых многим предприятиям и колхозам никак не обойтись, лиц, торгующих на рынке выращенной ими сельскохозяйственной продукцией, и т. д. А если учесть, что названный Указ был принят в период, когда полным ходом шла подготовка Закона об индивидуальной трудовой деятельности, то его неуместность, более того — парадоксальность, становится тем очевиднее.

Казалось бы этот урок должен был бы учтен при разработке Закона СССР о кооперации. Однако и здесь, к сожалению, проявилась застарелая болезнь: «синдром ограничительства и запретительства» сработать не замедлил, ярким подтверждением чему может служить скороспелый Указ Президиума Верховного Совета СССР о прогрессивном подоходном налоге с кооператоров, Постановление Совета Министров СССР о регулировании отдельных видов деятельности кооперативов и других.

Демократизация законотворческого процесса предполагает также ужесточение порядка внесения изменений и дополнений в важнейшие, прежде всего конституционные, законы. Нельзя говорить о торжестве закона, а стало быть и о правовом государстве, там, где законы изменяют, дополняют либо отменяют без четкой юридической регламентации порядка законотворческого процесса. Наиболее существенные изменения, затрагивающие общенациональные интересы, основные права и свободы граждан целесообразно выносить на всенародное голосование (референдум). Пока же соответствующие статьи Конституции СССР и конституций союзных республик, предусматривающие возможность его проведения, по-прежнему остаются неработающими.

Практикуемые ныне всенародные обсуждения законопроектов отнюдь не могут заменить референдумов, хотя в печати

нередко их стали отождествлять, смешивая голосование по строго определенной процедуре с обсуждением на страницах печати, в трудовых коллективах и т. п. Эффективность такого рода обсуждений, как подтверждают исследования, крайне низка. И объясняется это не только отсутствием четкой процедуры учета общественного мнения, но и тем обстоятельством, что сотни тысяч поправок и замечаний, которые высказываются в ходе обсуждений (они обычно преподносятся прессой как достижение нашей демократии), практически учесть невозможно. Поэтому трудно сказать, оправдывают ли обсуждения материальные расходы на их проведение. Нельзя в связи с этим не согласиться с высказанным в печати мнением о том, что если работе Верховного Совета придать необходимую гласность, вряд ли станет нужным и всенародное обсуждение законопроектов [1].

Когда речь идет о восстановлении принципа верховенства закона, не следует упускать еще одного важного его аспекта — требования свято соблюдать закон самим государством и его органами, в том числе законодательным органом, его издавшим. Это требование не всегда в нашей истории неукоснительно соблюдалось.

Факт. В 1950 году по так называемому «ленинградскому делу» был грубо нарушен один из фундаментальнейших принципов права, закрепленный в действовавших в то время Основах уголовного судопроизводства 1924 года: более строгий закон не имеет обратной силы. В целях уничтожения привлеченных по этому делу видных деятелей партии и государства А. А. Кузнецова, Н. А. Вознесенского, М. И. Родионова, П. С. Попкова и других через полгода после их ареста была введена смертная казнь для «изменников Родины, шпионов, подрывников-диверсантов», которая до этого была отменена. В сентябре 1950 года ее применили к осужденным по названному делу.

Ныне возможность таких грубейших нарушений основополагающих правовых принципов в советской правовой системе практически исключается. Гарантией тому являются процессы демократизации, осуществляемые в стране, возросший уровень политической и правовой культуры общества. И о прочной связанности государства законом, полном преодолении его нарушений государственными органами говорить еще рано.

---

[1] См.: *Баглай М.* Только закон! // Известия. 1988. 1 сент.

О справедливости законодательства

При всей важности материальных благ, которые предоставляет человеку современное общество, его жизнь отнюдь не сводится к удовлетворению этими благами. Поворот к человеку, его реальным потребностям и интересам, ценностям и идеалам значительно активизировал самосознание народа. Накопившиеся за долгие годы в разных сферах жизни нашего общества элементы несправедливости не только не остались незамеченными массовым сознанием, но и вызвали обоснованное недовольство со стороны трудящихся, а тщетность попыток индивидуальной борьбы с ее проявлениями стала одной из главных причин отчуждения части людей от общественных целей и ценностей. Весьма ощутимо эти явления коснулись и такой социальной ценности, как право, что в общем-то закономерно: последнее неразрывно связано с категорией справедливости. Она есть «абстрактнейшее выражение самого права»[1], иначе говоря, правовое в своей основе всегда конструируется и проводится на практике как справедливое.

В праве понятие справедливости выполняет особые распределительные функции, одним из главных выражений которых выступает формальное (юридическое) равенство участников тех отношений, которые оно регулирует. Среди его основных элементов следует назвать: равенство правовых возможностей граждан пользоваться социальными и культурными благами; соразмерность труда и вознаграждения; взаимность и сбалансированность прав, обязанностей и ответственности; соответствие заслуг и общественного признания; опасности, тяжести совершенного правонарушения и наказания и т. п. Как обоснованно отмечают многие правоведы, равенство «стартовых» возможностей является тем статусным уровнем, на базе которого формулируются все важнейшие права и обязанности граждан. Оно коренится в правовом равенстве перед законом, которое означает прежде всего отсутствие каких-либо ограничений прав и свобод граждан либо привилегий по признаку происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Принципу социальной справедливости соответствует не только правовое равенство, основанное на отсутствии названных ограничений и привилегий, но целенаправленное выров-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* // Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 273.

нивание с помощью юридической формы фактически неравных «стартовых» возможностей отдельных категорий граждан в силу их физиологических, возрастных и иных особенностей (например, женщин, несовершеннолетних, инвалидов и других), существенных различий в условиях труда рабочих и служащих, связанных с особенностями производства или характером работы (вредность и тяжесть производства, повышенная интенсивность труда и т. п.), с климатическими условиями, в которых ведется работа и т. п. Ядром правового равенства в социалистическом обществе является обеспечение справедливой соразмерности между трудом и вознаграждением в соответствии с принципом: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

Принцип социальной справедливости свое официальное юридическое закрепление получил в Основном Законе — Конституции, конкретизирован и развит в нормах всех отраслей советского законодательства, которые в общем и целом создают возможности для претворения данного принципа в жизнь. Вместе с тем это вовсе не означает, что в действующем законодательстве нет отклонений от принципа социальной справедливости, что последняя имманентна любому нормативному акту, каждому юридическому установлению. В сущности, появление таких отклонений в ходе общественного развития неизбежно. В отличие от категории справедливости, которая весьма чутко реагирует на происходящие в обществе изменения, законодательство является относительно неподвижным, склонным к «замораживанию» однажды зафиксированных представлений о ней. Такого рода противоречия между справедливостью и законодательством разрешаются в процессе совершенствования и обновления последнего. Их разрешение выступает в качестве движущей силы развития законодательства. Однако это имеет место лишь тогда, когда указанные противоречия вскрываются, а не скрываются.

К сожалению, в последние десятилетия противоречия между законодательством и справедливостью гораздо чаще скрывались, нежели вскрывались, что привело к накоплению отклонений, а в ряде случаев и к прямым искажениям принципа социальной справедливости. Ее дефицит в законодательстве ныне, в условиях перестройки, становится особенно заметным. В большей или меньшей степени он ощущается в законодательном регулировании почти всех распределительных отношений, но наиболее очевидно проявляется в области распределения материальных и иных жизненных благ. Формы такого проявления довольно разнообразны. Это — санкционированные соответствующими нормативными актами, но не имеющие

нравственных и правовых оснований, так называемые статутные (то есть по занимаемой должности, независимо от результатов труда) привилегии, предоставляемые через различные специальные учреждения здравоохранения, образования, торговли, отдыха, бытового обслуживания. Это — узаконенная в некоторых случаях неодинаковая покупательная способность рубля, порождающая неравенство доступа различных категорий населения к жизненным благам (яркими примерами такому узаконенному неравенству могут служить: существовавшая до недавнего времени система магазинов «Березка», существующее и ныне значительное колебание розничных цен на одни и те же товары, продаваемые по разным каналам, и т. п.). Это — не поддающееся никакому научному объяснению установленное многими нормативными актами разнообразие тарифных ставок и окладов, правил о выплате вознаграждения за выслугу лет, существующей продолжительности отпусков, неоправданная дифференциация трудового законодательства по ведомственному признаку. Это — заложенное в самом законодательстве нарушение начал справедливости при распределении общественных фондов потребления, в частности зафиксированное им различие уровней обеспеченности названными фондами рабочих, служащих и колхозников, различных категорий пенсионеров.

Факт. Если рабочие и служащие используют все социальные услуги из этих фондов, то колхозники — лишь социальные услуги просвещения, высшего и среднего специального образования, здравоохранения. Другие социальные услуги они получают не из общественных фондов потребления. Так, пенсии и пособия назначаются членам колхозов из централизованного союзного фонда социального обеспечения, санаторно-курортное лечение, пособие по болезни — из централизованного союзного фонда социального страхования. В целом же колхозная семья получает выплат и льгот из общественных фондов потребления в 1,75 раза меньше, чем семья рабочего [1].

В соответствии с Положением о персональных пенсиях, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 19 декабря 1977 года лица, получающие персональные пенсии союзного и республиканского значения и имеющие партийный стаж не менее 30 лет, обладают правом на ежегодное денежное пособие в размере полуторной пенсии, ежегодную бесплатную путевку (либо денежную компенсацию вместо путевки в размере не свыше 100 руб.), бесплатный проезд раз в

[1] См.: *Козлов А. Е.* // Сов. государство и право. 1986. № 12. С. 5.

год (туда и обратно) воздушным или автомобильным междугородным транспортом. Беспартийные персональные пенсионеры такими льготами не пользуются.

Перечень примеров подобного рода можно было бы продолжить. Поэтому одним из первейших и непременных условий формирования Советского правового государства является инвентаризация всего массива законодательства под углом зрения соответствия содержащихся в нем установлений принципу социальной справедливости.

Что определяет качество законодательства?

Улучшение качества законодательства, а стало быть и повышение его общественного авторитета, во многом предопределяется не только социально-политическими, но и собственно юридическими факторами — точностью, строгостью законодательных формулировок, четким установлением взаимных прав, обязанностей и ответственности участников общественных отношений, обеспеченностью их соответствующими юридическими механизмами осуществления, внутренней логической согласованностью законодательства, соблюдением пределов законодательной регламентации и т. д.

В годы, предшествовавшие перестройке, здесь также накопилось немало серьезных проблем. Принимаемые нормативные акты, в том числе высшего уровня — законы, нередко изобиловали чрезвычайно общими формулировками, всякого рода призывами, декларациями, пожеланиями законодателя, увлечение которыми затрудняло, а в ряде случаев делало вовсе невозможным их реализацию. Наиболее характерным примером в этом отношении может служить Закон СССР о трудовых коллективах.

Факт. В 13-и из 23-х статей названного закона излагаются полномочия этих коллективов, однако бóльшая их часть сформулирована в виде указаний на то, что трудовой коллектив «участвует», «рассматривает», «принимает меры», «содействует», «обеспечивает» и т. п. Юридические механизмы, которые гарантировали бы такое «участие», «рассмотрение», «содействие» в законе отсутствуют. Не случайно он оказался неэффективным.

Несмотря на то, что законотворческая практика последних трех лет стремится преодолеть отмеченные недостатки, изба-

виться от них пока не удается. Например, и в Законе СССР о государственном предприятии (объединении) расплывчатые, декларативные формулировки, к сожалению, не редкость. На ряд из них обращалось внимание еще при обсуждении проекта названного закона, однако многие высказанные замечания и предложения так и не были учтены. В результате расплывчатость многих формулировок закона открывает возможности для всякого рода манипуляций со стороны чиновников, что подрывает его действенность.

Не способствует улучшению качества законов и множество содержащихся в них отсылок к другим нормативным актам. Так, на 23-и статьи Закона об индивидуальной трудовой деятельности приходится 25 отсылок к иным нормативно-правовым актам, в том числе в части установления запретов на осуществление гражданами их конституционного права на такого рода деятельность. Обросли отсылками и многие прогрессивные по своему содержанию положения Закона о кооперации — их насчитывается свыше 30-и. Не удивительно, что этой лазейкой не замедлили воспользоваться многие государственные органы, обставив положения названных законов разного рода оговорками, ограничениями, условиями. И правы, на наш взгляд, ученые, которые отмечают, что для создания правового государства необходимо преодолеть все еще распространенный психологический настрой на то, что закон должен регулировать лишь самые принципиальные вопросы, а остальное — область подзаконных актов, в том числе ведомственных [1].

Огромный урон качеству законодательства и его авторитету наносит нарушение границ регламентации, вызванное стремлением многих носителей нормотворческих полномочий к мелочной опеке деятельности участников общественных отношений. Особенно заметно это на уровне актов, принимаемых министерствами, государственными комитетами и другими ведомствами (приказов, инструкций, положений, методик и т. п.). Жесткий ограничительно-запретительный характер преобладающего большинства из них, отражающий командно-административный стиль управления, повлек за собой неуправляемый рост названных актов. Достаточно сказать, что точное их количество в настоящее время даже назвать никто не может. Встречаются самые различные цифры: от 120 до 200 тысяч в стране, от 15 до 30 тысяч в республиках, в том числе в УССР. Какие из них действуют, а какие устарели, по существу, не ясно. Как заметил в связи с этим в «Литературной

---

[1] См.: *Пиголкин А.* // Правда. 1988. 7 сент.

газете» академик А. Г. Аганбегян, запутались практически все: и создающие инструкции, и те, которым они адресованы.

Не лучше обстоит дело и в отдельных областях общественной жизни. Хотя в последние два года предприняты попытки ряда ведомств несколько упорядочить свои акты, освободив их от завалов, о коренном переломе говорить пока не приходится. Особенно тревожное положение по-прежнему в сфере хозяйственных отношений.

Лишая простора для маневрирования и оперативного принятия решений, чрезмерно жесткая ограничительно-запретительная регламентация невольно толкает руководителей хозяйственных подразделений на нарушение ведомственных актов. Трудно, видимо, найти руководителя-хозяйственника, который бы в своей практике скрупулезно соблюдал все параграфы многочисленных инструкций, где выполнимое соседствует с заведомо нереальным, а нужное с абсурдным, и никогда не нарушал их. Без нарушений (пусть незначительных) штатного расписания, мелочных предписаний финансовых органов руководитель по существу до недавнего времени не мог сделать самостоятельного шага. А какое раздолье при обилии таких нарушений создается для всякого рода контролеров: не случайно контрольные службы разрослись до невероятных размеров. Можно ли в такой ситуации ожидать смелости, предприимчивости от руководителя-хозяйственника? Нельзя, правда, сказать, что попыток предприимчивости не было. Были, и пресса о них писала неоднократно. Но чем они, как правило, заканчивались? В лучшем случае — потерей должности, в худшем — здоровья, а в самом скверном — тюрьмой. В свое время даже специальный термин вошел в обиход — «бескорыстный преступник». Словом, зарегулированность — это прямой путь к социальной безответственности и пассивности, жизни по принципу: если нет инструкции сверху, нет и видимости дела. Хотя практика показала, что дéла довольно часто не получается и с инструкцией.

Зарегулированность — питательная почва для нарушений законности. Обилие различного рода положений, инструкций, приказов, нередко совершенно ненужных, ведет к их девальвации, то есть обесцениванию в сознании работников, которым они адресованы. Причем такое обесценивание распространяется также на полезные и необходимые ведомственные акты, что отнюдь не способствует их строгому и неуклонному выполнению. Достаточно вспомнить чернобыльскую трагедию, гибель теплохода «Адмирал Нахимов», крушения поездов, главной причиной которых явились грубые нарушения существующих инструкций, чтобы убедиться в этом.

Если к тому же учесть, что в сознании многих людей не проводится достаточно четкого различия между ведомственными актами и актами вышестоящих органов (в том числе законами), то нетрудно сделать вывод, что падение престижа ведомственных актов отрицательно сказывается на авторитете законодательства в целом. Количество нарушений оказывается в конечном счете прямо пропорциональным количеству ограничений и запретов. Некоторые из нарушений стали настолько привычными, что превратились в фактические нормы поведения, которые подчас оказывались сильнее предписаний законодательства (убедительным подтверждением этому служат неписанные правила так называемой «теневой экономики», которая пока еще отнюдь не изжита).

Обилие нормативных актов делает практически невозможным осуществление постоянного и оперативного контроля и надзора за законностью этих актов, подрывает один их важнейших принципов, на которых зиждется законодательство — его доступность. Конкретно-социологические исследования свидетельствуют о том, что абсолютное большинство граждан, в том числе должностных лиц, сетуют на слабую доступность законодательства.

Но о какой доступности может идти речь при безбрежном море различного рода инструкций, положений, методик и т. п.? В этом море потонет самый «квалифицированный пловец», не говоря о людях, не имеющих профессиональной подготовки. Если к тому же добавить, что в последние десятилетия в массовом порядке стали приниматься нормативные акты, предназначенные «для служебного пользования» (?), то острота проблемы тем более становится очевидной.

Еще с древних времен известно, что неконтролируемый рост количества нормативных актов — это отнюдь не показатель прочности правопорядка, а признак общественного застоя, омертвления социальной жизни. Известный римский историк Тацит, живший в первом — начале второго века нашей эры, например, говорил, что наибольшее количество законов обычно бывает «в наиболее испорченном государстве». По существу аналогичную мысль подчеркивал В. И. Ленин применительно к условиям дореволюционной России. Характеризуя, в частности, режим законности в ней, он отмечал, что «ни в одной стране нет такого обилия законов, как в России»[1], однако ничего похожего на законность здесь «нет и следа»[2]. Эти высказывания процитированы опять-таки вовсе

---

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 414.
[2] Там же. Т. 25. С. 64.

не с целью проведения каких-то параллелей, а для того, чтобы еще раз подчеркнуть прочность веками складывавшихся психологических стереотипов, хотя и чуждых природе социализма, однако преодолеваемых очень трудно.

Таким образом, проблема радикальной реорганизации ведомственного нормотворчества вполне обоснованно превращается сегодня в одну из ключевых проблем правовой реформы и перестройки в целом. Без решения этой проблемы формирование правового государства завершить невозможно.

Каковы ж пути ее решения? Их предлагается несколько. Самый радикальный (и, на наш взгляд, самый нереальный) — полностью лишить органы управления — министерства, государственные комитеты, главки, другие ведомства — права на принятие нормативных актов. Нереально это предложение (да оно и не имеет широкого распространения) уже потому, что лишение названных органов нормотворческих полномочий равносильно лишению их управленческих функций. Ведь государственная управленческая деятельность не может осуществляться вне юридической формы, то есть помимо издания соответствующих приказов, инструкций, положений и т. п. Они будут существовать (пусть в преобразованном виде) до тех пор, пока будет существовать необходимость в самих органах управления.

Стало быть, задача заключается не в том, чтобы ликвидировать вообще всякие приказы, инструкции, положения (сложившийся сейчас настрой против них не во всем оправдан, хотя и имеет веские основания), а в том, чтобы создать такой организационно-правовой механизм, который был бы способен обеспечить высокое качество принимаемых ведомственных нормативных актов. А это прежде всего предполагает их соответствие духу перестройки, внутреннюю логическую согласованность и способность к взаимодействию содержащихся в них предписаний, своевременную обновляемость, строгое следование этих актов принципу верховенства закона.

Однако можно ли решить такую задачу при сохранении современных темпов роста ведомственного законодательства? Вопрос поставлен не случайно, поскольку как среди ученых-юристов, так и других ученых, практических работников все еще распространено мнение о том, что проблема ведомственного законодательства состоит не в его обилии, а в неудовлетворительном качестве.

Такое мнение, на наш взгляд, ошибочное, не учитывающее реальной жизни. Опыт показывает: добиться улучшения качества ведомственного законодательства невозможно, не ведя одновременно настойчивой работы по резкому сокращению

его объема. Известно, что законодательство успешно осуществляет свои регулирующие функции, если его содержание не отстает от потребностей общественного развития, то есть периодически обновляется. Частота такого обновления в современных условиях существенно возрастает. Причем это проявляется именно на нижних этажах иерархической системы законодательства, которым свойственна более развернутая и детальная регламентация общественных отношений (законы, как правило, более стабильны). Известно также, что для поддержания ведомственных нормативных актов в рабочем состоянии, иначе говоря, для их систематического обновления, нужны люди, причем люди, профессионально подготовленные к этой работе (и не только юристы), которые смогли бы постоянно держать под контролем состояние нормативных актов в том или ином ведомстве, анализировать их с точки зрения соответствия условиям времени, своевременно обновлять их и т. д. И вполне естественно, что чем выше количество нормативных актов, тем больше людей требуется для осуществления такого контроля (вычислительная техника может только помочь людям в этом деле, но не заменить их).

А сколько работников необходимо для осуществления контроля за неуклонной реализацией столь огромного количества ведомственных нормативных актов, которое имеется ныне? Может ли государство позволить дальнейший рост контрольного аппарата для указанных нужд? Ведь он и сегодня разбух до невиданных размеров.

Факт. Как отмечалось на седьмой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, только в органах междуведомственного контроля было занято около 280 тысяч человек. Это — 10 процентов численности аппарата органов государственного и хозяйственного управления. Иначе говоря, каждый десятый работник сферы управления — контролер.

Следовательно, организационно-правовой механизм совершенствования ведомственного нормотворчества должен включать меры, направленные не только на повышение качества ведомственных актов, но и на их экономность, то есть на снижение их количества.

Каковы же эти меры? Сразу же следует сказать, что речь должна идти о комплексе мер. Никакие отдельные из них, даже самые радикальные, не в состоянии решить проблему полностью.

Одной из первоочередных и решающих мер является преобразование функций министерств и ведомств в системе управления народным хозяйством. Ведь именно функции по

существу определяют не только их нормотворческие полномочия, но и направленность и способы юридического воздействия на подведомственные предприятия и организации. Причина справедливых нареканий на существовавшую и пока еще не преодоленную систему управления народным хозяйством, предпочитающую командно-административные методы воздействия, состоит главным образом не в том, что в аппаратах министерств и ведомств сидят люди с негосударственным стилем мышления. Здесь работают такие же люди, как и в других учреждениях и организациях. Однако они пока что поставлены в такие условия, что сама жизнь заставляет их действовать с помощью директив, осуществлять жесткий контроль за деятельностью подчиненных им предприятий, настойчиво бороться за ведомственный интерес, который очень часто не соответствует интересам отдельных работников, да и общества в целом.

Одним из условий, которые вынуждают работников аппаратов быть приверженцами административных методов управления, является возложенная на ведомства ответственность за обеспечение народного хозяйства продукцией по всей закрепленной за ними номенклатуре. Пока подобная ответственность будет иметь место, о полной хозяйственной самостоятельности предприятий и объединений не может быть и речи. Ведомства по-прежнему будут использовать любые каналы, вплоть до извращения таких новых методов управления, как госзаказ, экономические нормативы и других (что уже наблюдается), для сохранения жесткого административного диктата в отношении входящих в отрасль организаций. А стало быть, они будут подрывать реализацию Закона о предприятии и тормозить экономическую реформу в целом. Не в состоянии устранить этот диктат и осуществляемые ныне сокращения управленческого аппарата, укрупнение или даже полная ликвидация некоторых ведомств. Ведь на месте ликвидированных ведомств могут возникнуть (и они нередко возникают) структурные подразделения в новых укрупненных органах государственного управления, по своему количественному составу работников отнюдь не уступающие или, во всяком случае, не намного уступающие прежним.

Поэтому для того, чтобы, как говорится, телега не шла впереди лошади, самое главное ныне не в ликвидации ведомств и сокращении штатов, а в осуществлении намеченного июньским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференцией преобразования их функций. За министерствами и ведомствами должны быть оставлены только функции планирования стратегической перспективы развития

отрасли, осуществления единой технической политики в ней, внедрение достижений НТП, изучение рынка и выдача рекомендаций, подготовка, повышение квалификации и переподготовка кадров и некоторые другие. Только в таком случае можно надеяться (естественно, при подкреплении данного условия другими мерами) на резкий спад роли административно-командных методов и сокращение количества ведомственных нормативных актов. Кстати, их количество как раз и объясняется в первую очередь запретительной и ограничительной природой этих актов.

Улучшению качественного и количественного состояния ведомственного нормотворчества способствовало бы также принятие ряда других мер: преобразование порядка регулирования отношений между центральными органами управления и предприятиями (объединениями), развернутое и четкое законодательное закрепление условий, при которых министерства и ведомства вправе принимать нормативные акты, введение их государственной регистрации, совершенствование процедуры подготовки таких актов и т. д. Все эти направления работы по реконструкции ведомственного нормотворчества носят специально-юридический характер, поэтому останавливаться на них подробно не целесообразно.

Однако есть одно направление, мимо которого пройти невозможно в силу его крайней важности, можно сказать, даже болезненности. Речь идет о чрезвычайно распространенной практике издания ведомственных нормативных актов, касающихся правового положения граждан: установления прав и обязанностей граждан во взаимоотношениях с самим ведомством или подчиненными ему организациями, порядка пользования правами, закрепленными в законах, и т. п. Такие акты очень часто стоят на страже узковедомственных интересов, ущемляя законные интересы граждан. Особенно часто это встречается в сферах торговли, бытового обслуживания, транспорта. Сколько ведомственных барьеров, например, приходится преодолеть покупателю, приобретшему в розничной торговле некачественную вещь! А ведь существуют недвусмысленные положения Гражданского кодекса (закона!), которые предусматривают довольно четкие права покупателей в таких случаях. Увы, инструкция Министерства торговли, по-своему трактующая эти права, оказывается сильнее закона. И даже прокуратура, несмотря на очевидность противозаконного характера данной инструкции, не в состоянии добиться ее отмены.

А кто наделил Минкоммунхоз полномочием устанавливать пропускную систему в гостиницах? Ведь ее номер — это пусть

временное, но жилище гражданина, в которое он вправе пригласить любого человека без какого-либо разрешения администрации. Перечень подобных примеров можно продолжить. Все они свидетельствуют о практике, от правового государства очень далекой. И поломать ее возможно только при решительном усилении контроля за законностью ведомственных нормативных актов. Существующие ныне его формы, включая прокурорский надзор, оказались малоэффективными. Поэтому представляются вполне обоснованными предложения о наделении Верховного суда правом при рассмотрении конкретных дел признавать не имеющим силы любой ведомственный нормативный акт, если он противоречит Конституции или другим законам. Предоставление Верховному суду указанных полномочий отнюдь не умаляет прав Комитета конституционного надзора, который должен быть учрежден в соответствии с решениями XIX Всесоюзной партконференции и Законом об изменениях и дополнениях Конституции. Ведь данный Комитет, состоящий всего из 23 человек, вряд ли в состоянии обеспечить эффективный надзор над нормативными актами всех союзных органов государственной власти и управления. Было бы хорошо, если бы он надлежащим образом справлялся с конституционным надзором за законами, постановлениями правительства страны и нормативными актами общесоюзных органов общественных организаций.

О правах человека

Главным критерием того, насколько нам удастся провести реформу политической системы в жизнь, подчеркивалось на XIX Всесоюзной партийной конференции, станет всестороннее обогащение прав человека, повышение социальной активности советских людей [1].

Вопрос о правах и свободах личности занимает центральное место в теории и практике социализма. На фундаменте, созданном Великой Октябрьской социалистической революцией, в нашей стране было построено внушительное здание гарантированных прав гражданина во многих областях. Избавив ее от таких недугов и болезней, которые и теперь отравляют жизнь народов многих стран мира, как эксплуатация человека человеком, материальное и духовное порабощение,

[1] См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 26.

социальное и национальное угнетение трудящихся, социализм впервые в истории человечества поставил осуществление прав и свобод на реальную экономическую и социальную основу. Например, наше общество не только провозгласило, но и реально обеспечило одно из важнейших основных прав человека — право на труд. Среди завоеваний социализма можно с полным основанием назвать также гарантированное право на жилище. Обычными нормами жизни для советских людей стало бесплатное медицинское обслуживание. В практике социализма впервые возникла система социального обеспечения и социального страхования. Большие сдвиги произошли в нашей стране в области народного образования. Все эти демократические завоевания социализма создали реальные условия для обеспечения высокого уровня социальной защищенности людей, которыми мы привыкли гордиться.

Отмечая названные и иные приоритеты социализма в области провозглашения и гарантирования социально-экономических прав, нельзя вместе с тем не констатировать, что в этих приоритетах за последние десятилетия наше общество понесло ощутимые потери. Так, сегодня мы не можем похвалиться ни уровнем зарплаты, ни уровнем социального, в частности пенсионного, обеспечения, ни системой образования, ни тем более нашим здравоохранением. Приоритеты в названных сферах постепенно стали превращаться в обычные лозунги, не подкрепленные реальными делами, что очень убедительно доказал на XIX партконференции министр здравоохранения СССР Е. И. Чазов на примерах состояния важнейшей сферы жизнедеятельности человека — охраны его здоровья. Мы долго и настойчиво подчеркивали наши преимущества в этой сфере. Но молчали о том, что по уровню детской смертности находимся на 50-м месте в мире после Маврикия и Барбадоса. Мы гордились тем, что у нас больше, чем в любой другой стране мира, врачей, больниц, но молчали, что по средней продолжительности жизни занимаем 32-е место в мире. Не предавались гласности и многие другие факты, свидетельствующие о нашем заметном отставании в сфере здравоохранения. Отнюдь не радужные данные можно было бы привести и по другим областям социальной жизни — печать в условиях гласности многие из них обнародовала.

Причин, которые привели к очевидным сбоям в сфере обеспечения социально-экономических прав граждан, немало. Это и недостатки управления экономикой, и нарушения принципа оплаты по труду, следствием чего явилась незаинтересованность работников в его конечных результатах, и падение дис-

циплины труда, и социальная апатия, вызванная свертыванием, а нередко и откровенным попранием демократических институтов. Все это, разумеется, не могло не сказаться отрицательно на благосостоянии народа и материальных гарантиях обеспечения его социально-экономических прав и свобод. И все же, при всей важности названных причин, есть еще одно существенное обстоятельство, которое оказало негативное влияние на процесс развития этих прав. Это явная недооценка их политических прав и свобод, а также конкретных юридических гарантий в этой области. Хотя политические права и свободы, в том числе такие, как свобода слова, печати, собраний, митингов и демонстраций, право участия в решении вопросов государственной и общественной жизни, право объединения в общественные организации и другие, были закреплены в Конституции СССР, конституциях союзных и автономных республик, многие из этих прав и свобод не имели опоры в текущем законодательстве, что порождало значительные трудности при их практической реализации.

В течение многих десятилетий наша политическая практика по сути не сталкивалась с такими, например, проблемами, как «незапланированные» митинги и демонстрации, свободная критика любых учреждений и лиц, образование «неформальных» объединений граждан по самым разным вопросам повседневной жизни. Поэтому не случайно, когда названные проблемы появились (а не появиться в условиях демократизации и гласности они не могли), многие из местных партийных и государственных органов оказались к ним неподготовленными: начались шараханья, попытки прибегнуть к прежнему, испытанному методу — запретительству.

Лишь постепенно стали предприниматься робкие и не всегда, скажем прямо, удачные попытки ввести порядок организации и проведения «незапланированных» собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и других массовых мероприятий в определенные нормативные рамки. Появились принятые рядом исполкомов местных Советов народных депутатов различного рода «примерные положения», «временные правила», регламентирующие указанные вопросы. Естественно, что отсутствие опыта и прочных демократических традиций сказались на их качестве.

Могло ли все это случиться в правовом государстве? Ответ может быть только один — нет, не могло. Ведь его обязанность — всемерно содействовать осуществлению гражданами всех конституционных прав и свобод, в том числе политических и личных. А между тем именно в области последних наиболее отчетливо проявилась несбалансированность

взаимных обязанностей и ответственности гражданина и государства в нашем обществе. Гораздо жестче регламентировались и обеспечивались обязанности и ответственность граждан перед государством. Что же касается обратной связи, то она в значительной степени была нарушена: обязанности и ответственность государства перед гражданами, в частности по укреплению гарантий их политических и личных прав и свобод, довольно часто декларировались, но не подкреплялись соответствующими правовыми механизмами.

В преодолении отмеченной односторонности в развитии и обеспечении прав и свобод граждан видится одно из решающих условий формирования Советского правового государства. Можно не сомневаться, что такое преодоление окажет благотворное воздействие и на обогащение социально-экономических прав.

Сказанное вовсе не означает, что правовое государство должно создавать только юридические механизмы, которые содействовали бы реализации прав и свобод гражданами и стимулировали их активность, и не обязано определять границы, за которыми активная деятельность одних граждан начинает нарушать права и свободы других, а то и вовсе превращается в анархию. Демократия и правовое государство несовместимы со своеволием, безответственностью и распущенностью, с попытками использовать демократические права в антидемократических целях. Поэтому, подчеркивая обязанность государства всемерно охранять и гарантировать права и свободы советских людей, вместе с тем в корне неверно было бы рассматривать их изолированно от гражданских обязанностей. Правовое государство предполагает разумный общественный порядок, без которого не может быть личной свободы. Этим объясняется, в частности, принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций», а также республиканских Указов «Об ответственности за нарушение установленного порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций».

Следует признать, что не все в названных Указах безукоризненно. Не определены в них, в частности, сами понятия «собрание», «митинг», «демонстрация», «уличное шествие», не установлен четкий и исчерпывающий перечень случаев, при которых местные органы могут не дать разрешения на проведение указанных мероприятий и т. п. Развитие процесса формирования Советского правового государства неизбежно должно привести к устранению подобных недостатков.

И все же отмеченные, да и другие акты, принятые в последние два — три года, свидетельствуют о том, что мы, хотя и трудно, небезболезненно, но постепенно привыкаем жить в условиях демократии и государства, которое намерено стать правовым.

Правовое государство и правосудие

Можно без преувеличения говорить о том, что правосудие — это своеобразное зеркало правового государства. Без правосудия нет и не может быть самого права. Именно правосудие в сжатом, концентрированном виде выражает его социальную ценность, утверждает воплощаемые в праве высокие начала правды, истины и справедливости. Недаром в древности мифологическую богиню правосудия Фемиду изображали неприступно строгой, но в то же время красивой и благородной женщиной с повязкой на глазах как символом беспристрастия, с весами в руках, на которых взвешиваются факты и измеряется истина, и рогом изобилия, подчеркивающим, что от состояния правосудия зависит благополучие общества. В одном из старых русских руководств по законоискусству под гравюрой, изображавшей правосудие в виде благообразной девы, облаченной в златую ризу, имеющей на голове корону и на шее богатое ожерелье, было написано: «Сие знаменует, что ничего нет в свете достойнее и драгоценнее сея добродетели».

К сожалению, у нас за долгие десятилетия названные добродетельские символы правосудия в общественном сознании, да зачастую и в профессиональном правосознании самих судей, отодвинулись далеко на задний план, если не сказать больше — исчезли вовсе. Символами правосудия все чаще стали изображать щит и меч, а с Фемидой отождествлять все правоохранительные органы. Хорошо, если бы еще щит олицетворял защиту от произвола и несправедливости, однако практика не подтвердила этого. Щит и меч превратились по существу в символы борьбы с преступностью, а на передний план в деятельности суда невольно выдвинулись карательные функции. Во всяком случае, именно таким преимущественно представляется ныне наш суд в глазах общественного мнения, что подтверждают данные конкретно-социологических исследований. Явление, прямо скажем, для социалистического общества противоестественное, ненормальное. Поэтому в процессе формирования правового государства предстоит нелег-

кая работа по преодолению указанных представлений и превращению суда из органа «борьбы» в орган, который спокойно и взвешенно, без предубеждений осуществлял бы фактическое проведение в жизнь правды, справедливости и истины, выраженных в законе.

На это, в частности, нацелена судебная реформа, которая нужна нам сегодня не менее реформы экономической и политической. В процессе ее предстоит значительно укрепить гарантии реализации таких важнейших начал советского судопроизводства как состязательность, гласность, неукоснительное соблюдение презумпции невиновности, недопустимость как обвинительного уклона, истоки которого уходят в годы культа личности, но не преодолены полностью и поныне, так и попустительства к тем, кто посягает на наши законы.

В целях усиления объективности правосудия XIX Всесоюзной партконференцией и Законами об изменениях и дополнениях Конституции СССР предусмотрен также ряд других мер.

Повышение роли суда в системе социалистической демократии предполагает резкое расширение сферы судебной защиты прав и законных интересов граждан. В настоящее время, несмотря на то что статья 58 Конституции СССР установила обжалование в суд наиболее существенных нарушений прав граждан как принцип, он в полной мере не действует. До сих пор граждане не могут обратиться в суд по таким важнейшим вопросам, как несправедливое назначение пенсий, начисление платы за коммунальные услуги и множеству других. Между тем суды должны стать основными гарантами защиты прав и осуществления законности не только в области имущественных, личных отношений, но и во всех других социальных сферах. Вот один яркий пример в этом плане. Практически каждый советский гражданин платит из своего кармана налог на содержание государственного аппарата, в том числе правоохранительных органов, чтобы они защищали его личность и его имущество от правонарушителей, преступников. На практике, как известно, такая защита не всегда удается — преступность в стране все еще велика. Как должно поступать государство по отношению к гражданину, безопасность которого оно не смогло обеспечить? Если строго следовать принципу правового государства о взаимной ответственности его и гражданина, то ответ напрашивается сам собой: государство должно компенсировать гражданину имущественные потери, а уж потом искать преступника и восполнять за его счет казну. Увы, этого нет.

Привлечь и соответствующие государственные органы к материальной ответственности за ненадлежащее исполнение сво-

их обязанностей в описанном случае граждане не вправе. Не имеют они пока возможности обращаться в суд по поводу загрязнения промышленными объектами окружающей среды, с жалобами на отказы местных властей в проведении митингов, демонстраций и т. д. Без обеспечения таких возможностей о завершении формирования правового государства не может быть и речи.

Существенной реконструкции требует деятельность не только судебных, но и иных правоохранительных органов — прокуратуры, органов следствия, милиции. Неэффективными, в частности, оказались соединение в органах прокуратуры разнородных функций — расследования преступлений, поддержания обвинения и надзора за законностью, а также подчинение следственного аппарата МВД местным органам внутренних дел.

Для повышения ответственности прокуратуры за состояние законности и укрепление ее правовых гарантий в деятельности следователей партийная конференция наметила меры по восстановлению ленинских принципов прокурорского надзора, а также сочла целесообразным сосредоточить расследование основной массы уголовных дел в следственном аппарате МВД, выделив его в самостоятельную структуру, не подчиненную республиканским и местным органам внутренних дел.

Конференция серьезное внимание обратила и на необходимость усиления роли адвокатуры, расширения ее функций и решительного повышения общественного престижа. К сожалению, разного рода бюрократические наслоения, образовавшиеся в прошлые десятилетия, не только не миновали адвокатуру, но и сказались на ней еще более негативно, чем на других правовых институтах и учреждениях. Многие, в том числе нередко и профессиональные юристы, относились к адвокатуре пренебрежительно, как некоему институту, «защищающему явных преступников», а стало быть, не имеющему будущего в обществе, «в котором интересы личности не противоречат интересам государства». Такого рода взгляды не исключения и ныне. Об этом красноречиво свидетельствуют обнародованные в печати попытки со стороны руководителей исполнительно-распорядительных органов власти сократить число адвокатов под видом сокращения аппарата. И это при том, что адвокаты — члены самоуправляющейся ассоциации, а не государственные служащие, и оплата их труда производится не из бюджетных ассигнований, а из получаемых ими гонораров. Если к тому же учесть, что число адвокатов в нашей стране на тысячу жителей явно (иногда в несколько раз) уступает развитым странам, то предпринимаемые попытки вы-

глядят тем более кощунственно. Они — результат элементарного правового невежества, серьезных дефектов в общественном правосознании, преодоление которых составляет необходимое условие формирования правового государства.

Реорганизация и совершенствование работы правоохранительных органов и других юридических учреждений зависит не только от глубины понимания стоящих перед ними больших и сложных задач, но и от прочности гарантий их эффективной деятельности. Имеются ввиду прежде всего гарантии укрепления независимости суда, прокуратуры, следствия и других правовых институтов во всем, что касается их профессиональной деятельности. Некоторые меры в этом плане намечены XIX партконференцией, но все же чрезмерного оптимизма они не вызывают, поскольку основных причин незаконного воздействия и психологического давления на судей (как, впрочем, и на прокуроров и следователей) не устраняют. Ведь именно от местных властей во многом зависит обеспечение судов и других правоохранительных органов помещениями, мебелью, топливом, транспортом, а их работников — квартирами, льготами. Работникам правоохранительных органов по-прежнему может угрожать партийная ответственность, если их профессиональные действия, по мнению местных властей, не вполне согласуются с направлениями уголовной политики (в их понимании, разумеется) и т. д. Поэтому слова В. И. Ленина о том, что «...местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культурности»[1], настолько актуальны, что трудно избавиться от ощущения, что они произнесены не сегодня. Вред, который наносит местничество укреплению атмосферы социалистического демократизма и законности, подлинного уважения прав, свобод и законных интересов личности, огромен. Причем всевозможные давления «сверху» и «сбоку» при разрешении правоохранительными органами различных конкретных юридических дел, в том числе набившее оскомину «телефонное право», объясняются, как правило, вовсе не незнанием законодательства отдельными руководителями, а их элементарным политическим и правовым бескультурьем. Подобные явления являются ни чем иным, как следствием политического, правового и нравственного нездоровья общества в целом.

---

[1] См.: Вопросы идеологической работы КПСС. Сб: документов. М., 1972. С.

Уважать право, закон

Проблема правового воспитания — одна из немногих юридических проблем, интерес к которой заметно активизировался как раз в годы, именуемые ныне застойными. Ей, в частности, было посвящено специальное постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся» (1970 г.), неоднократно поднималась она в других партийных документах, в том числе решениях партийных съездов. Особую популярность приобрели в свое время слова из Отчетного доклада ЦК XXIV съезду партии: «Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут. Не могут быть терпимы и нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан. Для нас, коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, это — дело принципа»[1]. Святые, правильные слова, не правда ли? Казалось бы, они подкреплялись и конкретными практическими мерами. Из года в год росло количество прочитанных лекций на юридическую тематику, было введено правовое обучение в школах, профессионально-технических училищах, средних и высших специальных учебных заведениях, создана сеть университетов и факультетов правовых знаний, основы советского права стали изучать партийные, советские, хозяйственные работники в университетах марксизма-ленинизма, городских и районных школах партийно-хозяйственного актива, в сети партийно-политической учебы и т. п. Однако эффективность всех этих мер, прямо скажем, была мизерной. Почему? Да потому, что подлинная забота о подъеме правовой культуры общества подменялась простым расширением «юридико-просветительной» инфраструктуры, к тому же игнорировалась старая истина о том, что сила слова велика, но еще большая сила реальности. А последняя как раз и расходилась с громкими и правильными словами.

При всей актуальности и необходимости юридического всеобуча процесс правового воспитания нельзя сводить к учебному. Даже при самом высоком уровне организации и проведения его эффективность может быть сведена к нулю, если правовое обучение не находит опоры в конкретных делах по преодолению негативных явлений в правотворческой, право-

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 81.

применительной и правоохранительной практике, по устранению их причин, которые коренятся в социальной жизни, иначе говоря без совершенствования, а в ряде случаев и радикальной перестройки, общественных, в том числе правовых, отношений.

К сожалению, долгие годы акценты в правовоспитательной работе были явно смещены в сторону воспитания «книжного» — лекциями, другими «словесными» мероприятиями, а то и просто кампаниями. Еще свежи в памяти распространенные лозунги: «Превратим наш город в город образцового общественного порядка», «Жить и работать без правонарушений» и многие другие. Казалось бы цели, преследуемые этими лозунгами, благородные. Но дело в том, что достижение таких целей требует упорного и длительного труда, причем не только лиц, их провозгласивших, и даже не отдельных трудовых коллективов или жителей населенного пункта, а общества в целом. Ведь причины многих правонарушений коренятся именно в глубинах социальной жизни. А результаты хотелось получить, а точнее «выдать наверх», очень скоро. Отсюда бодрые рапорты о положительных переменах, достижениях и в то же время укрытия правонарушений, приписки, безудержный рост образцовых бригад, цехов, отделов, предприятий, учреждений, организаций, населенных пунктов и т. д. Словом, действительность подгонялась под желаемое, а благие намерения оборачивались в конечном итоге прожектерством.

Несмотря на горький опыт, максималистские лозунги и сегодня еще нередко подменяют реальную программу действий. Иначе чем объяснить ситуации, когда за звонкими рапортами о превращении «по инициативе масс» многих районов и даже городов (свежий пример тому — недавнее, благодаря прессе прозвучавшее на всю страну, решение исполкома Киевского горсовета сделать столицу Украины «непьющей») в «зоны трезвости», единственным критерием которых стало прекращение продажи спиртных напитков, скрывается рост самогоноварения, спекуляции спиртным и другие негативные явления, когда ради показателей борьбы с пьянством уничтожается выращенная тяжелым трудом и политая человеческим потом виноградная лоза и т. д.

Инерция прошлого, как видим, не преодолевается быстро, одним махом, как того хотелось бы. Поэтому от принимаемых ныне партией настойчивых мер по оздоровлению морально-психологической атмосферы в обществе, активизации работы по нравственному и правовому воспитанию не следует ожидать мгновенных результатов. Эта работа, как и работа по перестройке всех сторон нашей жизни, всерьез и надолго. Ее

успех во многом будет определяться тем, насколько почерпнутые через правовую пропаганду и обучение правовые знания будут сопровождаться, говоря словами А. С. Макаренко, «гимнастикой поведения», то есть воздействием на людей самой практикой точного и неуклонного осуществления законов, собственным опытом правового общения. А такой опыт, в свою очередь, может быть приобретен только в результате повышения уровня правовой активности населения. Причем практика свидетельствует: чем на более ранних этапах своего развития человек включается в социально-полезную и активную правовую деятельность, тем на лучшие результаты формирования его правосознания и правовой культуры можно рассчитывать.

Ныне высказывается немало небезосновательных нареканий относительно нравственного и правового воспитания подрастающего поколения. Озабоченность его состоянием понятна. Это поколение, как мы привыкли говорить,— будущее нашей страны, ему жить и работать в XXI веке. Поэтому вполне естественно, что от уровня правосознания и правовой культуры сегодняшней молодежи напрямую будет зависеть состояние правовой культуры нашего общества завтра. Но для того, чтобы достигнуть успехов на этом пути, необходимо твердо усвоить, что молодое поколение — это та категория населения, которая особенно чувствительна к неправде, фальши, к расхождению слова и дела. Большинство его представителей вступало в сознательную жизнь в 70-е годы и хорошо видело то, чего не видеть было нельзя. Поэтому не удивительно, что раздвоенность их правосознания, как и сознания в целом, ощущается ныне нередко больше, чем у старшего поколения.

Как свидетельствуют конкретно-социологические исследования, и школьники, и учащиеся профессионально-технических училищ, и студенты вузов в целом неплохо ознакомлены со своими основными правами и обязанностями, с кругом деяний, законом наказуемых (и не только в уголовном порядке), знают, как следует поступать в ряде конкретных правовых ситуаций. Однако степень убежденности в том, что в жизни необходимо действовать строго по закону, соответствует уровню полученных юридических знаний далеко не всегда. Причем эта диспропорция более заметно проявляется как раз в старших классах, ПТУ и вузах, то есть тогда, когда молодые люди приобретают определенный жизненный опыт.

Так, по данным социологического опроса, проведенного в ряде областей Украины, соблюдение или несоблюдение закона поставили в зависимость от конкретных жизненных обстоятельств и не выразили уверенности в том, что они ни-

когда его не нарушат, около 20 процентов школьников, 35,5 процента учащихся ПТУ, среди студентов отдельных вузов количество лиц с таким мнением достигает 50 процентов. Разрыв между словами, полученными юридическими знаниями и реальным поведением учащихся подмечен также печатью. Это еще раз подтверждает необходимость во многом по-новому строить процесс правового образования и воспитания вообще и молодежи, в особенности, избавления их от администрирования, формализма, начетничества, назидательного тона и других пороков.

Как и в системе образования в целом, в правовом обучении необходим решительный поворот от так называемой дидактической системы, строящейся на запоминании соответствующих установлений законодательства и жизненных фактов, к аналитической, которая предполагает развитие способностей к анализу правовой действительности, ее критическому разбору, выработке собственных выводов и поиску вариантов поведения в рамках закона. Без развития аналитического мышления самостоятельное принятие решений и, стало быть, сознательный выбор правомерного поведения невозможны.

Учитывая стремление молодежи к самовыражению и самоутверждению, следует, как отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, активнее содействовать ее реальному включению во все общественные дела, развитию социально-значимых форм ее самодеятельного движения. Наряду с оживлением, а точнее оздоровлением (в силу жесткой заорганизованности) некоторых традиционных форм правовой активности молодежи (главным образом по охране общественного порядка), ныне открываются широкие возможности для их пополнения новыми разнообразными формами — от охраны природы, памятников истории и культуры до индивидуальной трудовой деятельности. Такого рода формы самодеятельного движения молодежи предполагают не только нравственный порыв и стремление удовлетворить свои интересы (духовные, материальные и др.), но и требуют глубоких знаний истории, экономики, экологии, законодательства. Причем знания здесь нужны не ради знаний или скорее даже оценки или зачета, а для непосредственного практического руководства к действию. Ведь при названных формах неизбежно вступление молодежи (молодежных объединений) в правовые отношения с советскими и хозяйственными органами, учреждениями и организациями, с гражданами. Таким образом, правовое воспитание, во-первых, тесно переплетается с иными видами коммунистического воспитания (политическим, патриотическим, трудовым, нравственным, эстетическим и т. п.), чем обеспечи-

вается его комплексность, во-вторых, наполняется реальным, практическим содержанием, а полученные юридические знания подкрепляются конкретным опытом, отсутствие которого ничем не может быть заменено. Словом, определяющим для правосознания, как и общественного сознания в целом, являются не приобретенные знания, а общественное бытие. Именно это марксистско-ленинское положение должно стать главным ориентиром в перестройке правовоспитательной работы.

Отсутствие в стране в силу ряда причин прочных демократических правовых традиций, усугубившееся широким распространением правового нигилизма и падением нравов в годы застоя, резко отрицательно сказавшихся на состоянии законности, необходимость глубоких сдвигов в общественном правосознании дают основание считать чрезмерно оптимистичными встречающиеся в печати высказывания о том, что правовое государство можно создать в течение ближайших лет. Для того, чтобы его формирование не превратилось в очередной лозунг, которых в нашей жизни было немало, не стоит строить иллюзий. Путь к созданию правового государства предстоит трудный и довольно длительный. На этом пути неизбежны подъемы и спады, непредвиденные зигзаги и препятствия. Только упорная и кропотливая работа в состоянии приблизить время завершения формирования социалистического правового государства.

Стало общеизвестным утверждение, что бюрократизм — самый серьезный противник перестройки. Расцвет бюрократической системы приходится на времена застоя, но формировалась она значительно раньше. Основой бюрократизма являются деформированные отношения в народном хозяйстве, воспроизводимые командно-административной системой элементы внеэкономического принуждения. Бюрократизм — это авторитарность, поклонение догме, чванство и омерзительная зависть, произвол в экономике, науке и культуре, это унижение человеческого достоинства. Прежние способы борьбы с системой бюрократической власти оказались неэффективными. Перестройка предложила иные средства — самое широкое развитие демократии и гласности.

Анализирует эти проблемы доктор экономических наук **Владимир Кириллович Черняк.**

5

ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ БЮРОКРАТИИ

Ныне мы особенно остро ощущаем, как сурово мстит отход от основополагающих принципов социализма. Оказалось, что основной дефицит при социализме — дефицит... социализма. Отсюда основной лозунг перестройки — «больше социализма!» Неполнота принципов проявилась прежде всего в недостатке демократии, в бюрократизации и монополизации экономической, всей общественной жизни.

Основные наши потери — это нереализованные возможности. Любопытно, кому принадлежит идея, будто легче построить социализм, чем обеспечить более высокую по сравнению с капитализмом производительность труда? Действовавший до последнего времени хозяйственный механизм не позволил полностью реализовать потенциал социализма, ибо оказался антихозрасчетным, антидемократичным.

И, следовательно, суть перестройки состоит в демократизации экономической, а вместе с ней политической и духовной жизни.

От чего мы отказываемся!

Сегодня часто можно услышать: суть перестройки состоит в замене сталинской модели социализма ленинской. Но ведь в строгом понимании слова социализм и сталинизм — понятия несовместимые. Одно исключает другое. Поэтому, на наш взгляд, более верным будет такое определение: суть перестройки состоит в десталинизации экономической, политической и духовной жизни страны.

Перестройка — это преодоление лжесоциализма, это реабилитация социализма в глазах нашего народа и в глазах всего мирового сообщества. Это движение к новому облику социализма, к социализму демократичному, гуманному.

Что же произошло? Почему возникла необходимость десталинизации? По нашему мнению, в свое время Сталин и его приспешники совершили контрреволюционный переворот. Суть его состояла в установлении жесткого контроля партийного аппарата над партией, в установлении неограниченной власти государственного аппарата над народом. Это те моменты, которые существенно модифицировали природу нашего общественного строя.

Ныне нам предстоит преодолевать такие деформации. Речь идет не только о деформациях форм, но и коренных структур, глубинных общественных отношений. Безусловно, все это требует от каждого из нас немало гражданского мужества. Схема «вождь и винтики» въелась в сознание людей намного глубже, чем кажется на первый взгляд. Склонность к канонизации авторитарного мнения и к иконизации вождей не может испариться как облако. И если А. П. Чехов писал, что он каждый день выдавливал из себя раба, то нам необходимо ежеминутно выдавливать из себя рабский страх перед всесилием бюрократического аппарата, боязнь иметь и, главное, высказывать свое личное мнение, свои суждения.

Сталин в свое время весьма успешно осуществил проект Козьмы Пруткова о введении единомыслия в России. Он создал «империю» лицемерия, где нормой стало двуличие. Понятно, что в тех условиях не могло быть и речи о каком-то плюрализме мнений по вопросам политической или экономической жизни. Нам же предстоит привыкать к наличию различных точек зрения, к разнообразию взглядов на пути решения проблем, стоящих перед обществом. А как это непросто, подтверждают, например, многочисленные дискуссии по анализу нашего прошлого, которые ведутся не всегда на, скажем так, демократическом уровне. Особенно это касается дискуссий вокруг оценки времен культа личности, оценки самого Сталина.

Нередко феномен Сталина анализируется по принципу «с одной стороны, с другой стороны». «Будучи честными перед истиной, перед историей, нельзя не признать неоспоримого вклада И. В. Сталина в борьбу за социализм»[1],— пишет, например Д. Волкогонов.

---

[1] Лит. газ. 1987. 9 дек.

Думается, как раз наоборот: будучи честными перед истиной и перед историей, необходимо признать, что Сталин боролся не за социализм, а за диктатуру личной власти.

«Сталин, руководящее ядро партии,— продолжает Волкогонов,— отстояв, защитив ленинизм в политической, идейной борьбе, создали благоприятные условия для ускоренного социалистического строительства».

Издевательством над истиной, историей и памятью о жертвах террора звучит утверждение, что Сталин создал благоприятные условия для «ускоренного социалистического строительства». Какие же тогда условия можно назвать неблагоприятными?

Не утихают дискуссии и вокруг такого вопроса: какое же общество мы построили? Или это деформированный социализм, который необходимо поправить, или же это какой-то особый способ производства, особая формация?

Видимо, здесь вопрос нужно сформулировать несколько иным образом: что же социалистического не реализовалось в нашем обществе и что реализовалось несоциалистического? И как отсечь, отбросить все несоциалистическое и открыть простор социалистическому?

В годы застоя мы убаюкивали себя концепцией развитого социализма. Теперь акцент смещен на наши трудности и кризисные явления в экономике и жизни общества в целом. Что сегодня особенно тревожит? Чтобы наша страна не оказалась на обочине научно-технической революции.

На XIX партконференции отмечалось, что в области научно-технического прогресса существенных изменений мы пока не добились.

Факт. Мировому уровню в приборостроении страны соответствует только 14 процентов продукции, в станкостроении — 17 процентов. Доля образцов, технический уровень которых превосходит мировые аналоги, в общем количестве образцов, созданных в 1987 году, составляла только 9 процентов. По производству национального дохода на душу населения СССР находится примерно на уровне Габона, а по уровню благосостояния — между 50—60-м местом в мире.

Эти цифры приведены не для того, чтобы сгустить краски. Они только подтверждают то, что положение критическое и требует решительных действий, решительных мер. Ведь если уровень производительности труда в нашей стране существенно ниже, чем в развитых капиталистических странах, если качество наших товаров значительно ниже мировых стандар-

тов, если у нас до сих пор громадные потери ресурсов и произведенной продукции, то в чем же, собственно, заключены преимущества наших производственных отношений? Нам необходимо преодолеть чрезмерное самомнение.

Как известно, критерием общественного прогресса является уровень развития производительных сил, который выражается в уровне производительности труда. В конечном итоге преимущества наших производственных отношений будут доказаны лишь тогда, когда мы сможем достичь и превзойти по производительности труда США, когда будем иметь такое качество товаров, как, например, в Японии.

В связи с этим хочется затронуть еще один дискуссионный вопрос. Многие считают, что действовавший до сих пор хозяйственный механизм в свое время отвечал уровню развития производительных сил, специфике решаемых задач. Есть, однако, основания утверждать, что такой хозяйственный механизм, его модель, его конструкция были неэффективными с самого начала. Просто на первых порах не смогли полностью проявиться его недостатки. Зато в последние годы перед нами раскрылся целый «букет» этих недостатков.

Прежний хозяйственный механизм дал нам технически отсталую промышленность и разоренное сельское хозяйство. Он подавил стимулы к труду и к техническим нововведениям. Есть также основания утверждать, что действовавшая в нашей стране 60 лет система хозяйствования не соответствовала природе социализма как общественно-экономического строя, ибо она антихозрасчетна и антидемократична. Ведь социализм по своей сути хозрасчетен, а по природе — демократичен.

Кстати, нам надо существенно скорректировать представления о хозяйственных успехах 30-х годов. До последнего времени, подчеркивая эти успехи, почему-то сельское хозяйство не упоминалось, да и рассматривалась не вся промышленность, а только тяжелая, точнее группа «А» — звено, на котором были сосредоточены все силы.

Очевидной деформацией социализма явилось также внеэкономическое принуждение к труду. Длительное время оно применялось по отношению к колхозникам. Это был чуть ли не феодальный метод привлечения людей к труду. Внеэкономическое принуждение имело (да и еще имеет) место и в промышленности. Оно осуществляется на основе перераспределения средств вне зависимости от трудового вклада коллектива, вне зависимости от уровня хозяйствования предприятия. Фактически — это изъятие денежных средств у тех, кто работает хорошо, и передача их тем, кто работает плохо. Получается,

что плохо работающие коллективы эксплуатируют хорошо работающих.

В чем же выход? Разумеется, прежде всего в хозрасчете, в устранении несправедливого распределения доходов. Это тот конец нитки, ухватившись за который, можно распутать весь огромный клубок экономических проблем.

Чрезвычайно важным аспектом перестройки является преодоление деформации отношений собственности. В теоретическом плане это предполагает отказ от отождествления государственной собственности с общенародной и отказ от догмы о последовательном социалистическом характере государственной собственности. Опыт показал, что последняя может служить прикрытием частного присвоения, использоваться в личных целях. Потеря государственной собственностью социалистического характера связана с бюрократизмом, монополизмом, ведомственностью, местничеством, приписками, с распределением не по труду, а по положению (ведь существуют не только незаконные, но и законные нетрудовые доходы), с уравнительностью в оплате труда.

У нас ведь произошло отчуждение работника от средств производства, труженика от управления собственностью. Собственность, по сути, оказалась, обезличеной. Обычно говорят о ничейной собственности. По нашему мнению, есть основания говорить об узурпации собственности государственным аппаратом. Во времена застоя в стране сложился причастный к привилегиям класс бюрократических распорядителей собственностью.

Именно поэтому сегодня на передний план выдвинулась задача персонификации и индивидуализации отношений собственности. Речь идет о создании системы снизу идущего присвоения и хозрасчета.

Решение проблемы соединения в одном лице собственника, хозяина и труженика связано с четким разграничением функций государства и трудовых коллективов, с расширением самостоятельности последних, с самоуправлением. Практика свидетельствует, что высокий эффект дает передача средств производства в аренду трудовым коллективам, использование кооперативных принципов и акционерной формы собственности.

Сегодня перед нами стоит задача раскрепостить экономику, освободить ее от пут.

Демократия — это выбор

Перестройка невозможна без перехода от однообразия к многообразию. Однообразие мыслей, поступков, решений губительно. Оно ведет к деградации личности и всего общества. Иногда говорят, что масса индифферентна, инертна. Это неправда. Инертность — следствие тех условий, в которые масса поставлена. Это результат унылого однообразия.

До сих пор мы противоречия прятали под кажущимися согласием, единомыслием, единодушием и единогласием. Ныне, в условиях гласности, плюрализма мнений, эти противоречия резко проявились, всплыли наружу. Многих это пугает, шокирует. Но разве есть иной способ очищения?

Движение к многообразию в экономике проявляется прежде всего в появлении и развитии новых форм собственности, новых форм хозяйствования, в формировании новых субъектов производственных отношений. С этим связан приток свежей крови к экономике и ускорение ее циркуляции.

Решающее условие ускорения перестройки — активизация человека. Суть этой проблемы сводится к превращению каждого труженика в реального собственника. Обычно все наши успехи, достижения и победы мы связываем с общественной собственностью на средства производства. Точно так же с ней нужно связывать наши трудности, сложности, проблемы и беды. Точнее, с существующими экономическими формами ее реализации.

Простого обобществления средств производства, их огосударствления недостаточно для превращения каждого труженика в собственника (наш исторический опыт более чем достаточно обнажил весь вред такой наивно-романтической и в то же время реакционной иллюзии). Для этого необходимо сконструировать, отладить, настроить такой хозяйственный механизм, который бы реально, на деле, практически превращал каждого труженика из формального в реального собственника.

Необходимо сделать так, чтобы собственность не была ничьей. А это предполагает персонификацию отношений собственности. Проще говоря, необходимо установить: кто, собственно, хозяин?

Решение этой проблемы связано с преодолением огосударствления средств производства, с созданием системы присвоения (в положительном значении), которая идет снизу, и хозяйственного расчета (семейный и коллективный подряд, аренда и акционерная форма хозяйствования).

В настоящее время в связи с реализацией Закона о государственном предприятии (объединении) происходит формирование трудового коллектива как реального субъекта отношений собственности. Этот процесс, нужно со всей откровенностью признать, идет пока непоследовательно, порой мучительно. Министерства всячески блокируют самостоятельность предприятий. Объясняется это тем, что их статус и функции не подверглись существенным изменениям. Расширить самостоятельность предприятий невозможно, не сужая права министерств.

Решение проблемы персонификации отношений собственности невозможно без управления трудящимися предприятиями (объединениями). Реальное управление производством включает определение целей развития, планирование экономической деятельности, распределение доходов, ценообразование и т. д.

Сегодня очевидно, что без преобразования отношений собственности невозможна радикальная реформа хозяйственного механизма. Это подтверждает опыт: ни одна из предыдущих хозяйственных реформ в нашей стране не затрагивала отношений собственности. Поэтому они и не дали должного, устойчивого и долговременного эффекта.

Речь идет не только о преобразовании государственной собственности, но и совокупности отношений собственности в целом, то есть о развитии кооперативной собственности и форм индивидуальной трудовой деятельности. Кстати, во всех социалистических странах используется термин «частнохозяйственная деятельность». Мы же здесь оказались самыми «скромными», самыми «стеснительными». Дело, конечно, не в словах, а в том, что за ними стоит. Ныне мы пытаемся интегрировать в нашей экономике разные формы собственности и разные формы хозяйствования.

Роковое значение для судеб социализма имело отождествление формы собственности и формы хозяйствования. Кому пришла в голову мысль о том, что готовить пищу и шить одежду, чинить обувь и стричь граждан при социализме должно обязательно государство?

Доктринерская трактовка вопросов обобществления, догматическое понимание положения о том, что при социализме все народное хозяйство представляет собой единую фабрику, представление, в соответствии с которым в рамках государственной собственности возможна только государственная форма хозяйствования — все это нанесло огромный вред практике социалистического строительства.

Долгое время у нас господствовало представление, что кооперативная собственность возможна только в сельском хозяйстве. Более того, это преподносилось так, что и она неизбежно должна слиться с государственной собственностью. Последняя же трактовалась как наиболее социалистически зрелая и эффективная. Подобные взгляды явились следствием игнорирования и полного забвения ленинского положения о том, что социализм представляет собой строй цивилизованных кооператоров.

Кооперативная форма организации производства не получила развития и в рамках так называемой колхозно-кооперативной собственности. Тем не менее миф о двух формах общественной собственности при социализме кочевал из одной научной публикации в другую. Но мог ли коллектив колхоза когда-нибудь экономически реализовать собственность? Нет, не мог. Так о какой же колхозно-кооперативной собственности может идти речь?

Сегодня без полного восстановления в правах кооперативной собственности мы не сможем решить стоящие перед страной задачи. Причем, на наш взгляд, нужны кооперативы не только в сфере услуг и общественного питания, но и в промышленности (легкой и пищевой), необходимы и альтернативные строительные кооперативы.

В этой связи целесообразно остановиться и на таком моменте. В высказываниях отдельных экономистов и особенно публицистов просматривается явный перекос: дело изображается таким образом, будто наше спасение — в кооперативной собственности. Но ведь судьбы социализма прежде всего связаны с функционированием и развитием государственных предприятий. Поэтому необходимо правильно расставить акценты. Да, стране нужны кооперативы, но вместе с тем важно позаботиться и о том, чтобы на государственном предприятии рабочий мог заработать не меньше, чем в кооперативе. Необходимо добиться, чтобы государственное предприятие выпускало продукцию высокого качества. Кстати, решению этой задачи призвана способствовать конкуренция между государственными и кооперативными предприятиями.

Движение к многообразию в экономике связано с ростом рынка прямых хозяйственных связей, то есть расширением связей по горизонтали. В этой связи становится очевидным, что министерства должны перестать быть командующими органами. Их отношения с предприятиями должны строиться на договорной основе и акцентироваться прежде всего на предоставлении новой технической документации, осуществлении строительства, оказании консультационных услуг и т. п.

Примером нарастания многообразия в экономике является также переход к новой модели цены, в основу которой будет положен полезный эффект продукции (а не затраты плюс прибыль), а также использование договорных и свободных цен.

Первые ростки новых форм хозяйствования мы уже видим на практике. По крайней мере, ясно, что идти по пути персонификации отношений собственности мы можем, наращивая многообразие и соединяя между собой (гибко, эффективно) формы хозяйствования.

Именно в этом направлении движется экономическая реформа. Может быть не теми темпами, как того хотелось бы, но движется. И главное — не свернуть с этого пути. Иначе перестройка будет обречена.

Часто спрашивают: не является ли такое движение дрейфом в сторону капитализма? Ответить можно так: все, что способствует прогрессу производительных сил, прогрессу общества, означает движение в сторону социализма. Конечно, хорошо было бы, если все эти преобразования мы начали еще в 30-е или хотя бы в 50-е годы. Но раз этого не произошло, необходимо с утроенной энергией наверстывать упущенное. Хочется еще раз подчеркнуть: перемены, происходящие в экономике, других сферах жизни общества — это не дрейф в противоположную сторону. Все то, что способствует удовлетворению потребностей народа, прогрессу производительных сил, работает на социализм.

Болевые точки экономической реформы

Пожалуй, ничто так сегодня не настораживает, как складывающаяся тенденция говорить о многих наших «болячках» в прошедшем времени. Существует опасность задушить перестройку в объятиях умиления и восторга. Нет-нет, да и раздаются голоса: хватит, мол, критиковать, освещайте положительный опыт. Хочется решительно возразить: чем меньше будет критики (причем не только старых, но и новых ошибок, просчетов), тем меньше родится и нужного нам опыта.

XIX Всесоюзная партконференция поставила задачу извлечь уроки из трудностей первоначального этапа экономической реформы, проанализировать ошибки и промахи, сделанные в ходе перестройки. А практика, нужно заметить, выявила многие проблемы, которые приводят к пробуксовке нового экономического механизма.

На наш взгляд, есть все основания для тревоги за судьбу экономической реформы. Она еще не застраховала себя пол-

ностью от угрозы срыва. Такая угроза существует, поскольку в экономике по-прежнему господствуют административно-командные методы. Диктатура приказа существенно пошатнулась, но до конца все же не свергнута. Под аккомпанемент разговоров о ходе радикальной экономической реформы зачастую происходит дискредитация ее основополагающих принципов.

На XIX партконференции откровенно указано на наличие прямых попыток извратить суть реформы, наполнить новые формы управления старым содержанием.

В чем своеобразие текущего момента? В его переходности. Мы стремимся — пока что нерешительно, несмело, противоречиво — переходить от старой системы хозяйствования к новой. Внедряются переходные формы хозяйствования, зачастую далекие от тех, которые нам нужны. От старой системы стремимся отойти, а она нас цепко держит.

Поэтому отсюда вытекают две главные задачи: максимально ускорить переходный период; не допустить дискредитации принципов провозглашенной нами же экономической реформы.

Положение осложняется тем, что многие решения по хозяйственным вопросам не получили надежного правового оформления, надежной правовой защиты. Даже Закон о государственном предприятии не есть законом прямого действия. Поэтому все эти постановления, решения требуют перевода на язык права, поскольку они во многом расплывчаты, неконкретны, декларативны. С одной стороны, мы стремимся уменьшить нормотворчество министерств, ведомств, комитетов, а с другой — подобной неконкретностью, декларативностью решений толкаем их на это. И чиновники, исходя прежде всего из личных интересов, из собственного понимания, пытаются трактовать эти решения по-своему.

В результате министерства всячески блокируют самостоятельность предприятий. Все еще не изжиты разного рода ограничения, запреты, волевые методы управления.

На наш взгляд, основной причиной такого положения является то, что не осуществлены изменения в структуре, статусе и функциях органов управления.

Нередко говорят: у нас 18 миллионов управленцев. Это, мол, бюрократы, чиновники, вся беда в них. Конечно, управленческий аппарат — живительная среда для бюрократизма. Но ведь дело не в отдельных людях, а в системе управления. Безусловно, необходимо существенно сократить аппарат управления. Но только к этому проблему нельзя сводить. Необходимо изменить организационные структуры управления. Но и этого недостаточно. Нам хорошо известно, что

когда, например, был создан агропром, значительно уменьшилось число чиновников. Вместе с тем экономические методы управления не получили достаточного развития. Намного положение дел в сельском хозяйстве не улучшилось.

Это еще раз подтверждает, что дело не только в том, чтобы аппарат сократить, и даже не только в том, чтобы перестроить оргструктуру, а в том, чтобы изменить статус органов управления, их функции. Только тогда можно рассчитывать на успех.

Необходимо изменить тип управленческого аппарата. Он должен управлять экономическими методами, а не командовать. Бюрократы же хотят, чтобы предприятия работали поновому, а все остальное оставалось по-старому.

Мы ныне имеем фактически прежний аппарат. И с ним должны осуществлять перестройку. При таких, как ныне, Госплане, министерствах, комитетах осуществить реформу просто невозможно. Это то же самое, что пытаться вытащить себя за волосы из болота.

Опыт показывает, что решение начать реформу с предприятия без коренной перестройки центральных хозяйственных органов не может обеспечить успех. Перестройка хозяйствования на уровне предприятий (объединений) может дать эффект лишь в сочетании с изменением механизма, форм и стиля централизованного управления. Другими словами, радикальную реформу надо начинать с радикальных мер.

Ныне же мы пытаемся мирным путем состыковать новое и старое. Скажем, предприятиям права даем, а у министерств не забираем. Естественно, предприятия при этом своими правами воспользоваться в полной мере не могут. Нельзя состыковать несовместимое: новую и старую системы хозяйствования — систему экономического и систему внеэкономического принуждения к труду. Если и дальше будет продолжаться практика изымания средств у тех, кто работает хорошо, и передачи тем, кто работает плохо,— экономическая реформа не сработает.

И пока в статусе и функциях министерств и ведомств ничего существенно не изменилось, то трудовые коллективы социально беззащитны перед вышестоящими инстанциями. Закон о предприятии превращается в декларацию. Поэтому крайне необходимы нормативные акты, обеспечивающие защиту прав предприятий. В том числе в суде. Другими словами, реформа должна получить четкое правовое оформление. В связи с этим представляются резонными предложения разработать единый хозяйственный кодекс страны.

На наш взгляд, если быть последовательным, то необходимо признать: без ликвидации подавляющего большинства нынешних министерств радикальная экономическая реформа невозможна. Ведь 800 министерств нашей страны практически парализуют «естественный обмен веществ» в экономическом организме.

Все предпринимавшиеся до сих пор попытки преобразования хозяйственного механизма разбивались о межведомственный барьер. В чем основной порок нынешней системы управления? В том, что она организована вокруг ресурсов, а не целей. Действительно, в соответствии с различными видами ресурсов существуют различные министерства. Следствием этого явилось то, что например, предприятия министерства черной металлургии извлекали из руды только железо, а цветные металлы сваливали в отвалы. В свою очередь, предприятия цветной металлургии загоняли в отвалы железо.

Наличие железных дорог послужило основанием для создания министерства путей сообщения, автомобильных дорог — министерства автомобильного транспорта, рек — речфлота, морей — морфлота. Но ведь все виды транспорта призваны решать одну и ту же задачу — перевозить грузы и пассажиров. Способствует ли такая оргструктура наиболее эффективному решению этой задачи? Отнюдь. Практика показывает, что особенно долго грузы лежат на стыках между видами транспорта.

В чем же выход? По нашему мнению, в отказе от ведомственного принципа управления (а, значит, и в упразднении большинства министерств), в создании интегрированных систем управления, то есть систем управления крупными межотраслевыми народнохозяйственными комплексами (машиностроительным, топливно-энергетическим, металлургическим, транспортным, строительным и т. д.), органов управления крупными территориально-производственными комплексами, а также межотраслевыми производственными объединениями. Необходимость перехода к управлению крупными межотраслевыми комплексами обусловлена тем, что технологически они становятся основными производственными единицами. Таковыми они должны стать и в организационном отношении.

Ведомственный принцип управления вступает в противоречие с государственной собственностью на средства производства, с кооперацией труда в масштабе народного хозяйства. Он объективно, по своей природе, тяготеет к превращению ведомств в «удельные княжества». В нем заложено стремление к увеличению «ленного» владения. Ведомственность раз-

рывает народное хозяйство на части и порождает автаркические тенденции. С этим связаны трудности решения проблемы межотраслевых связей.

Парадокс состоит в том, что общественная собственность, реализуясь через существующую организационную структуру управления, становится источником некомплексности.

Существующие иерархические структуры с неизбежностью воспроизводят бюрократизм. Ведомство — это государство в государстве. Оно обладает не только экономической, но и политической властью, имеет своих «лоббистов» в партийном аппарате. Пользуясь тем, что территориальные органы фактически бесправны, оно под флагом борьбы с местничеством легко проталкивает свои решения, соответствующие узковедомственным интересам.

Экономическая основа демократизации

Мы обычно говорим о необходимости перевода предприятий на полный хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование. Хотя, казалось бы, достаточно сказать: на полный хозяйственный расчет, поскольку самоокупаемость и самофинансирование входят в него. В чем же дело? Да в том, что мы до сих пор называем хозрасчетом то, что на самом деле таковым не является. У нас, по сути, формальный хозрасчет (хотя в нем есть элементы реальности).

Сегодня во многом дискредитирована идея самофинансирования. Она находится в заторможенном состоянии. Как известно, самофинансирование существует там, где предприятие живет за счет амортизации, оборотных средств, зарплаты и прибыли.

Ныне же принцип зарабатываемости средств нарушается. Министерства продолжают забирать их у предприятий и перераспределяют не только на отраслевые цели, но и для подтягивания коллективов отстающих.

Только тогда, когда будет покончено с практикой изъятия у предприятий заработанных средств, можно будет говорить о радикальной экономической реформе. У нас же пока что существует формальное самофинансирование. Продолжается его тиражирование, а необходимо углубление, которое связано с тем, что заработанные средства остаются навсегда в коллективе, и последний самостоятельно решает вопросы их применения.

Как же отвести угрозу дискредитации идеи самофинансирования? Прежде всего следует создать условия, в которых самофинансирование может дать эффект. Для этого необходимы: а) наличие соответствующей нормативной базы (которой пока что нет); б) резкое повышение роли кредита (он в кризисном положении); в) смена исходного пункта планирования (переход к планам-заказам, к оптовой торговле средствами производства, создание оптового рынка); г) преодоление затратного характера прибыли, цены и заработной платы. Только при наличии всех этих условий самофинансирование может дать эффект. А многие из них пока что отсутствуют. Например, внедрили самофинансирование, а реформа цен еще впереди.

Но самофинансирование — не сказочная палочка-выручалочка. Оно не сможет решить все проблемы, а только поможет расшевелить предприятия. Много вопросов ускорения научно-технического прогресса может решаться только на народнохозяйственном уровне, то есть в рамках комплекса народнохозяйственных мер. Ведь есть не только уровень предприятия, но и уровень всего народного хозяйства. А это уже компетенция правительства. Таким образом, необходимо четко определить границы, возможности, функции самофинансирования.

Демократизация хозяйственной жизни невозможна без перехода к пятилетнему планированию как основной форме планирования и основе организации хозяйственной деятельности. У нас же пока что годовой план — регулятор хозяйственной жизни. На наш взгляд, необходимо отдать годовой план на откуп предприятиям. О серьезности наших намерений расширить самостоятельность предприятий будет свидетельствовать готовность перейти к пятилетнему планированию.

До последнего времени у нас господствовала разверстка из центра плановых адресных заданий. Многие считали, отождествляя форму и содержание, что это единственно возможная форма планомерности. Ныне мы пытаемся преодолеть разверсточный характер планирования.

Необходимо, наконец, ликвидировать и «крепостное право» в экономике, это печально известное прикрепление потребителя к производителю, к органам снабжения и сбыта. Преодоление этих явлений возможно на основе расширения рынка прямых хозяйственных связей, на основе создания оптового рынка.

Сегодня система планирования включает: контрольные цифры, госзаказы, нормативы и лимиты.

Госзаказы, как уже отмечалось, на деле превратились в

госприказы, то есть под их видом осуществляется разверсточное, директивное планирование. Таким образом, госзаказ теряет хозрасчетную роль — вот в чем опасность. Под флагом перестройки осуществляется то, что было и раньше. Госзаказом производственные мощности нагружены до предела. Нет рынка прямых связей — значит, госзаказ выполняет не ту роль, которая ему определена реформой.

Теперь о нормативах. Они — центральный пункт радикальной экономической реформы. С чем здесь связана опасность дискредитации идеи? Во-первых, с тем, что нормативы ввели уже тогда, когда был сверстан и утвержден пятилетний план. А необходимо было сделать наоборот: нормативы должны идти впереди плана. В результате пришлось осуществлять перерасчет заданий пятилетнего плана в нормативы. А ведь на самом деле последние должны быть оружием планирования. Во-вторых, нормативы должны быть едиными и стабильными, а на практике их начали индивидуализировать, ставить в зависимость от рентабельности, тем самым подрывая хозрасчет. Таким образом, в условиях перестройки опять пробивает себе дорогу уравниловка. Дифференциация нормативов превращает плату за фонды и трудовые ресурсы в форму изъятия прибыли. То есть, плата превращается в налог на хорошо работающих, она теряет свой изначальный экономический смысл.

Понятно, сегодня внедрять единые нормативы невозможно. Это связано с тем, что у нас еще много нерентабельных (13 процентов) и низкорентабельных (40 процентов) предприятий. Очевидно, выход в том, чтобы перейти сначала к использованию нормативов групповых, а в перспективе — единых и стабильных. Для этого необходимо выравнять технический уровень предприятий, поставить их в одинаковые стартовые условия, что связано с технической реконструкцией предприятий, перепрофилированием их деятельности и даже ликвидацией тех из них, которые работают на склад. Без этого переход к полному хозрасчету невозможен.

Слом механизма торможения невозможен без радикальной реформы ценообразования, суть которой состоит в преодолении затратного характера цены. Назрела необходимость перехода на новую модель цены, в основу которой необходимо положить полезный эффект продукции. Нынешняя модель цены включает затраты плюс прибыль. При этом чем выше затраты, тем выше цена. Повысить качество продукции и эффективность производства можно лишь при условии определения уровня цены действительно полезным эффектом продукции.

Расширение самостоятельности хозяйственных звеньев связано с широким использованием договорных и свободных цен. Применение этих цен может дать эффект при условии преодоления монополии производителей и ликвидации дефицита. В противном случае неизбежен рост цен.

Ускорение и углубление перестройки невозможно без реформы финансово-кредитной системы. Какие проблемы здесь накопились?

Произошел отрыв финансов от экономических процессов, от динамики эффективности производства. Планы не выполнялись, трудности в экономике нарастали, а финансовые показатели были блестящими. Чем это объяснить? Явным и скрытым движением цен. Реформа финансов связана с более активным использованием товарно-денежных отношений, с повышением роли финансово-кредитных методов планирования как основы оперативного регулирования. Хотя Госплан продолжает упорно держаться за натуральные показатели и материальные балансы.

Перестройка финансов связана с упорядочением рентабельности и ликвидацией убыточности. Конечно, абсолютная ликвидация убыточности невозможна, ибо экономическая деятельность содержит элемент риска.

Необходим пересмотр взаимоотношений хозяйства с бюджетом. Долгие годы у предприятий изымали все, что считалось излишним с точки зрения вышестоящей инстанции. Формирование устойчивой заинтересованности предприятий в росте эффективности производства связано, во-первых, с превращением прибыли в ее реальный показатель, во-вторых, с нормативным распределением прибыли (предприятие рассчитывается с бюджетом по стабильному нормативу). Назрела необходимость ввести единые платежи из прибыли: платежи за ресурсы и налоговые платежи. Целесообразно главным видом платежа в бюджет сделать налог на прибыль (пропорциональный или прогрессивный). Но необходимо при этом помнить, что чрезмерная прогрессия в налогах подрывает интерес к зарабатыванию прибыли.

Предприятие должно само решать, на какие цели направлять прибыль, на что тратить деньги. Заработанными предприятиями средствами должны распоряжаться советы трудовых коллективов, а не министерства. Без этого не может быть и речи о самостоятельности предприятий.

Становится очевидным, что в серьезном пересмотре нуждается наше отношение к проблеме безработицы. До сих пор мы безмятежно утверждали, что при социализме безработицы нет и быть не может. Сейчас ситуация круто меняется. На основе

нового, более эффективного хозяйственного механизма неизбежно произойдет значительное сокращение числа работников.

Факт. Уже сегодня излишки рабочей силы на предприятиях составляют в среднем 15 процентов, а среди работников сферы управления, научно-исследовательских и проектно-конструкторских институтов — значительно больше.

В новых условиях хозяйствования окажется невыгодным держать ненужных людей. Более того, сдерживание высвобождения работников будет означать торможение научно-технического прогресса.

Причем, это все проблемы ближайшего будущего. И мы должны готовиться к их решению уже сейчас. Необходимо, в частности, уже сегодня подумать о создании наделенной соответствующими фондами службы прогнозирования высвобождения работников, их переобучения, переквалификации и перемещения. Без этого нельзя будет на полную мощь раскрутить маховик реформы.

Существует еще один аспект радикальной экономической реформы, который обычно остается за кадром дискуссий — это вопрос о конкуренции. Конкуренцию мы обычно связываем с капитализмом. Но ведь существуют не только специфические, но и общеэкономические ее аспекты. Вопрос состоит в том, чтобы вмонтировать их в новый хозяйственный механизм.

Основная причина застойных и кризисных явлений в нашей экономике — это монополизация и бюрократизация хозяйственной жизни. Ускорение социально-экономического развития страны невозможно без преодоления заложенной в монополии тенденции к застою.

Конкуренция — это экономическое соревнование производителей за завоевание потребителя. Последовательное проведение принципа антимонополизма возможно через проведение важнейших проектов и технических решений по конкурсу, создание дублирующих (параллельных) предприятий, через кооперативы и индивидуальную трудовую деятельность, через оптовую торговлю средствами производства и внешний рынок. Использование различных форм конкуренции поможет нам покончить с экономикой абсурда, с производством низкокачественных, никому не нужных, не пользующихся спросом товаров.

Вот те главные проблемы, без безотлагательного решения которых невозможно углубление и ускорение радикальной экономической реформы.

Как заинтересовать человека?

Бюрократизация хозяйственной и общественной жизни явилась камнем преткновения на пути роста трудовой активности. Повышение активности людей невозможно без ликвидации дефицита демократии. Речь идет не только об участии трудящихся в разработке предложений, но и в принятии решений, прежде всего в сфере основной производственной деятельности предприятий. Реальное участие трудящихся в управлении производством включает определение целей развития, планирование экономической деятельности, распределение доходов, ценообразование, оперативное регулирование, контроль. Только при таких условиях происходит демократизация производственных отношений.

Участие работника в управлении является неформальным лишь в том случае, когда к принятию управленческих решений подключены его интересы. Интересы — та невидимая рука, которая управляет поведением людей. Человек может отказаться от одного интереса только ради другого, более сильного интереса. По своей функциональной роли хозяйственный механизм представляет собой способ сочетания, согласования, «стыковки» интересов.

Трудовую активность можно повысить, лишь воздействуя на интересы посредством стимулов. Если чего-то нам не хватает, то в первую очередь системы мощных стимулов научно-технического, экономического, социального и духовного прогресса. Интересы — это те клавиши, нажимая на которые можно сыграть симфонию сочетания противоположностей — обобществления и обособления, централизма и демократизма, индивидуализма и коллективизма.

Нельзя понимать вопрос таким образом, что речь во всех случаях идет о ликвидации противоречивости интересов. Более правильной представляется постановка вопроса о сочетании, увязке интересов между собой. Как известно, противоречия — корень жизненности. А общность интересов — не всегда благо для экономики. Например, общность интересов строителей и заказчиков в освоении большего объема капитальных вложений ведет к разбуханию незавершенного строительства. Следствием общности интересов администрации предприятий и ОТК является низкое качество продукции.

Наиболее острой гранью проблемы стимулов является вопрос о том, как органически сомкнуть общественную собственность и личный интерес. Расширение самостоятельности предприятий, семейный и бригадный подряд, арендная и акцио-

нерная формы хозяйствования, кооперативная форма организации производства — направления преодоления обезлички собственности и, следовательно, стимулирования трудовой активности. Подряд — форма полного хозяйственного расчета. Коллективный подряд в полном объеме можно применять там, где существует взаимосвязь всех звеньев производственного процесса, где коллектив выполняет соответствующий комплекс работ.

Логика коллективного подряда требует выборности руководителя и полной его зависимости от трудового коллектива. Руководитель должен зависеть не от вышестоящих инстанций, а от результатов работы бригады, цеха, предприятия. Он должен отвечать перед трудовым коллективом и потребителями. Без такого смещения акцента невозможен переход к «хозрасчетному социализму».

Результатом и условием демократизации самого процесса управления является совет трудового коллектива. Проблема состоит в том, чтобы он стал управляющим органом, а не участвовал в управлении при администрации. В противном случае идея самоуправления будет дискредитирована. Мы получим аппаратный, бюрократический вариант самоуправления.

Расширение самостоятельности трудовых коллективов и руководителей — не самоцель, а рычаг повышения ответственности и трудовой активности. Чем меньше зависящих от руководителя факторов, тем труднее ему свалить на них вину за свою плохую работу.

Необходимо не только расширение, но и сужение (ликвидация) некоторых видов самостоятельности, например таких, как независимость руководителя от коллектива, производителя от потребителя, верхов от низов. Становится очевидным, что необходимо сломать бюрократизм на уровне избыточной централизации, преодолеть положение, при котором задания идут сверху, а ответственность — снизу.

В чем состоит проблема? Во-первых, в том, чтобы перевернуть пирамиду ответственности, поставить ее с головы на ноги. Чем выше уровень управления, тем больше должна быть ответственность. Управленческие ошибки дорого стоят. Во-вторых, в том, чтобы создать механизм преодоления бюрократизма. Это связано с демократизацией управления, с ликвидацией (или хотя бы сужением) сферы распорядительных отношений.

Крайне ненормальной и нетерпимой является созданная действовавшим хозяйственным механизмом система коллективной безответственности, когда никто не хочет брать ответственность на себя. Объясняется это тем, что слишком долго

инициатива была наказуемой, а бездеятельность — нет. Был придуман фиговый листок для прикрытия коллективной безответственности — согласования. Это один из основных элементов механизма торможения.

Вопрос о границах самостоятельности хозяйственных звеньев — это вопрос о соотношении централизации и децентрализации в управлении экономикой. Природе экономики как большой, сложной системы соответствует иерархический принцип в управлении и планировании: разделение проблем по уровням и их решение на соответствующих уровнях. Если проблемы не делегируются соответствующим уровням, то такой централизм становится бюрократическим.

Суть проблемы демократизации — в выдавливании бюрократизма из централизма. Центральные хозяйственные органы не должны делать ничего из того, что могут делать предприятия. Действительное укрепление централизма состоит в высвобождении центральных органов управления от решения вопросов, относящихся к компетенции предприятий (объединений). Демократизация управления — противоядие против бюрократизма и основа роста трудовой активности. Обычно говорят о проблеме участия трудящихся в управлении. Речь должна идти не об участии трудящихся в управлении, а об управлении трудящимися предприятиями и объединениями.

Формирование экономической заинтересованности трудовых коллективов и отдельных работников в росте эффективности производства — центральная проблема конструирования нового хозяйственного механизма.

В чем сложности этой проблемы? Повышение трудовой активности невозможно без создания у каждого трудового коллектива уверенности в том, что полученный его усилиями доход достанется ему. В связи с этим необходимо преодолеть боязнь дифференциации доходов. Пора уяснить: дифференциация доходов на основе дифференциации трудовых вкладов производственных коллективов и отдельных работников — проявление социальной справедливости. И наоборот, равная оплата за разный труд — проявление социальной несправедливости.

Для того чтобы доходы служили рычагом повышения трудовой активности, они должны отражать разницу в уровнях хозяйствования. В этом суть вопроса. Каждый заработанный рубль должен контролироваться и распределяться тем, кто его заработал.

В настоящее время осуществляется переход с принципа перераспределения средств в народном хозяйстве вне зависимости от уровня хозяйствования трудовых коллективов на

принцип зарабатываемости средств и принцип распределения их между предприятиями и государством. Однако происходит это медленно, непоследовательно и противоречиво. Все еще плохо работающим подносится кислородная подушка в виде перераспределения прибыли.

Серьезной преградой на пути роста трудовой активности является оценка деятельности предприятий не по уровню хозяйствования, эффективности использования ресурсов, а по приросту. Это обусловливает заинтересованность коллективов в занижении планов. Не удивительно, что в таких условиях органы управления не могут противостоять стремлению предприятий скрыть свои резервы. Ведь когда планирование осуществляется от достигнутого уровня, а стимулирование привязано к выполнению плана, в более выгодном положении оказывается тот коллектив, который спрятал резервы.

Каков выход из создавшегося положения? Необходим такой подход к оценке, планированию, стимулированию деятельности трудовых коллективов, который основан на учете уровня хозяйствования, на измерении напряженности плана. Его реализацией является применение норматива потенциальной возможности, когда более высокие задания даются коллективу, у которого больше резервов. Особое значение отводится тому обстоятельству, что премируется степень достижения норматива. Такая система стимулирования позволяет вскрывать резервы. Она ставит все предприятия в одинаковые стартовые условия.

На практике пробивает себе дорогу стремление брать менее напряженный план по номенклатуре и объему производства, так как при этом легче выполнить обязательства по договорам. И здесь надежной преградой может стать норматив потенциальной возможности.

В передовиках должен ходить не тот, кто перевыполнил план, а тот, кто в большей степени приблизился к нормативу своей потенциальной возможности. На наш взгляд, в идеале планы перевыполнять не нужно. Необходимо брать напряженные планы и выполнять их.

Сейчас часто встречаются лозунги: «Перестроиться — значит лучше работать на своем рабочем месте». Это упрощенное понимание вопроса. Необходимо прежде всего создать такие условия, при которых работать плохо было бы невозможно. Во многом это связано с переходом к оплате не за участие в процессе труда, а за его результат.

Трудовая активность работников наталкивается на узкие рамки дифференциации заработной платы. В строгом политико-экономическом смысле последнюю скорее нужно назвать

жалованьем. Она формируется до, а не после производства, исходя из затрат, а не результатов. Выравнивание ее уровней опередило выравнивание способностей работников, их социально ценных качеств, таких, как трудолюбие, активность, добросовестность. Выравнивать нужно не результаты, а условия труда. Это очевидно.

Следовательно, распределительные отношения призваны, с одной стороны, дать простор развитию способностей работника, а с другой — обеспечить оплату не по способностям (потенциальным возможностям), а по конкретным результатам реализации способностей в процессе труда.

Мы еще не решили проблему ориентации производства на потребности, но уже нужно думать о его ориентации на способности. Пока что декларированы обе стороны принципа «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

О чем свидетельствует практика? О том, что боязнь дифференциации доходов воплотилась в меры по подавлению стимулов к труду. Это с неизбежностью обернулось затуханием трудовой активности. Идея равенства была истолкована слишком прямолинейно и примитивно. Путь к равенству лежит через неравенство, а не мимо него. Если один работник работает в пять раз лучше, чем другой, пусть он в пять раз больше получает. Конечно, при этом нужно научиться измерять трудовой вклад. Это не так просто, но в данном случае речь идет о принципе.

Не следует забывать и то, что зарабатывание денег приобретает смысл лишь тогда, когда их есть на что потратить. Это предполагает насыщение рынка товарами и услугами, ликвидацию дефицита и спецраспределителей. До тех пор пока они будут существовать, рубль, например, Ивана Ивановича будет обладать иной покупательной способностью, чем рубль Ивана Никифоровича.

Назревшими направлениями реформы заработной платы являются ее увязка не с процессом, а с результатами труда, переход от социальных гарантий к всемерной и глубокой дифференциации заработной платы, децентрализации ее регулирования (государству нет нужды вмешиваться в выплаты, залезать в кассу предприятия; его функция — контроль за суммой средств, выделяемых на оплату труда); обеспечение решения приоритетных задач (определение более обоснованных разрывов в оплате труда специалистов и рабочих, а также среди специалистов); преодоление положения, при котором система стимулирования является улицей с односторонним движением (только в сторону поощрений).

Стимулы, как известно, имеют порог чувствительности. Необходимо не только раскачать маятник дифференциации доходов, но и преодолеть нежелание применять санкции (например, понижение разряда, снижение заработной платы, понижение в должности и т. п.). На первый взгляд, такие меры могут показаться жесткими. Но с точки зрения интересов общества они гуманны.

Бюрократизм — в отставку!

Сегодня очевидно: перестройка возможна только на основе демократизации хозяйственной и общественной жизни. В этой связи становится очевидным также, что объективно, по своей природе врагом перестройки является бюрократизм.

Именно косность и бюрократизм, бездушие и формализм в отношении к людям стали серьезным тормозом на пути перестройки, раздражающим массы препятствием в развитии гласности, демократизации всех сторон жизни общества. Мертвящие путы бюрократизма сковывают инициативу, живое творчество масс — будь то в народном хозяйстве, где внедряются экономические методы управления производством, или в социальной сфере, в общественно-политической жизни.

И неспроста резолюция XIX партконференции «О борьбе с бюрократизмом» вызывает у большинства советских людей чувство удовлетворения. Она воспринимается как закономерный результат перестройки, как начало действенного наступления на это социальное зло. Конференция сказала решительное «нет!» таким уродливым бюрократическим проявлениям, как диктат, административный произвол в экономике, социальной и духовной сферах, пренебрежительное отношение к общественному мнению.

Все эти болезненные наросты — порождение обстановки печальной памяти застойного периода, скованности демократических институтов, они несовместимы с целями и задачами революционного обновления нашего общества.

Наверное, каждый из нас в той или иной мере натыкался на барьер бюрократизма и знает, как непросто убрать его с дороги. Тут нужна действительно непримиримая борьба, нужны постоянные и настойчивые усилия.

Ведь и сегодня еще многие начинания и меры по преобразованию экономики, других сторон жизни буквально парализуются сопротивлением бюрократического аппарата. Пользуясь пассивностью многих партийных организаций, Советов

народных депутатов, изворотливый бюрократ хитро пристраивается к перестройке, прячась за частоколом всевозможных инструкций и предписаний, обеспечивающих ему безбедное существование.

В этих условиях ясно, что судить бюрократизм недостаточно. От того, что мы критикуем бюрократию, ей ни холодно, ни жарко. Необходимо сконструировать механизм преодоления бюрократизма. В этом сейчас гвоздь вопроса. Наивно ожидать, например, от Госплана, Госснаба, министерств предложений по их радикальному преобразованию.

Если мы признаем, что живем в своеобразный переходный период, то необходимо также признать, что его основным вопросом является вопрос «кто кого?»: или сторонники перестройки одолеют бюрократию, или бюрократия одолеет их.

В этой связи неубедительны утверждения, что все мы находимся по одну сторону баррикады. Зачем тогда вообще нужна баррикада, если есть только одна ее сторона?

Если исходить из того, что перестройка представляет собой процесс революционных преобразований, то необходимо признать, что основным вопросом перестройки есть вопрос о власти. Еще В. И. Ленин подчеркивал, что основным вопросом любой революции является вопрос о власти.

Перестройка призвана вырвать власть из рук бюрократии и передать ее народу. Такова общая постановка вопроса.

Бюрократия держится на трех основных китах: распоряжается кадрами; распоряжается фондами; держит в своих руках привилегии. Вырвать власть из рук бюрократии — это значит лишить ее всего этого.

Возможно ли бесконфликтное развитие перестройки? На наш взгляд, нет, невозможно. Потому что она неизбежно задевает интересы и привилегии многих людей, а возможно и целых слоев населения. Да еще как задевает! Социальная база противников перестройки включает: тех, кто причастен к привилегиям и нетрудовым доходам (незаконным и законным); тех, кто получает плату не за результаты труда, а только за участие в его процессе, за положение, титул, должность и звание; тех, кто не хочет или не может отрешиться от командных методов руководства.

Убрать бюрократические преграды на пути демократизации общественной жизни — это означает, во-первых, упразднить любые назначения кадров, внедрить выборность должностных лиц; во-вторых, обеспечить постоянную сменяемость должностных лиц; в-третьих, навсегда ликвидировать положение, при котором должность обеспечивает преимущества и привилегии.

Речь идет о ликвидации класса бюрократических распорядителей собственностью (классообразующими признаками здесь является монополизация сферы деятельности и способ получения дохода). Бюрократия вырастает из наличия распорядительских отношений. Если трудовым коллективам будут переданы решение кадровых вопросов и распоряжение фондами, то земля под ногами бюрократа поплывет.

У нас сложилась корпоративная и кастовая системы бюрократии. В условиях, когда занятие должности дает привилегии и преимущества, это неизбежно. Поэтому без их ликвидации не преодолеть бюрократию.

Отсюда и еще один важнейший аспект нынешних проблем. Он связан с человеческими судьбами. Ведь не секрет, что деформированные общественные отношения с неизбежностью деформировали и людей, их судьбы. И потому чрезвычайно важно, чтобы решение всех проблем, стоящих перед нашим обществом, замыкалось на человеке.

Не просто демократия, а человек и демократия. Не экономика как таковая, а человек и экономика. Не только общество, социализм, а человек и... Словом, надо ли доказывать, что в перестройке не может быть абстракций и полумер? Что ее судьба — наша судьба?

П. Л. Капице принадлежат слова: «Между прикладной и чистой наукой имеется только одно различие: в прикладной науке научные проблемы идут от жизни, в то время как чистые науки сами по себе ведут к прикладным результатам». Они могли бы стать эпиграфом к главе, написанной кандидатом экономических наук **Николаем Макаровичем Остапенко.** В самом деле, одни ученые отождествляют научную и техническую политику, другие подчеркивают их самостоятельность. Одни говорят о важности идеологического обеспечения инновационного процесса, другие — о необходимости наступления НТП широким фронтом. Но скорее всего сегодня речь должна идти о сокращении расстояния — все еще значительного — между словом и результатом.

6

ТРИ ЗВЕНА НТП

Начнем с вопросов. Для чего нам нужна наука? Как она связана сегодня с прогрессом общества? Как сочетаются ныне три звена НТП — наука, техника, кадры? Ответы на эти вопросы дают возможность определить нашу позицию по проблемам научно-технической политики в стране и раскрыть сущность НТП как социального явления.

Перестройка нацелена на то, чтобы в новое тысячелетие войти с качественно новым уровнем развития производственного потенциала, позволяющим удвоить национальный доход и более чем удвоить производительность труда. А такое возможно только при переходе к экономике высшей организации и эффективности, при крутом повороте к интенсификации производства, которая, кстати, без ускорения научно-технического прогресса — пустой звук, благие пожелания. Речь идет не просто о наступлении широким фронтом, а о прорыве на главных приоритетных направлениях развития науки и техники, совершенствования кадровой политики.

Пути и средства реализации стратегии ускорения различны, но главные из них — коренное преобразование производительных сил страны, ускорение научно-технического прогресса. Только имея ясную перспективу будущего, мы можем правильно действовать в настоящем. Эту цель и преследует единая научно-техническая политика государства.

Зачем нам нужна наука

В нашей повседневной жизни все чаще встречается слово «наукоемкость». Оно выражает собой новое состояние общества, заинтересованного в дальнейшем развитии науки и быст-

ром использовании ее достижений в практических делах человека. По сути, речь идет о том, какой объем научных знаний накоплен и сколько их способно «впитать» общество в настоящее время, в ближайшей перспективе и в отдаленном будущем. Сложный это вопрос, но ясно одно: общественная потребность в научной продукции носит всесторонний характер, научные знания нужны всем, разумеется, в разных объемах, с разной глубиной и направленностью.

Высокая образованность — вот что сегодня нужно как обществу в целом, так и каждому его представителю в отдельности. Курс на перестройку выдвинул огромную потребность в гуманитарном воздействии науки на все стороны нашей жизни. Все мы ощутили явный недостаток, если не голод, в знаниях о человеке, его психологии, культуре, без чего невозможно решить задачи технические, производственные. Никогда еще так остро не стоял вопрос о гуманитарном прогрессе.

Наука о человеке выдвинулась на первый план. Недооценка ее в прошлом привела к гуманитарной безграмотности, невежеству, которые стали реальным тормозом развития естественных, технических наук, оказали и оказывают сдерживающее воздействие на научно-технический прогресс. Воспитание культуры общей, культуры политической, социальной, технической, культуры общения людей требует глубоких научных знаний. Вот для чего нам нужна наука.

Как известно, главным показателем возможностей общества является национальный доход, а его генератором — производительность общественного труда.

Факт. В нашей стране действуют 125 тысяч промышленных предприятий и объединений, строительных и монтажных организаций, колхозов и совхозов. В народном хозяйстве используется 20 миллионов наименований технических средств, выпускается 12 миллионов готовых изделий, занято 120 миллионов человек.

Огромные людские ресурсы и производственные мощности необходимо соединить в едином процессе так, чтобы они давали максимальный социально-экономический эффект. Такое возможно в настоящее время только при научном подходе, в результате научно-технического прогресса.

Сегодня стоит задача организовать взаимоувязанную работу всех звеньев цикла: научные исследования — техника и технология — инвестиции — производство — сбыт — обслуживание. Заметим, что истоком, начальным звеном этой цепочки является наука. Как тут не вспомнить классическое определе-

ние, что производительная сила труда зависит от уровня развития науки и степени ее технологического применения. Вот для чего нам нужна наука.

Факт. Колесо, без которого невозможно представить себе технику, изобретено, как считают специалисты, в X тысячелетии до н. э. Древние римляне начали строить большие суда в 30-е годы до н. э. И сравнительно недавно на смену ветру пришел пар, уступивший затем место двигателям внутреннего сгорания.

Эти и многие другие исторические достижения человека рождались без непосредственного участия науки. Да и сама она начала формироваться не более пяти столетий назад. В настоящее время наука характеризуется как всеобщее общественное знание, материальная и нравственная сила. Заметим попутно, что существует свыше 80 определений науки. В современных условиях сформировалась и действует отрасль «Наука и научное обслуживание», в которой только в нашей стране работает свыше 4,5 миллиона человек, в том числе 1,5 миллиона научных сотрудников. В СССР насчитывается свыше трех тысяч научно-исследовательских, опытно-конструкторских, технологических, проектных институтов, отделов и отделений, лабораторий и других научных учреждений. И это без высших учебных заведений, число которых приближается к тысяче.

Наука превратилась в определяющий и дорогостоящий вид человеческой деятельности с широко развитым административным аппаратом, сложной организацией и собственной политикой. Сферу науки с полным правом можно назвать производством научных знаний. Как умело распорядиться этими знаниями, как наращивать их, каким образом усилить воздействие науки на развитие общества, его экономику, культуру? Вот вопросы государственного значения, требующие безотлагательных и исчерпывающих ответов.

В ряд первостепенных и наиболее сложных проблем стала забота об определении оптимальных затрат на развитие науки. Глубокому осмыслению подлежит не только объем накопленных знаний, но и качество научного потенциала. Проблема номер один — разработать теорию общего понимания развития науки, стратегию научных исследований. Все это требует количественных исследований, выработки теоретических моделей и, самое важное, определения оптимальных условий развития самой науки, изучения отношения человека к науке, взаимодействия различных наук, отношения науки к технике, их взаимосвязь.

Коренная перестройка науки заключается в том, чтобы держать в образцовом порядке все наше исследовательское хозяйство. Причины недостаточной социальной активности людей следует искать в экономических, технических, психологических областях, но не менее важно и актуально вскрыть их в сфере самой науки, причем ее же собственными методами. Вот для чего нам нужна наука.

Степень развития науки играет важную роль в международных отношениях, свидетельствует о национальном престиже страны. Материализованные научные достижения уже давно стали предметом постоянной борьбы между США и Западной Европой, между США и Японией. Известно, что до недавнего времени Япония не уделяла большого внимания развитию собственной фундаментальной науки, она и сейчас остается в известной мере научным «нахлебником» мира. Однако сейчас здесь приходит понимание того очевидного факта, что настоящая национальная самостоятельность невозможна без высоко и всесторонне развитой науки.

Необходимые меры в этом плане предпринимают страны Западной Европы. Сошлемся лишь на одну программу «Эврика», которая предусматривает объединение усилий западноевропейских государств в развитии информатики и вычислительной техники, робототехники, генной инженерии, новых методов коммуникации на основе применения новейших научных достижений.

Научно-техническая революция стала одним из ключевых участков борьбы между социализмом и капитализмом. Ее успех в решающей степени зависит от объединения усилий социалистических стран. Ныне взят курс на переход от двусторонних договорных отношений к многостороннему сотрудничеству в международном разделении труда. Даже начальная стадия перехода на принципиально новые формы сотрудничества свидетельствует о повышающемся интересе к наукоемким видам продукции, к законченным фундаментальным научным разработкам.

Много предстоит сделать на этом участке нашей стране. Анализ внешнеэкономических отношений СССР показывает, что мы продаем за границу в основном сырье и энергоносители. Сегодня такое положение не может нас удовлетворять. И путь к качественному изменению уровня внешнеэкономических связей нашего государства лежит через ускорение научно-технического прогресса. Следовательно, и для этого нам нужна наука.

Наука — сложное социальное явление. Принято считать, что она делится на естественные, технические, общественные

науки. Существует и такое деление: фундаментальные и прикладные науки, а также академическая, вузовская, заводская.

Фундаментальные науки требуют интенсивного развития. Таково требование научной политики, такова потребность самой жизни. Чем это вызвано? Во-первых, необходимостью коренного улучшения результатов ее работы по прямому назначению: искать и находить новые противоречия в природе, концентрировать внимание ученых на явлениях менее изученных и понятных, формировать научный задел общественных и естественных наук для полноценного гуманитарного развития общества и технического прогресса производства. Фундаментальная наука нужна сегодня для теоретического обеспечения перестройки, основных направлений социально-экономического развития страны.

Во-вторых, интенсификация фундаментальной науки вызвана потребностью преодоления допущенных ранее политических, методологических и организационных просчетов по отношению к науке вообще и к академической — в особенности.

Как стоял вопрос до недавнего времени? Не снимая значения фундаментальной науки, упор делался на всемерное развитие науки прикладной. Мировая практика, мнения авторитетных ученых свидетельствуют о том, что ослабление внимания к фундаментальной науке — это верное средство сознательного обеспечения отставания производства, социально-экономического развития в перспективе.

В тридцатых годах авантюристическим обещанием скорого результата — поднять урожайность зерновых за три года — Т. Лысенко погубил фундаментальную генетическую работу Н. Вавилова, обещавшую не очень скорый, зато верный скачок в сельском хозяйстве. И мы до сих пор чувствуем последствия «лысенковщины».

Известны две крайности в оценке фундаментальной науки: одни требуют от нее только практической пользы, другие видят в ней только поэтическую бесполезность. Мы долгое время занимали промежуточную позицию, но не менее вредную: требовали от нее и высоких идей, и немедленных результатов. А в чем преуспели? В общем наращивании «мощностей» науки. В том, что в стране имеется несколько тысяч научных учреждений, несколько десятков тысяч организаций науки и научного обслуживания. А каждый четвертый ученый мира — советский.

Факт. В Академии наук УССР к 1985 году действовало около 80 учреждений с общей численностью работников почти

87 тысяч человек. Научные сотрудники составляли более 16 тысяч человек.

Интересы научного «вала» и формировали принцип организаторов науки: чем больше сил, тем выше вероятность высокого научного результата.

Между тем известно мнение науковедов, что оригинальный мыслитель приходится на 100 тысяч человек. Что же получается? А то, что в нашей стране, условно говоря, может быть 3—4 тысячи ученых — настоящих генераторов идей. Любопытно, что на последней годичной сессии общего собрания Академии наук СССР избрано 250 новых академиков. Только в нашей республиканской академии 137 академиков, 194 члена-корреспондента, 1553 доктора наук.

Как видим, научные силы есть, и немалые, если подходить к ним арифметически. Жаль, что результативность, отдача их не столь впечатляюща.

Родник общественного богатства

Многочисленные критические оценки работы академической науки сводятся к тому, что она оказалась оторванной от образования, прикладной науки, производства. Такой вывод в целом верный, но далеко не бесспорный. Оторвавшись от вузовской науки, академическая наука, на наш взгляд, слишком вторглась в производство, а в ряде случаев чуть ли не растворилась в нем. Есть основания полагать, что многие институты сознательно погружаются в производственную деятельность, чтобы оправдать «вялые» исследования.

Фундаментальная наука — особый и удивительный инструмент отношений общества с природой. «В науке,— писал А. Герцен,— природа восстанавливается, освобождается от власти случайности и внешних влияний, которая проясняет ее в бытии; в науке природа просветляется в чистоте своей логической необходимости; подавляя случайность, наука примеряет бытие с идеей, восстанавливает естественное во всей чистоте, понимает недостаток существования и поправляет его, как власть имущая».

Именно фундаментальная наука является источником принципиально новых идей, и искусство научной политики состоит в том, чтобы не иссякал этот общественный родник. И вот о силе, примиряющей прозу жизни с самыми высокими идеями, стали судить по вкладу в экономический эффект,

полученный от внедрения разработок академических институтов в производство.

Что же такое «разработка академии»? Открытие? Изобретение?

Чаще всего в докладах и отчетах об открытиях говорится вскользь, зато изобретениям уделяется огромное внимание. Это можно объяснить: открытий не так уж и много.

Факт. С 1957 года в стране зарегистрировано 328 открытий, в том числе 23 на Украине. Что же касается изобретений, то здесь мы скоро будем множить миллионы на миллиарды. В девятой пятилетке в стране использовано почти 59 тысяч, в десятой — 95, в одиннадцатой пятилетке — около 120 тысяч изобретений. Количество поступающих заявок на изобретения приближается к 200 тысячам в год.

Работники академических учреждений Украины отличаются не только изобретательской активностью, но и стабильностью результатов.

Факт. В 1980 году было подано 3,7 тысячи, в 1985 — 3,8 тысячи, в 1987 году — 4,5 тысячи заявок на изобретения, 77—80 процентов которых было рассмотрено, 62—66 процентов принято, 33—36 процентов использовано. Анализ изобретательства наводит на мысль, что его динамика запланирована заблаговременно, заранее предопределена. Любопытно, что за период с 1980 по 1985 год число докторов наук увеличилось в АН УССР на 32 процента, кандидатов наук — на 25 процентов, а количество заявок на изобретения — на 4 процента, положительных решений всего — на 2 процента.

Ныне в науке мы переживаем такое революционное движение, которое не имеет аналогов в прошлом. Перестройка требует четкой ее организации во всех звеньях. Дело непростое, противоречивое. Радикальная экономическая реформа, которая немыслима без ускорения научно-технического прогресса, требует быстрого внедрения новейших достижений в практику, в производство. Означает ли это, что фундаментальная наука должна чуть ли не прямо работать на нужды производства? Нет, не означает, но зачастую практически обстановка складывается именно так.

Факт. В 1980 году учреждения АН УССР внедрили в народное хозяйство страны 943 работы с долевым экономическим эффектом 430 миллионов рублей. Долевое участие таково, что учреждения АН УССР примерно пополам делят с потребителями разработок рассчитанный экономический эффект. Через

5 лет (в 1985 г.) показатель внедрения был доведен до 2 тысяч 323 работ с долевым экономическим эффектом 827 миллионов рублей. Но если количество внедренных работ возросло в 2,5 раза, то долевой экономический эффект — только в 1,9 раза. С 1980 года учреждения АН УССР внедрили 16 тысяч работ. За годы десятой пятилетки их число возросло в полтора раза, в одиннадцатой — в 2,5 раза.

Что же дальше? Где предел этого бурного роста, если абсолютный эффект определить невозможно, а относительный (сумма среднего экономического эффекта одной работы) — постоянно снижается? Совершенно очевидно, что мы имеем дело с количественным ростом в ущерб качественному. Не мешает ли это научной работе?

Факт. Внедрив в 1987 году 2547 работ, учреждения АН УССР разрабатывали 1907 научных тем. Такой объем научной работы стал уже нормой. В 1980 году разрабатывалось 2108, в 1985 году — 1962 темы по более чем 70 научным направлениям. За две предыдущие пятилетки АН УССР завершила 5022 исследования, в том числе 3285 по естественным и общественным наукам, 1737 по научно-технической проблематике. При этом не менее 60 процентов разработок относились к разряду «важнейшие темы».

В итоге получается, что много ведется исследований, еще больше работ внедряется, растет экономический эффект внедрения, но видимого влияния на экономику республики вся эта деятельность не оказывает. Мелкотемье в науке сопровождается многочисленным дробным внедрением.

Еще в 1943 году академик П. Л. Капица говорил, что связь науки и техники у нас вульгаризируется требованием непосредственного выхода науки в технику, и называл это вредным упрощенчеством. Он писал: «Совершенно ясно, что только благодаря фундаментальным работам и открытиям Фарадея стали возможными такие совершенно новые виды орудий человеческой культуры, как динамо-машина, телефон и пр. Но очевидно, что не следует требовать от фарадеев, чтобы они сами делали и телефон, и динамо-машину». П. Л. Капица отличался рафинированной интеллигентностью и удивительным чувством такта, но в данном вопросе был до резкости непреклонен: «Нельзя требовать от большого ученого, чтобы он обязательно влиял на технику путем прямого доведения своих идей до практического результата».

Любопытная ситуация сложилась в Институте экономики АН УССР. Здесь в 1987 году разрабатывали 30 тем, а внед-

рили 153. Когда же встал вопрос о переводе угольного Донбасса на полный хозрасчет и самофинансирование, то фундаментальной экономической концепции не оказалось. К какой же сфере отнести этот и другие институты АН УССР — к академической или прикладной науке?

Известно, что два института АН УССР превращены в научно-технические комплексы. Обоснованность такого шага покажет будущее. Но сейчас, надо полагать, задача состоит в том, чтобы всемерно укреплять именно фундаментальные научные исследования. Нет в науке ничего более разрушительного, чем третьестепенное исследование, тривиальная безделка.

Наука требует затрат. И в этом отношении фундаментальные исследования занимают особое положение. С одной стороны, то великое и гениальное, что совершили, например, Рентген и супруги Кюри, стоило ничтожно малые суммы. Но, с другой стороны, скупость в финансировании науки обходится очень дорого.

Расходы на науку связаны с политическим признанием ее важности. За щедрость на начальном этапе исследований выступал такой признанный авторитет в науке, как Дж. Бернал. Чем он мотивировал свое мнение? Несмотря на то что только 10 процентов затрат на фундаментальную науку оказываются выгодными, только один процент этих средств дает прибыль, покрывающую все исследовательские расходы.

В США, чьи затраты на фундаментальные научные исследования составляют более половины затрат всех стран мира, ежегодно ассигнуют на эти цели примерно 15 миллиардов долларов. В нашей стране на нужды фундаментальной науки выделяется 2,5 миллиарда рублей. Что касается учреждений Академии наук УССР, то здесь 46 процентов затрат — бюджетные, а 54 процента «добывается» за счет выполнения хоздоговорной тематики. Прямо скажем, не самый лучший способ финансирования. Фундаментальную науку, если она действительно работает по прямому назначению, должно содержать государство.

Кто даст деньги на изучение активности ядра галактики М87? Кто станет финансировать исследования элементарной частицы нейтрино? Никто, кроме государства. Станут ли министерства оплачивать исследования по принципиально новой технике, которая появится в производстве через 10—15 лет? Нет, конечно.

Фундаментальная наука — сфера не только сложного труда, но и постоянного риска. Ученый-теоретик должен иметь все, чтобы сосредоточиться на исследованиях, думать только

о научном результате. Настоящий ученый не может быть человеком безнравственным, ему нужно доверять.

В условиях ограниченных финансовых ресурсов важно правильно определить сферы их применения. В Академии наук УССР три четверти всех затрат идет на физико-технические и математические науки, 17—18 процентов — на химико-технологические и биологические исследования, а должно быть, на наш взгляд, наоборот.

Об этом свидетельствуют тенденции развития мировой экономики. Разработка биотехнологий стала стратегическим направлением. Эту работу ведут свыше 1200 организаций всех развитых капиталистических стран. Более 300 промышленных фирм, 200 биотехнических компаний, 400 лабораторий выполняют 150 коммерческих проектов. Усилия направляются на производство энергоносителей, пищевых продуктов и добавок, медицинских препаратов, химических продуктов, препаратов для сельского хозяйства. Если в 1985 году мировой капиталистический рынок оборудования для этих целей оценивался в 20 миллиардов долларов, то к 1990 году он возрастет в два раза. Все это стало возможным в результате организации и расширения фундаментальных научных исследований.

По этому поводу уместно вспомнить, как в послевоенные годы нашим ученым, разрабатывавшим фундаментальную проблему холодной плазмы, отказали в поддержке. Отставание в теории проявилось затем в технике и технологии, которое не восполнено и сейчас.

Факт. На Земле каждый год вырастает 117 миллиардов тонн биомассы, общая энергия которой эквивалентна 40 миллиардам тонн нефти. Для сравнения укажем, что в настоящее время в мире добывается 3 миллиарда тонн нефти. Запасы биомассы на земном шаре равнозначны 640 миллиардам тонн нефти. Не отстать бы снова. Вот почему разработка теоретических проблем биологии стала самой ответственной, перспективной и необходимой проблемой.

Развитие фундаментальной науки в наши дни характеризуют ее приоритетные направления. В области общественных наук предстоит исследовать проблемы управления социалистической экономикой, дать прогнозы и обоснования перспективам социально-экономического развития, осуществить комплексное исследование человеческого фактора.

Предметом естественных наук является мир чрезвычайно сложных систем, сложнейших процессов, на которых построена жизнь, живые организмы, человек. Другое направление —

микромир, мир атомных ядер, элементарных частиц. И еще один аспект — макромир, мир беспредельного Космоса с его естественными состояниями.

Семь приоритетных направлений научных исследований разработаны и утверждены Президиумом Академии наук УССР. Среди них важное место занимают проблемы научно-технического прогресса. И это понятно. Наука дает жизнь технике, но и техника оказывает воздействие на людей и природу, что вызывает коренные изменения в жизни и наших представлениях о ней.

Еще в недавнем прошлом этика затрагивала только взаимоотношения людей, а сейчас она охватывает и взаимодействие человека с природой. Общественная наука призвана изучать этические проблемы с учетом перестройки политической системы, экономики, логику отношений в сфере материального производства, противоречия общественного развития.

Перестройка, поставившая задачу повышения роли фундаментальной науки, только началась. И чтобы не стать консерваторами, нам не следует понимать эту задачу чисто арифметически, количественно, как прямую связь фундаментальной науки с производством.

Фундаментальная наука будущего — это не скопление множества институтов и учреждений с огромным количеством людей. Фундаментальная наука будущего — это союз одаренных, мыслящих людей, способных, умеющих вторгаться в действительно неизведанное, пополнять национальную и мировую сокровищницу знаний. Фундаментальная наука будущего — это труд, результаты которого составляют теоретическую основу жизни общества, его прогресса.

Из жизни и для жизни

Продолжением науки фундаментальной является прикладная наука. Она — мост между знанием и незнанием, естествознанием и практикой, между новым и традиционным. Кто-то метко заметил, что, используя прикладную науку, мы в состоянии избавить человечество от нищеты, улучшить благосостояние, увеличить общие ресурсы человечества. Здесь закладывается основа материализации знаний, зарождаются новая техника, прогрессивные технологии, разрабатываются методики, рекомендации ускорения научно-технического прогресса.

Факт. В прошлой пятилетке на Украине внедрялось более 11 тысяч научных разработок, создано 4 тысячи образцов новых машин, оборудования, аппаратов, приборов, средств автоматизации, более 10 тысяч комплексно-механизированных, автоматизированных, комплексно-автоматизированных цехов, участков, производств, проведено 823 тысячи научно-технических мероприятий. В нынешней пятилетке создаются и внедряются гибкие производственные системы, робототехнические комплексы, промышленные роботы, новые малоотходные, ресурсосберегающие и безотходные технологические процессы.

Прикладную науку именуют еще отраслевой. Это потому, что 30 процентов всех научных учреждений страны находится в промышленных министерствах, 14 процентов — в агропромышленном комплексе. В отраслях народного хозяйства сосредоточена почти половина всех научных сотрудников, четверть докторов наук. Многоотраслевой характер прикладной науки предопределяет содержание ее деятельности.

Естественно, что первой заповедью прикладной науки было и остается научное обеспечение выполнения производственной программы соответствующих министерств и ведомств. Исходя из этого и ведется ее перестройка. В стране проходит серьезная работа по аттестации всех научных учреждений, независимо от ведомственной принадлежности, начат их перевод на экономические методы хозяйствования. Хозрасчетная деятельность строится по типу материального производства. Особенность ее состоит в том, что известные три фонда в научных учреждениях объединяются в единый фонд. Есть отличия и в экономических нормативах. Дело в том, что научная работа всегда сопряжена с риском, а потому решено для научных организаций планировать более высокий уровень рентабельности, а норматив платы в бюджет меньше, чем на промышленных предприятиях.

Такой методологический подход — не просто льготы науке. В нем заложены стимулы дальнейшего развития наукоемкости производства, а вместе с ними и общественное сознание того, что удовлетворение этой потребности нужно оплачивать.

Экономические методы резко меняют обстановку в самих институтах и учреждениях. Главное для научных коллективов сегодня заключается в том, что теперь можно полагаться только на реальные возможности, собственные силы, на взаимовыгодное партнерство.

Известно, что раньше научным сотрудникам гарантировалась заработная плата даже при невыполнении тематики. С переходом на новую систему ее нужно заработать.

Основная форма деятельности прикладной науки — плановая тема исследований по конкретным проблемам производства. В 1987 году разрабатывалось 19 тысяч 412 плановых тем, в среднем по 69 тем на учреждение. Хорошо это или плохо? Если учесть, что средние фактические затраты на одну разработку составляют сейчас в общем небольшую сумму — 49 тысяч рублей, то скромные средства на исследования и их распыление сдерживают, конечно, технический прогресс.

В прикладной науке остро стоит вопрос кадров.

Факт. Удельный вес кандидатов наук среди научных работников Академии наук УССР составляет 57 процентов, а в прикладной науке — 18 процентов. Численность научных работников отраслевых научных учреждений в два раза больше, чем в АН УССР, а кандидатов наук здесь в 1,5 раза, докторов наук в 10 раз меньше. Выше этот показатель и в вузах.

Научные кадры высокой квалификации очень неравномерно распределены по регионам, что характерно как для страны, так и для нашей республики. Например, в 24 научных учреждениях Днепропетровской области, выполняющих до двух тысяч научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в год, среди 12 тысяч научных сотрудников только 21 доктор, а в крупнейшем институте (ВНИИМехчермет) со штатом 1,5 тысячи научных сотрудников докторов наук вообще нет. Уровень квалификации кадров в значительной мере, если не главным образом, предопределяет мелкотемье. В Донецкой области докторов технических наук в 4 раза меньше, чем специалистов по истории, медицине и геолого-минералогическим проблемам. В 20 отраслевых научных учреждениях области из 31 нет докторов наук, а в 5 из них не только не имеют докторов и кандидатов наук, но и научных сотрудников, хотя и умудряются выполнять научно-исследовательские работы.

Погоня многих министерств и ведомств за количеством научных организаций и учреждений с большим числом работающих привело к тому, что сейчас существуют так называемые околонаучные организации. Замедление технического прогресса закладывается большинством научных учреждений: даже при удачно сложившихся обстоятельствах все запланированные исследования они завершают за два года. Передовой опыт показывает, что весь цикл внедрения новой техники не должен быть больше трех лет. Вот и получается, что сама наука «съедает» слишком много времени.

Есть и другие причины торможения технического прогресса. Только треть законченных научно-исследовательских работ

попадают сразу в план внедрения. Остальные ждут своей очереди или навсегда остаются пылиться на полке.

Продолжительность опытно-конструкторских работ, как и научно-исследовательских, остается очень длительной. Лишь половина разработок внедряется меньше года, треть — до двух лет, каждая пятая разработка — до трех лет. Наблюдается и такое противоречие: постоянно увеличивается число заявок на изобретения. Но применяются они лишь в половине образцов техники, другая половина строится на старой основе.

Следует также отметить, что относительно быстро проводятся мелкие разработки и на долгие годы растягиваются крупные. Слабой остается материальная заинтересованность научных сотрудников в повышении эффективности труда. В 1987 году, например, из 130 тысяч работников отраслевых научных учреждений премии получили 96 тысяч человек, или 75 процентов. Однако выплачиваются они, как правило, не с учетом вклада работников, а практически всем причастным к той или иной разработке, и являются символическими. Так на одного работника в среднем за год приходится 286 рублей премии, или 23 рубля в месяц.

При низком уровне новизны, мелкотемье, длительных сроках разработки около 90 процентов научных учреждений являются головными в своих министерствах по разработке тех или иных видов техники. Такого рода монополизм, организованный в плановом порядке, не вызывает здоровой конкуренции, не стимулирует разработки альтернативных направлений. В результате потребитель вынужден покупать ту технику, которую предлагают, ему не из чего выбирать.

В стране почти половина научных сотрудников, четвертая часть докторов и треть кандидатов наук работают в области технических исследований. Аналогичное положение сложилось и на Украине. Ни одно государство мира не позволяет себе иметь столько ученых в области технических наук. Тем не менее разработка новых видов техники не соответствует потребностям общества, ее удельный вес в тематике научных исследований составляет несколько больше половины, а есть институты, в которых этот показатель равняется 15—20 процентам. Увлечение разработками методик, рекомендаций, предложений уводит научные учреждения от действительно исследовательской работы.

Парадоксально, но факт: сами министерства, образно говоря, ставят палки в колеса научных учреждений. До перехода на новые условия хозяйствования машиностроительные министерства оплачивали почти 40 процентов разработок ученых. Теперь они резко сократили финансирование. Такая

экономия министерств приводит к тому, что научные коллективы вынуждены брать любые заказы — мелкие, непрофильные, что дисквалифицирует кадры.

Интересы ускорения научно-технического прогресса требуют органического соединения действий фундаментальной и прикладной науки, организации творческого союза промышленности и других отраслей народного хозяйства с учреждениями отраслевой науки на взаимовыгодной экономической основе.

И опыт, и юность

По отношению к научно-техническому прогрессу вузовская наука оказалась в положении бедной родственницы. А ее приличные одежды, кружева и блонды потенциальных научных возможностей прикрывают скромные исследовательские результаты. Да, можно привести много примеров изобретений, сделанных вузовскими учеными, даже очень много. И в производство они внедряются. Но главного, что в первую очередь характеризует науку,— очень мало. Мало научных открытий.

Факт. Из 238 зарегистрированных к 1987 году открытий вузам страны принадлежит 35, или около 11 процентов их общего количества. А если учесть, что из них 19 открытий сделаны совместно с организациями других министерств, ведомств, АН СССР, то этот вклад окажется еще скромнее. И это в то время, когда с действующим научным потенциалом вузовской науки не может сравниться ни один другой сектор — академический, прикладной (отраслевой), заводской. Докторов наук в вузах республики в два раза больше, чем в Академии наук УССР, а результаты исследований не могут идти ни в какое сравнение.

По этому поводу могут задать вполне резонные вопросы: а возможны ли здесь прямые сравнения? Какова роль науки в современном вузе, во всем вузовском хозяйстве?

Действительно, какова эта роль? В первую очередь наука в вузе — это метод обучения. Это способ повышения квалификации профессорско-преподавательского персонала. И где как не на переднем крае исследований обогащать знания, пополнять научный багаж?

Существует мнение, что вузовская наука является решающим фактором повышения эффективности производства. Едва ли это так. Есть кому непосредственно заботиться о

конечных результатах производства — и представителям отраслевой науки, о которой шла уже речь, и заводской науки, о которой разговор впереди, и производственникам, наконец.

У вузовской науки есть мощные способы воздействия на научно-технический прогресс, прогресс вообще, но они пока не задействованы, требуют серьезного общественного толчка. Эти способы, рычаги заключены в диалектическом единстве образования, науки, производства. Именно диалектического, объективно обусловленного. Для того чтобы они заработали на всю мощь, сегодня недостаточно одних слов, даже самых красивых и правильных, но не подкрепленных материально и нравственно.

Желая оценить результативность науки, чаще всего прибегают к таким оценкам, как увеличение исследований в стоимостном объеме, в количественном росте внедрений. Но те ли это критерии? Думается, что ими можно только увести науку на ложный путь, загубить. Следовало бы больше задумываться над тем, что мы даем вузовской науке.

Факт. В 1988 году бюджетное финансирование научно-исследовательских работ в вузах страны увеличилось на 80 миллионов рублей. А что такое 80 пусть и миллионов на 900 вузов? Да сегодня в несколько раз больше средств нужно только на замену устаревшего лабораторного оборудования. Финансирование научных исследований вузов в республике составляет 4 процента всех затрат на эти цели. Чуть меньше 5 процентов средств Минвуз УССР получает от ГКНТ СССР и больше 6 процентов — от Госплана УССР. Такой же показатель составляют вклады непромышленных министерств и ведомств. Все остальное нужно заработать самостоятельно.

Но кто же у вуза, как и у академии, купит фундаментальную разработку. И стоит ли удивляться, что поисковые исследования вузовских ученых не превышают 15—20 процентов всех разработок, повсеместно преобладают так называемые основные исследования с мизерными затратами сложного труда и денег, но с сиюминутным экономическим эффектом. А что делать? Жить-то надо.

Но нужно быть реалистами. Крупные, так необходимые средства не упадут на вузовскую науку манной небесной.

Первое условие повышения уровня исследовательской работы состоит, как мы полагаем, в налаживании творческого, делового сотрудничества с фундаментальной наукой, с Академией наук республики.

Наши предки были не глупее нас. Когда Ломоносов решил разъединить объединенные Петром I Академию наук и школу,

он видел в этой относительной самостоятельности особое единство «гнездилища научной мысли» и «школы всероссийской». Сейчас настало время решительного укрепления этого особого, государственного значения союза и содружества.

В свое время при создании АН СССР в академические учреждения перешли лучшие ученые, которые, к сожалению, по разным причинам постепенно потеряли связь с высшей школой. Этим был нанесен урон общему делу науки.

Восстанавливать утраченное, как показывает практика, очень нелегко. И все же налаживаются контакты Президиума АН УССР с Минвузом УССР, академических научных учреждений и вузов. В десятках вузов работают по совместительству около 270 ученых АН УССР. Ясно, что все это только первые ласточки. Работа заведующего кафедрой в лаборатории Академии, а чтение курса лекций маститым ученым «чистой» науки в студенческой аудитории ведет к глубокому взаимопониманию, укреплению творческого содружества.

Экономика страны идет нелегким путем радикальной реформы. Нужна она и вузовской науке. Не затрагивая многих других важных проблем, обратимся к одной из актуальных — к проблеме оплаты труда ученого. Как известно, в развитых капиталистических странах минимум половина средств на научные исследования идет на оплату труда. Утверждается система оплаты ума, инициатора, творца идей. В Академии наук УССР фонд заработной платы в затратах на научные исследования составляет несколько более 30 процентов, а в вузах и того меньше. Уточним, что речь идет не о том, чтобы немедленно повысить зарплату профессорско-преподавательскому составу. Некоторые из них не зарабатывают и того, что получают. Аттестация профессоров, например, показала, что не все они соответствуют занимаемым должностям. В вузах Украины половина докторов не ведет научную работу, но по зарплате они равны с теми, кто упорно ищет новое. Речь о другом, о материальном поощрении в зависимости от результатов научных исследований.

Небольшое отступление. Сейчас стало очень модным делать прямые сопоставления состояния дел в СССР и США буквально по всем вопросам. В целом это неправомерно, так как, во-первых, часто сравнивается несопоставимое, а, во-вторых, нужно искать и находить свои оригинальные пути и способы решения научных задач. Но когда речь идет о вещах сопоставимых, то здесь сравнение, конечно, допустимо. Так вот, что касается возрастного состава ученых, а точнее, структуры этого состава, то у США есть чему поучиться и что перенять.

В США хорошо используется неписаный закон, согласно которому резерв и будущее науки представляют люди в возрасте до 40 лет. Если удельный вес ученых (51 год и старше) у нас и в США примерно одинаков, то группа в возрасте до 40 лет в США значительно больше, а следовательно, приток молодых сил интенсивнее.

Пополнение науки молодыми кадрами планируется у нас централизованно, но дело улучшается медленно. Необходима четко налаженная система «естественного» научного отбора, беспрепятственного роста талантливой молодежи.

В условиях перестройки, критического анализа, работы со студентами все более четко проявляется слабость ее организации и методики. Часто сокрушаются по поводу того, что лишь половина студентов участвует в научных исследованиях, а каждый десятый — в изобретательстве. Но главное-то состоит не в количестве вовлеченных, а в качестве самой работы, ее результативности и, что самое важное, привлекательности, соответствии настроению и потребностям студентов. Есть вузы, в которых исследовательская работа студентов сводится к переписыванию бумаг, различного рода учету, то есть ведется по принципу «принеси-подай».

В научной работе, техническом творчестве важна самостоятельность. Молодые люди должны иметь условия для самовыражения. В республике создан ряд центров научно-технического творчества молодежи. К сожалению, большинство из них числится на бумаге, да и к тем, которые работают, относятся еще с недоверием, часто препятствуют их развитию.

Есть у вузовской науки традиции, имеются несомненные достижения, но перспективы ее можно и нужно видеть через сложившуюся ситуацию. Нельзя рассчитывать на успех, если вузы почти не ведут исследования по проблемам энергоснабжения, экономии ресурсов, разработки новых материалов, прогрессивных технологий. Есть лаборатории, в которых научно-технические исследования, соответствующие мировому уровню, не превышают 5 процентов, а в целом этот показатель составляет 15 процентов.

Ориентир дальнейшего развития может быть один — высшие мировые достижения исследований, реальный и весомый вклад в отечественную науку, мощные заделы информации, принципиально новых знаний, всемерно способствующих решению экономических, технических и в первую очередь методологических и теоретических задач ускорения научно-технического прогресса.

А что в эпицентре?

Интересное, глубокое по содержанию, важное для понимания научно-технической революции понятие «заводская наука» не так уж давно вошло в наш обиход. Есть целый ряд крупных предприятий, например, таких, как производственные объединения «Мариупольтяжмаш», «Ворошиловградтепловоз» и других, которые имеют свои институты. В отличие от институтов отраслевых они являются структурными подразделениями производственных предприятий, их работа подчинена главным образом интересам конкретного предприятия.

Институт на предприятии, пусть даже очень крупном,— явление особое, свидетельствующее о том, что производственный коллектив не может выполнять свои обязательства, успешно развиваться без постоянного научного потенциала. Такие предприятия не следует смешивать с научно-производственными объединениями (НПО), во главе которых стоят институты, чьи научные идеи подлежат воплощению в технике, технологии.

Заводская наука выполняет и такие функции. Но главное ее назначение — научное обеспечение всего цикла, объема, номенклатуры данного производственного предприятия. Вместе с тем заводская наука является крупной частью отраслевой науки, имеющей самостоятельность (естественно, относительную), и не может сводиться просто к деятельности институтов, находящихся на балансе предприятий и объединений. Этим заводская наука отличается от других научных секторов. Если фундаментальная наука накапливает знания, питает идеями всю науку, а прикладная наука главным полем деятельности имеет определенную отрасль и сопутствующие научные направления, то заводская наука призвана на основе переработки научной информации любого происхождения и самостоятельных разработок способствовать прогрессу производственных процессов, повышению их эффективности на основе технического и технологического совершенствования.

Основное назначение заводской науки — воплощать в жизнь прогрессивные научно-технические решения, соединять исследовательские и конструкторские работы.

Вот какая обстановка сложилась на Украине с формированием заводского сектора науки.

Факт. Хотя число обследованных Госкомстатом УССР предприятий промышленности уменьшилось с 1971 по 1985 год с 9 до 6,2 тысячи, количество лабораторий увеличилось с 7,4

до 9,1 тысячи, то есть почти на четверть. Примерно в такой же пропорции возросло количество конструкторских, опытно-экспериментальных подразделений, отделов механизации и автоматизации производства.

По мере углубления научно-технического прогресса увеличивается число специалистов, занятых в сфере заводской науки. В настоящее время примерно 6—7 процентов всех инженерно-технических работников промышленных предприятий ведут научно-исследовательские работы. Наиболее значительная часть их — 115 тысяч человек — занята в лабораториях, разрабатывающих новую продукцию. Численность этих «мозговых центров» увеличилась с 1971 года более чем на треть. Почти 86 тысяч человек работают в конструкторских бюро и отделах. В опытно-экспериментальных подразделениях занято 33 тысячи работников. К началу текущей пятилетки во всех звеньях заводской науки было занято 245 тысяч человек. Только в 1985 году ими разработано почти 5,7 тысячи научно-исследовательских и опытно-конструкторских тем. Фактические затраты на эти работы составили 180 миллионов рублей. Нужно отметить, что по объему затрат на одно исследование (в среднем) заводская наука превосходит многие отраслевые институты, их самостоятельные отделы, филиалы, конструкторские и другие бюро.

В сферу действия заводской науки входит вся совокупность работ по техническому прогрессу: разработка и освоение новой продукции, технологий, модернизация оборудования, реконструкция предприятия, его производственных подразделений; пуск и наладка технологических новинок, средств автоматизации и механизации производства и его подразделений; освоение новых средств контроля за качеством продукции; вспомогательное производство; сбыт; обслуживание потребителей продукции.

Сейчас еще трудно судить о повышении роли научно-технического персонала заводского сектора науки в связи с тем, что большинство отраслевых институтов переданы предприятиям и объединениям, а соответствующей информации об их работе пока нет. Но и частичные сведения свидетельствуют о том, что заводская наука уже стала равноправным и особым партнером других секторов, составной частью всех отраслей народного хозяйства и работает на научно-технический прогресс. Прокатные станы, кислородные конвертеры, машины непрерывной разливки стали, сложное станочное оборудование, продукция электроники и другие виды техники требуют постоянной научной доводки, что и делает заводская наука.

Но вот что нельзя не заметить: этот самый молодой сектор науки пока еще работает с большими перебоями, а в ряде случаев ничем не отличается от обычных производственных подразделений.

Заводской наукой никто не руководит ни на уровне народного хозяйства, ни на уровне отрасли. Взаимодействие ее с научными учреждениями других секторов осуществляется исключительно по договорам на выполнение конкретных работ. В строгом смысле заводская наука не имеет своего лица.

Пример. Машиностроительные предприятия Днепропетровской области имеют около 100 лабораторий, более 100 конструкторских подразделений, 12 опытно-экспериментальных подразделений. Более 5 тысяч человек работает на этом участке, выполняется немало тем по освоению новой продукции, но на уровне лучших отечественных и зарубежных образцов выполнено только 28 процентов тем. О немалых резервах, которые необходимо использовать, свидетельствует и то, что три четверти лабораторий, конструкторских бюро, опытно-экспериментальных подразделений не вели научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Для заводской науки характерно дублирование тематики с отраслевыми институтами, часто заводчане оказываются просто придатком отраслевиков, многие подразделения заводской науки занимаются всем, только не техническим прогрессом конкретно, ничем не отличаются от производственных подразделений. Бывает и такое, что руководители предприятий и объединений используют «науку» для прикрытия дополнительной численности работников, используют людей не по назначению.

Так заводская наука не пробьет себе дорогу. Она просит о помощи. Как справедливо сказал А. И. Колмогоров, «целесообразная» работа машин не имеет никакой самостоятельности и является лишь техническим придатком к целесообразной деятельности человека.

Без чего ничего нет

Наступил период перемен в техническом развитии. Суть его мы еще как следует не осознали. «Виновницей» коренных качественных изменений техники стала наука. От Галилея до Ньютона безраздельно господствовала классическая механика. Нынешний период берет начало от квантовой механики

Эйнштейна. Классическая механика, которую рано и вредно забывать, имела дело с движением и взаимодействием различных сил, была и есть искусством построения машин. Здесь наука проявляет себя как бы в высших инстанциях. Квантовая же механика имеет дело с движением микрочастиц, которые еще называют «кирпичиками» мироздания. Здесь наука действует как бы изнутри.

Подобно тому как вся человеческая история делится на периоды в зависимости от материала орудий: каменный век, бронзовый век, так и техника делится на орудийную, механическую, автоматическую и химическую технику. Автоматическая техника занимает, если можно так сказать, промежуточную позицию между классической и квантовой механикой. К ее традиционной механической части присовокупляется электроника, детали и узлы из материалов с заданными свойствами, в нее проникают новые принципиальные идеи построения и т. д. Химическая техника — техника будущего, в основе ее действуют химические, а не механические процессы. Сейчас их развитие проявляется в создании и применении биотехнологий.

Современная техника все более переходит на принципиально новые методы и пути развития. Постоянное совершенствование существующих машин стало уже врагом научно-технического прогресса, а предпочтение, отдаваемое многими руководителями производственных предприятий и объединений, например, универсальному металлообрабатывающему оборудованию, машинам и технике с программным управлением, отбрасывает нас назад в производственном и экономическом развитии. Нет, всю вину за это взваливать только на потребителя нельзя. Есть много так называемой «новой» техники, которая отличается от предшествующей модели разве только ценой и маркой. Главное состоит в том, чтобы технику коренным образом изменять, создавать и применять ее на новой методологической и организационной основе.

Есть и еще одна серьезная проблема — проблема количественного подхода к оценке техники. Она более серьезная, чем на первый взгляд кажется.

Факт. За последние три пятилетки в стране создано 56 тысяч образцов новой продукции производственно-технического назначения, внедрено в серийное производство более 53 тысяч новых видов изделий. За это время число механизированных и автоматизированных поточных линий увеличилось почти в два раза, комплексно-механизированных и автоматизированных участков, цехов, производств — в 1,5 раза. Экономический

эффект от использования изобретений и рационализаторских предложений составил почти 85 миллиардов рублей и увеличился за три пятилетки в 1,8 раза.

На Украине за те же 15 лет создано 12 тысяч 322 образца новых машин, оборудования, аппаратов, приборов и средств автоматизации. В СССР освоено впервые 14 тысяч 900 новых видов промышленной продукции, внедрено 2013 научно-технических мероприятий. Годовой экономический эффект от их внедрения составил 12 миллиардов 671 миллион рублей, то есть увеличился с 1971 по 1985 год в 1,6 раза. Однако за те же 15 лет динамика прироста основных показателей развития народного хозяйства страны постоянно ухудшалась. Прирост национального дохода уменьшился с 28 до 17 процентов, продукции промышленности и сельского хозяйства — более чем в два раза. Соотношение интенсивных и экстенсивных факторов роста национального дохода изменялось крайне медленно. Отдача мероприятий по новой технике на один рубль затрат уменьшилась с 40 до 32 копеек. Высвобождение работников на один миллион затраченных средств уменьшилось почти в два раза. Самый высокий количественный показатель выпуска новой техники — 4,3 тысячи образцов в год — был достигнут еще в восьмой пятилетке, а затем стал постоянно снижаться.

Факты — упрямая вещь. Они говорят о том, что главное не в количестве образцов техники, хотя и это имеет важное значение, а в ее качестве, в тех технических принципах, которые в нее заложены, в той производительности, которую может дать машина, установка. Главное — обеспечить добротность продукции с меньшими затратами.

Сейчас нет недостатка в характеристиках новизны техники: «новая», «принципиально новая», находящаяся «выше уровня лучших отечественных и зарубежных образцов», «соответствующая этому уровню» и т. д. Если пользоваться такими критериями, то удельный вес принципиально новой техники во всем ее объеме в нашей стране не превышал за последние три пятилетки 24 процентов. Мало того, ее количество ежегодно снижалось на 5—7 процентов. В машиностроении, составляющем материальную базу научно-технического прогресса, лишь 10 процентов продукции соответствует международным меркам, 30 процентов находится на уровне допустимого, ибо далее уже следует продукция, которую нужно снимать с производства. Такое положение не радует.

Нехватка действительно новой, прогрессивной техники вызывает ее старение. В девятой пятилетке средний срок служ-

бы основных производственных фондов промышленности составлял 22 года, в десятой — 25, в одиннадцатой — 27 лет, в том числе машин и оборудования — соответственно 16, 18 и 20 лет. Между тем производительность металлорежущих станков, находящихся в эксплуатации более 20 лет, ниже, чем у однотипных новых на 25—30 процентов, они требуют ремонта в два-три раза чаще, чем по нормативам. Подсчитано, что использование старого станка — это 1000 рублей убытков ежегодно.

Попытки изменить обстановку, повернуть дело в сторону выпуска новой техники пока не увенчались успехом. За два года нынешней пятилетки не выполнена половина заданий по изготовлению новых образцов машин. Из 12 заданий по организации их серийного производства выполнено только два, из 45 образцов, которые намечалось изготовить в 1987 году, в государственный план включено лишь 36. Техника новых поколений составляет примерно 6 процентов и не стала еще для народного хозяйства сколько-нибудь заметной величиной. За рубеж продается не более 3 процентов продукции отечественного машиностроения.

Потребность в новой технике очень велика, но и та, которая создана, в том числе прогрессивная, не используется в полной мере.

Использование техники требует коренного улучшения. Вот данные одного из последних исследований Госкомстата УССР в 1987 году. В целом по республике не работало 5 процентов механизированных поточных и автоматических линий, не использовалось 2,4 тысячи единиц высокопроизводительного оборудования с числовым программным управлением, более 9 тысяч единиц автоматического оборудования, 865 роботов, 337 роботизированных технологических комплексов, 48 гибких производственных модулей.

Причины низкого использования техники разные: недостаточная загрузка, плохое обслуживание, низкая квалификация работников. Но сильно дают о себе знать и конструктивные недоработки, низкая надежность в работе, трудности переналадки, неэкономичность.

Пример. На Запорожском производственном объединении внедрены металлорежущие станки с числовым программным управлением, которые окупятся через 39 лет.

Есть два основных направления ускорения научно-технического прогресса: комплексная автоматизация и механизация производства; создание и внедрение прогрессивных технологий.

Оба они зависят от создания новой, принципиально новой техники, систем машин, связаны с выводом всей техники на уровень высших отечественных и зарубежных образцов. Необходимо производить такую технику, которая бы позволяла получать самый высокий конечный результат и повышала международный авторитет советской марки.

Ускорение научно-технического прогресса немыслимо без машиностроения. От его развития зависит технический уровень производства, а значит, и выполнение хозяйственных планов, повышение благосостояния людей.

Для того чтобы продукция машиностроителей удовлетворяла современные требования, намечено широко внедрять гибкие переналаживаемые производства и системы автоматизированного проектирования, автоматические линии, машины и оборудование со встроенными средствами микропроцессорной техники, многооперационные станки с числовым программным управлением, робототехнические, роторные и роторно-конвейерные комплексы. Само по себе это означает необходимость ускоренного развития научно-технической революции, улучшение использования ее достижений в интересах народного хозяйства.

Для этого требуются крупные научные школы, способные питать идеями технические науки, разрабатывать для них фундаментальную методологию, четкую стратегию, оказывать помощь в выработке тактики технического прогресса. Важно поднять на должную высоту науковедение, которое позволит правильно определять политику самой науки, техническую политику государства, преодолеть субъективное влияние на развитие всего комплекса науки и техники.

На наших глазах технические науки были выведены из состава Академии наук и включены в отраслевую науку с благим, разумеется, но, как оказалось, ошибочным намерением «связать» науку с практикой. В настоящее время они снова получили академический статус.

Сегодня крайне необходима четкая научная концепция того, как, выражаясь образно, мы на плечах классической механики въедем в царство «производственной» природы, материальной основой которой станут биологические технологии.

Начинать это надо, как мы полагаем, с научной оценки всех программ научно-технического прогресса, которые существуют часто, правда, только на бумаге. Например, с комплексной программы «Научно-технический прогресс и его социально-экономические последствия на период до 2005 года по Украинской ССР». В ее разработке приняло участие более 150 институтов и научных учреждений, свыше 750 ученых,

руководителей, специалистов, в том числе 32 академика. Изложены положения программы, основные направления научно-технического прогресса, приведены прогнозные данные. О чем они говорят? О том, в частности, что в 2005 году на Украине будет 1042 научных учреждения и организации, в которых будет занято 712 тысяч человек. Заявок на изобретение будет 45 тысяч, поступит один миллион 600 тысяч рацпредложений, средний экономический эффект на одно изобретение будет равен 54 тысячам рублей. Программа определяет, что в 2005 году в республике будет изготовлено 22 процента агрегатных и специальных металлорежущих станков, 18 процентов агрегатных и 10 процентов станков с ЧПУ. Эти и другие данные разбиты по пятилеткам. Одним словом, налицо типично количественный подход, который стирает грани между планированием и программированием развития. Кстати, объем программы — более 56 печатных листов. Интересно, многие ли прочитали ее от начала до конца? Думается, что единицы.

На перекрестке дорог

При определении основных направлений научно-технической революции чаще всего отдают предпочтение электронизации производства и общества, а потом уже говорят о технологии производства и развитии энергетики. Что ж, можно понять такую позицию: технология стара как мир, а электроника — комплексная научно-техническая область — только-только начала свой разбег. Но ведь если строго подходить, то и вакуумная электроника (радиолампы), и микроэлектроника (интегральные схемы, большие, сверхбольшие интегральные схемы, микроника и др.) — все это продукты соответствующих технологий.

На первых порах развития полупроводниковой электроники были широкие возможности для заимствования достижений, а попросту говоря, для воровства идей. Достаточно было заполучить кристалл-полупроводниковый прибор, определить структуру его электрических схем, скопировать их — и «свой» кристалл готов. Сейчас положение коренным образом изменилось. Чтобы разработать современную интегральную схему, нужна ее математическая модель, разработанная на ЭВМ. Потом необходимо разработать технику и технологию ее изготовления. Все эти работы ведутся на молекулярном уровне. И если теперь появится желание позаимствовать такое новшество, то нужно заполучить уже не сам кристалл, а мате-

матика, технолога или техническую документацию. Вот что означает технология.

Строгая красота головы Саргона Великого, отлитая из бронзы 4000 лет назад, подавляющее величие гробницы Тутанхамона, которая моложе всего на 1000 лет, деревянные стул или маникюрный набор времен Нового царства в Египте (1000 лет до н. э.) — все это, как и многое подобное, является результатом слияния величайшего технологического искусства с превосходным техническим мастерством.

В наши дни все обстоит иначе. Технология как продукт и источник развития цивилизации является учебой и научной дисциплиной, особой формой фундаментального и прикладного научно-технического знания. Еще К. Маркс писал, что технология вскрывает активное отношение человека к природе.

Технология является элементом производительных сил, главным звеном научно-технической революции, составной частью производства. Применительно к последнему понятие «технология» впервые было употреблено в 1772 году, то есть чуть ли не через полстолетия после внедрения прядильной машины Д. Уайетта, возвестившей о начале промышленной революции XVIII века. Прошло еще немало времени, прежде чем технология стала одним из важнейших факторов повышения эффективности экономики.

В современном производстве применяется множество технологий: резания металла и разрушения пород, ковки и штамповки, сборки, сварки и т. д. Все они основаны на каких-либо физических, химических, биологических процессах и человеческой деятельности и обеспечивают жизнедеятельность общества.

Наиболее распространенной и «великовозрастной», как и само машиностроение, является технология обработки металла резанием. Используемая до сих пор, она служит и будет еще долго служить производству. Однако по мере повышения сложности работ эта технология все чаще оказывается неэффективной как технически, так и экономически. Так, скорости токарных автоматов стабилизировались на уровне 300—700 оборотов шпинделя в минуту, и их увеличение практически невозможно.

Таким образом, применение новейших достижений научно-технической революции имеет громадное значение, поскольку многие традиционные, определяющие положение современной экономики технологии исчерпали свои возможности роста. Например, коэффициент полезного действия тепловых электрических машин установился на уровне 40 процентов. Попытки

продвинуться вперед обходятся все дороже, а их эффективность становится все меньше.

Никакой вид топлива, включая электрическую дугу, не может в металлургии обеспечить уровень температуры плавления выше 3600°. Возможности двигателей внутреннего сгорания были исчерпаны практически в середине 40-х годов. Теоретически достижимая скорость электровозов составляет 250—300 км/час.

Техника, построенная на принципах механической технологии, в основном достигла максимальных величин производительности, мощности, скорости, быстродействия. В настоящее время необходим переход производства на принципиально новые технологические основы, а следовательно, идеи и решения, так как сложившиеся технологии, в первую очередь в машиностроении, стали препятствием для перехода к автоматическому производству. Речь идет не об отдельных технологиях, а о технологическом уровне всего производства, его коренном изменении.

Важнейшим фактором, способствующим ускорению смены технологий, является компьютеризация.

Факт. Ученые подсчитали, что сложение и умножение на бумаге дает примерно 12 бит, а ручной счет — только 3 бита информации. Объем памяти микропроцессора 64К содержит свыше 65 тысяч бит информации, которую он способен выдать человеку за доли секунды. И это не предел, скорее только начало.

Вот почему ЭВМ твердо занимает ключевые позиции во всех сферах деятельности человека, особенно в науке, в материальном производстве. Вычислительные центры, автоматизированные системы управления, автоматические линии, ЭВМ, встроенные в современное оборудование, стали широко распространенным явлением.

Электронная техника имеет стратегическое значение в развитии экономики. Не без оснований считают, что со временем о производственном потенциале будут судить не по численности работающих, не по общему техническому уровню развития производства, а по насыщенности его электронными и вычислительными машинами и степени их использования.

Компьютеризация поставила вопрос не только об автоматизации производства, но и об автоматизации процесса переноса научных знаний в производство. Академик В. М. Глушков отмечал, что на крупных производствах центр тяжести все больше переносится с вопроса о совершенствовании чисто

производственной технологии на проблему организации планирования и управления.

Задачу создания новой отрасли индустрии — информационной — мы и должны решать. А пока на этом участке обстановка такова, что наши специалисты стремятся удержать тот разрыв, который возник в развитии по сравнению с капиталистическими странами, не допустить его увеличения. Причин такого состояния много, но главная заключается в неудовлетворительности общей постановки дела, начиная с научных исследований.

Факт. В последнем отчете Академии наук УССР отмечается, что Институт кибернетики АН УССР заключил с ЮНЕСКО 8 лицензионных соглашений. Поощрительные премии были истрачены... на покупку заграничных компьютеров.

Комплексная автоматизация производственных процессов на базе прогрессивных технологий открыла огромный простор для исследований, творчества, конкретных действий. Академик Л. Н. Кошкин считает, что необходим переход от операционных машин к автоматическим линиям на основе качественно новых классов технологических машин — машин роторных и роторно-конвейерных.

Штамповочное и литейное производство, переработка пластмасс, производство резинотехнических изделий и изделий из металлопорошков, стекла и фарфора, фаянса и хрусталя, деревопластиков и асбоцемента, производство строительных материалов — вот тот далеко не полный перечень сфер применения роторно-конвейерной техники. Межотраслевым научно-техническим комплексом «Ротор» уже создано более 200 различных типов автоматических роторных и роторно-конвейерных линий.

В текущей пятилетке намечено разработать более 30 новых образцов роторной техники многоотраслевого назначения, в том числе для пищевой промышленности: линий по производству сосисок, расфасовки и упаковки пищевых продуктов, разлива молока, изготовления и упаковки мороженого и т. д.

Разработка, создание, внедрение и использование роторно-конвейерной технологии — дело ученых, конструкторов, специалистов. Важна идеология этого технологического направления: не повторять известные зарубежные достижения, а искать свои оригинальные пути развития. «Пока мы будем достигать мирового уровня,— писал академик Л. Н. Кошкин,— наши зарубежные коллеги на месте стоять не будут. Значит, чтобы не отстать, мы должны работать с расчетом на опережение ныне известных передовых идей».

Л. Н. Кошкин гибкие автоматизированные производства и системы как одно из направлений совершенствования технологии назвал чумой, занесенной к нам из Японии. В чем здесь дело? Прежде всего в том, что, по словам академика, приходится говорить о разорительной деятельности, когда заходит речь о создании такой новой производственной техники, как роботы, гибкие производственные системы (ГПС) и обрабатывающие центры.

Факт. При проверке Комитетом народного контроля СССР 600 внедренных роботов общей стоимостью 10 миллионов рублей оказалось, что годовой экономический эффект составляет... 0,2 процента затрат, срок их окупаемости в таких условиях — 500 лет. При проверке ГПС эффективных систем практически не оказалось.

Не только в нашей стране, но и за рубежом четко проявляется тенденция роста индивидуального производства, удельный вес которого составляет 70—80 процентов, и уменьшения производства массового. Три четверти всех обрабатываемых механическим способом деталей изготовляется сейчас партиями по 50 штук и меньше. Отсюда большие простои оборудования при индивидуальном использовании.

Выход? Его следует искать в комплексной автоматизации производства, которая осуществляется по нескольким направлениям. Традиционным, наиболее отработанным и утвердившимся средством использования машин, механизмов, приборов являются комплексно-механизированные линии. Но их применение сопряжено с работой значительного числа людей. Более совершенное средство — автоматические линии. Однако они требуют много времени на проектирование и изготовление, дорого стоят, но наиболее серьезный изъян — работа в жестком режиме. Автоматические линии предназначаются для изготовления нескольких, а нередко и одной детали. При смене продукции — ликвидируются.

Не дали ожидаемого результата станки с числовым программным управлением и «обрабатывающие центры». Прогрессивное оборудование «растворилось» в традиционном, работает в среднем чуть больше одной смены, практически в полсилы. Сказывается недостаток квалифицированных кадров обслуживания, математического обеспечения, но особенно дает о себе знать отечественная электроника.

В поиске путей ускорения научно-технического прогресса Госпланом СССР было выработано Положение о создании, изготовлении, комплектной поставке, внедрении и техническом обслуживании гибких автоматизированных систем и модулей,

В текущей пятилетке намечено изготовить более 31 тысячи гибких автоматизированных производственных модулей, около 1400 гибких автоматизированных производственных систем, линий, участков, а также более 1800 комплектов гибких производственных систем.

Экономическая эффективность ГПС, по мнению специалистов, будет достигнута в результате сокращения в 30 раз времени всего производственного цикла, непрерывной круглосуточной работы. Данных об эффективном применении ГПС в настоящее время практически нет. Ссылки делаются исключительно на зарубежный опыт. Своего пока очень мало.

Пример. На Украине используется 51 гибкая производственная система. Коэффициент загрузки ее станков составляет 0,78—0,84, коэффициент сменности такой же, как и у станков с ЧПУ. По производительности труда, трудоемкости механообработки, качеству продукции существенных изменений нет. При стоимости ГПС от 1,5 до 3 миллионов рублей (за границей ГПС стоит не менее 6 миллионов долларов) экономического эффекта практически не наблюдается. Работают они в две смены. Только 20 процентов загружены максимально. Не достигнуто главного — быстрой переналадки на выпуск новой продукции. Практика показывает, что мнение академика Л. Н. Кошкина опровергнуто только Ивановским производственным объединением, которое выпускает конкурентоспособную продукцию.

Ускорение научно-технического прогресса прямо зависит от широкого освоения передовых технологий. В 50-е годы в стране родилась электрошлаковая технология, непрерывная разливка металла, сухое тушение кокса, роторная технология. В 70-е годы к ним добавились микропроцессорная, космическая технология, генная инженерия.

В настоящее время, как отмечалось на XIX Всесоюзной партконференции, на повестку дня встали задачи по внедрению таких интенсивных технологий, как лазерная, плазменная, сверхвысоких давлений, самораспространяющаяся, высокотемпературный синтез. От их широкого практического использования зависит будущее машиностроения, ускорение научно-технического прогресса.

Все это требует коренного изменения в подходе к разработке и внедрению технологий в производстве. В настоящее время ученые Академии наук УССР за год дают 700—800 новых технологий. Являются ли они все прогрессивными? Лишь половина этих технологий внедряется впервые, следовательно, другая половина уже не может причисляться к оригинальным.

Поверхностный подход проявляется и во внедрении технологий. В Киеве, например, промышленные предприятия внедрили в 1986 году 3,3 тысячи мероприятий по технологиям. Что же внедрялось? Литье в кокиль, литье под давлением и другие. При очень «исправных» цифрах по этой статье во всех областях республики лишь единицы таких технологий могут дать коренные изменения в производстве.

Практика показывает: только широкое внедрение прогрессивных, базовых для каждой отрасли технологий, а не разрозненные мероприятия могут обеспечить резкое повышение эффективности производства.

Материальная инженерия

Техника создана из материалов. Причем одни ее образцы изготовляются из обычных, широко применяемых материалов, а другие — из специальных, именуемых материалами с заданными свойствами.

Получить сверхчистый материал, в котором удельный вес чужеродного, нежелательного компонента составляет тысячные, миллионные доли — сложное дело. Еще сложнее обеспечить нужную комбинацию из различных материалов, в том числе сверхчистых. По сути дела, в таких случаях происходит «загрязнение» одного сверхчистого материала другим. Нечто подобное целенаправленно делают металлурги, применяя так называемые «присадки», с целью получения новых свойств металла.

Получение материалов с заданными свойствами, удовлетворяющих нужды ученых, конструкторов, технологов, является одним из достижений научно-технической революции и направлением прогресса техники.

Открытие новых термических, динамических, механических, химических свойств как традиционных, так и новых материалов сопряжено с созданием уникальной аппаратуры, разработкой оригинальных методов исследований с целью «лепки» сплавов, композиционных материалов. Над этим работают целые институты, коллективы ученых разных стран. Тугоплавкие соединения, специальная керамика, огнеупоры, высокотемпературные нагреватели, защитные покрытия — эти и многие другие новшества широко входят в народнохозяйственную практику, пройдя весь цикл «наука — производство».

По мере развития научно-технической революции все более значительное место занимает материаловедение. В последние

два десятилетия далеко вперед шагнула теория неупорядоченных систем. В чем ее суть? По мере развития физики и химии стало ясно, что путем введения в чистые материалы примесей можно получить незаменимые материалы.

Но одно дело просто ввести нужные компоненты в вещество, а другое дело — знать технологию процесса, быть уверенным, что примесь располагается так, как это необходимо. Другими словами, необходимо не просто беспорядочное соединение металлов, неметаллов и металлов, органических и неорганических веществ, а их четкие упорядоченные структуры.

Стремление познать закономерности движения и расположения примесей, найти способы программирования, создания упорядоченных систем — идеальных кристаллических построений — сформировало новое научное направление — теорию неупорядоченных систем.

В настоящее время необходимо все больше материалов диэлектрических, полупроводниковых, металлических, магнитных, сверхпроводящих, которые используются при изготовлении элементов памяти ЭВМ, солнечных батарей, высокочувствительных приборов, применяющихся во многих сферах производства. Польза их несомненна, но, как и везде, здесь остро стоит вопрос повышения их качества и надежности. На это и направлены усилия ученых, занимающихся вопросами теории неупорядоченных систем.

Создание чистых материалов открывает огромные возможности для создания новых материалов путем различных их комбинаций. В кристаллических полупроводниках, например, примеси определяют электрические, оптические и другие полезные, можно сказать, производственные свойства. Именно примеси, внесенные в нужном порядке, выполняют в микроэлектронике роль проводов, составляют электрические цепи.

Допустим, что в кристалле чужеродный материал имеет более высокую химическую активность, чем основной. Тогда лишние электроны, свободно перемещающиеся в материале, придадут ему свойство электропроводности. Если же в чистый материал введено вещество с уступающей ему химической активностью, то возникает состояние, которое физики назвали «дыркой». В этом случае вызывается движение положительного электрического заряда — эффект используемый как для исследований, так и для практических целей.

Манипулируя различными свойствами чистых специальных материалов, физики открыли в кристаллических полупроводниках «стабильные многочастотные примесные комплексы». Открытие ученых позволяет организовать простой способ определения чистоты графита.

Характерная особенность развития материаловедения — превращение предмета труда в активный элемент производства. При создании новой техники нужно все больше специальных металлов, пластмасс, сплавов, пригодных только для сугубо конкретных условий эксплуатации узлов, механизмов, технологий. Заметим, что таких материалов в природе нет в готовом виде.

Успехи на этих направлениях научной деятельности выводят человека на более высокий уровень обобщений, создают предпосылки и возможности для революционных преобразований в предметах труда.

Факт. Ныне производство потребляет огромные массы труда. Количество сырья и топлива доведено до пяти миллиардов тонн ежегодно, а материалов — свыше 900 миллионов тонн. Между тем только один-два процента всего сырья используется полезно. При всех огромных изменениях в материаловедении основным конструкционным материалом остается металл. Производим мы его много, но далеко не того качества, которое необходимо. Уже при разливке стали потери составляют примерно 200 миллионов тонн, еще 10—12 миллионов тонн металла ежегодно уходит в стружку, более 15 миллионов тонн «съедает» коррозия.

XIX партийная конференция поставила задачу всемерного снижения материалоемкости продукции. Решить ее — значит установить оптимальное соотношение между ростом производства материалов и их наиболее рациональным использованием. Другими словами, необходимо добиться, чтобы рост производства продукции опережал рост объема использованных материалов. Возможности материальной инженерии в этом смысле огромны.

Актуальная энергетика

Первый тревожный сигнал о крупных недостатках в развитии энергетики нашей страны прозвучал в середине 80-х годов. До 1975 года добыча нефти, газа, угля в основном удовлетворяла потребности народного хозяйства, но затем она стала значительно отставать от плановых заданий. Особенно сложно стало с добычей нефти — самого удобного вида первичных ресурсов для производства тепла и электроэнергии. Робко, но все же назывались причины такого положения: истощение освоенных месторождений, замедление гео-

логической разведки полезных ископаемых, рост затрат на добычу, отсталость перерабатывающей промышленности. Однако оставался в тени вопрос ускорения научно-технического прогресса в энергетике, без чего невозможно повышать эффективность производства.

Факт. На рубеже десятой и одиннадцатой пятилеток в нашей стране бурили 15—17 миллионов метров скважин в год, то есть в пять раз меньше, чем в США. При этом отечественная промышленность выпускала 550 бурильных станков, а США — 240 штук. Тем не менее у нас эти станки были дефицитными, а США половину своих продавали. Технический и технологический уровень нашей перерабатывающей промышленности позволял лишь «снимать сливки» — получать с тонны нефти только 48 процентов светлого топлива, что почти в два раза уступало соответствующему показателю производства нефтепродуктов в США.

Прошло почти 10 лет, но положение мало изменилось. Почему? В первую очередь потому, что допущены крупные просчеты в политике развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) вообще и в его технической политике.

Практика показывает, что комплексное развитие ТЭК не обеспечивается. Энергетическая программа СССР, нужно признать, не выполняет в полной мере своего экономического и политического предназначения. Напомним ее основные принципы: 1) более эффективно расходовать нефть; 2) максимально быстро развивать ядерную энергетику; 3) форсировать использование относительно дешевых углей Кузнецка, Канско-Ачинска, Экибастуза; 4) начать форсированный рост добычи, транспортировки и использования природного газа; 5) углубление электрификации народного хозяйства; 6) проведение активной энергосберегающей политики. Программа также ориентирует на то, что в ближайшем обозримом будущем ТЭК будет базироваться на использовании ядерного горючего и угля.

На наш взгляд, главная причина того, что основные принципы Энергетической программы СССР воплощаются в жизнь крайне медленно, состоит в громадных трудностях преодоления инерции экономического и научно-технического развития прошлых лет. В первую очередь это касается гигантомании в энергетике в ущерб ее «малым формам».

Не требует особых доказательств то, что развитие энергетики должно пойти по пути комплексного развития, создания энергетических комплексов нового типа. Ученые считают, что развитие ТЭК должно идти так, чтобы создавать два основ-

ных вида энергии: водород и электричество. Производство водорода пока еще очень дорого обходится, а потому все наши практические действия связаны с универсальной электрической энергией.

Подчеркнем в связи с этим одну интересную деталь. И сегодня наблюдается стремление к централизации производства и использования электрической энергии. Думается, что и здесь не замечен (или игнорируется) поворот, который осуществляют экономически развитые страны, поворот к созданию автономных энергетических комплексов.

В Крыму, как известно, построена солнечная электростанция мощностью 5 тысяч кВт. Ее включили в государственную энергосистему, обслуживающему персоналу платят зарплату и премии, как и всем остальным эксплуатационникам. Вместе с тем «традиционные» энергетики смотрят на «солнечных собратьев» снисходительно, мол, затраты на вашу затею немалые, а электроэнергии даете, что кот наплакал. А тут еще для наводки солнечной станции «на резкость» нужно строить АСУ стоимостью не менее 10 миллионов рублей. Понятно, что не просто идти на все эти расходы: дефицит электроэнергии и так, что называется, «берет за горло».

Однако жизнь сегодня требует ставить и решать вопросы использования нетрадиционных видов энергии. Но мы не должны забывать, что за последнюю четверть века используем энергии в два раза больше, чем за предшествующую историю. Сегодня человек уже сжег четверть промышленных запасов угля и треть нефти. Последствия такой деятельности начинают сравниваться с глобальными природными процессами. Именно поэтому так актуален вопрос изменения качества энергии. Как уже отмечалось, будущее энергетики специалисты связывают с союзом угля и атома, а в отдаленной перспективе — с управляемым термоядерным синтезом. Нефть и газ нужно беречь для технологических нужд, что же касается угля, то дается он с большим трудом.

Факт. В 1980 году дотация государства угольной промышленности составляла около 900 миллионов рублей. В настоящее время убыточность добычи угля стала еще больше. По оценкам специалистов, оптовая цена на уголь снова будет повышена в 1,7 раза.

Причин такого положения много, но главные, на наш взгляд, две — отсутствие современной высокопроизводительной техники и засилие в производстве энергоемких технологий. Экономический механизм, который формируется в стране, должен быть направлен на преодоление этих недостатков.

В настоящее время лицо каждого государства определяет уровень обеспечения производства энергией. Основную ее часть мы получаем путем сжигания минерального топлива, примерно пятую часть дают гидроэлектростанции и 10 процентов — атомные станции. Задача состоит в том, чтобы изменить структуру источников энергии, что равнозначно получению энергии нового качества.

Несмотря на громадные материальные и моральные потери, к которым привела авария на Чернобыльской АЭС, атомная энергетика остается эффективным катализатором научно-технического прогресса, стержневым его направлением.

Факт. В мире работает 400 атомных блоков и около 100 атомных станций строится. Во Франции почти 70 процентов всей производимой электроэнергии дают АЭС, в Швеции этот показатель составляет более 50 процентов, в ФРГ — почти 30, в Японии — 25 процентов.

Повышение эффективности энергетики сопряжено с улучшением использования накопленных мощностей и созданием принципиально новых. Вся эта колоссальная работа должна освободить человека от той прямой и кабальной зависимости, в какой он находится по отношению к энергии. Ведь сегодня в нашей стране сложилась обстановка, когда народное хозяйство всецело зависит от энергетики. А должно быть наоборот: энергетика призвана служить потребностям производства. Очевидно, что это возможно только на путях развития научно-технического прогресса. Взаимодействие и взаимовлияние НТП и прогресса энергетики таковы, что их развитие порознь просто исключено.

Живая ткань

Человек — главная производительная сила общества. Он может преодолевать земное притяжение, создавать космический вакуум на Земле, выводить земные «дома» в Космос, вызывать искусственный дождь, поднимать с глубин земных природные ресурсы, выращивать хлеб... Все это возможно потому, что человек — творец техники и ее властелин.

Техника, как и человек, рождается и умирает, постоянно совершенствуясь. Прогресс техники — благо, застой ее развития — катастрофа. Вся история цивилизации связана с прогрессом техники, с ней неразрывно связано будущее человека. Научно-технический прогресс, необходимость его ускорения повышает роль человеческого фактора.

Издавна известна истина: кто разумно смотрит на мир, на того и мир смотрит разумно. Научно-техническая революция питается энергией разума, который имеет единственную основу — научное познание. И неспроста, поставив вопрос о совершенствовании управления научно-техническим прогрессом, XIX Всесоюзная конференция КПСС решительно высказалась за активизацию интеллектуального, духовного потенциала общества.

От частого, порой бесцельного повторения превратилась в банальность глубокая по своему содержанию мысль: новое, передовое может творить только высококультурный человек. И когда речь заходит о научно-техническом прогрессе, то в первую очередь предполагается сознательное, творческое применение науки.

Технический прогресс требует настоящих профессионалов своего дела в среде ученых, инженеров, рабочих. И еще нужна самоотдача. Кошкин в Москве, Кабаидзе в Иваново, Костромин в Харькове, Москаленко в Сумах делают немалый вклад в ускорение научно-технического прогресса потому, что по духу, по призванию являются новаторами, глубоко понимают нынешнюю обстановку в стране и соответственно действуют — решительно, часто на свой страх и риск. У такой категории людей сильно развит личный интерес. Они умеют превращать его в интерес коллективов, а там уж и прямая дорога к общественному интересу, высокой содержательности которого нам так недостает.

В жизни, однако, бывает далеко не так. Создается впечатление, что каждый норовит делать не свое, а чужое дело, а что касается вопроса «насчет помозговать», то это, мол, личное дело каждого.

Пример. Герой Социалистического Труда, заслуженный рационализатор УССР Н. Губенко изобрел отличную машину демонтажа и монтажа роликовых букс железнодорожных вагонов. Слава о ней настолько широко разошлась, что министр дал указание ученым, конструкторам, технологам снять копию с изделия и пустить машину в серийное производство, то есть предложил им заняться своим делом. И что же? Изучая машину, дипломированные спецы сделали много замечаний автору по поводу ее теоретических и конструктивных недоработок. А созданная промышленная машина не проработала и года. Авторская же машина работает десять лет без ремонта. Урок того, как люди делят дело на свое и чужое.

У нас сейчас сложилось положение, когда технику внедряют ее создатели: академики, доктора и кандидаты наук, на-

учные сотрудники. А что же делают те, кому по штатному научно-техническому расписанию, если можно так сказать, положено это делать? А они просто помогают ученым. Вот так и работаем коллективно, вместе и дружно повышаем эффективность работы системы «наука — производство», а за скромные результаты спросить не с кого. Взять, к примеру, расчетный уровень экономического эффекта новой техники. Он всегда выше реального, причем в несколько раз.

Отраслевые институты и научные организации Украины дали в 1987 году по два с лишним рубля расчетной прибыли на рубль затрат, а техника постоянно дорожает, повышается тем самым себестоимость продукции потребителей и в конце концов растут розничные цены.

Системе «человек — машина — человек» нужна хорошая организация создания и использования новой техники. Никто за человека эту миссию не выполнит. При всех положительных сдвигах, происшедших в улучшении организации дела вообще, в системе организации научно-технических работ мало что изменилось. Все надежды на программы: целевые и комплексные, межотраслевые и республиканские, отраслевые и региональные. А теперь к ним прибавились еще технологические программы. Программно-целевой метод управления сам по себе не может вызывать сомнений, но многие программы под призывным флагом подают обыкновенный набор мероприятий из планов.

Научно-технический прогресс должен иметь свою идеологию и быть подкреплен соответствующей идеологической работой. А этого еще явно недостает. Вопрос вполне объяснимый: в стране только начался процесс формирования нового экономического мышления, которым должны овладеть кадры всех уровней. Громадные дополнительные возможности откроются тогда, когда информированные, творчески мыслящие люди станут сознательно кооперировать свои усилия ради общей цели.

Долгое время на научно-технической ниве собирался довольно скудный урожай. Идеологической работой партийных, советских и общественных органов подменялась идеология научно-технического прогресса, иллюзия прямого воздействия идеологической работы на научно-технический прогресс принималась за реальный факт.

Сейчас можно сказать, что идеология научно-технического прогресса призвана способствовать формированию условий заинтересованности постоянного ускорения НТП, выгодности для всех участников и, что очень важно, престижности всей научно-технической работы.

Почти шесть десятилетий не ставился так вопрос: социализм и рынок, социализм и конкуренция. Считалось, что это несовместимые понятия. Но сегодня сама жизнь заставляет преодолеть предубеждение к товарно-денежным отношениям, их недооценку в практике планового руководства экономикой. Научный анализ нынешней социальной действительности не подтверждает опасений «дотоварников» об отрицательном влиянии товарно-денежных отношений на производство и сознание человека.

Доктор экономических наук **Александр Михайлович Невелев** в очередной главе развивает некоторые аспекты данных проблем.

7

ПРОТИВОЗАТРАТНОСТЬ: НОВЫЙ ПОДХОД

В нашей стране не впервые предпринимается попытка поднять эффективность хозяйствования. И раньше принимались серьезные решения, вырабатывались различные научно-технические программы. На их реализацию выделялись огромные ресурсы. Однако все эти решения и программы, сами по себе верные, необходимых результатов не давали. Почему? Да потому, что ресурсы вкладывались и использовались в неэффективной хозяйственной системе, в основе которой лежали затратные, валовые подходы.

Необходимо отметить, что и в настоящее время движение нашей экономики сдерживается из-за дефицита ресурсов. И во многих случаях этот дефицит искусственный: продолжает действовать затратный механизм, который десятилетиями раскручивался командно-административной системой управления.

Практика хозяйствования последних лет со всей очевидностью показала несостоятельность командных методов управления как экономикой в целом, так и процессом воспроизводства материальных ресурсов в частности.

В чем же состоят главные недостатки административного стиля управления производством, распределением и обращением материально-технических ресурсов? Прежде всего в том, что решение управленца не всегда учитывало экономическую реальность. В таких случаях не оставалось ничего другого, кроме как утверждать, что решению вопроса помешали «ведомственные барьеры», «местничество» и т. п. Причем это отнюдь не единичные случаи. Такое положение при сложившейся командной системе управления экономикой можно назвать закономерным: ведь нереально обеспечить согласованность решений огромной массы управленцев, каждый из которых, в рамках своей компетенции и исходя из интересов своего ведомства, имеет собственное субъективное мнение.

Причем рассогласование управленческих решений — это необязательно следствие некомпетентности или недобросовестности того или иного должностного лица. Здесь виновата сама система управления. Дело в том, что процесс воспроизводства материальных ресурсов настолько усложнился и увеличился по масштабам, что уследить за всеми его нюансами централизованно практически невозможно. А попытки все возрастающего аппарата управления это сделать превращали принимаемые им решения в тормоз экономики.

Так, росчерком пера «урезалась» расчетная потребность предприятий в материальных ресурсах и в то же время осуществлялось их «силовое распределение», даже если это не соответствовало потребностям заказчиков, не выделялись необходимые ресурсы на ремонтно-эксплуатационные нужды, что зачастую приводило к авариям на производстве, ради наращивания объемов планировался выпуск продукции, не имеющей спроса и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что все эти отрицательные явления в экономике происходили не по чьей-то злой воле. Главная их причина — в нарушении органического единства и оптимального сочетания административных и экономических методов управления. Решение практически всех вопросов планирования, производства и распределения материальных ресурсов было прерогативой центральных плановых и хозяйственных органов, оторванных от конкретных нужд и интересов трудовых коллективов. В результате административные интересы вступали в противоречие с экономическими.

В этих условиях партией принят новый стратегический курс на коренную перестройку управления экономикой. В ряду важнейших теоретических положений, лежащих в основе концепции радикальной экономической реформы, стоит выработка новых подходов к управлению воспроизводством материальных ресурсов. Суть этого подхода можно свести к трем основным аспектам:

1. Интенсификация ресурсопотребления, что означает максимально эффективное использование накопленного потенциала предметов труда.

2. Создание предпосылок для внедрения экономических методов регулирования процесса воспроизводства материальных ресурсов.

3. Перестройка форм и методов организации материально-технического обеспечения общественных потребностей.

Теперь более подробно рассмотрим названные аспекты, попробуем очертить круг основных проблем, требующих безотлагательного решения.

От убытков к доходам

До самого последнего времени проблемы экономии материальных ресурсов, повышения эффективности использования сырья и материалов, топлива и энергии, машин и оборудования хозяйственников всерьез не волновали.

Несмотря на то, что в планах экономического и социального развития регулярно предусматривались задания по ресурсосбережению, разрабатывались различные нормативные документы, направленные на усиление режима экономии, использовались да и используются материальные ресурсы на практике весьма неэффективно. Примеров бесхозяйственного отношения к природным и экономическим ресурсам, к сожалению, не счесть. Вот только некоторые из них.

Факт. Общая величина потерь в добывающих отраслях составляет до 40 процентов добываемой массы ресурсов. В недрах земли остается от 50 до 70 процентов природного запаса нефти, до 30 — угля, до 20 — железной руды, до 30 процентов фосфатов и т. д.

А ведь все это сырье не возобновляемо! И для такого расточительства трудно найти оправдание, особенно перед нашими потомками.

Факт. В стране ежегодно теряются сотни миллионов тонн условного топлива, свыше 30 миллионов тонн металла. Потери цемента в общем объеме его производства составляют около 15 процентов, стекла — 18, кирпича — 20 процентов. При транспортировке и хранении теряются миллионы тонн продукции, особенно сыпучих грузов. Потери сельскохозяйственной продукции составляют от 20 до 30 процентов.

Но и те виды сырья, материалов и топливно-энергетических ресурсов, которые поступают непосредственно в сферу производства, используются недостаточно эффективно. Говоря конкретнее, на единицу конечного продукта у нас больше, чем в США, расходуется стали — в 1,75 раза, цемента — в 2,3, минеральных удобрений — в 1,6 раза.

В стране ежегодно пережигается до восьми миллионов тонн бензина из-за отставания в переводе автопарка на дизельные двигатели, свыше 20 миллионов тонн условного топлива перерасходуется из-за несовершенства оборудования тепловых электростанций. Длительное время на нефтеразработках в факелах бесполезно сжигается ежегодно 13 милли-

ардов кубометров попутного нефтяного газа. Таким образом сгорело богатств на многие миллиарды рублей.

Возникает вопрос: неужели именно такое отношение к природным и экономическим ресурсам присуще социализму, общественной собственности на средства производства?

Сейчас часто высказываются мнения о том, что главной причиной бесхозяйственности является отношение людей к общественной собственности как к абстрактному понятию, означающему «раз общее — значит ничье». Действительно, отношения общественной собственности оказались у нас сильно деформированными. И прямым выражением этих деформаций стала утрата хозяйского отношения к труду и его результатам. Централизованное планирование, жесткая регламентация деятельности предприятий, перераспределение ресурсов, централизация хозяйственного руководства, подрыв хозяйственных основ организации производства практически не оставили места для реализации трудовым коллективом, каждым тружеником их положения собственников, хозяев производства. А потеря заинтересованности и инициативы в развитии производства равносильна его торможению.

Вот почему столь неотложными являются меры, направленные на обновление системы общественных отношений. Их реализация позволит открыть максимальный простор самоуправлению общества, создать условия для полного развития творческой инициативы трудящихся, неразрывно увязать общественные и личные интересы.

Для социализма экономия всех видов ресурсов — задача не только экономическая, но и социально-политическая. Ведь каждый рубль, сэкономленный в процессе общественного производства, превращается в дополнительные материальные блага, которые направляются на улучшение условий жизни советского народа. Подсчитано, например, что снижение материальных затрат в размере одной копейки на рубль общественного продукта позволит получить в целом по стране дополнительно 14 миллиардов рублей национального дохода.

Противозатратный подход к использованию материальных ресурсов особенно важен сегодня и потому, что при нынешнем уровне экономического развития ресурсообеспечение общественных потребностей связано с огромными, все возрастающими затратами общественного труда. С ростом масштабов общественного производства непрерывно возрастает потребность в средствах производства. По оценкам специалистов, количество потребляемого в народном хозяйстве сырья, материалов, топлива и энергии каждые 10—15 лет удваивается. Одновременно с этим усложняются условия получения минерально-

сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. Если еще полтора десятка лет назад на добычу одной тонны нефти затрачивалось 46 рублей, то в 1985 году — уже 88 рублей, а к 1990 году эти затраты составят примерно 130 рублей. За последние годы увеличилась более чем в два раза себестоимость минерального сырья и газа, почти втрое возросли удельные капиталовложения на добычу железной руды. Это вызвано усложнением горно-геологических условий разработки месторождений, освоением источников природных ресурсов в отдаленных труднодоступных районах страны. Сегодня значительное количество угля и нефти, лесоматериалов и минерального сырья завозится в европейскую часть СССР из восточных и северных районов страны, что обусловливает их удорожание.

И проблема здесь не в том, чтобы покрыть дополнительные расходы на ресурсы. Речь идет о формировании нового экономического мышления, о понимании того, что экстенсивный путь ресурсообеспечения обрекает экономику на застой, ведет к искажению структурной и инвестиционной политики, к снижению эффективности общественного производства.

Расчеты показывают: если и дальше обеспечивать намеченный прирост национального дохода в основном на экстенсивной основе, то для этого потребуется каждую пятилетку увеличивать добычу топлива на 10—15 процентов, объем капитальных вложений — на 30—40 процентов, а в народное хозяйство вовлекать дополнительно 8—10 миллионов человек. Такими возможностями наша страна просто не располагает. Да и необходимости в этом нет: достаточно по-хозяйски распорядиться имеющимися ресурсами.

Что это означает на практике? Прежде всего то, что интенсивные факторы должны играть все большую и постоянно возрастающую роль в обеспечении роста производства и повышении его эффективности за счет снижения материалоемкости, увеличения выхода конечной продукции из каждой вкладываемой единицы материальных ресурсов, сокращения потерь и полного использования отходов. При этом необходимо добиваться повышения качества продукции, улучшения ее потребительских свойств. Иначе говоря, требуется решительный переход на интенсивные методы ресурсопотребления.

В таких условиях одна из главнейших целей государственного плана — своевременно предусмотреть структурные изменения в отраслях народного хозяйства, сконцентрировать ресурсы на решении важнейших стратегических задач. Сегодня важно не повторить ошибки вчерашнего дня, когда мы обильно «кормили», например, устаревшие отрасли «индустрии ды-

мовых труб», оставив на «голодном пайке» такие важнейшие отрасли, как электроника, производство товаров для народа. Мы гипертрофированно развивали так называемую большую металлургию, которая дает много тонн низкокачественного металла, зато жалели средства на электрометаллургию, на развитие непрерывных процессов литья и прокатки металла, термическое упрочение легированных сталей. Вот где надо искать основы затратности!

На расточительство, разоряющее страну, долгое время толкало (да и продолжает еще толкать) плановиков и других управленцев прямо-таки болезненное стремление к росту объемов производства, стремление добыть еще больше руды, выплавить больше стали, перекрыть план по выпуску обуви (неважно какого качества) и т. д. и т. п. Вот где корни затратного механизма!

Интенсификация ресурсосбережения должна пониматься ныне как процесс обеспечения роста объема полезных результатов производства при относительной стабильности затрат общественного труда. Применительно к материальным ресурсам это означает выпуск все больших объемов продукции из тех же объемов материальных ресурсов и при тех же энергозатратах.

Естественно, что обойтись без дополнительных ресурсов экономика не сможет. Однако экстенсивные пути ресурсообеспечения должны быть рациональными, то есть их необходимо использовать только после исчерпания всех интенсивных факторов ресурсопотребления.

В настоящее время уже просматривается ресурсосберегающий подход к развитию общественного производства. Во главу угла ставится коренное повышение эффективности использования материальных ресурсов, обеспечение прироста выпуска продукции прежде всего за счет усиления режима экономии сырья, материалов, топлива и энергии. В частности, объектом планирования стали вторичные ресурсы. Проведена перепись накопленных и вновь образующихся промышленных отходов и попутных продуктов производства, налаживается их ежегодная паспортизация. Разработаны отраслевые и региональные программы их использования, создаются общесоюзная и отраслевые системы информации о них. Есть и определенные фактические результаты. Так, в 1987 году было высвобождено первичного сырья и материалов за счет использования вторичных ресурсов на 13,4 миллиарда рублей. К 1990 году эту цифру намечено увеличить до 15 миллиардов.

Государственная программа использования важнейших видов вторичных ресурсов на нынешнюю пятилетку и на пе-

риод до 2000 года предусматривает к концу века удвоить их утилизацию и довести их долю в потреблении соответствующих видов сырья и материалов до 18—20 процентов. Правда, хотя в этой программе и оговорено, что задания должны рассматриваться министерствами как минимальные, все же следует признать, что заложена в нее все та же прежняя динамика роста «от достигнутого». Об этом свидетельствуют хотя бы такие данные. Золу и шлаки электростанций предназначается к концу века пускать в дело до 50 миллионов тонн в год. Но ведь это только половина того, что уже сегодня выбрасывается в отвалы! Сколько же накопится таких отходов к 2000 году?

К сожалению, объемы отходов у нас в стране все так же растут в два-три раза быстрее, чем объемы производства. При этом большинство отходов используется в мизерных объемах, а многие из них вообще не перерабатываются. В результате приходится тратить колоссальные деньги, чтобы куда-то вывезти, свалить, пристроить эту лавину отходов. И в то же время еще бо́льшие деньги тратятся на добычу природного сырья, без которого вполне можно обойтись, если пустить в дело отходы. Нужна резкая переориентация на использование вторичных ресурсов, на широкое применение малоотходных и ресурсосберегающих, а не затратных технологий. Только на основе таких подходов убытки можно превратить в доходы. Для этого требуется целый комплекс мер — организационных, правовых и экономических. То есть необходима гибкая и последовательная государственная политика, поощряющая отрасли, регионы и предприятия в экономном использовании ресурсов.

Задействовать экономические рычаги

Важнейшее место в такой политике призваны занять экономические методы регулирования процесса воспроизводства материальных ресурсов. Новый подход к воспроизводству материальных ресурсов, как показывает практика, может быть реализован только при условии, когда экономические соображения будут превалировать над волевыми, административными решениями, которые зачастую принимаются для сиюминутной выгоды без учета экономических последствий или на основании устаревших инструкций, не учитывающих конкретную хозяйственную обстановку.

Сегодня необходим целостный экономический механизм,

который, исходя из народнохозяйственных интересов и опираясь на хозрасчетные интересы трудовых коллективов, нацеливал бы отрасли и отдельные предприятия на рациональное потребление материальных ресурсов. Такой механизм успешно функционировать сможет лишь в условиях широкого использования в практике хозяйствования товарно-денежных отношений. При этом он должен отвечать следующим основным требованиям.

1. Необходимо установление хозрасчетных отношений между всеми участниками управления воспроизводственным процессом, то есть создание условий, при которых функционировал бы единый, затрагивающий всех контрагентов, хозяйственный механизм.

Введение хозрасчета лишь на предприятиях не даст ожидаемого эффекта. Исключение какого-либо звена из единой цепи взаимосвязей органов управления материальными ресурсами нарушает общую систему товарно-денежных отношений в экономике со всеми вытекающими последствиями. Только установление единого подхода и создание единых условий подлинного хозрасчета для плановых, снабженческих и хозяйственных органов смогут обеспечить успех радикальной перестройки управления экономикой.

Кстати, неудача экономической реформы 1965 года в значительной степени объясняется тем, что тогда не был создан единый хозяйственный механизм: хозрасчетные отношения были внедрены только в первичных производственных звеньях, а все вышестоящие органы управления (плановые, хозяйственные, снабженческие) продолжали осуществлять административное руководство без какой-либо экономической ответственности за результаты своей деятельности.

Между тем деятельность всей системы органов управления материальным производством, функционирующих в новых условиях хозяйствования, предполагает единство цели и ответственности за результаты производственной деятельности. Выделение из этой взаимосвязанной организационной цепи какого-либо звена неминуемо ведет к разрыву всей цепи взаимоотношений и в конечном счете к неудаче экономической реформы.

Для того чтобы предприятия эффективно работали в новых условиях хозяйствования, необходима перестройка структуры производства, активное плановое противодействие сложившимся негативным тенденциям. Важно создать новый экономический механизм хозяйствования, охватывающий системой хозрасчетных отношений все без исключения органы и уровни управления материальным производством.

2. Необходима перестройка финансово-кредитного механизма и системы ценообразования.

Широкое применение экономических методов в управлении материальными ресурсами обусловливает тесную увязку процесса перестройки этого процесса с перестройкой ценообразования и финансово-кредитного механизма. Практика показывает, что подлинное внедрение полного хозрасчета в материальном производстве невозможно без научно обоснованных цен на сырье, материалы, готовую продукцию, отходы производства, побочные и попутные продукты основного производственного процесса.

Чем вызвана необходимость совершенствования системы ценообразования в условиях нового хозяйственного механизма?

Дело в том, что действующая до последнего времени система ценообразования сложилась в условиях экстенсивного развития экономики, в ней накопились крупные недостатки и диспропорции. Цены на многие виды продукции не отражают общественно необходимых затрат на производство, недостаточно учитывают технологические, конструкторские и эксплуатационные особенности выпускаемой продукции. Поэтому действующие цены не создают условий для придания финансовому механизму регулирующей роли в повышении эффективности общественного производства.

Ведь до сих пор огромные непроизводительные расходы предприятий на транспортировку тех же отходов в отвалы и на содержание таких отвалов «законным» образом относятся на себестоимость продукции, и цены на нее устанавливаются с учетом этих затрат. Так за бесхозяйственность производителей приходится расплачиваться потребителям.

Действующие ныне цены на взаимозаменяемые виды ресурсов побуждают предприятия покупать первичное сырье. Например, при изготовлении стеклотары приоритет отдается не стеклобою, а кальцинированной соде: она попросту дешевле, хотя значительная часть ее завозится из-за рубежа. По этим же причинам не увеличиваются мощности по переработке макулатуры. До сих пор у предприятий нет заинтересованности в экономии топлива и электроэнергии, которые продаются по очень низкой цене.

В связи с этим возникает еще ряд вопросов: почему общество на протяжении многих лет мирилось с создавшимся положением? Почему роль цены ограничивалась лишь учетно-расчетными функциями? Почему в области финансов и денежного обращения существовал и даже увеличивался отрыв

оборота финансовых и кредитных ресурсов, денежных средств от движения материальных ценностей?

Ответ здесь однозначен: потому, что в условиях командно-приказных методов ведения хозяйства экономические аспекты хозяйственной деятельности отступают на задний план, они просто не принимаются во внимание, если стоит задача обеспечить план любой ценой.

Радикальная перестройка финансово-кредитной системы и состоит в том, чтобы превратить финансы и кредит в один из важнейших инструментов, обеспечивающих органическое включение товарно-денежных отношений в механизм планового управления экономикой. И важнейшим условием того, чтобы новый хозяйственный механизм работал в полную силу, является приведение денежного оборота в соответствие с оборотом материальных ресурсов.

При пересмотре оптовых, закупочных и розничных цен важно последовательно отражать в них общественно необходимые затраты на производство и реализацию продукции, ее потребительские свойства, качество. В ценах должны быть учтены плата за производственные фонды, трудовые и природные ресурсы, а также расходы на охрану окружающей среды. Система ценообразования вместе с соответствующими экономическими нормативами надбавок и скидок с цен призвана повысить эффективность производства и использования всех видов материальных ресурсов.

3. Необходимо признание и учет на практике особой роли рыночных отношений при социализме.

Все названные выше недостатки системы цен невозможно исправить без учета товарно-денежных отношений. За многие годы в оценке и анализе товарных отношений утвердился метафизический подход, когда товарное производство и товарно-денежные отношения противопоставлялись плановой экономике. Этому способствовала практика централизованного планирования народного хозяйства с его административно-командным характером. И понятно, что при таком подходе к управлению хозяйством, когда через централизованный план решались вопросы: что производить, кому поставлять и по какой цене, проблемы товарного производства и закон стоимости оставались в стороне. При этом не могло быть и речи о влиянии рынка на производство и ценообразование, поскольку централизация материального снабжения, ее распределенческий принцип породили иждивенчество и безынициативность как производителя, так и потребителя. Продукция выпускалась по планам, спущенным сверху, а покупалась по нарядам, в соответствии с которыми распределяются материальные

фонды. Заключение договоров на поставку продукции превратилось в чистую формальность.

Важнейшим принципом нового хозяйственного механизма является «воссоединение» производства и потребления, обеспечение тесной взаимосвязи между ними. Решить эту задачу без активизации товарно-денежных отношений и рынка невозможно. Хозяйственный договор на поставку продукции должен быть превращен из формального документа в творческий, формирующий в значительной части планы производства и поставки самими предприятиями и организациями, где требования покупателя будут играть решающую роль. Цены при этом будут выступать в качестве регулятора производства и потребления, своего рода «канала» двусторонней экономической информации и о затратах на продукцию, и о платежеспособном спросе потребительского рынка.

Следует подчеркнуть, что усиление роли рыночных отношений в регулировании экономики не означает вытеснения планового начала в управлении народным хозяйством. И здесь неправомерно ставить вопрос: или план, или рынок. Преодоление отставания нашей экономики, выход на мировой уровень организации производства, эффективности и качества невозможны без использования обоих начал управления — централизованного руководства (план) и децентрализованных отношений между предприятиями, основанных на товарном производстве (рынке). Торговля средствами производства, цена, кредит, экономические нормативы в новой системе управления становятся инструментами планового производства.

Взаимосвязь централизованного планирования и рыночных отношений обусловливает в новых условиях хозяйствования эффективность управления процессом воспроизводства материальных ресурсов.

Недооценка рынка привела к дефициту почти всех видов сырья и материалов и в то же время к накоплению огромных запасов материальных ресурсов. Выпуск товаров низкого качества и высокой стоимости — также результат отсутствия рынка средств производства: государство гарантировало сбыт любой продукции (даже не соответствующей требованиям потребителей), производимой с ненормально высокими затратами.

Для исправления такого положения на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС и на XIX Всесоюзной партконференции было выдвинуто требование ускорить переход к оптовой торговле средствами производства, которая позволит избавиться и от дефицита, и от излишних запасов материальных ценностей.

Практика уже сегодня показывает, что по многим видам продуктов хозрасчетные предприятия в условиях оптовой торговли предъявляют меньший спрос, чем при распределении по лимитам.

Лимитирование материальных ресурсов может быть оправдано лишь по тем их видам, по которым спрос превышает мощности производства. Чтобы ликвидировать такое лимитирование, необходимо избавиться от дефицита ресурсов. А этого нельзя добиться без перестройки планирования, не научившись управлять платежеспособным спросом, не овладев методами прогнозирования спроса на различные виды материальных ресурсов, сопоставления его с имеющимися мощностями. Другими словами, на практике должна быть обеспечена взаимосвязь двух взаимодополняющих положений — централизованного государственного планирования и рыночного регулирования общественного производства, основанного на максимальном учете конкретных потребностей.

Сущность увязки плановых показателей и рыночных отношений заключается, во-первых, в планомерном установлении «сверху» общественно необходимых целей экономического развития и обеспечивающих их достижение исходных данных планирования (контрольных цифр, госзаказов, лимитов, экономических нормативов) и, во-вторых, в формировании народнохозяйственного плана «снизу», на основе самостоятельных экономических разработок предприятий (объединений) с учетом законов рынка. Это означает, что планы производства предприятий (в дополнение к госзаказам) будут формироваться на основе прямых заказов потребителей. Таким образом, в условиях хозяйственного расчета потребитель закажет и возьмет только такой товар, который в наибольшей мере удовлетворяет его потребности.

Как не затронуть в этой связи некоторые вопросы использования госзаказов. Опыт 1988 года показал, что государственные заказы остались по существу административно установленными заданиями. Они включили в себя подавляющую часть продукции, а в некоторых отраслях — практически весь объем продукции. При этом зачастую заказы оказывались не сбалансированными с лимитами материальных ресурсов и производственными мощностями. Подобное положение только дискредитирует реформу.

Учет требований рынка позволит существенно повысить действенность (обоснованность) плана. Потребительский спрос настолько подвижен и динамичен, что централизованный план, даже составленный с помощью самых современных технических средств, не в состоянии учесть все изменения. Этого

удастся достичь благодаря прямым оперативным взаимоотношениям потребителя с производителем.

В новых условиях хозяйствования претерпевает серьезные изменения организация управления материальными ресурсами. В чем же суть этих изменений? Прежде всего в том, что по-новому формируются планы производства материальных ресурсов, а их распределение осуществляется как в централизованном порядке, так и в порядке оптовой торговли. Важнейшим аспектом перестройки управления процессом воспроизводства материальных ресурсов является перенос центра тяжести этой работы на предприятия (объединения), поскольку именно здесь производятся те средства производства и предметы потребления, которые составляют в конечном итоге общественные потребности, и в то же время здесь потребляется основная часть совокупного общественного продукта.

С одной стороны, социалистическое предприятие, выпуская тот или иной товар, обеспечивает общественные потребности материальными ресурсами, а с другой — его производственная деятельность зависит от эффективности того же процесса снабжения. Тем самым предприятие как бы находится в двойственном положении, выступая одновременно и поставщиком, и потребителем материальных ресурсов. Такова суть материально-технического обеспечения общественных потребностей в условиях разделения общественного труда. Ее необходимо учитывать при разработке мер по совершенствованию управления системой материально-технического обеспечения общественных потребностей. В основе этой работы должно лежать превращение управления снабжением в органическую часть целостной системы управления социалистической экономикой, основанной на преимущественном использовании экономических рычагов и стимулов. Целью материально-технического снабжения является обеспечение эффективного и устойчивого развития всей экономики, каждого объединения и предприятия, рациональное использование материальных ресурсов.

Суть изменений в системе управления материальными ресурсами можно свести к следующим основным положениям.

Во-первых, предприятия на практике становятся основным звеном в формировании плана производства, отвечающего общественным потребностям в материальных ресурсах. Это отвечает положениям Закона СССР о государственном предприятии (объединении), в соответствии с которым предприятия самостоятельно разрабатывают и утверждают свой пятилетний план, в том числе производственную программу. Централизованно предприятию устанавливается лишь объем и номенклатура госзаказов, которые в перспективе должны умень-

шаться и быть доведены до минимально необходимого уровня. Часть производственных мощностей, не занятых под выполнение госзаказа, используется предприятием самостоятельно на основе заказов потребителей и территориальных органов материально-технического снабжения, прямых договоров с потребителями.

Во-вторых, потребности конкретных потребителей в тех или иных ресурсах намечено удовлетворять в основном без участия многочисленных плановых, снабженческих и хозяйственных органов. Это обусловлено тем, что в настоящее время распределение (реализация) материальных ресурсов предприятиями-производителями осуществляется только по двум каналам: централизованно, то есть по лимитам (фондам), и через систему оптовой торговли. Причем по мере развития и углубления новых методов хозяйствования сфера централизованного распределения материальных ресурсов должна сокращаться. Предполагается, что объем централизованно распределяемых ресурсов будет занимать в перспективе примерно 20—25 процентов общего объема распределяемых ресурсов. Вся остальная масса средств производства и предметов потребления должна распределяться непосредственно предприятиями-изготовителями на основе прямых заказов потребителей или через посредников — территориальные органы Госснаба СССР.

В-третьих, переход к преимущественно экономическим методам управления процессом воспроизводства материальных ресурсов, основанным на широком использовании товарно-денежных отношений, призван «заставить» всех участников процесса производства, распределения, обращения и потребления материально-технических ресурсов быть действительно заинтересованными в их рациональном и эффективном использовании.

Как распределять ресурсы?

Итак, среди основных причин напряженного положения с материально-техническим обеспечением в нашей стране мы выделили фондовое распределение всех без исключения материальных ресурсов, которое приводило к их искусственному дефициту.

Означает ли это, что кардинальная реформа управления экономикой должна начисто отмести идею централизованного управления ресурсораспределением? Конечно, нет. Государст-

венное управление (по крайней мере в ближайшие десятилетия) предполагает наличие рычагов централизованного воздействия на экономику не только с помощью экономических методов, но и путем установления конкретных заданий в интересах народного хозяйства.

Принятый ныне порядок организации снабжения потребителей материальными ресурсами также предусматривает централизованное распределение ресурсов как неотъемлемый компонент плановой системы управления материальным производством, составную часть организации материально-технического снабжения.

Новый подход к управлению материальным производством и распределением ресурсов предполагает оптимальную увязку административных и экономических методов в планомерном обеспечении общественных потребностей с приоритетом последних. При этом вопросы качества продукции, ресурсосбережения и совершенствования системы материально-технического снабжения рассматриваются в неразрывном единстве и выступают на передний план экономической работы.

Чем же отличается централизованное распределение материальных ресурсов в новых условиях управления от старых фондовых методов распределения? Прежде всего тем, что если раньше централизованно распределялись практически все виды ресурсов, то теперь распределению подлежат лишь некоторые из них, удовлетворяющие важнейшие народнохозяйственные потребности. К таким потребностям можно отнести прежде всего решение крупных государственных задач по укреплению обороноспособности страны и обеспечению ее экономической независимости, выполнению внешнеэкономических обязательств, обеспечению важнейших нужд населения и т. д. Все виды используемых для этого материальных ресурсов централизованно распределяются конкретным потребителям путем установления соответствующих лимитов (фондов).

Какова же экономическая природа таких лимитов? Чем они отличаются от государственных заказов, которые устанавливаются также централизованно на производство основных видов продукции, необходимых для удовлетворения важнейших общественных потребностей? По своему экономическому содержанию госзаказы и лимиты представляют собой органическое единство в решении одной проблемы — гарантированном обеспечении важнейших общегосударственных потребностей. Поэтому вполне естественно рассматривать централизованное материально-техническое снабжение как единый процесс планирования госзаказов и лимитов (фондов).

В общем виде последовательность формирования централизованного плана материально-технического обеспечения народного хозяйства представляется следующей.

На первом этапе формируется научно обоснованная номенклатура госзаказов на каждом уровне управления, который уполномочен осуществлять централизованное планирование материальных ресурсов. При этом вырабатываются четкие критерии включения в состав госзаказов определенной номенклатуры материальных ресурсов.

Затем проводятся расчеты потребности в централизованно планируемых ресурсах. Особенно важно, чтобы эти расчеты проводились с участием организаций — потребителей данных ресурсов. Перечень таких организаций устанавливается соответствующими центральными органами управления одновременно с обоснованием номенклатуры госзаказов.

На следующем этапе формируется перечень предприятий-поставщиков планируемого вида ресурсов на основе оценки их производственных возможностей, технико-экономических характеристик, уровня эффективности производства и т. п.

После этого централизованно разрабатывается план распределения госзаказов по лимитам (фондам) между потребителями на основе оптимального прикрепления поставщиков к потребителям. Критерием оптимальности здесь является минимум издержек обращения при реализации плана материально-технического обеспечения.

В заключение осуществляется доведение госзаказов до предприятий-производителей и одновременно лимитов (фондов) на поставку централизованно распределяемой продукции. Это является основанием для установления между поставщиками и потребителями прямых длительных связей и заключения договоров по централизованному плану снабжения.

В новых условиях хозяйствования централизованное планирование госзаказа и распределение ресурсов по лимитам должны носить не жесткий, а демократический характер. Для этого госзаказы и лимиты важно устанавливать исполнителям в укрупненной номенклатуре для того, чтобы детализация конкретных условий поставки производилась уже непосредственно в ходе установления прямых хозяйственных связей поставщиков с потребителями. Тем самым предприятиям предоставляется бóльшая самостоятельность в конкретизации ассортимента, потребительских свойств и сроков поставки продукции на договорных началах.

В практической реализации принципов централизованного распределения важнейших видов материальных ресурсов можно выделить следующие проблемы.

1. Обоснование принципов формирования лимитов (фондов) на поставку материальных ресурсов. Проблема состоит в неоднозначности понимания экономической природы лимитов, вернее в ошибочном их толковании как объемов материальных ресурсов, призванных обеспечить выполнение госзаказа. В связи с этим возникают вопросы: должны ли распределяться по лимитам только те виды ресурсов, которые непосредственно расходуются на производство госзаказа, или же и те, которые идут на производство промежуточной продукции? Если под лимитами понимать объемы ресурсов, обеспечивающих госзаказ, то лимитированием придется охватить не только производственную программу госзаказа, но и производство всех материальных ресурсов, вплоть до исходного сырья. Но тогда все эти ресурсы также должны быть включены в состав госзаказа, что, естественно, вызовет цепную реакцию и снова завяжет в тугой узел централизованого планирования основную массу производимых и потребляемых материальных ресурсов. А ведь цель перестройки управления материальными ресурсами — отказаться от преимущественно централизованного их распределения и перейти к оптовой торговле.

Для достижения поставленной цели намечается довести объем свободного безлимитного распределения ресурсов примерно до 80 процентов и тем самым ограничить объем централизованного их планирования примерно до 20 процентов.

Как отмечалось, в 1988 году в состав госзаказов попала практически вся номенклатура выпускаемой продукции в объемах, полностью загружающих производственные мощности предприятий. Для исправления такого положения в 1989—1990 годах предполагается сократить объем госзаказов в 2—3 раза, а номенклатуру — с 5 тысяч наименований в 1988 году до 500 в 1989 году.

С учетом того, что министерства и ведомства не «поняли» экономической сущности госзаказов и сыграли негативную роль в перегрузке ими предприятий, принято решение о том, что в 1989—1990 годах госзаказ будет формировать только Госплан СССР. Эта мера представляется временной, так как принципы формирования госзаказа и лимитов его распределения должны быть гибкими.

На каждом уровне управления материальным производством может возникнуть ситуация, требующая включения той или иной продукции в госзаказ. Конечно, такие меры должны быть в каждом случае обоснованными. Нам представляется, что в перспективе по своему составу государственные заказы и лимиты (фонды) должны представлять иерархическую

структуру, формируемую последовательно следующими органами управления: Госпланом СССР, министерствами и ведомствами СССР, Советами Министров союзных республик.

Здесь необходимо оговориться, что общий объем госзаказа в объеме производственных мощностей предприятий различных отраслей должен быть лимитирован специальным экономическим нормативом для того, чтобы обеспечить предприятиям экономическую самостоятельность в соответствии с Законом о предприятии.

2. Обоснование укрупненной номенклатуры материальных ресурсов, по которой должны устанавливаться госзаказы и формироваться лимиты (фонды). Проблема здесь состоит в том, что принципы формирования номенклатуры продукции, рассматриваемой как «важнейшая», неконкретны. Во-первых, каждым управленцем под важнейшей может пониматься различная потребность и, во-вторых, понятие «важнейшая» является динамичным: сегодня та или иная продукция действительно важнейшая, а завтра уже нет. Поэтому представляется, что номенклатура госзаказа и лимитов (фондов) должна постоянно пересматриваться и обновляться. На 1989—1990 годы в состав госзаказов на уровне Госплана СССР включены товары народного потребления (кроме продукции Минлегпрома) и продовольственные товары, важнейшая продукция топливно-энергетических и сырьевых отраслей, экспортная продукция и т. д. Одновременно существенно сокращается объем госзаказа на машиностроительную продукцию. Так, почти половина предприятий Минтяжмаша (45 из 108) в 1998—1990 годах вообще не будет охватываться госзаказом, а продукцию намечено реализовать в порядке оптовой торговли.

3. Обоснование состава «заказчиков», то есть органов или предприятий, формирующих госзаказ для соответствующего уровня управления. Проблема состоит в том, что в настоящее время существует нормативно узаконенное положение, при котором ответственность за обеспечение общественных потребностей в той или иной продукции несут министерства и ведомства. Поэтому высказываются предложения, чтобы именно эти ответственные за производство продукции министерства и ведомства выступали в роли «заказчика» при формировании госзаказа. Такой подход, когда производители выдавали бы госзаказ сами себе, представляется неприемлемым. Заказчиком могут выступать только потребители. При таком подходе потребитель будет играть определяющую роль в формировании потребностей и одновременно будет ясна адресность лимитов (фондов) распределения госзаказа, кроме того, повы-

сится ответственность сторон за обоснованность заказа и за качество его исполнения.

4. Установление перечня предприятий (объединений) — исполнителей госзаказа, которым доводятся лимиты (фонды) на централизованное распределение важнейших видов ресурсов. Суть этой проблемы в том, что выполнение госзаказа должно быть выгодным исполнителям и его размещение должно носить конкурсный характер.

Конкурсное размещение госзаказов, на наш взгляд, может проводиться примерно в следующем порядке. Предприятия — изготовители продукции, входящей в номенклатуру госзаказа, представляют соответствующему органу управления предложения с обоснованием своих производственных возможностей, указанием ее качественных параметров, технических характеристик, себестоимости, цены и сроков изготовления.

Вышестоящие органы оценивают все представленные предложения на получение госзаказов и принимают решения об их размещении на тех предприятиях или в кооперативных организациях, где условия выполнения госзаказов оптимальны с точки зрения народнохозяйственных интересов и интересов конкретных потребителей. Конкурсное размещение госзаказов должно подкрепляться целевым выделением капитальных вложений, в том числе в фонд экономического стимулирования, и другими льготными условиями.

Учиться торговать

Альтернативой централизованному фондовому распределению материальных ресурсов между потребителями является оптовая торговля средствами производства. Она представляет собой форму материально-технического обеспечения производства, осуществляемого путем свободной купли-продажи по прямым договорам между изготовителями и потребителями, а также по договорам с хозрасчетными посредниками — территориальными органами Госснаба СССР.

Есть ли у нас условия для нормального функционирования социалистического, регулируемого государством, рынка? Да, такие условия есть. И проводимая в стране радикальная экономическая реформа нацелена на их расширение.

Во-первых, главным условием является перевод на полный хозрасчет всех взаимосвязанных и взаимозависимых участников воспроизводственного процесса (предприятий и органов управления).

Во-вторых, в стране имеется достаточное количество потенциальных производителей, как правило, любой необходимой продукции, что обусловливает возможность выбора для потребителя подходящего партнера. Именно выбор, а не жестокое прикрепление поставщиков к потребителям предусмотрен Законом СССР о государственном предприятии (объединении). При этом новая система ценообразования, в частности использование договорных цен, призвана побудить производителей браться за разработку и производство необходимой потребителям высококачественной продукции. И, наконец, в настоящее время предусматривается возможность для предприятий, зарабатывающих валюту, прямого выхода на мировой рынок, что создает условия для повышения конкурентоспособности отечественной продукции.

По сравнению с действовавшей на протяжении многих лет системой централизованного распределения материальных ресурсов оптовая торговля имеет ряд значительных преимуществ.

Первое. При ее использовании существенно упрощается схема материально-технического обеспечения. Если традиционная схема включала 5—6 звеньев, то при оптовой торговле практически остается одно звено: изготовитель — потребитель (при необходимости к нему подключается территориальный орган Госснаба СССР, выступающий посредником в прямых связях потребителя с поставщиком). Так что в организационном отношении оптовая торговля средствами производства характеризуется предельной простотой взаимоотношений партнеров. От потребителей не требуется никаких обоснований, расчетов потребности в тех или иных видах ресурсов. Единственное требование, предъявляемое к ним,— платежеспособность.

Второе. Для потребителя появляется возможность выбора лучшей продукции, надежного поставщика. В условиях централизованного распределения ресурсов предприятия зачастую получают не то, что им нужно, а то, что дают. Оптовая торговля, создаваемая ею возможность выбора исключают диктат поставщика, способствуют повышению качества выпускаемой продукции, улучшению ее потребительских свойств.

Третье. Практически исключается возможность ошибок при определении предприятиями потребности в тех или иных ресурсах, так как срок заказа максимально приближен ко времени, когда потребитель точно знает свои производственные и все другие нужды на планируемый период.

Оптовая торговля призвана исключить явно ненормальное положение, когда заявки предприятий и организаций на материально-технические ресурсы формировались задолго до раз-

работки их производственных планов. В результате заранее заказанные потребителями материалы часто оказывались ненужными, а необходимые — незаявленными. Отсюда и сверхнормативные запасы, неликвиды и одновременно — дефицит. Причем низкая достоверность представляемых потребителями заявок была общеизвестной. Планово-распределительные органы их, как правило, не учитывали и выделяли ресурсы по так называемой «базе».

Оптовая торговля освобождает предприятия от исключительно трудоемкой (и в большинстве случаев — напрасной) работы по подготовке заявок на ресурсы. Она сокращает временной разрыв между представлением потребителями заказов на материалы и непосредственно их поставкой, что повышает эффективность материально-технического снабжения. Если раньше потребитель должен был подавать заявки за 6—8 месяцев до начала планируемого года, то в условиях безлимитного снабжения этот срок сокращается до нескольких дней.

Четвертое. Обеспечивается взаимная мера ответственности (и соответствующая материальная компенсация) за достоверность заказов и выполнение всех пунктов договоров поставки. Если при прежней организации снабжения заявка на материальные ресурсы не имела юридической силы и заказчик мог отказаться от нее без каких-либо отрицательных последствий для своего финансового положения, то в настоящее время за такой отказ установлена норма выплаты неустойки. В свою очередь и потребитель может потребовать возмещения понесенных им потерь в результате срыва или невыполнения поставщиком условий поставки. Такая взаимная экономическая ответственность поставщиков и потребителей предусмотрена Законом о государственном предприятии.

Пятое. Оптимизируются размеры и структура запасов товарно-материальных ценностей в народном хозяйстве. Возможность оперативно приобрести необходимые ресурсы позволяет предприятиям избавиться от сверхнормативных объемов запасов и ненужных ресурсов (неликвидов), что благоприятно сказывается на их экономическом положении. И если учесть, что в настоящее время запасы материальных ресурсов в народном хозяйстве оцениваются сотнями миллиардов рублей, то в условиях хозрасчета и самоокупаемости проблема оптимизации этих запасов приобретает особую актуальность.

Новый хозяйственный механизм предусматривает эффективные экономические рычаги, стимулирующие рациональную запасоемкость материального производства. Один из таких рычагов — имущественная ответственность за несоблюдение предельного уровня запасов. В случае превышения предприя-

тием этого уровня банк прекращает ему выдачу кредитов. Кроме того, предприятие обязано внести в бюджет дополнительную плату из прибыли, остающейся в его распоряжении, в размере трех процентов стоимости сверхплановых запасов. С целью быстрейшей реализации сверхнормативных и ненужных ресурсов предприятиям разрешена их свободная продажа или обмен.

Таким образом, оптовая торговля средствами производства является весьма эффективной формой материально-технического обеспечения. Она призвана обеспечить всестороннее влияние сферы обращения на повышение эффективности общественного производства, содействовать взаимовыгодному сотрудничеству трудовых коллективов, усилению прямых связей между изготовителями и потребителями материально-технических ресурсов и в конечном счете насыщению рынка необходимой продукцией.

Оптовая торговля средствами производства осуществляется:

1. По прямым договорам между производителями и потребителями. Такой вид оптовой торговли имеет место, как правило, при условии, когда потребители заказывают у поставщиков ресурсы в больших объемах, соответствующих транзитным нормам, а также при заказах конкретных видов машин, приборов, специальных видов оборудования.

2. По договорам с посредниками, в частности с территориальными органами Госснаба СССР и их производственно-сбытовыми предприятиями. К такой торговле прибегают, как правило, в тех случаях, когда потребитель заказывает продукцию в незначительных количествах.

На предприятиях территориальных органов Госснаба СССР создаются комплексные запасы материальных ресурсов в количестве и ассортименте, необходимых для ритмичного обеспечения заказов потребителей, расширяется сеть подсортировочных предприятий и оптовых магазинов, развиваются мощности по подготовке к производственному потреблению металла, химической, лесобумажной продукции, кабельных изделий и строительных материалов. Намечается значительно увеличить прокат приборов, аппаратуры, оборудования и механизмов, в том числе строительно-дорожных машин и другой техники для выполнения строительных работ, в первую очередь осуществляемых хозяйственным способом.

3. Через фирменные магазины министерств, ведомств, предприятий (объединений). Фирменная торговля имеет большую перспективу в развитии эффективных форм продажи многих видов специального оборудования, электротехнической, радио-

технической, электронной, химической продукции и ряда других принципиально новых технических средств и материалов.

4. Через комиссионные магазины и ярмарки. Излишки сырья, материалов и топлива, лишнее оборудование предприятия могут продать через специально организованные во всех регионах страны комиссионные магазины. Создание таких магазинов особенно важно в связи с развитием кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности, предполагающей организованную закупку средств производства и реализацию готовой продукции.

Ярмарочная торговля осуществляется путем проведения органами Госснаба СССР оптовых ярмарок с участием заинтересованных предприятий и организаций.

Таким образом, оптовая торговля является неотъемлемой составной частью создаваемого в стране принципиально нового целостного хозяйственного механизма и знаменует собой переход к новому типу отношений изготовителя и потребителя, основанных на принципах взаимной выгоды и взаимной ответственности. Что же касается осуществления прав предприятий, то это снятие различных ограничений и запретов во взаимоотношениях поставщиков и потребителей. Переход на полный хозрасчет и самофинансирование будет фикцией, если предприятие не получит возможность приобретать на заработанные деньги материальные ресурсы, необходимые ему для полнокровной производственной деятельности.

Маркетинг — искусство работы с рынком

В условиях оптовой торговли возникает необходимость в освоении новой формы сбытовой деятельности — искусства работы с рынком. В странах с рыночной экономикой жизнь заставила искать такую форму уже давно. На рубеже XIX и XX веков в обиход был введен термин «маркетинг», что означает деятельность в сфере обращения товара, в сфере торговли. Само определение недостаточно конкретно выражает содержание такой деятельности, а лишь характеризует ее общий смысл. Поэтому под понятием «маркетинг» различными экономистами и у нас, и за рубежом понимается различное содержание. Имеются обоснования сущности маркетинга и как предпринимательской деятельности и как стратегии деловой активности, и как философии бизнеса, и т. п. Общим здесь является то, что в каждом случае, несмотря на различие в толковании этого понятия, речь идет об искусстве продавать произведенные товары.

В условиях плановой экономики маркетинг имеет специфические особенности, которые заключаются в необходимости сочетания объективных законов народнохозяйственного плана и социалистического рынка: обеспечение полной сбалансированности ресурсов и потребностей при максимально эффективном удовлетворении нужд отдельных потребителей.

По нашему мнению, определение сущности маркетинга применительно к условиям плановой экономики должно быть следующим. Маркетинг — это система планомерной организации хозяйственной деятельности государственного предприятия (объединения) на основе формирования его производственно-сбытовой стратегии, направленной на оптимизацию взаимосвязей экономических интересов потребителей (рынка) и трудового коллектива (производителей).

Представляется, что такое определение сущности маркетинга отличается от традиционного западного толкования тем, что в нем органически сочетаются интересы производителя и потребителя, а не превалирует цель — максимальная выручка от реализации.

Несмотря на то, что маркетинг предполагает организацию производства, ориентированную на сбыт, его правомерно рассматривать и как фактор совершенствования материально-технического снабжения, так как сбыт продукции предприятиями-производителями осуществляется в интересах потребителей, то есть обусловливает их материально-техническое обеспечение преимущественно через социалистический рынок.

Радикальная реформа управления экономикой исходит из необходимости более полного и всестороннего учета требований рынка в планомерной организации процесса воспроизводства материальных ресурсов.

В условиях рыночной ориентации или, иначе говоря, ориентации на потребителя возникает необходимость коренной перестройки хозяйственной работы предприятий. Формируя свою производственную программу главным образом на основе прямых заказов, предприятие попадает в экономическую зависимость от потребителя, который предъявляет к поставщику целый ряд требований, оговариваемых договорами. От наличия и выгодности прямых заказов потребителей в определяющей степени зависит финансовое благополучие коллективов-поставщиков.

В силу этого изменяется вся политика хозяйственной деятельности предприятий-производителей: от простого наращивания производства по количеству, когда существовал валовый принцип оценки результатов их работы, они вынуждены переходить к научно обоснованной организации сбыта произведен-

ной продукции, всерьез заниматься изучением конъюнктуры и емкости рынка, активно бороться за потребителя. И здесь на помощь прийдет маркетинг.

Может возникнуть вопрос: нужен ли маркетинг в условиях дефицита, когда и так недостает значительного количества из выпускаемых видов материальных ресурсов? Казалось бы, при нехватке товаров дефицитная продукция будет реализована (продана) без каких-либо дополнительных усилий, составляющих природу маркетинга. Однако это не так.

В современных условиях хозяйствования, когда мы отказываемся от «силового» распределения произведенной продукции, диктату производителя рано или поздно придет конец. Кроме того, дефицит ресурсов или некачественная продукция зачастую побуждает потребителей находить новые, часто нетрадиционные решения в удовлетворении своих потребностей в тех или иных видах продукции. Это может быть, например, покупка вместо традиционных ресурсов различных эффективных заменителей, использование вторичного сырья и т. п.

Получается, что при дефиците на определенную продукцию предприятия тем более вынуждены будут внимательно следить за рынком, тенденциями спроса, научно-техническими разработками по созданию новых видов ресурсов. Иначе они рискуют оказаться без заказчиков.

Таким образом, и при гарантированном на определенный момент сбыте выпускаемой продукции предприятия обязаны прогнозировать спрос с учетом всех обусловливающих его факторов, вырабатывать рыночную стратегию, перестраивать производство в соответствии с требованиями потребителей, повышать качество продукции. То есть маркетинг необходим как форма современной организации хозяйственной деятельности, но при одном важнейшем условии — подлинном переходе предприятий (объединений) на самофинансирование и самоокупаемость с обязательным обеспечением самостоятельности их хозяйственной деятельности.

Поэтому чрезвычайно важной проблемой обеспечения сочетания народнохозяйственного плана с требованиями рынка (потребителей) является научно обоснованное формирование величины госзаказов. Кроме того, для успеха маркетинга необходимо, чтобы в условиях хозрасчета и взаимной материальной ответственности работали все производители, потребители и органы управления.

Следует остановиться и еще на одном вопросе — по преодолению противоречий интересов производителей и потребителей, который связан с политикой госзаказов. Как свидетельствует зарубежный опыт, одна из проблем в удовлетворении обще-

ственных потребностей в материальных ресурсах состоит в том, что ориентированные на рынок предприятия стремятся производить и продавать только такую продукцию, которая приносит максимальную прибыль. При этом многие виды потребностей народного хозяйства и населения не удовлетворяются, особенно по продукции трудоемкой и дешевой. Это может быть детская одежда, обувь или какая-либо другая продукция. По нашему мнению, в условиях плановой экономики на такую продукцию должен распространяться госзаказ и выделяться определенные субсидии из бюджета с тем, чтобы обеспечить для производителей выгодность ее производства и реализации по низким ценам.

На основе уже созданных и используемых методов маркетинга и с учетом конкретных условий хозяйствования разработана теория работы предприятий с социалистическим рынком. Не вдаваясь в методические особенности этой работы, можно выделить следующие ее направления в рамках отдельных предприятий:

— обоснование направлений маркетинга, то есть установление сферы рыночных интересов;

— выработка принципов реорганизации управленческой структуры предприятия и функций отдельных его подразделений с ориентацией на рынок (потребителей);

— исследование рынка. Эта работа проводится в двух аспектах: в качественном, когда определяются виды потребности в конкретной продукции (в том числе во взаимозаменяемой) для удовлетворения определенной категории нужд потенциальных потребителей, и в количественном, когда определяется емкость рынка;

— управление рынком, в том числе через использование средств рекламы;

— организация исследований и разработок по совершенствованию качества и повышению эффективности выпуска продукции;

— организация производственно-экономической деятельности;

— организация материально-технического обеспечения;

— организация сбыта.

Как и вся планово-организационная работа, маркетинг во временном аспекте охватывает три уровня:

1. Стратегический (на 15—20 лет), на котором формируется долговременная производственно-сбытовая стратегия предприятия (объединения) с учетом ситуации на внутреннем и внешнем рынках, перспектив развития народного хозяйства и прогноза его потребностей. Работа на этом уровне проводится

в рамках формирования комплексной программы НТП и разработки Основных направлений экономического и социального развития народного хозяйства.

2. Тактический (на 5 лет), на котором конкретизируется стратегия производственно-сбытовой деятельности. Здесь работа проводится в рамках формирования пятилетного плана экономического и социального развития народного хозяйства.

3. Оперативный, как правило, в рамках годового планирования, на котором решаются текущие вопросы, возникающие в связи с изменениями рыночной конъюнктуры.

Как показывает практика, при разработке стратегии маркетинга необходимо учитывать наличие факторов внешней и внутренней среды, обусловливающих эффективность производственно-сбытовой деятельности каждого предприятия.

Факторы внешней среды, такие, как рыночная конъюнктура, изменение спроса на продукцию, новые требования к ней со стороны потребителей и посредников, общая экономическая ситуация, появление конкурирующей продукции и другие, не поддаются управлению со стороны конкретного производителя продукции. Это так называемые, не зависящие от предприятия факторы.

Факторы внутренней среды — организация собственного производства, использование научно-технических достижений, повышение квалификации рабочих, улучшение качества продукции и другие — в основном поддаются внутреннему управлению.

Системный подход к формированию стратегии маркетинга обусловливает необходимость предусматривать комплексное использование качественных и количественных характеристик факторов как внешней, так и внутренней среды с целью обеспечения максимальной удачи предприятия на рынке, что в итоге является успехом по удовлетворению общественных потребностей в материальных ресурсах.

Что такое уравниловка? При ответе на этот вопрос обнаруживается прежде всего противоречивость существующих мнений. Об истоках уравнительных тенденций и путях их преодоления размышляют кандидаты экономических наук **Юрий Георгиевич Якуша** и **Александр Митрофанович Кошик.**

И действительно, как долго можно терпеть уравниловку и выводиловку, по-прежнему возлагать вину за них только на руководителей, а не на систему, поощряющую формализм, строящуюся на антиподах социальной справедливости. Наша нетерпимость к этим явлениям вызвана и тем, что они дискредитируют принципы хозрасчета, а значит, и сдерживают ход перестройки.

8

ЛЕГКО ЛИ ПРЕОДОЛЕТЬ УРАВНИЛОВКУ!

Ныне нет более серьезного препятствия для использования активизирующей силы экономических интересов, чем отсутствие или ослабление связи доходов и общественного положения людей, трудовых коллективов, других социальных групп с эффективностью, качеством и результативностью их работы. Понятие «уравниловка» как раз и отражает ослабление такой связи между количеством, качеством и результатами труда и его оплатой, иными формами общественной оценки и признания.

Как же вылечить наш хозяйственный механизм от всех этих недугов? Как уничтожить столь живучий «вирус уравниловки»? Готовых ответов на эти вопросы нет. Одно ясно: прежде чем приступать к лечению болезни, необходимо хорошо изучить ее историю, установить причины недуга.

Что такое уравниловка?

Уравниловка — не столь ясное понятие, как это кажется на первый взгляд. Процессы, затрудняющие осуществление принципа оплаты по труду, являются лишь одной из сторон уравниловки, имеющей множество других форм проявления и приобретшей за последние десятилетия всепроникающий характер. Нет ничего проще, чем объявить уравниловку следствием субъективных ошибок в осуществлении политики оплаты труда. Но такая упрощенная формулировка проблемы, истоков уравнительности в распределении неизбежно приведет к неправильному определению путей ее решения.

Иллюзия понятности корней и форм проявления уравниловки начинает разрушаться, как только задача преодоления

уравнительных тенденций переносится из словесного плана в план практический. А практика показывает: идеи о необходимости оплаты строго по труду, сталкиваясь с реальностями жизни, не сумели найти до сегодняшнего дня не только законченного воплощения, но и однозначного понимания. Мало того, до сих пор эти идеи нередко встречают явное и неявное противодействие.

Сегодня уже мало признать тот очевидный факт, что зарплата должна быть заработанной. Важно увидеть те реальные экономические отношения, которые способны установить строго однозначную зависимость благосостояния человека от его трудового вклада.

Зачастую сложности практической реализации стимулирующего потенциала оплаты по труду трактуют в духе ссылок на психологическую инерцию работников аппарата управления или самих трудовых коллективов. Это также слишком упрощенный подход. Люди видят мир тем или иным образом потому, что поставлены к нему в определенные отношения. А характер таких отношений, сложившихся в условиях многолетнего господства командно-административных методов управления, был таков, что производственные коллективы не имели возможности реального воздействия на изменение своего положения.

Мы хорошо убедились в том, что декларации о развитии участия трудящихся в управлении, о расширении прав и самостоятельности предприятий, будучи неподкрепленными практическими гарантиями реализации провозглашенных прав, так и остаются декларациями. А в жизни наблюдаются безынициативность, иждивенчество, подрывающие заинтересованность людей в повышении производительности труда.

Нереализованные интересы, как известно, утрачиваются, и вместо них формируются такие интересы, которые могут быть реализованы в существующей структуре отношений. В условиях затратной экономики, ориентации плановых и стимулирующих рычагов на поощрение за объемные, отражающие рост затрат, итоговые показатели и возник губительно воздействующий на здоровые экономические интересы вирус уравниловки. Поражая живую ткань хозяйственных связей и отношений, этот вирус вызвал такие симптомы болезни нашей экономики, как, с одной стороны, безбедное существование многих коллективов даже при плохих результатах работы и, с другой — отсутствие реального поощрения за улучшение результатов труда или даже (парадокс!) экономические санкции за снижение затрат, то есть за рост эффективности.

Появление и распространение уравниловки тесно связано

с процессом формирования затратной экономики, с тем механизмом торможения, который складывался по мере деформации социализма. Волюнтаризм и субъективизм в управлении экономикой периода индустриализации, принятие решений, идущих вразрез с экономическими интересами людей, призванных исполнять эти решения, не могли не привести к необходимости систематического использования внеэкономического принуждения к труду. В таких условиях в 30—40-е годы происходило последовательное ограничение хозяйственной самостоятельности предприятий, вплоть до полного свертывания хозрасчетных отношений к началу 50-х годов.

Полумеры не помогут

В 1953 году, правда, была предпринята попытка восстановить некоторые принципы хозяйственного расчета. Однако происходило это в условиях прежней окостеневшей административно-командной системы управления. В результате меры по активизации интересов предприятий проводились в жизнь непоследовательно. Главным проявлением такой непоследовательности явилось сохранение государственного диктата через централизованное планирование и материально-техническое обеспечение над процессом образования и изменения хозяйственных связей между предприятиями. Между тем введение поощрений за итоговые показатели труда производственных коллективов при сохранении полной несамостоятельности предприятий породило новый порочный круг проблем. Они касались прежде всего определения показателя реального трудового вклада каждого коллектива в народнохозяйственные результаты.

Многолетние теоретические дебаты о том, какой же итоговый показатель оценки деятельности предприятий лучше (показатели валовой, товарной, реализованной, нормативной чистой продукции и т. д.), выявили всю бесперспективность поисков оптимума в поощрении за показатели.

А как же быть с очевидной, казалось бы, истиной: вклад каждого предприятия в народнохозяйственные результаты в действительности выражается в удовлетворении общественных потребностей, в использовании его продукции потребителем. Оказывается, здесь не так все просто. Ведь экономика, по образному выражению, это не столько «что», сколько, «почем» и «как». Одна и та же продукция может отличаться по качеству, может быть произведена по различным технологиям,

с различными затратами ресурсов и, соответственно, может быть реализована при совершенно различных финансовых результатах. И очевидно, что управлять командно-нажимными методами тем, «почем» и «как» производится продукция,— малоосуществимое дело. Ведь реальные проблемы ресурсосбережения и технической реконструкции могут быть проанализированы и эффективно решены только на самом предприятии — за счет изменения его связей с другими предприятиями, имеющими к тому же, как правило, иную ведомственную и отраслевую подчиненность. Другими словами, предприятию требуется полная самостоятельность в организации хозяйственных связей.

Для того чтобы обеспечить заинтересованность коллектива в росте реальных результатов труда и его экономическую ответственность за эти результаты, необходима хозрасчетная (рублем) ответственность предприятия за условия приложения своего труда. Под условиями приложения труда подразумеваются организационные условия, то есть структура внешних связей с поставщиками и потребителями, а также технические и технологические условия — состояние материально-технической базы, прежде всего производственного аппарата. Словом, речь идет о необходимости активизации не только текущих интересов, связанных с процессом производства продукции, но и перспективных интересов, связанных с включением в сферу хозрасчета кругооборота фондов предприятий.

Между тем предпринимавшаяся реанимация хозрасчета в середине 50-х годов и особенно в ходе реформы 1965 года происходила таким образом, что выведенные еще в период отмены нэпа из сферы хозрасчетных отношений перспективные экономические интересы предприятий-товаропроизводителей не были обратно включены. И неудивительно, что произошло исчезновение положительных импульсов хозяйственной реформы 1965 года, проявившихся было в VIII пятилетке и окончательно исчезнувших в IX—XI пятилетках.

Чему учит опыт?

Уроки реформы 1965 года показывают, что некомплексная реализация хозрасчетных отношений неизбежно приводит к уравнительным тенденциям, которые являются социально-экономической основой механизма торможения. Правильная в целом постановка задач экономической реформы 1965 года не была обеспечена материально и организационно, что ди-

скредитировало экономические методы управления, так как их использование со временем превратилось в формально-бюрократическую систему поощрения за показатели, сориентировало работу товаропроизводителей на показатели, на «вал», а не на потребителей.

Главный дефект осуществлявшейся реформы состоял в дефиците хозяйственной демократии, которая была провозглашена, но не обеспечена. В частности, не были реализованы решения о развитии оптовой торговли средствами производства, не были расширены права предприятий в выборе поставщиков и потребителей своей продукции, в области планирования технического и социального развития. В этих условиях были предприняты безуспешные попытки управлять экономическими методами процессом производства продукции при одновременном административно-командном управлении связями предприятий в структуре общественного воспроизводства.

Такая формализация хозяйственного расчета привела в конечном счете к подрыву самого механизма хозрасчетной заинтересованности, вызванному развитием уравнительных тенденций в распределении средств предприятий. Изъятие в централизованные финансовые фонды свыше половины прибыли, большей части амортизационного фонда предприятий с последующим предоставлением ассигнований на финансирование капитальных затрат на безвозмездной основе обусловили причины низкой отдачи капиталовложений. Тем самым снижался эффект научных разработок, так как средства, поступающие для их внедрения, по сути, оказались вне сферы хозрасчетного контроля.

В условиях сохранявшегося принципа планирования объемных валовых показателей от достигнутого уровня деформировалось соотношение между новым строительством и техническим перевооружением производства. Ведь при этом проще и надежнее оказывается обеспечить прирост объемов за счет расширения мощностей, ввода новых предприятий в строй.

Здесь же кроются корни и многих других бед нашей экономики. Так, интересы строительных ведомств, отраслевых субъектов управления и самих товаропроизводителей оказались согласованными, но в направлении... противоположном интересам общества: появилась заинтересованность во всемерном завышении заявок на капитальные вложения, расширении фронта капитального строительства, объем которого быстро вышел за экономически приемлемые пределы.

Факт. Объем незавершенного строительства в нашей стране вырос за 1970—1986 годы на 86,6 миллиарда рублей.

Приведенный факт — пример работы экономики «на себя», а не на удовлетворение потребностей людей. Здесь кроются предпосылки дефицита товаров народного потребления. А дефицит, в свою очередь,— один из факторов уравниловки, поскольку выплата необеспеченных товарами денежных сумм является на деле формой отсутствия связи доходов и результативности труда, причем уже не в каких-нибудь локальных границах предприятия или отрасли, а в рамках всего народного хозяйства.

Работа экономики «на себя» имеет и другие формы проявления, губительно сказывающиеся на экономических интересах. Например, тот факт, что у нас до 80 процентов вводимых фондов направлялось на новое строительство, предполагает по меньшей мере два последствия.

Первое. Технический прогресс реализуется в основном в новых предприятиях и отраслях. Давно построенные предприятия и традиционные отрасли, не получая новой техники, лишены возможностей радикально повысить эффективность своего труда. А без таких возможностей распределение по труду теряет объективную основу.

Второе. Для поддержания на предприятиях изнашивающейся техники в работоспособном состоянии приходится вновь расширять сферу «производства ради производства», не имеющего выхода на потребности людей.

Факт. Ежегодные затраты на ремонт оборудования в стране составляют 40 миллиардов рублей. В ремонтном производстве занято 10 миллионов человек, оно потребляет четверть ежегодного производства проката черных металлов. Парк только металлорежущих станков на 70 тысячах действующих в стране ремонтных предприятий и производств равен парку этих станков в машиностроении.

При этом возникла дифференциация в условиях приложения труда (прежде всего в используемых технологиях) между новыми и давно построенными предприятиями, а также между новыми и традиционными отраслями. Причем эта дифференциация развивается вне возможностей товаропроизводителей как-либо влиять на состояние своей технической базы.

Соответственно возникает проблема так называемого неравенства «стартовых условий» для различных предприятий. Коль скоро это неравенство было обусловлено обстоятельствами, находящимися вне компетенции трудовых коллективов, то экономический центр вынужден был компенсировать его. Способы такой компенсации многообразны, но все они имеют один

результат — ликвидацию зависимости между реальными результатами работы предприятий и их доходом.

В нашей хозяйственной практике в качестве способов такой компенсации использовались как косвенные, так и прямые способы перераспределения доходов. К косвенным способам относятся ценовые регуляторы. Свою роль здесь сыграли комплексные пересмотры цен (например, в 1967 и 1982 годах), когда под прикрытием необходимости обеспечения условий безубыточной работы всех отраслей народного хозяйства фактически были перераспределены доходы высокоэффективных отраслей (цены на продукцию которых снижались или оставались неизменными) в пользу низкоэффективных отраслей (цены на продукцию которых повышались).

Между тем, как показал опыт, так называемые низкоэффективные отрасли (а это либо отрасли, годами не получавшие капитальных вложений, достаточных хотя бы для компенсации износа своего оборудования, либо монопродуктовые отрасли, не имеющие возможностей завышения цен на свои изделия под видом перехода к новым моделям) вскоре после реформы цен снова оказывались малорентабельными или убыточными. Их предприятия самостоятельно усовершенствовать свою техническую базу не могли.

Таким образом, высокие цены при низкой эффективности производства вследствие устаревших технологий, низкого уровня организации труда и т. п. лишь создают видимость финансового благополучия. А реально — это одна из самых коварных форм проявления уравниловки: ничто так не развращает трудовые коллективы, как высокие доходы при плохой работе. Вылечить с помощью одних лишь цен экономические болезни нельзя. Такое лечение на время устраняет симптомы болезни, а не ее причины. Этот урок особенно актуален для нас сегодня.

Практика искусственного повышения цен для покрытия убытков вместо устранения причин убыточности непосредственно повлияла и на деформацию принципа распределения по труду, особенно в части расширения практики выплат заработной платы и премий вне зависимости от действительной результативности труда.

Факт. Из 240 миллиардов рублей, полученных колхозами и совхозами от повышения закупочных цен только в 1966—1980 годах, 60 процентов было направлено в фонды оплаты труда и материального поощрения. Ныне в целом по стране фонд оплаты труда в убыточных хозяйствах в 1,8 раза больше их валового дохода.

Широко практиковалось также внутриотраслевое безэквивалентное перераспределение доходов передовых предприятий в пользу отстающих. Объектом перераспределения стали не только доходы, но и оборотные средства и амортизационные фонды. Причем такое внутриотраслевое перераспределение, как правило, не имело вообще никакой нормативной и законодательной основы, что губительно сказывалось на заинтересованности коллективов.

Причем ослабление заинтересованности происходило как у тех, у кого доходы изымались, так и у тех, которые получали безвозмездную «помощь». Стремление к наращиванию доходов подрывалось отсутствием гарантий против их изъятия, а дотации порождали иждивенческие настроения, которые также не способствовали преодолению причин убыточности и малорентабельности.

Но главные потери вследствие уравнительного распределения заключались в деформации отношений реализации социалистической собственности. Отчуждение социалистических товаропроизводителей от процессов управления кругооборотом своих хозрасчетных фондов предопределило отчуждение трудящихся от собственности. Ухудшилось отношение к труду, заработная плата все в меньшей степени оказывалась заработанной, уравниловка распространилась на непосредственные формы организации оплаты труда. Последняя в этих условиях росла быстрее производительности труда.

Уравниловка и идущая с ней рука об руку затратность экономики способствовали дальнейшей формализации хозяйственного расчета. А ослабление хозрасчета, в свою очередь, снимало барьеры, препятствовавшие дальнейшему развитию самой уравниловки.

Когда экономика работает «на себя»

Сложившаяся в 70-е — первой половине 80-х годов взаимосвязь хозрасчетной заинтересованности и ответственности за условия приложения труда осуществлялась в значительной степени на основе ограничения самостоятельности предприятий и последовательного свертывания отношений эквивалентного обмена между ними.

Перераспределение доходов, тенденции уравнительного распределения сформировали инерционный механизм, в рамках которого экономические и неэкономические интересы предприятий оказались направлены на максимизацию затрат,

Вследствие этого в процессе воспроизводства совокупного общественного продукта возникли явления опережающего роста элементов промежуточного общественного продукта (незавершенное строительство, запасы средств и предметов труда) по сравнению с ростом элементов, представляющих собой конечный общественный продукт.

Подобное производство ради производства (при дефиците товаров для народа) — это уравниловка в общенациональном масштабе. Она ослабляет связь между доходами людей и реально произведенными в стране потребительскими благами как результатом труда общества.

Факт. При росте сельскохозяйственного производства в 1966—1985 годах на 58 процентов, производства промышленных товаров для народа — на 172 процента денежные доходы населения за это время выросли на 200 процентов, а вклады в сберкассах — на 1080 процентов.

Губительное воздействие на экономическую заинтересованность людей трудностей с отовариванием полученных доходов множит нереализованные возможности. Оценить объем экономических потерь вследствие такого ослабления заинтересованности в повышении эффективности труда очень сложно.

Однако можно показать, к каким потерям приводит работа экономики «на себя», а не на удовлетворение потребностей людей. Замедление скорости экономического обращения, опережающий рост промежуточного продукта в ущерб конечному результату может быть приблизительно оценен через скорость оборота авансированных обществом ресурсов. Выраженный в днях общий стоимостный оборот авансированных экономических ресурсов составил в 1965 году — 537 дней, в 1970 — 545, в 1980 — 670, в 1984 — 681 [1], в 1986 — 688 дней *. Замедление скорости стоимостного оборота авансированных производственных ресурсов сказалось на объеме получаемого национального дохода. Например, в случае сохранения скорости оборота 1970 года (545 дней) объем произведенного национального дохода при тех же ресурсах мог бы составить в 1986 году не 587,4 миллиарда рублей, как в действительности, а 741,5 миллиарда рублей. Таким образом, более быстрый оборот авансиро-

---

[1] См.: *Можайскова И. В.* Фактор времени в условиях повышения эффективности и интенсификации производства // Методологические проблемы эффективности и интенсификации в условиях социализма. М., 1987. С. 86.

* Рассчитано по методике И. В. Можайсковой на основе данных статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР за 70 лет».

рованных ресурсов (или хотя бы сохранение скорости 1970 года) позволил бы получить дополнительно при тех же авансированных ресурсах массу национального дохода объемом 154,1 миллиарда рублей.

Разумеется, эти расчеты носят вероятностно-оценочный характер, однако они прямо указывают на тяжесть экономических последствий рассогласованного развития хозрасчетной заинтересованности и ответственности производственных коллективов за условия приложения своего труда.

Сегодня нельзя не видеть всей сложности проблемы истоков и форм уравнительности в распределении. Глубокие истоки, лежащие в основании существующего экономического механизма функционирования экономики, многообразные формы проявления уравниловки предопределяют сложность проблемы ее преодоления. В этой связи предостережением против упрощенных подходов к проблеме преодоления уравнительности является вывод, сделанный на XIX Всесоюзной конференции КПСС: «запущенность дел в различных сферах экономики оказалась более серьезной, чем представлялось вначале» [1].

Поэтому, на наш взгляд, при обсуждении путей искоренения основ уравнительности следует решительно отказаться от алхимических поисков всякого рода «философских камней» — тех или иных изолированных мер, способных «чудодейственно» решить проблему распределения по труду.

Первым в ряду таких «философских камней» является все еще живучее стремление теоретически разработать и практически внедрить систему оценки трудового вклада каждого отдельного предприятия в народнохозяйственные результаты. При этом весь пафос разработчиков оценок направлен на якобы существующую необходимость отделения собственного вклада именно данного коллектива от чужих заслуг.

Бесспорно, пожинание плодов, полученных чужими усилиями, не отвечает принципам социальной справедливости. С одной стороны, очевидно, что доходы, получаемые предприятиями на основе завышения материальных затрат, использования дорогих комплектующих деталей и т. п., являются незаработанными. Однако, с другой стороны, оставляя вне поля воздействия стимулирующих рычагов все, что не касается трудового вклада конкретного коллектива, мы подрываем его экономическую заинтересованность в снижении затрат за счет

---

[1] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 7.

совершенствования, изменения хозяйственных связей с другими предприятиями.

Реальное повышение эффективности производства, то есть снижение затрат, существенный рост качества производимой продукции являются результатом не только трудового вклада одного предприятия, но и вклада его партнеров. Иными словами, в условиях современного разделения труда действительный трудовой вклад предприятия в народнохозяйственные результаты аккумулирует в себе как заслуги его коллектива, так и результаты деятельности других коллективов.

Особенно ярко эта закономерность проявляется в процессе формирования финансовых результатов хозяйственной деятельности предприятий. Хозрасчетный доход является порождением не только эффективности труда коллектива, но и системы его горизонтальных и вертикальных хозяйственных связей с другими трудовыми коллективами и субъектами управления. Рост или уменьшение хозрасчетного дохода могут быть следствием как деятельности самого предприятия, так и деятельности поставщиков, изменяющихся запросов потребителей, отношений предприятия с органами ценообразования, финансово-кредитной сферы, материально-технического обеспечения и т. д.

Не может быть панацеей от уравниловки и централизованное введение новой, «справедливой» системы цен. Цены, как показывает опыт, выступая узловым моментом формирования заинтересованности трудовых коллективов, сами по себе не в состоянии реализовать интересы предприятий в повышении эффективности производства. Для повышения эффективности необходимы соответствующие материальные условия, прежде всего техническая реконструкция, переход к современным ресурсосберегающим технологиям.

В еще меньшей степени может претендовать на роль «избавителя» от уравнительных тенденций преобразование форм и систем оплаты труда, рассматриваемое безотносительно к перестройке всей системы экономических отношений как по вертикали, так и по горизонтали.

Сформировавшаяся инерция уравниловки уже не допускает того, что частные меры, не увязанные с радикальной перестройкой всего хозяйственного механизма, смогут обеспечить последовательную реализацию социалистического принципа распределения по труду.

Затратный хозрасчет!

Важнейшей предпосылкой преодоления уравниловки выступает расширение возможностей предприятий, трудящихся самостоятельно влиять на затраты и результаты своего труда. Формулировка «больше демократии — больше социализма» как нельзя лучше отражает суть необходимых преобразований в системе экономических отношений. Самый эффективный путь для искоренения уравнительных тенденций, подчеркивалось на XIX Всесоюзной конференции КПСС,— это последовательное проведение в жизнь принципов хозрасчета.

Радикальная экономическая реформа провозглашает новые (или по-новому понимаемые) демократические принципы и элементы организации хозрасчета. Это:

— определение предприятия как социалистического товаропроизводителя;

— использование трудовым коллективом «как хозяином» общенародной собственности, обособленной частью которой «обладает» предприятие;

— приоритет потребителя в хозяйственных отношениях;

— экономическая состязательность предприятий;

— распределение дохода между обществом и предприятием по экономически обоснованным нормативам;

— ограничение монополии и пресечение попыток злоупотреблять ею;

— широкое самоуправление трудовых коллективов;

— приобретение предприятием материалов (включая средства производства) через прямые связи и оптовую торговлю;

— применение договорных цен;

— самостоятельность в установлении кооперационных и интеграционных связей с другими предприятиями и т. п.

Таким образом, идеи радикальной экономической реформы предполагают, что заинтересованность предприятий будет подкреплена хозрасчетной ответственностью не только за результаты, но и за условия приложения труда. Эффективным способом такой взаимоувязки хозрасчетной заинтересованности и ответственности является механизм самофинансирования предприятий.

Самофинансирование является стержневым моментом демократизации хозяйственной жизни, поскольку оно вводит перспективные экономические интересы в сферу хозрасчета. Однако полный хозяйственный расчет и самофинансирование не являются самоцелью. Это важнейшее средство перевода всей нашей экономики на использование интенсивных факто-

ров экономического роста ради удовлетворения разноуровневых потребностей общества.

Сегодня совершенно очевидно, что без преодоления сложившейся затратности экономики новые принципы хозяйственного расчета не обеспечивают преодоления уравниловки, ибо не смогут гарантировать соблюдение непреложного закона: нельзя распределять больше, чем произведено.

Следовательно, экономически приемлемым является не всякое самофинансирование социалистического товаропроизводителя, а лишь такое, которое создает и реализует его заинтересованность в росте эффективности при одновременном улучшении потребительских свойств продукта труда. Наше общество крайне заинтересовано в том, чтобы прибавочный продукт рос главным образом за счет снижения затрат, а не за счет роста стоимостных объемов производства.

Осуществление перехода от старого механизма хозяйствования к новому не только по форме, но и по существу (то есть к такому механизму, в котором будут преодолены объективные основы уравнительного распределения) происходит и еще некоторое время будет происходить в условиях сосуществования старых и новых форм хозяйствования. Такое сосуществование неизбежно накладывает свой отпечаток на процессы реализации идей реформы, осложняя их.

Какие же проблемы здесь можно выделить? Наибольшую тревогу вызывает проблема обеспечения безубыточности предприятий как предпосылки самофинансирования. Возникающие стремления решить проблему безубыточности «на кончике пера», то есть посредством изменений уровней и соотношений цен, чреваты не только усилением инфляционных тенденций, но и воспроизводством ценовых каналов перераспределения доходов лучших предприятий и отраслей в пользу худших.

Есть ли потолок для цен?

Принято решение, в соответствии с которым предпосылки самофинансирования, в частности безубыточность работы добывающих отраслей промышленности, а также стимулирование экономии материальных ресурсов в обрабатывающей промышленности, предстоит решать на основе комплексной реформы системы цен. Она предполагает не только изменение методических принципов формирования цен на новую продукцию, но и существенное повышение цен на продукцию добывающих отраслей.

И здесь правомерен вопрос о последствиях такого единоразового пересмотра для динамики хозрасчетных затрат и результатов. Основанием для такого вопроса могут быть результаты пересмотров цен в прошлом, о чем уже упоминалось.

Обращает на себя внимание и сокращение периодов между пересмотрами цен в сторону повышения. Так, между подобного рода пересмотрами (1967 и 1982 гг.), единовременно повысившими общий индекс цен соответственно на 8 и 10 процентов, прошло 15 лет, тогда как между последним и планируемым пересмотром (1990 г.) пройдет только 8 лет. Уже этот факт говорит о неблагоприятной тенденции роста издержек, который во все большей степени опережает рост результатов.

Другой момент в анализе последствий пересмотров цен заключается в определении ближайших и отдаленных последствий роста цен на предметы труда (сырье, топливо, энергию) в отраслях и на предприятиях, их потребляющих.

Важное место здесь занимает проблема механизма компенсации роста себестоимости, обусловленного внешними факторами. Компенсация возможна трех видов: за счет внутренних удешевляющих факторов; за счет предприятий — потребителей продукции, в цену которой заложена возросшая себестоимость; за счет экономического центра.

Следует сразу заметить, что в случае перенесения финансовой ответственности за рост себестоимости, происходящий по мере удорожания ресурсов, на потребителей или же на систему централизованных дотаций самофинансирования на деле не будет. Даже если предприятия и будут осуществлять расширенное воспроизводство за счет собственных средств, не будет обеспечена самоокупаемость их возросших затрат в рамках всего народнохозяйственного комплекса.

Ведь рост финансовых результатов за счет автоматического роста цен на продукцию, осуществляющегося по мере роста ее себестоимости, не обеспечивает прироста потребительных стоимостей, а лишь увеличивает их денежную оценку. Тем самым нарушается сбалансированность натурально-вещественных и стоимостных потоков, возникает дефицит ресурсов по сравнению с платежеспособным спросом на них, дезориентируются принимающие решения плановые органы, осуществляется губительное для развития экономической заинтересованности ничем не обоснованное перераспределение доходов потребителей продукции в пользу ее производителей. Словом, снова все упирается в уравниловку.

Кроме того, практика свидетельствует о том, что в условиях затратной оценки деятельности трудовых коллективов механизм хозрасчетных интересов не обеспечил противодействия

цепной реакции роста издержек и цен. Вслед за изменением цен на элементы материальных затрат росли и цены на готовую продукцию. Более отдаленные последствия единовременного пересмотра цен состояли в снижении уровня самоокупаемости затрат в народном хозяйстве и, как следствие, в необходимости нового пересмотра цен. Таким образом, реакция пошла по второму кругу.

А ведь ближайшие последствия пересмотра цен были прямо противоположными: прибыль по народному хозяйству росла быстрее цен на средства производства. Но так продолжалось недолго. Нарушения сбалансированности экономического роста, появление необеспеченных товарным покрытием платежных средств в безналичном и налично-денежном обороте привели к замедлению темпов роста, ухудшению финансовых результатов хозяйственной деятельности всего народнохозяйственного комплекса.

Какие выводы можно извлечь из уроков прошлого? Прежде всего тот, что необходим надежный заслон на пути цепной реакции роста издержек и цен. Обеспечение предпосылок самофинансирования требует такой одновременной активизации хозрасчетных интересов и ответственности, которая смогла бы преодолеть внешние удорожающие тенденции.

Что для этого необходимо? В первую очередь управление интересами должно строиться на учете того обстоятельства, что формирование и реализация хозрасчетных интересов могут эффективно действовать в противозатратном направлении исключительно в условиях полной, а главное реальной (!) самостоятельности предприятий. Именно с этих позиций следует рассматривать соответствие новым требованиям хозяйствования плановых рычагов влияния центра на деятельность предприятий. Такие рычаги должны быть направлены на создание условий для самостоятельного изменения предприятиями связей в кругообороте своих фондов.

Нельзя, на наш взгляд, абстрагироваться при введении новых оптовых, закупочных, сметных цен и тарифов от того, что до начала ценовой реформы нереально повсеместно преодолеть инерционные тенденции экстенсивного экономического роста.

Настораживает и такое положение. Требования к осуществлению перестройки ценообразования, зафиксированные Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 года № 820 предполагают помимо решения целого ряда других задач также и «преодоление тенденций к росту цен на основе развития экономического соревнования, состязательности предприятий, ликвидации дефицита и любых дру-

гих видов монополизма, давления на производителя со стороны потребителя»[1]. Но ведь создание ценовых предпосылок осуществления экономической состязательности само по себе вполне может стать фактором возникновения дефицита, упрочения монополизма.

Главное условие реальной состязательности товаропроизводителей — это действительное осуществление хозрасчетной ответственности за условия приложения своего труда. В переходном, по сути, хозяйственном механизме, который будет функционировать и на момент осуществления ценовой реформы (1990—1991 гг.) неизбежно скажутся те материальные основы процесса уравнительности и затратности, которые к тому времени преодолеть просто невозможно.

Что имеется в виду? Это технологическая отсталость, вызванная изношенностью фондов, огромные объемы незавершенного строительства, неоптимальные формы специализации, в частности самообеспечение продукцией межотраслевого назначения, структурная несбалансированность платежеспособного спроса на новые средства производства и объемов их производства.

Особо важное значение для реальности самофинансирования и хозрасчетной ответственности имеет последнее обстоятельство. До сих пор, как известно, не удалось достичь существенного ускорения развития отраслей машиностроительного комплекса, сорвано большинство заданий по выпуску новой высокоэффективной техники и, соответственно, по выводу из эксплуатации устаревшего оборудования. Тем самым ослабляются возможности осуществления товаропроизводителями в рамках самофинансируемого обновления техники и технологии радикальных ресурсосберегающих мероприятий.

Нельзя, на наш взгляд, полностью согласиться с председателем Госкомцен СССР В. С. Павловым, который считает, что «перевод народного хозяйства на самоокупаемость и самофинансирование позволит создать ресурсосберегающую экономику на базе действенного использования системы платежей за все виды ресурсов, потребляемых в производстве»[2]. Платежи за ресурсы действительно формируют хозрасчетную заинтересованность в их экономии. Но ведь реализуется эта заинтересованность не благодаря тем или иным финансовым отношениям с экономическим центром, а на основе действительного материально-вещественного процесса технической реконструк-

---

[1] О коренной перестройке управления экономикой: Сб. документов. М., 1988. С. 153.

[2] *Павлов В. С.* Радикальная реформа ценообразования. М., 1988. С. 23.

ции и перехода на его основе к ресурсосберегающим технологиям производства.

Безусловно, определенные резервы ресурсосбережения имеются и в рамках действующих технологий, однако радикальное ресурсосбережение возможно только на основе технологического прогресса. В этих условиях весьма показательным и предостерегающим от необдуманных решений является тот факт последней ценовой реформы, что рост цен на энергоносители и сырье не привел к существенной их экономии в ресурсопотребляющих отраслях.

На наш взгляд, вопрос о создании ценовых условий для самофинансирования не должен решаться в рамках обобщенного обезличенного подхода к целым группам отраслей. Дефицит ресурсов и убыточность их производства сами по себе не являются основанием для повышения цен, так как внедрение новой системы распределения прибыли, реализующей принципы самоокупаемости и самофинансирования, не может рассматриваться как самоцель. Самоокупаемость технологически отсталых предприятий является лишь видимостью их финансового благополучия. Тем более нетерпимой является такая ситуация, когда самоокупаемость и самофинансирование не позволяют предприятию осуществлять радикальные ресурсосберегающие мероприятия из-за дефицита необходимых средств производства и мощностей строительно-монтажных организаций, осуществляющих реконструкцию.

Нельзя в качестве аксиомы принять утверждение, что заниженность цен на топливно-сырьевые ресурсы (по сравнению с фактическими затратами на их производство) ведет к такой ситуации, «когда наращивание объемов производства указанных сырьевых ресурсов делает государство не богаче, а, как это ни парадоксально, беднее и требует все возрастающих ассигнований»[1]. Наращивание объемов производства невосполнимых ресурсов в любом случае обедняет государство. Богаче государство становится в том случае, если потребности экономического роста удовлетворяются за счет экономии ресурсов, а не наращивания их производства.

Стремление во что бы то ни стало обеспечить рентабельность производства с помощью высоких цен не позволяет преодолеть тот недостаток затратного ценообразования, о котором говорится в упомянутом Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 года. «Сложившийся подход к ценообразованию,— отмечается в постановлении,— в значительной мере основывается на принципе возмещения

[1] *Павлов В. С.* Радикальная реформа ценообразования. С. 9.

индивидуальных затрат предприятий и позволяет им получать прибыль, не зависящую от эффективности хозяйствования. Это создает возможность и прямую заинтересованность в завышении цен, условия для увеличения стоимостных объемов и улучшения оценочных показателей без реального роста продукции и эффективности производства, тормозит реализацию курса на поведение режима экономии» [1].

Когда поспешность во вред

Нельзя сбрасывать со счетов и опасности формализации принципа самофинансирования, как это было в недалеком прошлом. Опасность такой формализации возрастает в случае, когда форсированно создаются условия для перехода на самофинансирование предприятий целых отраслей и комплексов отраслей. Иной формы обеспечения таких условий, кроме перераспределения доходов лучших предприятий в пользу худших, нет. В погоне за количеством переведенных на новые условия хозяйствования предприятий нельзя избежать и индивидуализации нормативов платы за ресурсы, налогов на доход (прибыль), нормативов отчислений в фонды вышестоящих субъектов управления, нормативов отчислений в фонды стимулирования. В таких условиях не создается подлинная заинтересованность в состязательности, ресурсосбережении, так как доходы, оставляемые товаропроизводителю, в большей степени определяются обстоятельствами утверждения нормативов, нежели результативностью и эффективностью их работы. При такой ситуации, по словам П. Г. Бунича, «в главном — ничто не меняется по сравнению с существующим положением, поскольку в индивидуальных нормативах фиксируются сложившиеся на каждом предприятии условия воспроизводства. Налицо подгонка под самофинансирование» [2].

Реальное самофинансирование предполагает единые требования к формированию и распределению финансовых ресурсов — единые нормативы для высокоэффективных видов производства. По отношению же к малорентабельным и убыточным предприятиям министерство могло бы, освободив их на определенный срок от платы за ресурсы, целенаправленно реализовать систему мер по преодолению убыточности и ма-

[1] О коренной перестройке управления экономикой. С. 151.

[2] *Бунич П. Г.* // Экономика и организация пром. пр-ва. 1988. № 3. С. 7.

лодоходности (на основе реконструкции и обновления с возможным перепрофилированием производства, сдачей предприятия в аренду и т. п.).

Такая система отличалась бы, во-первых, отсутствием волюнтаристского, подрывающего хозрасчет, перераспределения доходов лучших предприятий отрасли в пользу худших и, во-вторых, тем, что помощь отстающим предприятиям была бы целенаправленной, преодолевающей не последствия, а причины неэффективности.

Преодоление сложившихся основ уравнительности в распределительных отношениях предполагает создание такого демократического механизма управления и самоуправления деятельностью предприятий, который бы позволил установить хозрасчетную ответственность не только за результаты, но и за условия приложения труда. При таких отношениях хозрасчетной ответственности исчезает возможность списать свои недостатки на счет других, сослаться на «объективные причины». Немаловажно при этом преодолеть, поломать многие стереотипы экономического мышления. Ведь не секрет, что прежняя ситуация, когда никто ни за что не отвечал, являясь лишь исполнителем чужой воли, многих устраивала. Поэтому, для того чтобы общество приняло намеченные революционные преобразования, важно дать как можно быстрее трудящимся почувствовать себя хозяевами производства, а не неотвечающими ни за что винтиками бюрократического механизма управления. Решающим условием здесь является также обеспечение реального сдвига в эффективности производства, существенное повышение уровня жизни людей. А это предполагает перестройку механизма оплаты труда.

За какой результат платить!

Известно, что экономическая теория социализма всегда исходила из необходимости строгого соблюдения принципа распределения по труду. Так почему же на практике мы наблюдаем сегодня столь серьезные деформации в этом деле? Думается, прежде всего потому, что содержание указанного принципа трактовалось по-разному, зачастую с противоположных позиций. Все многообразие точек зрения на данную проблему может быть сведено к нескольким основным: понимание распределения по труду как, во-первых, распределения в соответствии с затратами труда, во-вторых, в соответствии с его результатами и, в-третьих, как распределение по затратам

труда с учетом его результатов. Однако вплоть до последнего времени практическая организация оплаты труда определялась в основном первой из этих точек зрения. Соответственно размеры фондов заработной платы рассчитывались, исходя из численности работников и средней заработной платы, величина которой устанавливалась на основе действовавших тарифных условий и систем заработной платы. В тарифных условиях учитывались квалификация, профессия работника, сложившиеся представления о народнохозяйственной значимости отрасли, условия труда, то есть факторы, которые имеют важное значение и должны непосредственно влиять на оплату труда, однако с конкретными результатами связанные лишь косвенно.

В результате сложилась практика, когда человеку начисляли заработную плату «за явку на работу», «за должность», «престижность профессии» и т. д.

Означает ли сказанное, что оплата труда никак не увязывалась с его результатами? Нет, конечно. Фонд заработной платы и раньше корректировался с учетом фактических объемов производства продукции, как правило, в стоимостном измерении. Размеры фонда материального поощрения зависели от уровня и динамики ряда фондообразующих и фондокорректирующих показателей, призванных служить измерителями как количественных, так и качественных результатов: производительности труда, прибыли, выполнения плана реализации продукции с учетом поставок, удельного веса продукции высшего качества, предельного уровня материальных затрат и т. д. Состав и значение фондообразующих и фондокорректирующих показателей постоянно менялись. Но учет всех этих результатов производства служил лишь для корректировки установленных фондов заработной платы. Доля же фондов материального поощрения в оплате труда при всех изменениях в системе фондообразования была крайне незначительна — менее 10 процентов. Кроме того, сама оценка результатов производства осуществлялась преимущественно на основе затратных, валовых показателей. Ведь валовая, товарная, реализованная, нормативная чистая продукция по своей сути — лишь измерители объема затрат.

Таким образом, рост оплаты труда ставился в непосредственную зависимость от увеличения затрат живого и овеществленного труда. Теоретическим оправданием такой практики являлось представление о том, что при социализме труд имеет непосредственно общественный характер и, следовательно, любая затрата труда является целесообразной. Причем целесообразность затрат определяется в плановом порядке, то есть

до начала процесса труда, а не по его завершении. Естественно, что при таком подходе учет реальных результатов не нужен. И тот факт, что значительная часть продукции, произведенной в соответствии с планом, не получала общественного признания в обмене, попросту игнорировался.

Сторонники затратной экономики считали естественным положение, при котором государство полностью принимает на себя ответственность за работу предприятия. Да и нерадивых хозяйственников устраивало положение, при котором даже если продукцию того или иного предприятия не покупали, затраты на ее производство в той или иной форме покрывались обществом. Этот подход был полностью отвергнут на XXVII съезде КПСС. В частности, в Политическом докладе подчеркнуто: «Мы не можем дальше мириться с тем, что работники предприятий, выпускающих негодную продукцию, живут без особых забот, получая сполна и зарплату, и премии, и другие блага» [1].

Проводимая в настоящее время перестройка механизма оплаты труда направлена на последовательную реализацию основного принципа социализма — распределения по труду. Реформа затрагивает все элементы оплаты труда, тарифную систему, системы и схемы должностных окладов, надбавки и доплаты, премирование. Она распространяется на всю производственную сферу народного хозяйства и призвана усилить дифференциацию оплаты в зависимости от реального трудового вклада коллективов и отдельных работников. А переход на условия, определенные в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О совершенствовании организации заработной платы и введении новых тарифных ставок и должностных окладов работников производственных отраслей народного хозяйства» создает принципиально новые возможности для усиления различий в оплате труда всех категорий трудящихся за счет расширения «вилок» тарифных ставок и должностных окладов, использования надбавок за профессиональное мастерство, отмены ограничений на размеры доплат за совмещение профессий и т. д.

Такая комплексность и глубина преобразований коренным образом отличает реформу от проводившихся в последние десятилетия ограниченных мероприятий по совершенствованию заработной платы и систем премирования. Но основное отличие состоит в том, что средства на введение новых условий оплаты должны быть трудовыми коллективами заработа-

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 36.

ны, а рост оплаты труда необходимо жестко увязать с повышением его производительности. Принципиально новым моментом является также вывод о том, что размер фонда заработной платы предприятий должен быть непосредственно увязан с доходами от реализации их продукции. Эти установки характеризуют собой качественно новый шаг в понимании сущности и механизма действия закона распределения по труду. Они в значительной мере являются ответами на вопросы, которые оставались дискуссионными в течение многих десятилетий.

Итак, сегодня совершенно очевидно, что оплату труда необходимо поставить в прямую зависимость от его конечных результатов.

Но возникает другой вопрос: что считать конечным результатом, за какой результат платить? Удовлетворительный ответ на него пока не дан. И на XIX Всесоюзной конференции КПСС Госплану, Академии наук СССР указано на необходимость выработать предложения по этому вопросу, на основе которых уже в тринадцатой пятилетке велось бы планирование и оценивались результаты экономического развития. Но это все хотя и в недалекой, но все же перспективе.

А как дело обстоит сегодня? Между тем, пока надежные измерители конечных результатов производства не найдены, в системе оплаты труда проявилось, на наш взгляд, чрезвычайно негативное явление: возрастает роль затратных показателей, и прежде всего показателя товарной продукции при определении оплаты труда. Этот неожиданный и не предусмотренный ни в каких постановлениях результат начального этапа реформы оплаты труда может иметь далеко идущие негативные последствия.

В чем здесь дело? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы бегло проанализировать формы хозрасчета.

Информация. Статья 3 Закона СССР о государственном предприятии (объединении) предусматривает право коллектива выбирать «с разрешения вышестоящего органа» одну из двух форм хозрасчета. Первая основана на нормативном распределении прибыли. Часть прибыли, оставшаяся после расчетов с бюджетом, банками и министерством, поступает в распоряжение трудового коллектива. Из нее создаются фонды, в том числе и фонд материального поощрения. А фонд зарплаты, как и раньше, образуется в зависимости от объема выпускаемой предприятием продукции. Вторая форма хозрасчета основана на нормативном распределении остаточного

дохода, полученного после возмещения из выручки всех материальных затрат. Из дохода предприятие рассчитывается с бюджетом и министерством, а оставшаяся сумма является хозрасчетным доходом коллектива. При этом единый фонд оплаты труда образуется как остаток хозрасчетного дохода после вычета из него фондов развития производства, науки и техники, социального развития.

Суть возникшей проблемы заключается в том, что при использовании первой формы хозрасчета (а именно эту форму приняло большинство предприятий) фонд заработной платы образуется по нормативу к чистой продукции или другим измерителям продукции. Нормативно-методическими документами предусмотрено, что выбор измерителей продукции производится министерствами с учетом специфики отрасли. В качестве «зарплатообразующих» показателей применяются товарная, нормативная чистая продукция, а также натуральные измерители в добывающих отраслях. Однако на практике основную роль играет товарная продукция: в большинстве отраслей просто отказались от показателя «нормативной чистой продукции».

Здесь нетрудно предвидеть, что образование фондов заработной платы по нормативам к товарной продукции может привести к усилению заинтересованности предприятий и объединений в чисто экстенсивном наращивании производства, побудить их с еще большей настойчивостью добиваться повышения цен на свою продукцию, то есть реально укрепить основы затратного механизма. И практика уже подтверждает эти опасения.

Практика подсказывает

Опыт прошлых лет свидетельствует, что применение товарной и реализованной продукции для измерения производительности труда и образования фондов заработной платы ставит уровень и динамику заработной платы в непосредственную зависимость от нерационального наращивания материальных затрат. Именно это послужило в свое время основной причиной введения в хозяйственную практику показателя нормативной чистой продукции, который был призван устранить заинтересованность предприятий в росте материалоемкости производства.

В условиях старого хозяйственного механизма затратные

свойства товарной продукции в значительной мере ослаблялись господствующими уравнительными тенденциями. Жесткой зависимости между увеличением производительности труда и ростом зарплаты не существовало, а учет объемов производства, как уже отмечалось, служил лишь для корректировки установленных фондов заработной платы.

Сегодня же нормативный метод в условиях первой формы хозрасчета ставит их увеличение в прямую зависимость от «зарплатообразующего» показателя. С одной стороны, этот метод сохраняет недостатки планирования «от достигнутого», поскольку при его использовании в лучшем положении находятся предприятия, имеющие завышенные базовые фонды зарплаты. С другой — для трудовых коллективов, работающих в условиях первой формы хозрасчета, есть только два пути увеличения средней заработной платы — повышение производительности труда либо за счет высвобождения работников, либо на основе роста объемов производства. И если реально смотреть на вещи, то очевидно, что при всей значительности имеющихся резервов высвобождения рабочей силы основная роль все-таки отводится росту объемов товарной продукции. При этом мероприятия, формально направленные на укрепление хозрасчетных отношений в сфере оплаты труда (переход к единым и стабильным, долевым, а не приростным нормативам), только усилят заинтересованность хозяйственных звеньев в использовании затратных методов.

К столь же отрицательным последствиям приводит и образование фонда заработной платы на единицу продукции (работ, услуг) в натуральном выражении. Этот метод рассчитан на применение прежде всего в сырьевых отраслях и связан с их долговременной ориентацией на постоянное наращивание объемов производства и добычи. А как же быть с активной политикой ресурсосбережения? Как превратить экономию материальных ресурсов в основной источник удовлетворения потребностей народного хозяйства в приросте этих ресурсов? Ведь сегодня необходимо учитывать и использовать все возможности экономии и даже абсолютного сокращения добычи отдельных видов сырья и производства некоторых материалов. Увязывание же заработной платы с изменением валовых натуральных измерителей формирует ведомственный интерес, препятствующий этому.

Очевидны сегодня и недостатки нормативной чистой продукции, сохранившей и в новых условиях в ряде отраслей роль зарплатообразующего показателя и основного измерителя производительности труда. Казалось бы, положительным моментом ее использования является то, что прирост фондов

заработной платы не обусловливается увеличением материалоемкости продукции. Но это означает также, что отсутствует заинтересованность в экономии материальных затрат (и в целом затрат овеществленного труда), поскольку экономия не влияет на размеры нормативной чистой продукции.

Как бороться с валом?

Отмеченные пороки объемных валовых показателей общеизвестны. В экономической литературе, выступлениях публицистов не прекращается критика применения их для измерения производительности труда и его оплаты. Но далеко не всегда она носит конструктивный характер. Нередко предлагаются рецепты, уже не раз проверенные на практике и показавшие свою несостоятельность. Это относится прежде всего к требованию теснее увязать оплату труда с нормативной трудоемкостью продукции, исчисляемой на основе прогрессивных норм труда. Такой путь представляется заведомо неплодотворным, поскольку опыт свидетельствует, что предприятия и отраслевые министерства легко добиваются занижения норм.

Факт. Только за последние три пятилетки задача упорядочения формирования ставилась четыре раза, но каких-либо позитивных изменений не произошло. Нормы выработки в целом по промышленности перевыполняются в среднем на треть, что свидетельствует об их непрогрессивности. При этом средний процент выполнения норм выработки в последние годы вырос, хотя предусматривалось его снижение.

Практика убедительно доказала: проблему нормирования можно решить лишь тогда, когда будет создан механизм, делающий невыгодным применение заниженных норм. И совершенно очевидно, что такой механизм не может быть создан, если оплата труда увязывается с уровнем нормы, а не с конечными результатами труда.

За советами к классикам

Многие экономисты справедливо отмечают несовместимость существующих способов оценки производительности труда на основе объемных стоимостных показателей со взглядами классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс связывал рост

производительности труда с его способностью производить большее количество потребительной стоимости (но не стоимости), подчеркивал обратный характер зависимости между динамикой производительности и стоимости[1]. В. И. Ленин считал абсурдом рост производительности без снижения стоимости продукта[2]. Но из этих бесспорных положений учеными зачастую делается вывод о необходимости усиления роли натуральных измерителей. Дискуссия ведется вокруг вопроса о том, какие из измерителей лучше — тонны, метры, штуки и т. д. При этом, как правило, совершенно не учитывается, что классики марксизма-ленинизма говорили об измерении производительности труда в производстве единичного продукта, подчеркивая несоизмеримость различных потребительных стоимостей. Маркс отмечал, что общественная производительность труда не тождественна производительности единичного конкретного труда и выражается в экономии овеществленного труда в звеньях индивидуального воспроизводства. Такая экономия количественно может быть оценена увеличением прибыли. Прибыль, по определению Маркса,— предметное выражение производительности труда при капитализме[3]. Однако это вовсе не значит, что другие измерители производительности не должны применяться.

Сегодня широко распространена практика исчисления производительности путем деления объема продажи продукции на численность работающих, то есть на основе показателей, во многом аналогичных реализованной и товарной продукции. Используются также натуральные и условно-натуральные измерители, добавленная стоимость обработки и т. д. Но их увеличение не является самоцелью и не может достигаться за счет выпуска невыгодной продукции (не находящей сбыта, нерентабельной и т. д.). Другими словами, прибыль как выражение общественной производительности труда при капитализме играет роль ограничителя, определяет рациональные пределы роста показателей производительности, исчисленных на основе других измерителей.

Нужен ли подобный обобщающий измеритель производительности труда при социализме? Без сомнения, он жизненно необходим. Сегодня, когда предубеждение против использования товарно-денежных отношений при социализме в основном преодолено, а происходящая коренная перестройка хозяйственного механизма направлена на их всемерное раз-

---

[1] См.: *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 55.

[2] См.: *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 46. С. 29.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* // Соч. 2-е изд. Т. 48. С. 38.

витие, не может быть серьезных возражений против использования прибыли в качестве измерителя производительности труда. Категория прибыли внутренне присуща социалистическому товарному производству. Она выступает как форма прибавочного продукта, характеризующего при социализме не степень эксплуатации трудящихся, а меру общественного и личного благосостояния. Следует помнить, что Ленин решительно возражал против противопоставления прибыли высшей цели производства при социализме — удовлетворению общественных потребностей [1].

К сожалению, такое противопоставление не является редкостью и сегодня. На каком основании? Да на том, что ориентация предприятий на увеличение прибыли якобы приводит к «вымыванию» дешевого ассортимента, невыгодности производства продукции, имеющей важное социальное значение. Но ведь это свидетельствует лишь о том, что до сих пор в хозяйственной практике не удалось полностью реализовать принцип: «То, что выгодно обществу, должно быть выгодно коллективам и отдельным работникам».

Органы хозяйственного управления как выразители общегосударственных интересов вполне могут гарантировать выгодность продукции, имеющей важное народнохозяйственное или социальное значение. Причем гарантировать наиболее простым путем — обеспечивая производителю высокую норму прибыли при помощи цен, налогов, платежей, кредитов и т. д. При этом закономерно именно прибыль использовать как обобщающий измеритель производительности труда, конечных результатов производства, а значит, и сделать ее определяющим фактором изменения оплаты труда. О возможности и обоснованности такого пути наглядно свидетельствует опыт многих социалистических стран.

В нашей экономике признать прибыль критерием, от которого ставится в зависимость динамика оплаты труда, позволит переход на вторую форму хозяйственного расчета. При ней, как известно, оплата труда непосредственно увязывается с реализованной продукцией. Но поскольку требования закона опережающего роста производительности труда в сравнении с ростом заработной платы предполагают увеличение прибыли на единицу продукции при одновременном уменьшении зарплатоемкости продукции, прибыль, безусловно, должна играть ведущую роль. То есть фактически при второй форме хозрасчета оплата труда определяется динамикой при-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» // Ленинский сборник. Т. XI. С. 382.

были. И нельзя согласиться с встречающимся утверждением, что прибыль является обобщающим измерителем результатов производства при первой форме хозяйственного расчета, а чистая продукция — при второй. Ведь использование второй модели хозрасчета не меняет того обстоятельства, что заработная плата — элемент издержек производства, то есть имеет затратную природу. А это не позволяет рассматривать в качестве обобщающего измерителя результатов всю чистую продукцию.

Новое — хорошо забытое старое

Идея использования прибыли для измерения общественной производительности труда и превращения ее в основной критерий роста оплаты труда отнюдь не нова. Принципиально новым является понимание того, что суть оценки результатов хозяйственной деятельности не сводится к проблеме поиска оптимальных показателей. Гораздо важнее учет реальных экономических условий, экономических отношений, в которых эти показатели применяются. Переход ко второй форме хозяйственного расчета предполагает радикальные изменения в системе экономических отношений, направленные, в частности, и на то, чтобы прибыль реально играла роль комплексного результативного измерителя, отражающего вклад отдельных хозяйственных звеньев в повышение общественной производительности труда. Эти изменения затрагивают все элементы хозяйственного механизма — планирование, ценообразование, материально-техническое снабжение, кредит и другие. Лишь на основе их учета можно ответить на вопросы: что же определяет размеры оплаты труда? какой результат оплачивается в условиях второй формы хозрасчета?

Формирование фонда оплаты труда как остаточной величины, образующейся на основе распределения выручки от реализации продукции означает, что основная и дополнительная заработная плата как трудовых коллективов в целом, так и отдельных работников ставится в непосредственную зависимость от всех факторов, влияющих на сбыт продукции. Другими словами, размеры оплаты определяются не только количеством и качеством затрат живого труда, но и материальными условиями (фондовооруженностью, качеством основных фондов и технологии), уровнем организации производства, фактическим соответствием произведенной продукции (работ, услуг) общественным потребностям.

Очевидно, что оплата труда может зависеть от этих факторов лишь в том случае, если трудовые коллективы имеют реальные возможности влияния на них. Например, если продукция не реализуется из-за слишком высоких цен, установленных государственным органом ценообразования, то ответственность за это целесообразно возлагать на данный орган. Если предприятию доведен госзаказ, вынуждающий производить неходовую продукцию (а на XIX Всесоюзной партконференции отмечалось, что такая практика особенно была распространена в 1988 году), то неправомерно ставить вопрос об ответственности трудовых коллективов за ее реализацию.

Что мешает качеству!

Выпуск продукции, пользующейся спросом, непосредственно зависит от состояния технической базы. Сегодня, когда предприятия не имеют возможностей для полного обновления производственных фондов или же когда такое обновление производится за счет средств бюджета, реализация продукции также и по этой причине находится в значительной мере вне сферы влияния трудовых коллективов. Если же затруднения в сбыте продукции обусловлены низким качеством используемых в ее производстве сырья, материалов, полуфабрикатов, то предприятие может нести за них ответственность лишь тогда, когда оно наделено правом выбора поставщика, то есть когда материально-техническое снабжение осуществляется в порядке бесфондовой оптовой торговли средствами производства.

Таким образом, формирование фондов оплаты труда как результативно-остаточных величин, образуемых на основе распределения валового дохода от реализации продукции, возможно лишь в условиях превращения трудовых коллективов в реальных хозяев производства, работающих на принципах самофинансирования, наделенных широкими правами в планировании, ценообразовании, организации управления.

В завтрашний день со вчерашними подходами!

В настоящее время многие из указанных предпосылок эффективного использования второй формы хозрасчета и, следовательно, остаточного метода формирования фондов оплаты труда только создаются. Специфика начального этапа

экономической реформы состоит в сосуществовании, переплетении и взаимодействии как хозрасчетных, так и принципиально несовместимых с хозрасчетом, противоречащих ему административно-командных методов управления. И зачастую новые хозрасчетные элементы «отторгаются» хозяйственным механизмом или же в процессе использования в значительной мере меняется их сущность. Примером может служить сложившаяся в 1988 году практика госзаказов, превратившихся на самом деле в «госприказы», при помощи которых осуществляется прежний ведомственный диктат.

Переходный характер действующего хозяйственного механизма, сочетание в нем противоположных начал необходимо учитывать при выборе конкретных форм использования остаточного метода формирования фонда оплаты труда. Используя вторую форму хозрасчета, коллектив рискует остаться без полной зарплаты: если плохо работаешь, зарплату не начислят. Правда, такая возможность останется чисто теоретической, пока госзаказ охватывает практически всю производимую продукцию. Ведь при этом экономические нормативы имеют индивидуальный характер, предприятия могут освобождаться от платы за фонды и трудовые ресурсы, кредит в значительной мере лишен своего основного признака — возвратности, а цены покрывают нерационально высокие индивидуальные затраты производства.

Другими словами, проблемы «зарабатываемости» фонда оплаты труда не будут достаточно острыми до тех пор, пока хозяйственный механизм гарантирует благополучие отстающих хозяйств за счет сильных. А в то же время любой крупный шаг, направленный на углубление хозрасчетных отношений (например, ужесточение условий предоставления кредитов, переход к календарной очередности платежей, введение единых, недифференцированных по предприятиям отрасли экономических нормативов), может создать серьезные трудности в выплате заработной платы. И поскольку при остаточном методе (вторая модель хозрасчета) фонд оплаты труда играет роль своего рода «амортизатора», то на нем в первую очередь и скажутся затруднения в платежах.

Однако это нельзя рассматривать только как негативный фактор. Ведь отсутствие средств на выплату заработной платы — естественный для экономики сигнал о неблагополучии на том или ином предприятии, который призван побудить его коллектив и вышестоящие организации к анализу причин сложившейся ситуации, лучшему использованию резервов производства. А может возникнуть необходимость даже в ликвидации или перепрофилировании предприятия.

Тем не менее нельзя не учитывать, что оплата труда — не просто рычаг повышения производительности, но и важнейшая социальная категория, выражающая преимущества социалистического способа производства. В СССР, как и в других социалистических странах, при использовании остаточного метода определенная часть фондов оплаты труда гарантируется (как правило, в пределах тарифной оплаты). Это ни в коей мере не противоречит принципу распределения по общественно признанным результатам труда. При социализме каждый трудящийся является собственником средств производства, которыми располагает общество. Соответственно оплата труда людей должна зависеть не только от результатов работы конкретного предприятия, но и от эффективности общественного производства в целом. То есть определенная ее часть должна гарантироваться. Обоснованными представляются предложения многих специалистов о введении единого минимума оплаты, не связанного с ее тарифной частью и определяемого с учетом изменения совокупного индекса цен на наиболее ходовые потребительские товары, составляющие содержание так называемой «рыночной корзины» потребителя.

Видеть перспективу

Известное положение экономической теории гласит: одним из проявлений роста производительности труда является более быстрый рост доли прибавочного продукта во вновь созданной стоимости. Что это значит? Прежде всего то, что для контроля соотношения между уровнями средней заработной платы и производительности труда необходимо исключить возможность завышения заработной платы и занижения прибыли. Другими словами, требуется не допускать ситуаций, при которых увеличение зарплаты происходит за счет уменьшения средств на производственное накопление или платежей в бюджет. А подобные ситуации вполне реальны, если трудовые коллективы ориентируются на максимизацию только текущих результатов и безразличны к перспективным.

Работники должны быть уверены, что средства, вложенные в развитие технической базы предприятия, в будущем обеспечат рост их доходов. Особенно благоприятные возможности для этого создаются с развитием арендных отношений.

То что происходит ныне в кооперативном движении, наиболее точно характеризуют два слова: неупорядоченность и недопонимание. И хотя автор главы кандидат экономических наук **Александр Иванович Рымарук** не столь категоричен, факт остается фактом: у кооперации на пути к тому, чтобы стать равноправным сектором экономики страны, немало препятствий. Между тем кооперативы могли бы в сжатые сроки существенно улучшить ситуацию на потребительском рынке товаров и услуг.

9

ЧТО МОГУТ КООПЕРАТИВЫ

Ответ на вопрос, что могут кооперативы, сложен. И в первую очередь потому, что необходимо честно ответить на другой вопрос: а что мы, собственно, хотим, чтобы они могли?

На XIX Всесоюзной конференции КПСС подчеркивалось: «Одно из магистральных направлений радикальной экономической реформы — широкое развитие кооперативного движения...»[1]. В действительности же, пока из созданных примерно 135 тысяч кооперативов функционируют не более половины. Несмотря на принятие Закона о кооперации остаются сложности с регистрацией кооперативов в местных Советах, дважды отклонена система налогообложения кооперативов, с помощью которой Минфин пытался затормозить и без того низкие темпы их развития, в зачаточном состоянии находится решение проблемы материально-технической базы кооперативов, ВЦСПС не может до сих пор дать ответа на вопрос, как быть с профсоюзами в кооперативной сфере и т. д.

Разделилось и общественное мнение (по некоторым оценкам, примерно на три равные части): одна треть — категорически «против», другая — обеими руками «за», остальные — и так и сяк («поживем — увидим», «дорого», «неплохо», «необходимо», «никуда не годится»). Причем, что наиболее характерно, половина всех «противников» ни разу не пользовались услугами (не приобретали продукцию) кооперативов. А разве не говорят сами за себя названия статей в центральной прессе «С топором на аренду», «Зависть глаза застит»...

Чем объяснить такое отношение? Ведь если в кооперативах так легко зарабатываются деньги, то почему так мало желаю-

[1] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 18.

щих в них работать? Более того, не идут и не хотят, чтобы шли другие. Почему? Потому, прежде всего, что легко и безответственно можно жить без кооперативов, арендного подряда и других подобных форм трудовой деятельности. В этом отношении серьезной проблемой, даже бедой является, как справедливо заметил экономический обозреватель «Комсомольской правды» В. Вощанов, «почти сплошная кооперативная неграмотность». Известно, что у В. И. Ленина в его библиотеке в Кремле на полках стояло свыше 220 книг по проблемам кооперации! А сколько их в наших библиотеках? Стоит ли после этого удивляться все еще распространенному мнению: кооператор и индивидуал подрывают устои социализма.

Принципы деятельности

Что же собой представляет кооператив? Чисто формально, исходя из буквы Закона о кооперации, кооператив — это общественная организация граждан СССР, добровольно объединившихся на основе членства для совместного ведения хозяйственной и иной деятельности на базе принадлежащего ему на праве собственности арендованного или предоставленного в пользование имущества, самостоятельности, самоуправления и самофинансирования, а также материальной заинтересованности членов кооператива и наиболее полного сочетания их интересов с интересами коллектива и общества.

Основополагающим в приведенном определении является то, что кооперативная природа предприятия наиболее полно отражает экономический статус работника как совладельца средств производства и в этом смысле подлинного хозяина. Другими словами, кооперация по своей экономической природе — это не просто ассоциация производителей, а ассоциация производителей-собственников.

Особое значение для понимания сущности кооперативных форм имеют те принципы, на которых строится деятельность кооперативов. Такими основополагающими принципами являются: добровольность вступления в кооператив и выхода из него, право участия в управлении всеми делами кооператива, самостоятельность коллективного хозяйствования и независимость кооператива в принятии решений по выполнению его уставных задач, социальная справедливость и социальное равенство в праве на труд, получение личных доходов в соответствии с количеством и качеством труда, гарантия социального

обеспечения, равноправие с государственным сектором экономики. Интересно, что принципы организации кооперативов в социалистических и капиталистических странах практически аналогичны. Для сравнения можно привести принципы шведской кооперации: не добиваться наживы за счет другого, обязательное паевое участие в деле, распределение части прибыли пропорционально труду и паю, использование части прибыли на развитие кооператива, запрет на привилегии, финансирование кооперативного предприятия только средствами, заработанными его членами.

Первые кооперативы нового типа появились осенью 1986 года. Это были объединения трудящихся по заготовке и переработке вторичного сырья и отходов производства. Через полгода соответствующими постановлениями Совета Министров СССР было разрешено создание кооперативов в общественном питании, бытовом обслуживании населения, по производству товаров народного потребления. В Москве в порядке эксперимента начали регистрировать театральные, научные и другие виды кооперативов. Однако появление каждого нового их вида обусловливалось принятием специального постановления Совета Министров СССР или Советов Министров союзных республик. Естественно, это стало серьезным тормозом в развитии кооперативных форм, поскольку успеть за богатой палитрой появляющихся предложений по созданию все новых видов кооперативов постановления не могли.

Проблема была решена принятием Закона о кооперации, провозгласившего возможность создания практически любых видов кооперативов на основе принципа «разрешено все, что не запрещено законодательством». В настоящее время трудно найти отрасль, где бы ни были созданы кооперативы. Между тем не все рассматривают этот факт как положительный. В итоге, достигнув своего «пика» в Законе, допускающем создание кооперативов практически в любой отрасли народного хозяйства, эта тенденция изменилась. Уже не разрешены кооперативы в идеологической сфере, во многих подотраслях социально-культурной сферы (кооперативы по показу видеофильмов, по некоторым видам медицинского обслуживания населения). Так и не появились широко рекламировавшиеся кооперативные издательства...

В определенной степени это вызвано тем, что в Законе о кооперации выделяются только два типа кооперативов — производственные и потребительские. Однако такая классификация, на наш взгляд, является упрощенной. Необходима более глубокая дифференциация кооперативов, учитывающая их особенности по формам собственности, характеру функциони-

рования, отраслям и видам деятельности и т. п. Современная экономическая стратегия исходит, в частности, из того, что кооперативные начала, а также формы индивидуальной трудовой деятельности применимы не только к общественной организации мелких производителей, но они могут быть вплетены в те или иные звенья производственных и экономических связей и крупного производства для совместной организации предприятиями различного рода подсобных производств, общих служб производственной инфраструктуры и т. д.

Достоинства кооперации

Первое. Кооперативы — это эффективное и мобильное средство удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в продовольствии, товарах народного потребления, продукции производственно-технического назначения, работах и услугах. Достаточно сказать, что по некоторым, на наш взгляд заниженным, оценкам до 60 процентов прироста услуг и до 10 процентов прироста производства товаров будет уже с 1989 года обеспечиваться кооперативами. Только в год своего массового рождения (1987) кооперативами было произведено товаров и оказано услуг на 350 миллионов рублей. Следует подчеркнуть и такой немаловажный факт: кооперативы в большинстве случаев выпускают продукцию или оказывают услуги, вообще отсутствующие в государственном секторе.

Второе. Работа в кооперативах — это средство развития активности и предприимчивости, способ выведения населения из состояния «социальной апатии». По данным социологов, 25 процентов специалистов не удовлетворены творческой наполненностью своей работы. Только 15 процентов рабочих и 37 процентов инженерно-технических работников на непрофессиональной основе участвуют в управлении производством и общественными делами. Субъективную же готовность участвовать в нем выражают 49 процентов опрошенных.

Кроме того, кооперативы становятся активными стимуляторами перестройки государственного сектора экономики. В этом отношении нельзя не упомянуть и о возрождении в кооперативной сфере целого ряда профессий, которые были потеряны за последние десятилетия.

Крайне важным представляется нам и такой аспект значения кооперативов. Они позволяют работнику пусть в незначительной степени, но почувствовать свою экономическую «неза-

висимость» от государства, возможность самостоятельного выбора сферы приложения своих способностей, свободу экономического маневра и т. п.

Третье. Кооперативы реализуют на практике принцип отказа от уравнительности. Несмотря на то что формально уравнительность в распределении никогда не объявлялась идеалом социализма (более того, она постоянно подвергалась критике), фактически же с ней все чаще стали отождествлять социальную справедливость. В действительности же социальная справедливость сама по себе не исключает дифференциации в доходах: все зависит от фактических различий в реальном вкладе в общие итоги работы. Как известно, уравнительность сильнее всего ударяет по тем работникам, которые способны больше других дать обществу. Кооперативы практически полностью снимают эту проблему, реально внедряя в практику принцип «каждому — по труду».

Четвертое. Развитие кооперативов — это один из способов повышения эффективности производства. Например, в строительном кооперативе «Волхов» (Новгородская обл.) обеспечивается выработка в 4—5 раз выше, чем в аналогичной строительной организации. В кооперативе общественного питания «Кропоткинская, 36» производительность труда кулинаров в два с лишним раза выше, чем в таких же государственных предприятиях, а управленческий аппарат неизмеримо меньше. В кафе с аналогичным товарооборотом в государственном секторе было бы 15 (!) управленцев, в кооперативе — только два: председатель (он же администратор, снабженец, официант) и бухгалтер.

Пятое. Кооперативы — это способ реализации нового типа удовлетворения потребностей населения. Речь идет о переходе от удовлетворения общих потребностей стандартным набором товаров и услуг к удовлетворению индивидуализированного спроса. Во многих же случаях кооперативная (индивидуальная) форма организации труда является вообще единственно возможной с точки зрения оптимальности организации и эффективности (парикмахерские, массажные и косметологические кабинеты и т. д.).

Шестое. Развитие кооперативов — это один из реальных путей решения проблемы ликвидации «теневой» экономики. По имеющимся оценкам, в 1987 году в «подполье» только оказанием услуг было занято до 20 миллионов человек, которые полностью дублировали все традиционные услуги сферы общественного обслуживания. На их долю в городах приходилось: половина ремонта обуви, одна треть ремонта квартир, 40 процентов — автомобилей, одна треть — сложной бытовой

техники, 40 процентов пошивочных работ. В целом не будет ошибкой считать, что объем услуг, неофициально оказываемых населению, достигает одной трети от платного обслуживания населения в общественно организованных формах.

Неудовлетворенные потребности в конечном счете всегда переходят в разряд первостепенных, а стремление удовлетворить их любой ценой приводит к нелегальным частным услугам. Естественно, что если последние фактически оказываются и потребность в них объективная, то для государства более выгодно легализовать частные услуги, чем сохранять их вне закона. Тем более, что нелегальная деятельность экономически далеко не безвредна для государства, поскольку ведется без его контроля за расценками и качеством услуг, не дает налоговых поступлений, зачастую осуществляется с использованием похищенных оборудования и материалов или в рабочее время на государственном оборудовании. Создание кооперативов позволяет во многом сделать нелегальную деятельность поддающейся экономическому регулированию, обеспечить защиту потребителя, бюджетные поступления и т. д.

Седьмое. Кооперативы представляют собой наиболее эффективную форму связи производителя с собственностью на средства производства. Общенародный характер государственной собственности без мер, направленных на экономическую самостоятельность предприятий, демократизацию их управления, воспринимается абстрактно, не создает в должной мере эффекта причастности производителя к владению средствами производства. В кооперативах же с самого начала эта связь не теряется. Причем инициатива трудящихся способна приобретать различные формы прямых и обратных связей между общественной и личной собственностью. Практическая их реализация проявляется, например, в использовании на кооперативных началах (в частности, посредством акций) личных сбережений граждан для решения социальных вопросов.

Восьмое. Кооперативы позволяют довольно эффективно решать две крайне важные для современного этапа развития экономики задачи. С одной стороны, их создание разрешает проблему ликвидации в государственном секторе убыточных и малорентабельных предприятий путем передачи последних трудовым коллективам в аренду. Насколько может быть велика при этом роль кооперативов, можно судить по следующим данным: каждое десятое предприятие в промышленности является убыточным, каждое четвертое — финансово неустойчивым. С другой стороны, возрастает роль кооперативов как сферы приложения труда значительной части трудовых ресурсов, высвобождаемых в ходе структурной перестройки эконо-

мики. Уже в двенадцатой пятилетке будет высвобождено три миллиона человек, а к 2000 году — до 16 миллионов работников. Нам представляется, что до 60—70 процентов высвобождаемых работников будет трудоустраиваться в кооперативную сферу, и прежде всего в кооперативы по оказанию услуг.

Девятое. Возрастает значение кооперативных форм как источника формирования местных бюджетов. Его доля, по нашим оценкам, может составить 10—15 процентов.

Десятое. Уже есть основания рассматривать кооперативы как форму расширения внешнеэкономической деятельности. С одной стороны, кооперативы все чаще создают совместные предприятия с зарубежными партнерами, добиваясь порой удивительных результатов. С другой — кооперативы выходят на внешний рынок со своей конкурентоспособной продукцией. Так, на одной из коммерческих выставок в США в 1988 году участвовал кооператив «Искатель», представивший программы для компьютеров, а на Лейпцигской ярмарке — кооператив «Тон», продукция которого — изделия художественного творчества. Успешно реализует на внешнем рынке свою продукцию киевский кооператив «Вторполимермаш», выпускающий технологические линии по переработке отходов из пластмасс.

Приведенный перечень преимуществ кооперативов можно продолжить. В частности, нельзя не отметить и то обстоятельство, что кооперативы становятся перспективной формой трудового воспитания подрастающего поколения. Велика их роль и с точки зрения организации производственной деятельности инвалидов, что позволяет решать серьезную социально-экономическую проблему. Однако важно отметить другое. Новые кооперативные формы организации производства товаров (продукции) и оказания услуг начнут давать более или менее ощутимые результаты только начиная с определенного уровня развития самого кооперативно-индивидуального сектора. А это значит, что основные преимущества кооперативов в определенных сферах экономики могут проявиться лишь при условии массовости их распространения. По нашим оценкам, минимальное количество кооперативов, при котором можно будет говорить о реальности их влияния на развитие экономики и социальной сферы, должно достигать порядка 1,5—2 миллиона. При этом в них будет занято от 35 до 50 миллионов человек, а удельный вес кооперативов в производстве товаров и объеме оказываемых услуг составит 35—40 процентов.

Страсти вокруг дохода

Все перечисленные положительные стороны кооперативной сферы «забываются», когда доходит дело до доходов кооперативов. Это — объект наиболее острых дискуссий во всей кооперативной сфере. В оценках справедливости доходов членов кооперативов сложилось, по сути дела, две полярные точки зрения. Первая: «Наконец-то дали простор предприимчивости. Сколько хочу — столько и заработаю...» Вторая: «Кооперативы — это конец социальной справедливости».

На чем строятся обычно доводы тех, кто обвиняет кооперативы в незаслуженно высоких доходах? Во-первых, часто только на эмоциях и догадках. Здесь просматривается ряд причин. Для человека, имеющего заработную плату порядка 100—150 рублей кажется чрезвычайно высоким заработком и 300—400 рублей, а при суммах свыше этого уровня эмоции «закрывают» глаза на все остальные расчеты и рассуждения. Нельзя забывать и о том, что в разговорах любая реальная зарплата кооператоров значительно преувеличивается.

Во-вторых, срабатывает механизм распространения единичного факта на всю сферу, то есть из отдельного случая высокого заработка делается вывод о постоянном и всеобщем процветании кооперативов.

В-третьих, на спекуляциях вокруг конкретных случаев высоких доходов с односторонним их толкованием. Например, размер дохода рассматривается в отрыве от размера затрат, результата или эффективности и т. п.

В этой связи уместно хотя бы кратко показать источники и направления использования доходов в кооперативах. В общем виде они формируются за счет выручки от реализации продукции, выполнения работ, оказания услуг, других поступлений. К этому добавляются паевые и вступительные взносы членов кооператива. Из выручки возмещаются материальные и другие затраты, осуществляются обязательные платежи и отчисления, уплачивается подоходный налог.

Анализ системы формирования и распределения доходов свидетельствует о том, что кооперативы, по сути, стали первыми хозяйственными единицами, использующими подлинную модель хозрасчета. То есть из доходов кооператива прежде всего производятся отчисления по обязательным платежам, на его развитие, а остаток хозрасчетного дохода представляет собой единый фонд оплаты труда.

Размеры отчислений в фонды кооператива не могут утверждаться никаким органом, кроме общего собрания членов

кооператива. Однако имеются рекомендации о введении структуры фондов, применяемой на государственных предприятиях (в процентах от дохода). Они обосновываются иногда ссылками на опыт централизованного регулирования развития индивидуально-кооперативного сектора в ГДР. В этой стране цифры по развитию мелкоиндивидуального сектора, ремесленничества и кооперативного движения являются составной частью пятилетнего государственного плана. Кроме того, местные органы власти имеют свои концепции развития кооперации, основанные на учете региональных потребностей.

Такой путь в принципе приемлем, однако в целом, на наш взгляд, основными формами проявления государственного регулирования доходов кооперативов должны быть все же льготы, ссуды, кредиты, дотации, налоги, а не твердо установленные нормативы.

Как используют свои фонды кооперативы? Ни один из нормативных актов этого вопроса не регулирует. Есть только одно указание в Законе о кооперации о том, что кооператив использует на производственное и социальное развитие имеющиеся в его распоряжении финансовые ресурсы по своему усмотрению без ограничения, независимо от источников их образования (статья 20).

Почти все кооперативы имеют фонд развития. Его средства направляются, во-первых, на производственные нужды, связанные с его расширением, реконструкцией, модернизацией, приобретением оборудования, транспорта и т. д. Во-вторых, кооператив по решению общего собрания членов может выделить часть своих средств для строительства на долевых началах объектов производственного, жилищного и культурно-бытового назначения. В-третьих, одним из направлений использования фонда развития кооператива может стать целевое обучение членов кооператива.

Каждый кооператив с согласия общего собрания вправе направить средства фонда развития на решение целого ряда социально-бытовых проблем своих членов. Некоторые кооперативы осуществляют оплату расходов членов кооператива на детсады и коммунальные услуги, предоставляют бесплатные путевки в дома отдыха и санатории, оказывают помощь в строительстве садовых и дачных домиков и т. п.

Страховой фонд предназначен для покрытия непредвиденных расходов, убытков, связанных с производством и реализацией товаров, заготовкой и переработкой вторичного сырья, выполнением работ и оказанием услуг, а также на уплату долгов кооператива при его ликвидации. Что касается направлений использования этого фонда, то его средства, кроме

целей страхования, могут быть направлены на дополнительные затраты по производству и социальному развитию, на разработку и внедрение новой техники, прирост собственных оборотных средств и восполнение их недостатка, другие расходы. Страховой фонд периодически может быть использован также на увеличение фонда оплаты труда, особенно в части поощрения по результатам хозяйственного года.

Фонд оплаты труда предназначен для оплаты труда членов кооператива, а также лиц, работающих в кооперативе по трудовому соглашению. Система его формирования построена таким образом, что одновременно стимулирует рост объемов производства с наименьшими затратами и выполнение основного объема работ преимущественно силами членов кооператива. В первом случае это достигается тем, что средства фонда оплаты труда формируются как остаток дохода после распределения дохода по двум названным выше направлениям. Во-втором — за счет того, что указанные средства расходуются вначале на оплату труда работников, не являющихся членами кооператива. Между членами кооператива распределяется лишь остающаяся после этого сумма. Поэтому подымающиеся в печати вопросы, связанные с необходимостью регулирования количества членов кооператива в зависимости от численности работающих по трудовому соглашению, представляются надуманными. Естественно, при условии, что работающие по трудовому соглашению участвуют в распределении доходов. Хотя проблема, безусловно, существует, поскольку в ряде случаев соотношение между числом членов кооператива и работающими в нем по трудовому соглашению переходит разумные границы.

Поскольку вопросы распределения доходов кооператива находятся в ведении общего собрания, на практике во многих кооперативах стало складываться непропорциональное соотношение между названными выше фондами. Очень часто фонд развития либо вообще не создавался, либо был чисто символическим. Аналогично обстоял вопрос и с формированием страховых средств. В ряде случаев даже погашение задолженности по кредиту не осуществлялось в установленные сроки. В то же время месячная заработная плата членов кооператива стала измеряться четырех-, а в отдельных случаях даже пятизначными цифрами.

Причин, обусловливающих стремление многих кооперативов к непропорциональному росту фонда оплаты труда, много. Среди них, конечно же, и проявления откровенного рвачества, сиюминутности. Однако изначальными причинами, на наш взгляд, являются прежде всего отсутствие реальных правовых

гарантий, неуверенность в завтрашнем дне кооперативных форм. Огромную дестабилизирующую роль сыграли и факты закрытия кооперативов, ареста их расчетных счетов.

Сложившееся положение обусловлено не в последнюю очередь и тем, что как в кооперативной, так и индивидуальной сфере до сих пор не найдена форма правильного регулирования доходов и разумного построения ставок подоходного налога, не разработан вопрос об использовании и распределении фонда развития или страхового фонда при подведении итогов хозяйственного года или в случае расформирования кооперативов. Использование кооперативами фонда развития на расширение своей производственной и социальной базы натыкается на непробиваемую стену, воздвигнутую деформированными представлениями об отношениях собственности в социалистическом обществе. Между тем, не решив этих вопросов, было бы по меньшей мере «экономическим романтизмом» рассчитывать на появление «сознательного» кооператора, который, всемерно развивая свою производственную базу, не думал (или почти не думал) бы о своих доходах, либо строил свои планы только исходя из получения их в будущем.

Несмотря на действие Закона о кооперации нет исчерпывающих правовых гарантий возмещения кооперативам средств, затраченных на ремонт и переоборудование помещений, что также не может не приводить к непропорциональности формирования соответствующих фондов, в частности фонда оплаты труда в ущерб фонду развития. Не станет в этом отношении панацеей и новое законодательство о налогообложении кооперативов. Чрезмерно высокие ставки налогов приведут скорее всего не к росту фонда развития, а к сокращению объемов производства и ограничению величины трудового вклада кооператоров тем пределом, который они сочтут «разумным» для соотношения «доход — налог».

Конечно, называть во всех случаях доходы кооперативов «заработанными» можно лишь с определенной долей условности. Многие из них откровенно пользуются неблагоприятными для потребителей конъюнктурными ситуациями в экономике, которых, к сожалению, в период становления новых форм кооперативов более чем достаточно. Ряд кооперативов общественного питания получает доход от реализации с наценкой продукции, приобретаемой в государственной торговле (вплоть до сигарет). Многие кооперативы по производству товаров народного потребления закупают трикотаж, одежду, обувь, изготовленные на государственных предприятиях, и после их «доукрашивания» реализуют в 3—4 раза дороже. Не останавливаясь подробно на разборе этих и подобных фактов,

нам представляется, что все-таки это не повод для формулировки обвинений в необоснованности высоких доходов кооператоров.

Кооперативы, безусловно, являются одной из наиболее эффективных и достаточно доступных форм получения дополнительных доходов. К сожалению, разговоры на этот счет вольно или невольно, но почему-то всегда сводятся к разговорам о нетрудовых доходах. Возникло странное представление, что если человек заработал больше какого-то определенного уровня, то это уже нетрудовые доходы. Между тем, по сути, нетрудовой доход означает только одно — это доход, не соответствующий затраченному труду. Заработная плата рабочего на государственном предприятии, не подкрепленная действительной реализацией произведенной им продукции, куда более нетрудовой доход, чем доход любого кооператора, реализующего продукцию по завышенным ценам.

Укоренившаяся в течение десятилетий уравниловка в оплате труда сформировала у многих психологию неприятия чужих высоких доходов независимо от того, являются ли они результатом интенсивного, чрезвычайно напряженного и абсолютно честного труда (а именно такой труд и предполагает работа в кооперативе) или же получены незаконным путем. А ведь высокая интенсивность труда должна подкрепляться соответствующим уровнем материальной компенсации. Между тем со стороны оценка такого интенсивного труда зачастую сводится к риторическому вопросу: «Почему некто получает в 5 раз больше, чем я?»

Несмотря на массовость идеологии «примитивной уравнительности», которую многие воспринимают как чуть ли не синоним социальной справедливости, никакого уравнительного распределения в реальной жизни нет, да и быть не может. О масштабах дифференциации доходов можно судить хотя бы по размерам и распределению вкладов в сберегательных кассах страны. «Социалистическая индустрия» 20 января 1988 года привела данные о наличии советских миллионеров. Цитировалось также сообщение заместителя председателя Госплана Латвийской ССР о том, что еще в 1975 году в республике около 3 процентов от общего числа вкладов охватывали половину суммы вкладов населения в сберегательных кассах. После достаточно простых расчетов легко убедиться в наличии миллионных или сверхкрупных денежных сбережений на отдельных вкладах. Поэтому если заработная плата кооператоров и измеряется двумя-тремя тысячами рублей, вряд ли возникновение проблемы дифференциации доходов правомерно связывать с развитием кооперативного движения.

Поскольку равенства, понимаемого примитивно, не было и нет, то понятие «социальная справедливость» на практике стало не чем иным, как завуалированной формой проявления обыкновенной зависти. В конечном счете это привело к тому, что ныне у многих людей ненависть к дифференциации в доходах, в уровне жизни в целом побеждает здравый смысл. Всемерное развитие кооперации просто обнажило такое отношение.

Возможно, для отдельных видов кооперативов в перспективе можно будет применить государственное регулирование размера доходов их членов и работающих по трудовому договору. Опыт социалистических стран свидетельствует, что в частных или кооперативных предприятиях заработная плата может быть установлена государством ниже, чем в аналогичных предприятиях государственного сектора. Оклад, например, официанта на частном предприятии общественного питания в ГДР равен 435 марок. В аналогичном же государственном предприятии он в 1,5 раза выше. При этом в частном заведении официант получает дополнительно к зарплате 1,5 процента оборота плюс «чаевые».

Резюме. Полезно подчеркнуть некоторые основные моменты, являющиеся принципиальными для правильного подхода к проблеме доходов в кооперативной сфере. К ним относятся:

— материальное и трудовое участие членов в деятельности кооператива. В соответствии с положением, предусмотренным всеми примерными уставами, каждый член кооператива обязан своим трудом участвовать в деятельности кооператива, и его материальное и моральное поощрение осуществляется пропорционально количеству и качеству труда;

— ограничение доходов на паевые взносы, то есть профилактика возникновения «кооперативных рантье». Проблема не приобрела еще сколько-нибудь заметного значения, однако может стать очень серьезной;

— распределение прибыли, исключающее возможность обогащения одного члена за счет другого, приоритет использования прибыли на коллективное потребление.

Цель — не мишень

Начиная с апреля 1988 года проблему доходов пытаются решить с помощью регулирования налоговой системы, поскольку она является важнейшим фактором, определяющим соотношение доходов и расходов кооператива. До этого подо-

ходный налог с членов кооператива взымался в таком же размере, как и с рабочих и служащих государственных предприятий.

Закон о кооперации предусматривает использование системы налогообложения, построенной на принципе его дифференциации в зависимости от вида кооператива и целей его деятельности. Однако практическая реализация такого подхода достаточно сложна.

Первая попытка создания системы налогообложения, построенной на принципах дифференцированного подхода и использования прогрессивной шкалы налогов, оказалась неудачной, и ее проект был отклонен. В настоящее время уже принято решение об отказе от прогрессивного налогообложения в кооперативном секторе. Что касается конкретных размеров налогов на доходы кооперативов, то они будут определяться республиканскими и местными Советами. Однако, на наш взгляд, проблема состоит в исходно неверном подходе к разработке налоговой системы, поскольку ее подготовка отдана на откуп местным органам.

Дифференциация налогов в той или иной форме может использоваться либо как стимулирующее, либо как тормозящее средство. Экономическое стимулирование развития индивидуально-кооперативного сектора со стороны государства должно выступать, в основном, в виде налоговых льгот на производство тех видов работ, услуг, товаров, которые наиболее дефицитны в рамках единой по стране налоговой политики.

Многие специалисты исходят из стремления создать систему налогов, способную обеспечить возможность заработать для тех, кто может хорошо работать, но не дать им заработать больше определенной суммы по сравнению с теми, кто не может (не хочет) так же хорошо работать. Такая система уже апробирована в некоторых социалистических странах. В ГДР, например, система налогообложения поощряет увеличение производства или оборота торговли лишь до известных пределов. По оценкам специалистов, этот предел находится на уровне дохода примерно в 30 тысяч марок в год за вычетом производственных расходов. Свыше этой суммы рост налогов практически делает бесполезной интенсификацию производства: из сумм дохода, превышающих 20 тысяч марок, уплачивается дополнительно 80 процентов налога, 30 тысяч — 84, 40 тысяч — 88, 50 тысяч — 89 процентов. С помощью таких ставок создана достаточно устойчивая система, когда ни очень мало, ни очень много практически никто не зарабатывает: доход колеблется в пределах 20—30 тысяч марок в год (порядка 10—13 тысяч рублей).

В ГДР установлена и соответствующая дифференциация налогообложения в зависимости от дохода на одного члена кооператива. Вместе с тем в случае проведения, например, ремонта или закупки оборудования, налог на прибыль будет минимальным.

Представляется, что и в нашей стране система налогообложения в кооперативах должна строиться на взимании налогов не с доходов, а с прибыли. Между тем Минфин по-прежнему придерживается мнения о необходимости облагать налогом даже средства, направляемые на развитие кооператива. Нельзя согласиться также с действующей периодичностью взимания налогов: более целесообразно перейти от ежемесячного к годовому налогу. Что касается вопроса дифференциации налогообложения, то, на наш взгляд, оно должно быть единым для всех кооперативов. Наиболее же целесообразной формой реализации прав местных Советов в сфере регулирования налогообложения является корректировка в исключительных случаях централизованно устанавливаемых размеров налогов. Причем преимущественным направлением корректировки должны быть различные льготные варианты налогообложения, что и даст местным Советам тот рычаг, с помощью которого будут создаваться необходимые условия для регулирования направлений и пропорций развития кооперативно-индивидуальной сферы экономическими методами.

Целесообразно также практически отменить или максимально снизить размеры налогов с кооперативов, оказывающих социально значимые услуги: воспитание детей дошкольного возраста, уход за престарелыми, помощь участникам и инвалидам Отечественной войны и т. п.

Весьма эффективной нам представляется непрямая дифференциация в налогообложении доходов кооперативов. В ее основе лежит установление цен на все без исключения материальные ресурсы и производственные условия (территория, помещения), предоставляемые кооперативам местными Советами. Это требует, во-первых, создания своеобразного территориального «ценника» мест расположения будущих кооперативов. Он должен быть дифференцированным по видам кооперативов, поскольку, например, для кооперативов общественного питания или торговых центральные районы (как правило, хотя и не всегда) будут более предпочтительны, а значит, они должны быть и более «дорогими». Для кооперативов же по производству товаров народного потребления или по заготовке и переработке вторичного сырья зачастую более предпочтительны места, находящиеся в определенном отдале-

нии от жилых массивов. Следовательно, для них «ценность» центра города будет ниже.

Во-вторых, следует дифференцировать помещения по их «качеству», то есть подготовленности к эксплуатации с точки зрения объема затрат на требующийся ремонт, оснащенности помещения коммунальными услугами и т. п. В зависимости от этого устанавливается цена одного квадратного метра помещения, которая не только может, но и должна отличаться от существующих размеров арендной платы.

Нельзя забывать, что практически во всех странах мира действуют очень высокие цены на землю, особенно в крупных городах. Стоимостная оценка земли начинает проводиться и у нас (Москва, Киев). Поэтому для кооперативной сферы должна существовать дифференциальная рента по местонахождению, что отвечает хозрасчетной экономической сути кооперативных форм. И было бы ошибкой и далее не использовать этот действенный экономический рычаг.

Умелое применение перечисленных стоимостных оценок даст возможность местным Советам эффективно регулировать направления деятельности кооперативов. Ведь установление такой «платы за помещения» находится в компетенции местных властей. Поэтому если они заинтересованы в создании или более активном развитии какого-либо вида кооператива, то помещение для него может быть выделено даже безвозмездно.

Заложенное в новой системе налогообложения деление кооперативов на группы по размеру налога также не отражает экономической реальности. Нельзя подходить к вопросу дифференциации налогов в зависимости от отраслевой принадлежности кооператива. Необходимо ставить вопрос о единой налоговой системе страны, независимо от сфер деятельности.

Завершая рассмотрение вопроса о налогообложении в кооперативной сфере, хочется привести мнение академика ВАСХНИЛ В. Тихонова: «Налог — инструмент тонкий и требует вдумчивого с ним обращения. В цивилизованном мире налог не столько средство изъятия доходов, сколько средство стимулирования людей к увеличению доходов, ибо чем богаче, зажиточнее граждане, тем мощнее их государство» [1].

---

[1] Известия. 1988. 18 мая.

Цены, цены, цены...

Вторым по значению фактором, определяющим доходы кооператоров, являются цены. Приведение конкретных размеров цен на товары и услуги в кооперативной сфере — занятие неблагодарное. Тем не менее несколько фактов отметить все же стоит.

Цены в кооперативах действительно, как правило, выше государственных.

Факт. На левобережном кооперативном рынке в Киеве осенью прошлого года товары предлагались по следующим ценам: свитер шерстяной мужской — 140—160 рублей, платье трикотажное — 90—95, сапоги женские кожаные — 140—150, полусапожки кожаные — 55—60, туфли мужские — 50—55, детский костюм (нетканый трикотаж) — 25, сорочки мужские — 25—35, костюмы спортивные — 130—170 рублей.

Но нельзя не сказать и о том, что проблема несоответствия цен на продукцию и услуги государственных и частных предприятий не отличается оригинальностью. Даже в условиях острой конкуренции она существует во многих странах. В качестве иллюстрации можно привести пример американской частной почтовой фирмы «Федерал экспресс», специализирующейся на срочной доставке корреспонденции. В отличие от государственной почтовой фирмы, «Федерал экспресс» гарантирует доставку почты практически в любую точку США уже на следующий день, не позже 11 часов утра. Естественно, что такая гарантия стоит определенных денег: экспресс-доставка обходится в 14 долларов, если вес корреспонденции от 1 до 220 граммов. Государственное почтовое ведомство за ту же услугу возьмет примерно от 22 центов до 1 доллара 76 центов, но без всяких гарантий. Однако частными службами американцы пользуются в двух случаях: если отправляют не свою, а казенную почту, за которую казенными же деньгами и расплачиваются, и в крайне острых, экстренных ситуациях, когда абсолютно необходимо, чтобы корреспонденция была получена уже на следующий день. Во всех других случаях им приходится зависеть от государственного почтового ведомства.

На наш взгляд, в этом примере содержится неплохой совет тем, кто сетует на высокие цены в кооперативах.

Кроме того, цены в кооперативах не всегда выше государственных. Есть кооперативные цены на уровне государственных, есть ниже и значительно, а многие виды услуг ока-

зываются кооперативами вообще бесплатно. Так, кооператив по обслуживанию одиноких людей преклонного возраста (в г. Саки Крымской области), оказывающий такие услуги, как медицинская помощь, доставка на дом лекарств, продуктов, уборка квартир, обслуживает малообеспеченных пенсионеров и инвалидов Великой Отечественной войны бесплатно. Для этой цели в кооперативе создан специальный фонд. Кооператив «Терминал» г. Еревана организует бесплатные курсы для школьников по обучению основам программирования.

Как правило, кооперативы реализуют продукцию, товары собственного производства, выполняют работы и предоставляют услуги по ценам, устанавливаемым по договоренности с потребителем или самостоятельно. Продукция, работы, услуги, производимые (оказываемые) в соответствии с заключенными договорами на исполнение государственного заказа, а также продукция, изготовленная из сырья, поставленного кооперативу из государственных ресурсов, реализуются заготовительным предприятиям (организациям) и гражданам по ценам (тарифам), определяемым централизованно. Централизованно устанавливаются розничные цены и на товары, выделяемые кооперативам для реализации населению из государственных фондов. Таким образом, в кооперативной сфере действует три вида цен: устанавливаемые централизованно, по договоренности сторон, самостоятельно.

Вполне реально в кооперативной сфере и общее регулирование вопросов ценообразования в законодательном порядке. В ряде социалистических стран, где кооперативное движение получило массовый характер, многие проблемы уже в значительной мере решены именно таким путем. В Венгрии, например, действуют закон о ценах, определяющий порядок их расчета, и закон о незаконно полученной прибыли, предусматривающий соответствующие санкции. В ГДР цены частных предприятий и кооперативов также устанавливаются государством. При этом цены на товары и услуги, как правило, установлены на уровне государственных. Поэтому не надо драматизировать ситуацию ни в случае только рыночного регулирования цен, ни в случае централизованного государственного. Наиболее эффективным путем решения проблемы представляется оптимальное сочетание обоих способов.

Кооперативам в принципе предоставлено право закупать отдельные виды продуктов и изделий в государственной торговле по розничным ценам. Однако перечень таких изделий ограничен, особенно для кооперативов общественного питания и по выработке кондитерских и хлебобулочных изделий, что

объективно заставляет их приобретать продукты на рынках и соответственно закладывать эти цены в будущую цену изделий и услуг.

Аргументы практики. Чем объясняются высокие цены в общепитовских кооперативах? Главное, на что ссылаются кооператоры,— высокий уровень цен на колхозных рынках, где они, в основном, вынуждены закупать сырье. Цены на говядину и свинину летом 1988 года на рынках Москвы были почти в 4 раза выше государственных, чуть ниже на рынках Тбилиси, Кишинева, Еревана, еще в меньшей мере (примерно в 2—3 раза) они превышали государственные на колхозных рынках Киева, Вильнюса, Риги, Таллинна, столиц среднеазиатских республик.

Установленный порядок ограничений на приобретение продуктов и изделий в государственной торговле в принципе правильный. Он должен стимулировать развитие кооперативами своих подсобных хозяйств, поиск более дешевых источников снабжения и т. д. Однако такой путь решения проблем снабжения не носит универсального характера: если теплицу или свинооткормочное хозяйство завести можно (что и делают многие кооперативы общественного питания), то построить свою «подсобную» трикотажную фабрику для кооператива по производству товаров народного потребления — это, по меньшей мере, проблематично.

Поэтому, на наш взгляд, уже в ближайшей перспективе существующие ограничения в обеспечении кооперативов сырьем, материалами, оборудованием должны быть пересмотрены. Следует также уравнять в правах кооперативы с государственными предприятиями не только в статусе, но и в практической деятельности, в частности в организации материально-технического обеспечения.

Рассмотрение вопроса цен на продукцию и услуги кооперативной сферы было бы неполным и необъективным, если хотя бы кратко не остановиться на проблеме цен на сырье, материалы, оборудование, транспорт и т. п., приобретаемые самими кооперативами. Именно на стыке двух схем ценообразования: на продукцию, покупаемую кооперативами, и продукцию, продаваемую ими, имеются резервы для решения проблемы цен на товары и услуги. В настоящее время эти две схемы ценообразования находятся в таком соотношении, что часто действует очень примитивная, но реальная формула «нас обирают и мы отвечаем тем же». И это при том, что во многих случаях развитие кооперативов могло бы

способствовать снижению не только кооперативных, но и государственных цен.

Например, севастопольский кооператив «КИТ», оказывающий транспортные услуги, установил таксу на проезд ниже государственной — 15 копеек за километр. Однако такой тариф просуществовал 1 (!) день. Причем характерно, что против него выступили... государственные автопредприятия, которые не смогли бы выдержать подобной конкуренции, не имея возможности изменять тариф. В действительности же и тариф в размере 15 копеек экономически выгоден (еще один пример того, что переплачиваем мы отнюдь не только кооператорам).

Факт. По мнению специалистов, завышенные цены имеют 10—12 процентов швейных изделий и обуви, около 20 процентов трикотажа, 20—30 процентов магнитофонов, 20 процентов наручных часов.

Конкуренция — универсальное средство регулирования цен в кооперативной сфере. Между тем именно под предлогом высоких цен чаще всего и тормозится создание или расширение сфер деятельности кооперативов. Однако пока на 100 предприятий общественного питания будет приходиться 4—7 кооперативов (по данным на конец 1988 года), иного положения с ценами вряд ли можно ожидать.

Закон о кооперации прямо указывает на то, что снижению цен на товары и услуги должна способствовать конкуренция. И если государственные предприятия и организации не смогли до настоящего времени оказать соответствующей конкуренции, то создание совместных предприятий с зарубежными фирмами по производству товаров и развитие ими сети предприятий в сфере обслуживания, и в частности, в общественном питании, может решить эту проблему достаточно быстро.

Если верхняя пуговица застегнута неправильно, то и остальные застегнуты неправильно

Сравним две выдержки.

«Особенности применения настоящего Закона в отдельных отраслях народного хозяйства и к отдельным видам кооперативов определяются Советом Министров СССР».

(Статья 54 Закона о кооперации в СССР)

«Для целей настоящего Договора существующими типами ракет средней дальности являются:

а) для Союза Советских Социалистических Республик ра-

кеты типов, именуемых в Союзе Советских Социалистических Республик «РСД-10», «Р-12» и «Р-14», и известных в Соединенных Штатах Америки соответственно как «СС-20», «СС-4» и «СС-5»...»

(Статья III Договора между СССР и США
о ликвидации их ракет средней
и меньшей дальности)

Они приведены с тем, чтобы продемонстрировать различия в двух подходах к подготовке законодательных актов. Первый исходит из того, что закон должен быть кратким и содержать только важнейшие принципиальные положения. Конкретные же вопросы действия закона определяются подзаконными актами. Второй — базируется на требовании, чтобы законодательный акт в максимально возможной степени включал в себя все положения, регулирующие ту сферу деятельности, на которую он распространяется.

Не трудно убедиться, что Закон о кооперации разработан исходя из первой концепции, что вольно или невольно приводит к такому положению, когда его «краткость» уже сама по себе позволяет каждому «читать» Закон по-своему.

Наиболее ярким примером в этом отношении является упоминавшаяся проблема налогообложения. И это неудивительно, поскольку пункты 1 и 2 статьи 21 Закона о кооперации, в которых указано, что «система налогообложения должна предусматривать дифференцированный подход к установлению налогов в зависимости от видов кооперативов и целей их деятельности» и что «... ставки налогов на личные доходы членов кооператива и лиц, работающих в нем по трудовому соглашению, устанавливаются по прогрессивной шкале», не дают ни малейшего представления ни о размерах дифференциации, ни о гибкости прогрессии.

К сожалению, при таком подходе не обеспечивается принцип прямого действия Закона. А это объективно приводит к ступенчатости разработки подзаконных актов, что не может не способствовать появлению на каком-либо из этапов положений, имеющих лишь «отдаленное родство» с основным Законом.

Ныне проблема состоит в том, чтобы добиться адекватного требованиям радикальной экономической реформы прочтения Закона о кооперации, а не в угоду собственным вкусам и представлениям. Попытки же читать не все, а только то, что нравится, уже делаются.

В докладе Н. И. Рыжкова на девятой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, принявшей Закон о кооперации, подчеркнуто, что вынесенный на рассмотрение депу-

татов проект нового документа ставит заслон беззаконию. Принципиально важное значение имеет и сформулированное в нем положение об образовании кооперативов. Для этого теперь не требуется какого-либо специального разрешения советских, хозяйственных и иных органов. Они организуются по желанию граждан исключительно на добровольных началах. Любой кооператив, имея проект устава, выработанного на основе Закона о кооперации, наделен правом беспрепятственно зарегистрироваться в исполкоме местного Совета народных депутатов. Тем самым подрываются бюрократические корни в деле создания кооперативов.

На практике, однако, этого не происходит. Решения местных Советов о регистрации кооперативов содержат от пяти до десяти виз. Зачем? Ведь достаточно одной визы юриста, подтверждающей, что устав кооператива не противоречит Закону.

Более того, в подавляющем большинстве местных Советов созданы комиссии по кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности, решающие вопросы целесообразности создания того или иного кооператива. А ведь статья 11 Закона четко гласит: «Создание кооператива не обусловливается каким-либо специальным разрешением советских, хозяйственных и иных органов».

Ни для кого не секрет, что на практике толкование любого юридического факта ищут не в законе, а в инструкциях, подготовленных ведомствами. В результате не только законы, но и подзаконные нормативные акты, принимаемые Советом Министров СССР, обрастают лавиной таких инструкций. Именно поэтому настоятельно необходимо (а в кооперативной сфере особенно) ввести в практику порядок, при котором обсуждение законопроекта на сессии Верховного Совета СССР или подготовка постановления Совета Министров СССР должны вестись с одновременным пересмотром всего пакета ведомственных актов и комментариев к закону. В частности, такая практика применялась при подготовке в 1923 году Закона о трестах. Кроме того, необходимо выработать механизм своевременной коррекции как законов, так и подзаконных актов.

В контексте вышеизложенного после первоначальной эйфории следует более трезво взглянуть и на формулу «разрешено все, что не запрещено законом». Постановление Совета Министров СССР от 29 октября 1988 года стало наглядной иллюстрацией того, как можно «регулировать» применение данной формулы в зависимости от конъюнктурных соображений.

По закону и вопреки...

Принятие Закона о кооперации в целом по народному хозяйству снизило остроту многих проблем. Однако на уровне местных Советов, взаимоотношений кооперативов с организациями-учредителями, с отраслевыми органами проблемы, как это ни парадоксально, нарастают. Причиной тому, на наш взгляд, является неготовность (а порой и явное нежелание) многих местных, и особенно отраслевых органов (последние, как правило, являются конкурентами кооперативов), работать в новых условиях.

До настоящего времени ни один документ не регулирует правовое положение местных и отраслевых органов по отношению к кооперативам, их задачи и функции. Между тем именно при наличии исчерпывающего перечня прав решается двуединая задача — определяется исключительная компетенция этих органов, с одной стороны, и очерчиваются пределы, за рамки которых местный Совет (отраслевой орган) не вправе выходить,— с другой. Исчерпывающий перечень прав является тем показателем разрешительного порядка регулирования взаимоотношений, без наличия которого говорить о действии в кооперативной сфере принципа «разрешено все, что не запрещено» было бы, по меньшей мере, преждевременно.

Отношения между кооперативами и местными Советами должны в общем виде находиться в рамках следующей модели: кооператив имеет возможность отказаться от выполнения любого решения, ущемляющего его законные права, местные же органы не могут прибегнуть к рычагам административного командования.

Важнейшее место в рассматриваемой проблеме занимает юридическая защищенность кооперативов. В статье 58 Конституции СССР оговорено: «Действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, могут быть в установленном законом порядке обжалованы в суд». Закон о кооперации предусматривает право кооператива по своему усмотрению решать, обращаться с жалобой в исполком вышестоящего Совета народных депутатов или же в суд. Вместе с тем в Законе однозначно не определены вопросы, которые:

— не вправе рассматривать суды и разрешение которых отнесено законом к исключительной компетенции кооператива;

— могут быть решены исполкомами местного Совета народных депутатов;

— независимо от решения кооператива или местного Совета народных депутатов, могут быть обжалованы в народном суде.

Кроме того, нет никакой уверенности, что суды в их существующей форме готовы к решению этой принципиально новой и, по нашим оценкам, достаточно объемной задачи. По мнению академика Л. И. Абалкина, одной из возможных форм реализации этого требования времени может стать создание в стране системы хозяйственных судов, которые могли бы рассматривать все иски в области управленческой, хозяйственной деятельности. Естественно, что их решения стали бы обязательными как для кооперативов, так и для местных и отраслевых органов.

В контексте рассмотренного вопроса хорошо видна и следующая проблема. Нам представляется, что уже в ближайшие годы все более актуальным и сложным будет становиться не столько вопрос создания и организации деятельности кооперативов, сколько проблема их ликвидации и расформирования. Мировая практика свидетельствует о значительном динамизме процессов создания и ликвидации мелких, частных, кооперативных предприятий. Между тем этот аспект функционирования кооперативной сферы отработан значительно меньше других. Слабо проработаны вопросы собственности кооператива и ее распределения, налогообложения на эту собственность, права наследования, формы реализации имущества кооператива и др. Отсутствие правовой базы вынуждает местные Советы самостоятельно вырабатывать рекомендации, регулирующие процедуру ликвидации (расформирования) кооператива и реализации (распределения) его собственности. Поэтому на повестку дня должен быть поставлен вопрос незамедлительной разработки единого порядка ликвидации и расформирования кооперативов и его законодательного закрепления.

Закон о кооперации воплотил в себе принципы демократизации хозяйственной жизни: добровольность, хозяйственную самостоятельность, самоуправление, неприкосновенность кооперативной собственности. И хотя уже сегодня ясно, что не все его положения выдержат испытание практикой, внесение изменений в Закон должно осуществляться Верховным Советом СССР. А «улучшение» норм и положений Закона отдельными лицами и ведомственными актами недопустимо даже под самыми благовидными предлогами.

Не командовать, а регулировать

Само по себе объединение кооперативов в различные группы возможно двумя путями — по инициативе самих кооперативов (гг. Ярославль, Коломна) или при содействии местных Советов (гг. Москва, Рига, Киев). Этот момент не имел бы большого значения, если бы некоторые работники исполкомов не рассматривали такие объединения в качестве органов управления кооперативным движением, подведомственным местным Советам народных депутатов. Поэтому следует особо подчеркнуть, что назначение союзов, ассоциаций и других форм объединений кооперативов — представление их интересов во взаимоотношениях с государственными, отраслевыми, местными органами и другими «внешними» организациями, а не наоборот. Следовательно, не работники местных Советов или других органов должны быть в союзах, ассоциациях кооперативов, а полномочные представители последних должны входить в состав соответствующих органов в структуре местных Советов народных депутатов. Это принципиальное положение.

Вместе с тем создание объединений кооперативов выгодно и государству. В лице таких органов оно получает структурно оформленный канал регулирования (но не руководства) кооперативной сферы.

Если не касаться специфики, то все ассоциации, союзы должны выполнять три вида функций по оказанию помощи входящим в них кооперативам: правовую, финансовую и консультативную. Опыт первых действующих ассоциаций свидетельствует, что они пока оказывают традиционные услуги, а именно: консультативные, информационные, по обучению руководителей и членов кооперативов. Практически это осуществляется через консультационные пункты, справочные службы, разнообразные школы кооператоров, путем издания информационно-рекламных бюллетеней.

Ассоциации кооперативов могут также создавать кооперативные банки и страховые учреждения, самостоятельно определяя условия, порядок и виды страхования. В перспективе все большее значение будут приобретать и другие, более специфические функции.

Серьезным вопросом являются взаимоотношения союзов, ассоциаций с входящими в них кооперативами. Во избежание возложения на себя не свойственных этим органам функций уже в самом Законе о кооперации специально оговорен ряд моментов:

— кооперативным органам (союзам, объединениям) нормативы образования фондов кооперативам устанавливать запрещено;

— кооперативные органы не вправе налагать дисциплинарные взыскания на председателей и других руководящих работников кооперативов.

Функции ассоциаций, союзов во многом определяются и уровнем, на котором они создаются. Логика развития кооперативно-индивидуального сектора по мере роста числа кооперативов объективно приведет к возникновению проблем, которые на уровне районных, областных и даже республиканских союзов и ассоциаций не решить. В общем виде среди таких вопросов можно назвать: регулирование налоговой системы, кредитных отношений, цен, организацию рынка (в том числе внешнего), валютного обращения, подготовку кадров и т. п.

Факт. Все шведские кооператоры — члены общенационального кооперативного союза. У него множество местных отделений, коммерческих объединений, которые снабжают фермеров машинами, запчастями, горючим, удобрениями, комбикормами и даже следят за их здоровьем. Кооперативный союз не позволяет ущемлять прав фермера. Если же он решит уехать в отпуск, союз пришлет студентов, которые смогут на время заменить его.

Объединения кооперативов получили распространение и во всех социалистических странах. Например, венгерское объединение «Шкала-кооп» покупает для кооперативов, входящих в его состав, помещения и оборудование, предоставляет кредиты на расширение основных фондов и оборотных средств (на более выгодных, чем в банке условиях), организует (при желании кооператива) реализацию его продукции, обучает руководителей и работников кооперативов и т. д. Естественно, что это требует соответствующего объема отчислений в фонд объединения. Они составляют 30—40 процентов от прибыли входящих в него кооперативов.

Создание ассоциаций, союзов кооперативов приобретает массовый характер. В настоящее время они есть практически в каждом городе, районе. Функционирует много отраслевых союзов. Однако, как показывает опыт, ассоциации и союзы создаются в значительной мере формально. Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, государственные предприятия активно пытаются выйти из «формальных» объединений — министерств, приобрести реальную хозяйственную самостоятельность и с этой целью создают принципиально новые для нашего народного хозяйства образования — социа-

листические концерны. А с другой стороны, кооперативы объединяются (причем с огромным трудом) в практически столь же пока формальные организации (к счастью, не всегда имеющие освобожденный аппарат управления) — ассоциации и союзы.

Тем не менее, на наш взгляд, и такие объединения кооперативов следует приветствовать, поскольку сейчас важно формирование единой системы кооперации, способной отстаивать свои интересы. Жизнеспособные же формы кооперативных объединений подскажет практика.

Появление союзов и ассоциаций свидетельствует о том, что внутри кооперации возникают силы, способные осознать и выразить свой интерес, а значит, и защитить его от попыток ущемления. Понятно, что без тесного, гибкого и регулярного контакта кооперативов с государственным аппаратом, с законодательной сферой развитие кооперативного сектора представляется малоэффективным, можно даже сказать ущербным. В этом смысле объективно необходимо форсирование создания в стране единой системы кооперации.

Чем вызвана необходимость формирования такой системы? Не в последнюю очередь тем, что только с ее помощью будет раз и навсегда покончено с практикой, когда, не имея выдержанной кооперативной политики, мы поступали каждый раз в зависимости от того, насколько удобным в данном случае является участие кооперации в том или ином деле.

Философия и логика развития кооперативной сферы — в становлении равноправного сектора экономической системы страны. А это значит, что интересы кооперативного движения будут отстаивать его представители — различные ассоциации и союзы и их депутаты в Советах всех уровней, вплоть до Верховного Совета СССР. Первым шагом на пути практической реализации организационного оформления кооперативов в единую систему стало создание в стране общесоюзной ассоциации кооперативов, призванной представлять и защищать интересы этого сектора. Трудно пока сказать, как она будет работать. По-видимому, эта ассоциация должна быть общественной бесприбыльной организацией, содержащейся на взносы своих членов. Структурно она может состоять из аппарата управления (штатного) и местных сотрудников (представительств) по всей территории страны. В их задачи входит подбор новых членов ассоциации, изучение общественного мнения (путем анкетирования) с целью сбора необходимой информации, осуществление связи с местными Советами народных депутатов.

Когда форма далека от содержания

Важнейшая проблема функционирования кооперативов по производству товаров и оказанию услуг — качество этих товаров и услуг. У нее, по меньшей мере, есть два аспекта. Во-первых, назрела необходимость организации системы контроля качества продукции и услуг в кооперативной сфере и привлечения к ответственности за его низкий уровень. Во-вторых, возрастает реальная опасность применения серьезных правовых и имущественных санкций к большому числу кооперативов за незаконное использование ими чужих товарных знаков, которое в настоящее время носит достаточно массовый характер.

Как свидетельствует действительность, механизм реализации функции контроля и связанной с ней процедуры определения уровня качества, а также обеспечения гарантий возмещения ущерба практически полностью отсутствует. Более того, отсутствуют и органы, которые этот механизм могли бы реализовать.

Первоочередной мерой в решении данной проблемы могли бы стать введение паспорта-ярлыка в качестве юридического документа на изделие или же введение обязательного товарного знака для каждого кооператива.

Как известно, товарный знак — это зарегистрированное в установленном порядке обозначение, служащее для отличия товаров одних предприятий от однородных товаров других. Предприятия, организации, основная деятельность которых заключается в оказании различных услуг, могут использовать знаки обслуживания, которые приравниваются к товарным знакам. Товарные знаки могут быть словесными, изобразительными, объемными, комбинированными и другими.

Регистрация товарных знаков является формой повышения ответственности изготовителей за качество выпускаемых изделий и услуг, и поэтому все товарные знаки подлежат обязательной регистрации в Госкомизобретений до их применения на территории СССР. Исключительное право на пользование товарным знаком охраняется законом.

Право использовать товарный знак для обозначения соответствующих товаров на всей территории СССР имеет кооператив, зарегистрировавший его на свое имя, при этом использование этого знака без разрешения (лицензии) владельца запрещено. Оно подкреплено тем, что в течение срока действия свидетельства на товарный знак кооператив может требовать в порядке, установленном действующим законодатель-

ством, прекращения незаконного пользования тождественным или сходным товарным знаком на однородных товарах и возмещения причиненных этими действиями убытков. Естественно, что этот порядок распространяется и в «противоположном» направлении, и, следовательно, во всех тех случаях, когда кооперативы или индивидуалы используют чужие товарные знаки, имеются реальные основания для применения этого правового положения со стороны фирмы-владельца.

Кооперативы и лица, занимающиеся индивидуально-трудовой деятельностью, должны также иметь в виду, что даже использование на законных основаниях (то есть по лицензии) чужого товарного знака допускается только в том случае, если в лицензионном договоре указывается, что качество товаров правопреемника будет не ниже качества товаров владельца товарного знака, для которых знак зарегистрирован. Причем контроль за выполнением этого условия осуществляет владелец, передавший знак.

Серьезное изучение проблемы качества товаров и услуг убеждает, что это даже более важный вопрос, чем цены. Ощущается необходимость переходить от разговоров и попыток регулирования размера цен (наценок) к созданию жесткой и эффективной системы контроля качества товаров и услуг.

Факт. На рынках стран Запада даже в тех сферах деятельности, где результат, казалось бы, просто не может быть гарантирован, действует принцип «удовлетворение гарантировано, или Ваши деньги назад». Так, книжное издательство «Уорнер букс» обещает компенсацию расходов за покупку книги «Как выйти замуж по своему вкусу», если в течение двух лет предлагаемая формула не сработает. Фармацевтическая компания «Дж. И. Дн. Спэрл энд компани» возвращает деньги, если выпущенное ею лекарство не возымело желанного эффекта. Не говоря уже об авиакомпаниях, которые (например, «Нортуэст Эйрлайнз») гарантируют выполнение расписания полетов: при опоздании на 15 минут пассажиры получают бесплатный билет в один конец определенного по их желанию маршрута.

В числе возможных форм контроля за качеством услуг, оказываемых кооперативами, на наш взгляд, наиболее действенным было бы введение в повсеместную практику стандартов качества обслуживания, предусматривающих жесткую шкалу разработанных специалистами нормативов. Нарушения, выявляемые гласными и негласными проверками, должны влиять на результаты деятельности кооператива, вплоть до

принятия решения о дальнейшей целесообразности его функционирования.

Например, в компании «Пепсико фуд сервис интернэшнэл», которая уже открывает свои предприятия общественного питания на территории СССР, одним из серьезных нарушений является задержка исполнения заказа посетителя более чем на пять минут. За это нарушение персонал ресторана, и прежде всего директор, может понести наказание. Не допускаются отклонения от стандартов качества и по другим параметрам: внесение изменений в меню, сужение ассортимента, изменение рецептуры. За подобные нарушения фирма сразу увольняет виновного. Однако во всем остальном компания предоставляет большую свободу для инициативы и любых действий. Представляется, что опыт подобных форм контроля качества должен быть широко использован в кооперативной сфере.

Было бы целесообразным законодательно закрепить обязанность кооперативных предприятий иметь своеобразную книгу жалоб, за отсутствие которой или за ее невыдачу клиенту кооператив может быть оштрафован на достаточно крупную сумму. При этом должен действовать порядок, по которому каждая жалоба в двухдневный срок доводится до сведения местных Советов и отраслевого (территориального) совета кооперативов, организующих тщательный разбор предъявленных претензий.

В кооперативной сфере на сегодняшний день довольно широко распространена подделка продукции известных фирм. В США в одной из адвокатских контор, занимающейся защитой прав транснациональных корпораций, висит плакат с надписью: «Все, что мир сделает, Азия подделает». Так и хочется перефразировать: «Все, что мир сделает, кооператив подделает», что и происходит в действительности. Не случайно подобные юридические фирмы, охраняющие торговые марки от подделок, ныне, как никогда, процветают. Развитие кооперативно-индивидуального сектора (а особенно, издержки этого развития) заставляют задуматься: не станут ли и некоторые отечественные кооперативы источником процветания этих фирм? Есть все основания полагать, что этот вопрос может из риторического превратиться в практический. Поэтому данной проблемой необходимо заниматься именно сейчас — на этапе становления кооперативно-индивидуального сектора экономики страны.

Количественные масштабы распространения подделок товарных знаков кооперативами пока, пожалуй, еще никем не подсчитывались. Но общее представление о проблеме можно получить и из мировой статистики: по мнению специалистов,

товаров с подделанными товарными знаками выпускается в мире на 60 миллиардов долларов ежегодно! Нельзя игнорировать и следующее обстоятельство. Кроме того, что, по сути, подделка товарных знаков является кражей авторской и интеллектуальной собственности, она не так безобидна и для здоровья потребителей. Ведь ей подвергаются и продукты питания (производство которых, правда, в кооперативном секторе в определенной степени ограничено), бытовые изделия (особенно бытовой химии), запасные части к автомобилям и другая продукция. Хочется надеяться, что на наших кооперативных рынках не будут задавать вопросы наподобие тех, которые можно услышать на рынках некоторых стран Азии: «Вам нужны настоящие или поддельные? Поддельные дорогие или дешевые? Подделанные где — в Бангкоке, в Гонконге, Непале или в Бангладеш?», но, к сожалению, отдельные факты проявления этой тенденции при реализации продукции кооперативов и индивидуалов уже есть.

Например, на Рижском рынке г. Москвы «продают не только вещи с торговыми марками всех известных фирм, но и сами торговые марки — пожалуйста, лепите, куда хотите» [1]. А ведь в соответствии с существующими нормами права за незаконное использование товарного знака предусмотрены различные формы санкций. По требованию владельца, суд может обязать нарушителя возместить ущерб, причиненный противоправными действиями (а это очень крупные суммы). Может быть применена в соответствии со статьей 155 УК РСФСР и уголовная ответственность — исправительно-трудовые работы на срок до 6 месяцев или штраф до 300 рублей.

В качестве экономического и юридического казуса, свидетельствующего о полнейшей правовой безграмотности изготовителей в кооперативно-индивидуальной сфере (впрочем, и бездействии правоохранительных органов), можно привести такой пример. Рядом с товарными знаками известных западных фирм кооператоры и лица, занимающиеся индивидуально-трудовой деятельностью, помещают символ «R», что означает ... правовую охрану данного товарного знака и предупреждает о наказуемости за его использование без разрешения владельца.

---

[1] Известия. 1987. 21 нояб.

Уроки впрок

Рассмотренные выше проблемы развития кооперативной сферы могут быть эффективно решены при условии серьезного переосмысления ряда традиционных представлений.

Прежде всего следует отказаться от мнения, в соответствии с которым кооперативы должны только дополнять государственный сектор. Его сторонники высказывают опасение, что в противном случае это приведет к противопоставлению кооперативных и государственных предприятий, кооперативной и государственной собственности. Некоторые авторы более категоричны: развитие кооперативов вызовет подрыв государственных предприятий.

Но чем, собственно говоря, такое «противопоставление» плохо? Это и есть проявление той социалистической конкуренции, о необходимости которой уже так много сказано и которой пока еще нет. В этой связи рискнем задать еще более «крамольный» вопрос: а нужны ли вообще в ряде сфер деятельности государственные предприятия? В первую очередь речь идет об общественном питании и бытовом обслуживании. Есть достаточно оснований полагать, что их государственные формы себя просто изжили. Даже пункты общественного питания так называемой закрытой сети (на предприятиях, в вузах и т. п.) и те можно безболезненно передать в аренду соответствующим трудовым коллективам, «изъяв» их из существующей организационной структуры управления отраслью, не говоря уже об общедоступной сети. Так стоит ли нам оставаться одной из немногих стран, где общественное питание и бытовое обслуживание имеют «свои» министерства и 4—5-звенную систему управления?

Создать реальную хозяйственную самостоятельность можно, лишь ликвидировав промежуточные, искусственно созданные в свое время и непонятно зачем продолжающие существовать, организационные образования. Каковы функции, например, управлений торговли, общественного питания и бытового обслуживания? Неужели в условиях самофинансирования и самоуправления без них нельзя обойтись?

Решение стоящих перед экономикой задач — в развитии альтернативных форм хозяйствования. В сфере услуг они достаточно четко обозначились: государственные предприятия на арендном подряде, кооперативы, индивидуальные предприятия. Сомнительно, чтобы при такой структуре можно было бы найти место (без ущерба для эффективности) названным выше министерствам или территориальным управлениям.

Как это ни странно звучит, но проводимая в настоящее время местными Советами недостаточно активная политика по развитию кооперативного движения не только сохраняет «государственный» монополизм во многих отраслях народного хозяйства, но объективно способствует укреплению «кооперативного» монополизма.

Далее, следует по-иному подходить к оценке возможностей «малой экономики». На наш взгляд, нет и не должно быть заведомо «закрытых» экономических зон для кооперативного движения. Необходима полная открытость экономики, всего народного хозяйства к новым формам трудовой деятельности. Конечно, не везде кооперативы смогут оказаться эффективными, однако ставить какие-либо искусственные ограничения их развитию было бы ошибкой.

Между тем даже после вступления в действие Закона о кооперации ряд ученых и практиков продолжает считать, что «малой экономике» следует отвести скромное место в народном хозяйстве страны ввиду заведомой неперспективности кооперативных форм в некоторых отраслях. Очень часто в этом смысле упоминается научно-техническая сфера.

Но не заблуждение ли это? Ведь одной из определяющих мировых экономических тенденций является параллельное функционирование крупных и мелких фирм. Большинство ведущих автомобильных корпораций имеют от 30 до 60 тысяч субподрядчиков, которые представляют собой, как правило, мелкие специализированные фирмы. В целом же в США половина всех функционирующих небольших фирм выступают в роли субподрядчиков и субпоставщиков крупных монополий. В Японии доля субпоставщиков в общем количестве действующих японских компаний достигла 80 процентов.

Что касается научных кооперативов, то их эффективность, например, во многих небольших американских компаниях, занятых в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в среднем оказывается в 2,5 раза выше, чем на крупных фирмах, а внедрение уже созданных изобретений осуществляется здесь за 2,2 года против 3,1 года на монополистических гигантах.

Но наиболее характерными и важными представляются нам результаты оценок западных специалистов, согласно которым постоянная активная производственно-хозяйственная жизнь в конкретном регионе возможна лишь в том случае, когда в небольших фирмах занято не менее 40 процентов совокупной рабочей силы данной местности, иначе начнет проявляться тенденция к стагнации, ухудшению инвестиционного климата.

Взгляд на капитализм как на систему «загнивающую», идущую к своему «краху», вылился на практике в снижение роли нашей экономики в мировых экономических процессах. Сегодня решается задача определения таких форм нашего сотрудничества с остальным миром, при котором выгода развития и взаимодействия двух систем — социализма и капитализма — была бы реальной и продуктивной. Это, в частности, касается и проблемы расширения коммерческих связей отечественных предприятий и объединений с зарубежными фирмами. Сложностей и противоречий здесь возникает немало, ведь новый механизм только начинает работать.

Проблемы перестройки внешнеэкономического сотрудничества анализирует кандидат экономических наук **Геннадий Николаевич Быков.**

10

МЕРИДИАНЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Концепция ускорения социально-экономического развития страны выдвинула перед внешнеэкономической политикой СССР новые важные цели, достичь которые можно лишь на путях совершенствования механизма хозяйственного воздействия, творческого поиска новых его форм.

Рассмотрим основные причины, которые привели к необходимости создания нового механизма внешнеэкономической деятельности нашей страны. Начнем с самого начала, с того, каким был задуман внешнеэкономический комплекс и в каких условиях он функционирует. Проанализируем, насколько эффективны и перспективны новые формы экономического сотрудничества СССР с зарубежными странами.

Время трезвого анализа

Новое политическое мышление, определяемое особенностями развития человечества в конце XX века, предполагает рассмотрение мира во всей его целостности, сложности и внутренней противоречивости. Такая противоречивость с особой остротой проявляется в международном разделении труда, составляющем основу мирового хозяйства.

Современный период мировой истории характеризуется все более широким вовлечением стран в международное экономическое сотрудничество. Это — отражение интернационализации хозяйственной жизни, нарастающей тенденции к взаимозависимости государств мирового сообщества.

Ныне СССР устанавливает внешнеэкономические связи с совершенно новыми принципами, целями и средствами их достижения.

Чем же все это обусловлено? Несомненно, это результат перестройки всех сторон жизни нашего общества. Ныне становится очевидным, что успешное решение стоящих перед страной экономических, социальных, научно-технических проблем невозможно без взаимодействия с национальными хозяйствами других государств, их опыта и достижений, выгод и преимуществ международного разделения труда.

В мире происходит лавинообразный рост промышленной продукции. Достаточно сказать, что более 90 процентов современной промышленной продукции в начале века вообще не существовало.

И понятно, что ни одна страна, даже самая развитая и богатая, не может обеспечить своими силами эффективное производство всей выпускаемой в мире продукции. Такова закономерность современного этапа научно-технической революции.

Факт. Современное мировое машиностроение выпускает более 700 тысяч наименований деталей и узлов. В США производится лишь около 400 тысяч подобных изделий, остальное ввозится из-за границы. Даже, казалось бы, чисто национальная американская компания «Дженерал Моторс» до 10 процентов всех деталей и узлов покупает в других странах. А если взять английскую фирму «Дженерал электрик КО» или западногерманскую «Фольксваген», то около 50 процентов всех деталей и узлов для них изготовляется за границей.

Как видим, в мире идет колоссальный процесс интернационализации производительных сил, экономического сближения наций. Стремление иметь все свое стало слишком дорогостоящим и малоэффективным. Страны, которые опираются в экономическом развитии в основном на собственные усилия, вынуждены нести тяжелое бремя дополнительных инвестиций. Сегодня научно-техническая революция ставит вопрос так: или максимально включиться в процесс международного разделения труда, или держаться в стороне и серьезно отставать в своем развитии.

Часто возникает вопрос: почему мы не можем наладить производство на уровне мировых стандартов отдельных видов обуви, одежды, электронных приборов и другой продукции? Но закономерен и другой вопрос: стоит ли нам вкладывать капиталы для организации высококачественных производств по всем направлениям? Может, лучше прибегнуть к возможностям, которые дает международное разделение труда, а именно: продавать за границу ту продукцию, которую производим с наименьшими затратами, и покупать товары,

производство которых в СССР обходится относительно дорого? Здесь важно еще учитывать и то, что каждая нация имеет к тому же свой исторический опыт высокоэффективного производства определенных товаров, использовать который через сферу международной торговли чрезвычайно важно.

Развитые капиталистические страны осуществляют ныне невиданный ранее технологический обмен, обмен опытом, знаниями, позволяющий достигать максимальных результатов в самые короткие сроки. И для Советского Союза решающее значение имеет в самые ближайшие годы совершить прорыв на мировой рынок. Это очень трудная задача. На внешнем рынке идет жесточайшая конкурентная борьба. Там не имеет значения, какую национальную форму одевает товар. Для мирового рынка безразлично, что товар произведен бригадой коммунистического труда или носит государственный Знак качества. Здесь каждый товар расценивается только с точки зрения потребительских свойств, которые в нем заложены и которые должны удовлетворить потребности современного цивилизованного человека. И нет нужды говорить, как возросли эти потребности за последнее время.

Взгляд со стороны

Принимая во внимание все сказанное выше, попытаемся трезво посмотреть на себя как бы со стороны — с точки зрения положения страны в мировом хозяйстве и в системе международных экономических отношений. Как же народное хозяйство СССР вписывается в мировую хозяйственную матрицу?

Со скидкой на наши статистические «иксы» и «игреки» картина вырисовывается с первого взгляда примерно такая: наша страна — рынок огромной емкости, огромного неудовлетворенного спроса по широчайшему ассортименту товаров как производственного, так и бытового назначения, а также услуг. При этом речь идет не о ненасыщенном рынке бедной страны, находящейся на начальной стадии развития: по объему производства промышленной и сельскохозяйственной продукции мы находимся на первом месте в Европе и на втором в мире. Национальный доход СССР составляет $^2/_3$ дохода самой богатой страны капиталистического мира — США. Казалось бы, возможности для широкого участия в международном обмене огромны.

Почему же процесс приспособления нашей страны к современным условиям мирового рынка разворачивается медленно, порой небезболезненно? Прежде всего здесь сказываются ошибки и просчеты, допущенные в застойный период. Они находят свое закономерное выражение в нашем положении на внешнем рынке.

Этому способствовало также резкое обострение ситуации на мировом рынке, связанное с понижением цен на традиционные советские экспортные товары.

Факт. Только за два года внешнеторговый оборот СССР сократился на 10 процентов. Суммарно он упал со 142,1 миллиарда рублей в 1985 году до 132 миллиардов рублей в 1988 году. При этом государство потеряло 2,5 процента своего национального дохода, причем значительная часть потерь выразилась в валютном эквиваленте. В результате сократился импорт пищевкусовых товаров, а также товаров народного потребления, уменьшились возможности ввоза машин и оборудования.

О недостаточной степени участия Советского Союза в международном разделении труда можно судить хотя бы по такой цифре: в 1987 году внешнеторговый оборот СССР был примерно таким же, как внешнеторговый оборот маленькой Голландии.

Главной причиной такого неблагоприятного положения явилась продолжающаяся в течение длительного периода времени, вплоть до 1986 года, неправильная структурная политика в области советского экспорта, который носил в основном сырьевой характер.

Факт. За период с 1970 по 1985 год сырьевой экспорт СССР увеличился в 8,7 раза при росте всего объема экспорта в 6,3 раза. Наибольший стоимостный прирост экспорта был связан в первую очередь со скачкообразным повышением мировых цен на нефть в 70-х и начале 80-х годов. За этот период мировые цены на нефть увеличились почти в 20 раз. Поставки же нефти из нашей страны возросли по стоимости за 1970—1985 годы в 22 раза, хотя в неизменных ценах темпы роста их вывоза лишь незначительно превышали среднегодовые показатели по советскому экспорту в целом.

Большое значение в экспортных доходах СССР в этот период имела также продажа за рубеж природного газа и электроэнергии.

За нарастанием объема товарооборота с заграницей в текущих ценах скрывалось ухудшение экспортных позиций стра-

ны, разбухание топливно-сырьевых статей в ущерб технологическому компоненту. Вместе с тем следует учитывать, что за счет экспорта вздорожавших на мировом рынке в тот период топливно-сырьевых товаров Советскому Союзу все же удалось осуществить крупномасштабные импортные программы: строительство весьма дорогостоящих индустриальных комплексов и объектов инфраструктуры, закупку комплектных предприятий и различной машинно-технической продукции, товаров народного потребления, а также зерновых.

Что же не было использовано?

Возросшие валютные поступления не были направлены на ускоренное развитие экспорта наукоемких машин и оборудования, технологических процессов и широкого спектра услуг. «Нефтяная эйфория», сложившаяся в плановых органах и отраслевых ведомствах СССР, снизила их целеустремленность в достижении важной народнохозяйственной задачи — индустриализации советского экспорта.

Если бы брежневские миллиарды долларов, накопленные за счет экспорта дорогостоящей нефти, направить в свое время на создание средств информатики, видеотехники, приборостроения, создание гибких автоматизированных технологий, как это делалось на Западе, мы бы чувствовали себя сегодня несколько увереннее.

Новая западная модель развития

Между тем благоприятный для экспортеров сырья двенадцатилетний период конъюнктуры мирового рынка закончился в первой половине 80-х годов. Мировые цены на сырьевые товары только за 1985—1986 годы снизились почти на 50 процентов, причем на нефть и нефтепродукты — более чем в 2 раза.

В экономической политике СССР в 70-х и начале 80-х годов недостаточно учитывались основные тенденции в развитии мирового хозяйства. За последние 10—12 лет экономика Запада перешла на интенсивную модель развития, в которой рост обеспечивается за счет наукоемких энерго- и материалосберегающих отраслей без наращивания потребления сырья, прежде всего импортного.

Развернувшаяся в развитых капиталистических странах структурная перестройка экономики переориентировалась на создание новых поколений техники и технологии для промышленности, транспорта и бытового сектора. Снижение энергоемкости достигалось путем оптимизации технологических процессов, в особенности внедрения микропроцессоров. Сократилась доля наиболее энергоемких отраслей промышленности: черной и цветной металлургии, нефтепереработки и других.

Одним из важных факторов, вызвавших снижение мировых цен на нефть, явилось увеличение ее добычи в развитых капиталистических странах — Норвегии, Англии, США. Страны — члены Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) к середине 80-х годов сумели создать огромные государственные и коммерческие запасы нефти. Колоссальные резервы нефти на Западе обусловили высокую степень политизации отношений на мировом рынке, они позволили международным монополиям манипулировать мировыми ценами на нефть, искусственно создавая избыток ее предложения. Все это больно ударило по доходам экспортеров нефти, в том числе доходам нашей страны.

С учетом мирового опыта

Созданный в СССР огромный промышленный и научно-технический потенциал, начавшаяся радикальная перестройка экономики, совершенствование управления внешнеэкономическими связями позволяют рассчитывать на существенную оптимизацию структуры советского экспорта уже в нынешней и последующих пятилетках. Главный путь к повышению эффективности советского экспорта — значительно «облагородить» продукцию вывоза, повысить степень переработки и обработки товаров, вывозимых за рубеж, которые высоко оцениваются на мировом рынке. Основным рычагом здесь является увеличение доли машинно-технической продукции в поставках на внешний рынок.

В текущем пятилетии в ключевом звене технической реконструкции нашей страны — машиностроении — предусматривается увеличить объем продукции на 43 процента, что в 1,7 раза выше, чем в целом по промышленности. Причем опережающее развитие — в 1,3—1,6 раза — в этой отрасли получат станкостроение, производство вычислительной техники, приборостроение, электронная промышленность, которые определяют масштабы и глубину научно-технического прогресса.

В частности, на основе ускоренного развития прогрессивных видов машин, оборудования и приборов выпуск вычислительных машин возрастет в 2,6 раза, средств программного управления станками и роботами — более чем в 3,5 раза. Намечается также в широких масштабах наладить изготовление техники новых поколений, в частности микроэлектроники. В 1990 году до 32 процентов продукции машиностроения намечено оснастить средствами управления, в том числе микропроцессорами. Планируется расширение производства и создание большого количества машин многофункционального назначения. Например, производство обрабатывающих центров увеличится в 4,3 раза, гибких производственных модулей — в 2,8 раза.

Таким образом, отечественное машиностроение призвано стать самой динамичной отраслью экономики, обеспечить базу для реконструкции других отраслей промышленности, создать необходимые предпосылки для расширения экспортного потенциала машиностроительной продукции нашей страны.

Сегодня для нас важно решить и другую проблему, связанную с расширением советского экспорта машин и оборудования,— его диверсификацию, главным образом за счет увеличения наукоемких видов машинно-технической продукции. Этому будет содействовать реализация мероприятий Комплексной программы научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 года. Она нацелена на коренное совершенствование механизмов научно-технического сотрудничества, углубление специализации и кооперации с целью выхода на передовые рубежи науки и техники.

Важной особенностью программы является то, что ее мероприятия входят составной частью в народнохозяйственные планы каждой из стран — участниц СЭВ. Это создает прочный фундамент для их претворения в жизнь.

Опыт показал, что усиление зависимости СССР от импорта из капиталистических государств по приоритетным направлениям НТП может иметь опасные последствия для его экономического развития. Поэтому на важнейших участках научно-технического прогресса Советский Союз решил объединить свои материальные, финансовые, трудовые, а также научные потенциалы со странами социалистического содружества.

Что мешает Меркурию?

Модель структуры товарооборота любой страны должна вписываться в модель мировой торговли, а не противоречить ей. Только при таком условии можно рассчитывать на устойчивое наращивание товарооборота на мировом рынке. Между тем в СССР структура товарооборота построена так, что соотношение экспорта сырья к готовым изделиям составляет 70 : 30, в то время как в мировой торговле этот показатель равен 40 : 60. К 2000 году преобладающее значение готовых изделий еще более возрастет, так как темпы технического прогресса в масштабах мировой экономики будут велики по-прежнему. Следовательно, основная задача, которая стоит сегодня перед советской промышленностью и внешней торговлей,— это преодоление резкого противоречия структурных пропорций экспорта СССР с тенденцией международного товарного обмена.

Изменяя структуру своей внешней торговли в пользу повышения доли машинно-технических изделий, СССР вместе с тем не должен отказываться и от экспорта топливно-сырьевых товаров, спрос на которые на мировом рынке еще длительное время будет оставаться относительно стабильным.

Практика мировой торговли свидетельствует о том, что удельный вес топливно-сырьевых товаров и полуфабрикатов в экспорте промышленно развитых стран связан прежде всего с масштабами их добычи и производства.

Факт. США вывозят около 10 процентов добываемого угля, почти 50 процентов выращиваемого хлопка. Швеция и Австрия экспортируют более 90 процентов добываемой железной руды. Канада вывозит более $^3/_4$ производимых полиматериалов, Англия и Норвегия — свыше $^3/_4$ добываемой нефти. Страны с развитой металлургией в значительных количествах экспортируют прокат черных металлов, в частности у Японии и Италии удельный вес экспорта в производстве проката составляет около $^1/_3$, у ФРГ и Франции — более $^1/_2$.

В СССР экспортная квота в добыче и производстве многих видов сырья и полуфабрикатов находится примерно на уровне, сложившемся в других промышленно развитых странах. Экспорт нефти в одиннадцатой пятилетке составлял 15—17 процентов от общего объема добычи в стране, газа — 10—12, железной руды — 12—14, проката черных металлов — 7—8, хлопка — 23—25 процентов.

Таким образом, преобладание топлива и промышленного

сырья в советском экспорте происходит не потому, что их вывозится слишком много, а потому, что других товаров вывозится пока мало.

Правда, в последнее время объем экспорта многих видов сырья все же увеличился, что негативно сказалось на нашей экономике. В частности, снижение мировых цен на нефть пришлось компенсировать увеличением объемов ее экспорта. В 1987 году, например, экспорт советской нефти от общей добычи увеличился до 30 процентов по сравнению с 15 процентами в 1981 году. Между тем в результате ухудшения геологических условий залегания нефти возросла трудоемкость ее добычи, что привело к привлечению больших дополнительных капиталовложений. Эффективность поставок топливно-сырьевого экспорта подошла к пределу. Больше чем, допустим, 180 миллионов тонн нефти за рубеж мы поставлять не можем. Это очень дорого и невыгодно для нас. Перевозки огромных количеств массовых грузов за рубеж существенно обостряют транспортную проблему в стране.

Как увеличить эффективность сырьевого экспорта?

Одним из важных моментов переосмысливания политики сырьевого экспорта является совершенствование его структуры. Речь идет об углублении переработки сырья и материалов для увеличения экспортных поступлений в расчете на единицу вывозимого полезного вещества.

Производственные возможности СССР позволяют осуществить прогрессивные сдвиги в структуре сырьевого экспорта посредством повышения удельного веса полуфабрикатов и материалов, получаемых в результате промышленной переработки нефти, природного газа, каменного угля, руд черных и цветных металлов, хлопка, древесины и других видов первичного сырья. Например, железная руда может быть заменена на окатыши, круглый лес — на пиломатериалы, типографскую бумагу, хлопок — на ткани и т. п.

Однако этот процесс в стране разворачивается крайне медленно. В структуре вывозимых топливно-сырьевых товаров попрежнему преобладает первичное сырье. Почему? Причин тому несколько. По наиболее прогрессивным и эффективным в потреблении видам сырья наблюдается пока еще острый дефицит. Экспортные фонды сокращались также из-за незаинтересованности нашей промышленности выполнять заказы по

спецификациям иностранного заказчика. Не стимулирует вывоз уже обработанных товаров и система внутренних цен.

Недавно принятое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» направлено на устранение этих и других недостатков. В нем выдвинуто требование решительно отказаться от сложившейся практики остаточного выделения ресурсов для экспорта, а также разработать на основе стратегии внешнеэкономических связей программу развития в СССР экспортной базы.

Большое значение для нашей страны имеет сегодня совершенствование форм и методов экономического сотрудничества с отдельными группами государств. Ведь действовавший до последнего времени механизм хозяйствования, внешнеэкономический комплекс сложились в условиях экстенсивного развития экономики и постепенно устарели. И здесь ограничиться частичными улучшениями уже нельзя, необходимы радикальные меры.

Приоритетное направление сотрудничества

Подчеркивая необходимость переосмысления внешнеэкономической политики СССР, М. С. Горбачев в своем выступлении на XIX Всесоюзной конференции КПСС отметил: «Приоритет мы отдаем, как и прежде, отношениям с социалистическими странами. Вместе с друзьями — на двусторонней и многосторонней основе, в рамках Совета Экономической Взаимопомощи — мы боремся за решение ключевых задач научно-технического прогресса, развития современных форм экономического сотрудничества. Перспективу видим в переходе к свободной конвертируемости рубля, в формировании единого социалистического рынка»[1].

Страны СЭВ добились неплохих по мировым меркам социально-экономических результатов. Так, в 1987 году по сравнению с 1950 годом их совокупный национальный доход возрос примерно в 10 раз, выпуск промышленной продукции увеличился в 16 раз.

Однако в последнее время обнажились недостатки сложившегося за предшествующие десятилетия экономического механизма сотрудничества. Этот механизм в целом неплохо

[1] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 20.

работал, когда основная доля взаимных связей шла по линии внешней торговли, обмена топливно-сырьевых товаров на продукцию обрабатывающей промышленности. Сегодня же на повестку дня деятельности стран — членов СЭВ стал вопрос перехода от наращивания «вала», объемов экспортно-импортных связей к ориентации этих связей на внедрение новейшей технологии. А здесь сложившийся механизм хозяйственных связей начал давать сбои.

Перевод сотрудничества СССР с братскими социалистическими странами на новые рельсы — не простая задача. Сложность ее определяется тем, что наряду с безусловными успехами в развитии содружества сложился своего рода механизм торможения международного социалистического разделения труда. Особенно негативно это сказалось на качественных параметрах сотрудничества: структуре взаимных поставок, качестве взаимопоставляемых товаров, обмене наиболее прогрессивной технологией и т. п., а также в целом на позициях стран СЭВ в мировой торговле.

Чрезмерная централизация управления внешнеэкономической сферой, присущая большинству социалистических стран, вошла в противоречие с необходимостью более активного взаимодействия отдельных производственных механизмов. Быстрое развитие научно-технического прогресса, непрерывно изменяющийся потребительский спрос требуют от производства большой гибкости, способности к оперативной реакции на конъюнктуру рынка. Все более решающим фактором, определяющим конкурентоспособность и эффективность социалистического хозяйствования, становятся мобильность, гибкость производства. Такую гибкость могут дать прямые научно-производственные связи, создание совместных хозрасчетных органов, международных социалистических объединений.

Старый хозяйственный механизм стран — членов СЭВ ориентировал национальные хозяйства прежде всего на решение внутренних социально-экономических задач, что ограничивало возможности международного сотрудничества. Экономические связи СССР в рамках СЭВ развивались словно в «заколдованном кругу», когда сочетание внутренних и внешних факторов торможения сдерживало внешнеэкономическую активность производителей и потребителей продукции, их реальное взаимодействие по всему внепроизводственному циклу

Основные причины такого явления опять же упираются в длительную монокультурность советского экспорта. Экономические связи нашей страны со странами СЭВ оказались в жесткой зависимости от движения мировых цен на нефть. Когда эти цены росли, возрастала валютная выручка, увели-

чивались возможности импорта из стран социалистического содружества. Такое благополучное положение как бы «оправдывало» небольшой объем в экспорте СССР машин и оборудования.

Факт. Доля продукции машиностроения в экспорте Советского Союза снизилась с 15,38 процента в 1980 году до 13,9 процента в 1985 году, и лишь в 1987 году она повысилась до 15,5 процента.

Падение мировых цен на нефть привело, естественно, к определенным перебоям во внешнеэкономическом обмене СССР со странами — членами СЭВ.

Новая концепция сотрудничества СЭВ

Большую роль в перестройке механизма сотрудничества советского государства со странами — членами СЭВ сыграли 43-е (Москва, октябрь 1987 г.) и 44-е (Прага, июль 1988 г.) заседания сессий Совета Экономической Взаимопомощи. На этих сессиях были обсуждены назревшие проблемы перестройки механизма многостороннего сотрудничества и социалистической экономической интеграции, совершенствования деятельности СЭВ.

Одним из важнейших итогов работы сессий стало признание необходимости стратегического концептуального подхода к определению направлений, методов и форм дальнейшего развития и углубления взаимного экономического сотрудничества, социалистической экономической интеграции.

Принято решение разработать коллективную Концепцию международного социалистического разделения труда на 1991—2005 годы. В этом документе будут определены цели и содержание согласованной политики в областях, представляющих для стран — членов СЭВ взаимный интерес, структурные сдвиги в экономике и внешней торговле, переход на технологическую модель взаимного разделения труда, в которой преобладающее значение приобретает сотрудничество в деле освоения и тиражирования новой техники и современных технологий, совершенствование сложившегося профиля специализации с учетом новейших тенденций научно-технического прогресса. Основные положения Концепции будут уточняться и дополняться каждые 5 лет, с учетом возможных изменений внутренних и внешних условий развития народного хозяйства каждой страны.

На 43-м заседании сессии СЭВ было также принято решение о перестройке механизма многостороннего сотрудничества. Она будет проходить поэтапно, с учетом внутренних условий развития механизма хозяйствования каждой социалистической страны. Определен новый подход к координации народнохозяйственных планов. Эта работа будет осуществляться центральными плановыми органами с опорой на всевозрастающую во многих социалистических странах самостоятельность предприятий, объединений и организаций.

Ныне внедряется и совершенствуется трехуровневая система сотрудничества СССР со странами — членами СЭВ. В чем ее суть? На межправительственном уровне основные усилия концентрируются на согласовании экономической и научно-технической политики и реализации крупномасштабных программ и соглашений. На отраслевом уровне осуществляются меры по развитию международной специализации и техническому перевооружению, модернизации отдельных производств. И наконец, на уровне предприятий и объединений будет осуществляться сотрудничество на договорной основе с широким использованием прямых связей, созданием совместных предприятий, международных объединений, научно-исследовательских организаций.

В целях содействия развитию прямых связей Советский Союз подписал соглашение с шестью странами СЭВ — Болгарией, Венгрией, Кубой, Монголией, Польшей и Чехословакией — о взаимной обратимости национальных валют для расчетов между производственными объединениями, предприятиями, коммерческими организациями. Речь идет пока об эксперименте, который должен создать условия для оперативного обмена ресурсами сверх количеств, получаемых по обычным каналам внешней торговли.

Приняты также соответствующие меры по совершенствованию товарно-денежных инструментов сотрудничества, а также кредитных отношений с целью гарантированного выполнения обязательств по взаимным товарным поставкам в установленные сроки.

Все эти решения уже воплощаются в практические дела. Для Советского Союза особенно важно сегодня, в период перестройки, в полной мере учитывать «цену» фактора времени, не допускать самоуспокоенности на том основании, что в минувшие годы СЭВ хорошо послужил общим интересам стран социалистического содружества.

Выход на рынки западных стран

Важным звеном в развитии внешних хозяйственных связей СССР являются его торгово-экономические отношения с развитыми капиталистическими странами. Роль их не ограничивается возможностью получения выгод международного разделения труда. В нынешних условиях развитие этих отношений связано с широким кругом межгосударственных интересов. Они составляют материальную основу мирного сосуществования государств с различным общественным строем, служат своего рода стабилизатором в решении политических проблем, способствуют формированию атмосферы доверия.

Еще В. И. Ленин, ясно представляя противоречивый характер торговли социалистического государства с капиталистическими странами, был твердо убежден, что выгоды всемирных экономических отношений — непременное условие мирного сосуществования государств с различным общественным строем. В беседе с американским журналистом в начале 1920 года он говорил: «Мы в России имеем пшеницу, лен, платину, поташ и много полезных ископаемых, в которых испытывает острую потребность весь мир... Мы не против того, чтобы пользоваться капиталистическими локомотивами и сельскохозяйственными машинами...» Ленин подчеркивал: «Я не вижу никаких причин, почему такое социалистическое государство, как наше, не может иметь неограниченные деловые отношения с капиталистическими странами» [1].

Ленинский принципиальный подход к внешнеэкономическим связям сохранился на всех этапах развития Советского государства. Даже в годы Великой Отечественной войны внешнеэкономическая деятельность не прекращалась, хотя возможности ее были крайне ограниченными. Поступавшие из-за рубежа (в основном из США и Англии) техника, продовольственные товары существенно дополняли собственные ресурсы страны. Значительное содействие внешнеэкономические связи оказали послевоенному восстановлению народного хозяйства.

С середины 50-х и до начала 80-х годов, то есть более четверти века, внешнеэкономические отношения СССР с капиталистическими странами развивались относительно стабильно. Особой интенсивности они достигли в 70-е годы — в период разрядки международной напряженности, когда сотрудничество стало приобретать долговременный и крупномасштабный характер. Стимулирующее влияние на торгово-экономические

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 152, 153.

отношения СССР с Западом оказало резкое повышение мировых цен на сырьевые товары, особенно энергоносители. Обладая дополнительными валютными резервами, Советский Союз в это время стал использовать в более широких масштабах импорт из западных стран в целях стимулирования развития ряда отраслей промышленности.

В структуре импорта преобладали машины и оборудование, на долю которых приходилось около $^1/_3$ всех ввозимых из этих стран товаров. С середины 70-х годов характерным для сотрудничества стал также ввоз комплектного оборудования и промышленное кооперирование.

В эти годы СССР построил на основе западной технологии Костомукшский горно-обогатительный комбинат, Оскольский металлургический комбинат, Астраханский газоперерабатывающий комплекс, Саянский алюминиевый завод, Южно-Якутский угольный комплекс, осуществил и другие крупные промышленные проекты. Вошел в строй новый экспортный газопровод Уренгой — Помары — Ужгород, в строительстве которого принимало участие 70 крупных и 500 средних фирм из 10 капиталистических стран.

Однако с середины 80-х годов произошло заметное ухудшение торгово-экономических отношений СССР с западным миром. Скрытые ранее недостатки в экспортной политике страны, основой которой был вывоз дорогостоящих сырьевых ресурсов, обнажились, когда спрос на них на мировых рынках упал. Если бы высокая конъюнктура мировых цен на сырье в 1973—1983 годах была использована на создание национального экспортного производства машин и оборудования, особенно наукоемкой продукции, то это не только компенсировало бы валютные потери страны от снижения цен на сырье, но и дало бы значительный выигрыш.

Именно в это время развитые капиталистические страны, осуществляя невиданную ранее структурную перестройку своей экономики, сосредоточили основные усилия на создании высокой технологии, наукоемкой продукции, ставших сегодня основным фактором повышения производительности труда, двигателем научно-технического прогресса. Отныне торговля «высокой технологией» является самой динамичной областью международных экономических отношений. При общем стремлении сбалансировать взаимную торговлю страны-контрагенты на мировом рынке оценивают сегодня потенциальные возможности своих коммерческих партнеров по их способности продавать наукоемкую продукцию. Советский Союз оказался во многом не готовым удовлетворять такие требования мирового рынка.

Анализ развития экспорта продукции СССР в период с 70-х до середины 80-х годов показывает, что объемы экспортных поставок наукоемкой продукции неуклонно снижались, география экспорта сужалась, все большая доля его приходилась на продукцию с низким уровнем трудоемкости. При этом прослеживается совершенно очевидная связь между падением объемов экспорта отечественных машин и оборудования и их отставанием от зарубежных аналогов по техническому уровню. Основной причиной отставания многих отечественных изделий от зарубежных является низкий технический уровень применяемой микроэлектронной техники, низкое качество используемых материалов и некоторых видов комплектующих изделий.

При выпуске конкурентоспособной машинно-технической продукции, при ее проектировании должным образом не учитывалась общая тенденция развития компьютеризации всего процесса производства, в том числе и техобслуживания. Так что уменьшение валютных поступлений СССР от вывоза энергоносителей пока не может быть компенсировано ростом советских поставок технологического оборудования в силу того, что оно еще не отвечает современным требованиям.

Интересно отметить, что американский журнал «Уорлд констракшн» перечисляет на первый взгляд фантастические, а на самом деле вполне реальные требования, которым должно отвечать современное оборудование: «Оборудование, которое сообщает оператору, насколько хорошо оно работает и какова его производительность в данный момент. Оборудование, которое регулирует себя с тем, чтобы расход энергии точно соответствовал конкретным условиям работы. Оборудование, которое указывает рабочему-ремонтнику причину неисправности и способ ее устранения. Оборудование, которое поставляет своему владельцу данные о величине расходов на его эксплуатацию и о том, когда оно потребует значительного ремонта. Одним словом, разумное оборудование».

Однако это не фантастика. Оборудование многих передовых в своей отрасли западных фирм уже сегодня изготовляется с учетом таких требований.

Необходимо отметить, что советская промышленность также поставляет на внешний рынок немало продукции, отвечающей мировым научно-техническим достижениям и обладающей достаточно высокой конкурентоспособностью. Это прежде всего металлообрабатывающее оборудование с программным управлением, оборудование для атомных электростанций, авиационная и лазерная техника, электронно-вычислительные

машины, обрабатывающие центры, турбины большой мощности, полупроводники, суда, различные приборы и т. п.

Ряд западных стран покупает советские лицензии на технологию непрерывной разливки стали, сухого тушения кокса, испарительного охлаждения доменных печей, разливки алюминия в магнитном поле и другие.

Что сдерживает торговлю с Западом?

И все-таки значительная часть советской промышленной продукции по своим технико-экономическим показателям не отвечает современным требованиям и по качеству заметно отстает от мировых образцов.

Выступая на XIX Всесоюзной конференции КПСС, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ Ю. А. Квицинский отмечал, что существенного увеличения продажи машин и оборудования не получается ввиду технологического отставания советской промышленности и общего низкого качества наших готовых изделий. Для того чтобы продать советскую продукцию, подчеркнул он, приходится иногда идти на то, чтобы даже снимать с нее марку «Сделано в СССР». По товарам, которые пользуются спросом на местном рынке, зачастую не хватает фондов. В общем объеме товарооборота с ФРГ, составляющем пять миллиардов рублей, на экспорт наших машин и оборудования, транспортных средств приходится не более 50 миллионов рублей. Доля это ничтожная.

Сходная же картина в экономических связях СССР и с другими развитыми странами.

Очень высоки еще материалоемкость и энергоемкость советских машин и оборудования по сравнению с западными образцами. Например, металлоемкость нашей техники в 2,4 раза больше, чем в Соединенных Штатах.

Факт. Чтобы получить тонну меди, в СССР затрачивается 973 киловатт-часа электроэнергии, а в ФРГ — в три с лишним раза меньше. На тонну производимого цемента у нас расходуется энергоресурсов в количестве 274 килограмма условного топлива, а в Японии — 142 килограмма. Из-за низкой экономичности бытовых приборов — холодильников, стиральных машин, телевизоров и других — в нашей стране приходится ежегодно вырабатывать, по существу, лишние 20 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Древесины в СССР вырубается примерно столько же, сколько и в США, а конечной продукции из нее получается вдвое-втрое меньше.

Так что неспроста на XIX партийной конференции перед советскими учеными, инженерами поставлена задача самым серьезным образом взяться за работу по созданию и внедрению самых совершенных технологий, соответствующего оборудования, новых прогрессивных материалов.

Для укрепления экспортного потенциала нашей страны необходима материализация тех достижений, которые уже имеются в области отечественных фундаментальных и прикладных исследований и разработок, а также использование передового зарубежного опыта. При этом следует учитывать возрастающие требования западного рынка к машиностроительной продукции, прежде всего к наукоемким товарам.

Совершенствование экспортной структуры СССР является делом непростым, ибо это связано с перестройкой всей экономики, всего хозяйственного механизма. Однако уже сейчас можно определенно сказать, что принятые меры по интенсификации нашей экономики и совершенствованию внешнеэкономического механизма открывают новый этап в развитии торгово-экономического сотрудничества Советского Союза с западным миром.

Дискриминация и протекционизм в торговле

Помимо внутренних факторов ухудшению торгово-экономических отношений СССР с развитыми капиталистическими странами способствовало создание последними особых национальных и международных механизмов с целью существенного ограничения, а в отдельных случаях и полного прекращения доступа нашей страны и других социалистических государств к достижениям мирового научно-технического прогресса.

Стратегия «технологического отбрасывания» или «контролируемого технологического отставания» Советского Союза должна была, по замыслу ее инициаторов, уже к концу нынешнего столетия оттеснить СССР на периферию мирового научно-технического прогресса. Это было связано прежде всего с курсом американской администрации в конце 70-х и начале 80-х годов на коллективную экономическую блокаду Советского Союза.

В этот период США ужесточили экспортный контроль в СССР и провели серию мероприятий по активизации деятельности Координационного комитета НАТО по многостороннему

экспортному контролю (КОКОМ), добившись ограничения экспорта в СССР наукоемкой продукции из западных государств.

В июне 1985 года конгрессом США была принята новая редакция закона 1979 года о контроле экспорта стратегических товаров, в которой еще более усилены дискриминационные меры в отношении передачи социалистическим странам технологии так называемого «двойного использования» (допускающей, помимо гражданского, военное применение) при одновременном ужесточении подхода к экспорту технологии в СССР. В рамках КОКОМ в 1986 году было принято решение о пересмотре ограничительных списков объектов экспорта технологии не через каждые 3 года, как было раньше, а через несколько месяцев. Для этой цели создан специальный орган — постоянный совет экспертов по стратегической технологии (СТЕМ), состоящий из представителей министерств обороны стран НАТО. Его работа по существу сводится к постоянному увеличению запретительных списков КОКОМ. Меры, принятые в рамках КОКОМ, препятствуют дальнейшему развитию торговли и промышленного сотрудничества, а в ряде случаев срывают реализацию уже заключенных контрактов.

В подобном направлении действует система ограничительных или запретительных мер против СССР, разработанная в рамках ЕЭС. Так, одним из главных средств протекционистской политики ЕЭС в отношении Советского Союза, имеющих ярко выраженный дискриминационный характер, является контроль над импортом.

Факт. В странах ЕЭС действует сегодня система количественных ограничений по более чем 500 товарным позициям советского экспорта. Значительно ужесточен таможенный режим в отношении социалистических государств. Таможенные пошлины на некоторые товары, ввозимые в страны ЕЭС из Советского Союза, на 30—40 процентов превышают пошлины на аналогичные товары из капиталистических государств.

В ЕЭС разработана система «защитных мер», которые могут быть применены органами сообщества к Советскому Союзу. К числу таких мер относятся: контроль над ввозом путем выдачи специальных импортных документов; сокращение срока использования выданных импортных документов; запрет импорта; введение специального пограничного налога. Широко применяется также система технических барьеров — запрещение экспорта советской продукции по причине ее несоответствия техническим условиям эксплуатации, несоответствия национальным стандартам, санитарно-гигиеническим условиям

эксплуатации, из-за ненадлежащей тары, упаковки, неправильного оформления документов и т. п.

Кроме того, ЕЭС и Япония действуют в настоящее время в русле предложений США по усилению координации кредитной политики стран — членов ОЭСР. Осуществление этих предложений еще более усложняет условия кредитования торгово-экономических операций СССР с западными странами.

Важно отметить и такое обстоятельство. Технологический вывоз Запада наиболее ярко материализуется в выдвинутой в марте 1983 года и широко разворачиваемой ныне Соединенными Штатами так называемой стратегической оборонной инициативе (СОИ), нацеленной прежде всего на милитаризацию космического пространства на основе новейших достижений науки и техники. Кроме того, в Западной Европе весной 1985 года по инициативе Франции была выдвинута уникальная программа по созданию новейшей наукоемкой техники под названием «Эврика». Исполнителями всех этих программ определены крупнейшие монополистические объединения Запада, прежде всего США. Нетрудно предположить, что реализация указанных программ повлечет за собой усиление технологического обмена на мировом капиталистическом рынке. Это может явиться дополнительным препятствием для проникновения на внешний рынок только начинающей утверждать себя наукоемкой продукции Советского Союза.

Активизации участия СССР в международном технологическом обмене с капиталистическими странами во многом способствовало бы устранение дискриминации внешнеэкономических связей СССР со стороны Запада по политическим мотивам. Именно с этой целью Советский Союз добивается во внешней политике демократизации межгосударственных отношений. Советские внешнеполитические инициативы, направленные на разоружение и создание всеобъемлющей системы международной безопасности, являются своеобразной внешнеполитической надстройкой, нацеленной на обеспечение программы ускоренного социально-экономического развития нашей страны до 2000 года, в реализации которой важная роль отводится внешнеэкономической сфере.

Сотрудничество с развивающимися странами

Важную роль в развитии внешнеэкономических связей Советского Союза играют его отношения с развивающимися странами. Сделано здесь за предшествующие годы немало.

За прошедшие три десятилетия торговля со странами «третьего мира» была одним из самых динамичных потоков во внешнеэкономических отношениях Советского Союза. В экспорте нашей страны велика доля машин и оборудования, выделяется высокий удельный вес комплектного оборудования (около половины объема).

Высокие темпы роста торговли в последние десятилетия отражали важную черту сотрудничества с этой группой государств: интенсификация внешнеэкономических связей с той или иной развивающейся страной происходила в значительной степени в результате оказания экономического и технического содействия со стороны Советского Союза.

Иначе говоря, такое сотрудничество было направлено прежде всего на преодоление экономической отсталости развивающихся государств, и уже в зависимости от этого формировались структура и объемы внешней торговли СССР.

Научно-технические связи нашей страны направлены прежде всего на создание в развивающихся государствах современной промышленности, на обеспечение предпосылок модернизации их экономической и социальной структуры, формирования интегрированных национальных хозяйств.

С помощью Советского Союза в развивающихся странах построено и строится свыше 2200 объектов. Среди них можно выделить такие, как гидроэнергетический комплекс на реке Евфрат, нефтепромыслы и железные дороги в САР, Асуанский гидроэнергетический комплекс и Хелуанский металлургический комбинат (АРЕ), Бхилайский металлургический комбинат, машиностроительные и нефтеперерабатывающие заводы, электростанции, шахты и нефтепромыслы (Индия), ирригационные сооружения, автодороги, нефтепромыслы в Ираке, металлургические заводы в Иране, Алжире, Нигерии и Турции, комплекс по добыче бокситов в Гвинее, десятки предприятий в Афганистане и т. д.

Факт. С помощью СССР в развивающихся странах созданы и создаются производственные мощности по выплавке 28 миллионов тонн стали в год, добыче 124 миллионов тонн угля, производству 5,4 миллиона тонн цемента, 31 тысячи тракторов. С нашей помощью здесь ведутся работы по орошению и освоению 2,4 миллиона гектаров земель, строится 6094 километра железных и 2638 километров шоссейных дорог.

Значительная экономическая помощь СССР способствует преодолению бывшими колониями и полуколониями отсталости, ускорению их продвижения по пути социально-экономиче-

ского прогресса, укреплению политической и хозяйственной самостоятельности.

Однако застойные явления в экономике нашей страны не могли не сказаться и на сотрудничестве с развивающимися государствами. С конца 70-х годов это сотрудничество стало терять былой динамизм, а с середины текущего десятилетия уменьшились и объемы взаимной торговли.

Каковы же причины такого положения? В нашей экономической литературе прослеживается определенный стереотип мышления, в соответствии с которым причины этих негативных явлений объясняют главным образом ухудшением общемировой хозяйственной конъюнктуры, а также финансового положения большинства развивающихся стран, на которые давит все увеличивающееся бремя задолженности. Бесспорно, эти и другие факторы, связанные с развитием мировой экономики и международных экономических отношений, оказывают влияние на внешнеэкономические связи Советского Союза с развивающимся миром. Однако такой односторонний подход не позволяет вскрыть другие источники узких мест в нашем сотрудничестве с освободившимися государствами.

На наш взгляд, одна из главных причин нестабильности, замедления темпов роста торговли СССР с развивающимися государствами состоит в том, что в течение долгого периода времени эти экономические связи носили преимущественно затратный характер. Такая мысль нашла свое яркое подтверждение в уже упоминавшемся выступлении на XIX Всесоюзной конференции КПСС Ю. А. Квицинского, который отметил: «Погоня в предшествующий период за осуществлением разных теоретических, социально-экономических схем не раз приводила к плачевным результатам, дезорганизации и увяданию существовавших в развивающихся странах традиционных производств при одновременном воздвижении там при нашем содействии дорогостоящих индустриальных памятников бесхозяйственности. За годы застоя социалистическая ориентация стала все больше ассоциироваться в представлении людей с экономическими трудностями. А в Советском Союзе мы в свою очередь испытываем нехватку кофе, южных фруктов, в то время как рынки западных государств в любое время года ломятся от них. И это при том, что мы вкладываем миллиарды в помощь тем развивающимся странам, которые способны производить и традиционно всегда производили эти продукты.

Наш долг — оказывать бескорыстную помощь развивающимся государствам. Но нынешняя ситуация неестественна.

Ее надо исправлять в наших собственных интересах и в интересах тех стран, с которыми мы сотрудничаем».

Сложившееся положение во многом объясняется также преобладанием остаточного подхода при определении масштабов отношений с развивающимися странами. Нередко приоритет сотрудничеству с той или иной развивающейся страной отдается, исходя не из соображений долговременной экономической выгоды, а после выявления дефицита в том или ином виде продукции. Поэтому установление внешнеэкономических отношений с развивающимися странами рассматривается часто как средство решения сиюминутных, в лучшем случае текущих задач экономического развития СССР, а не как научно обоснованная и доведенная до уровня конкретных действий долговременная концепция развития торгово-экономических отношений.

В этой связи использование взаимодополняющих структур экономики ограничено, партнеры, как правило, неохотно вкладывают капиталы в те производства, которые призваны удовлетворять потребности обеих сторон на долговременной и стабильной основе. Таким образом, возможности расширения внешнеэкономических отношений СССР с развивающимся миром, можно сказать, ограничены структурным барьером. Об этом свидетельствуют данные о взаимном товарообороте.

Факт. Доля развивающихся стран во внешней торговле СССР сократилась за 80-е годы с 15 до 11 процентов.

Еще большие опасения этот структурный барьер вызывает с точки зрения наметившегося расхождения внешнеэкономических отношений СССР с освободившимися странами и общемировой тенденцией в производстве и торговле, а также характера экономических процессов в странах «третьего мира».

В мировой торговле доля продукции машиностроения составляет около $^1/_3$ ее общего объема. В советском же экспорте этот показатель не превышает 15 процентов, а в экспорте в развивающиеся страны — около 20 процентов.

На протяжении многих лет такое положение не меняется. Кроме того, советская техника часто неудовлетворительно обеспечивается запасными частями. Недостаточно ритмичные поставки машинотехнических изделий, отражающие нерешенные у нас проблемы с производством оборудования и запчастей, вызывают нередко неудовлетворение у партнеров из развивающихся государств и приводят к их переориентации на западный рынок.

Глубокому переосмыслению подлежит внешнеэкономическая стратегия СССР и в том плане, что мы на протяжении многих лет рассматривали развивающиеся государства лишь как поставщиков сырья и продовольствия. Между тем положение во многом изменилось. Эти страны сегодня прочно утвердились на мировом рынке как поставщики одежды, обуви, текстиля, ювелирных изделий, спортивных и некоторых других товаров широкого потребления.

Факт. В 1985 году доля продукции развивающихся государств в импорте развитых капиталистических стран по машинам и оборудованию, электронным компонентам, черным металлам, стеклу и некоторым другим готовым изделиям и полуфабрикатам колебалась от 10 до 30 процентов. Общий годовой объем экспорта машин и оборудования из этих государств составил 47,2 миллиарда долларов, в том числе 28,7 миллиарда долларов — в развитые капиталистические страны, 14,1 — в развивающиеся и 4,4 миллиарда долларов — в социалистические страны.

Характерной чертой мировой торговли машинами и оборудованием является то, что они продаются вместе с услугами, стоимость которых иногда приближается к доходам от товарного экспорта. То есть в мире идет процесс интеграции производства и связанных с ним услуг. Международный рынок услуг, объединенных общим понятием «инжиниринговые услуги», получил в последнее десятилетие небывалое развитие. Инжиниринг включает целый комплекс работ по обслуживанию строительства и эксплуатации производственных и других объектов. Господствующие позиции на рынке инжиниринговых услуг занимают фирмы капиталистических стран. Предоставляя услуги на капитальное строительство, эти фирмы проникают в экономику развивающихся стран, надолго привязывая их к западной технологии, способствуя постоянному увеличению торгового потока на мировом капиталистическом рынке.

Во внешнеэкономических связях Советского Союза инжиниринговые услуги занимают пока скромное место. У нас не создана еще сеть специальных инжиниринговых фирм с ориентацией на экспорт. Это, несомненно, затрудняет работу по экспорту машин и оборудования в развивающиеся государства.

В последнее время начало ярко проявляться несоответствие между структурой оказания экономического и технического содействия СССР и теми задачами экономики развиваю-

щихся стран, которые вытекают из действительности. Так, львиная доля нашей экономической и технической помощи странам «третьего мира» (более половины ее объема) приходилась на развитие энергетики и металлургии, то есть на отрасли, которые сами по себе имели большое значение для комплексного развития национального народного хозяйства. Однако это отрасли с длительным сроком окупаемости, требующие больших капиталовложений. И многие развивающиеся страны не готовы начинать строительство таких дорогостоящих объектов. К тому же созданные мощности в некоторых странах малорентабельны, а есть и случаи, когда они работают не на полную мощность.

В условиях неблагоприятной демографической и продовольственной ситуации, роста внешней задолженности и безработицы для национальной стратегии большинства освободившихся государств характерна концентрация внимания на сельском хозяйстве и обслуживающих его производствах, строительстве мелких и средних предприятий, которые быстро окупаются, приносят прибыль и способствуют увеличению занятости.

Думается, что внешнеэкономические ведомства СССР не смогли в свое время глубоко проанализировать и дать правильную оценку всем этим обстоятельствам. Не были учтены и те изменения, которые произошли в мировой экономике в последнее десятилетие, вызвавшие необходимость для развивающихся стран пересмотреть систему приоритетов в их экономическом развитии, отклонить некоторые старые подходы и сориентировать национальные ресурсы на решение возникающих проблем в новых условиях, используя другую, более эффективную экономическую политику.

Из-за подобных просчетов в последние годы были приторможены внешнеэкономические связи СССР и с некоторыми так называемыми «новыми индустриальными странами» (Южная Корея, Гонконг, Филиппины, Таиланд), превратившимися в крупных производителей и экспортеров машин и оборудования, в том числе наукоемкой техники.

На протяжении многих лет Советский Союз оказывал содействие в развитии, главным образом, импортозамещающих отраслей промышленности развивающихся стран, между тем как сегодня их основные усилия направлены на создание экспортных производств. Кстати, многие народнохозяйственные интересы СССР, прежде всего те, которые связаны с задачей более полного удовлетворения населения страны продуктами питания, могли бы быть решены с учетом развития экспортных отраслей стран «третьего мира».

Нельзя не учитывать и то, что в последние годы значительно упал интерес развивающихся стран к импорту советского комплектного оборудования. А ведь основная часть советской технологии поставлялась именно в таком виде. Ныне развивающиеся страны уже достигли такого уровня научно-технического развития, что имеют возможность самостоятельно изготавливать отдельные компоненты комплектного оборудования. Поэтому они заинтересованы в поставках лишь некоторых, наиболее сложных механизмов и деталей. Между тем слишком централизованная форма оказания технического содействия развивающимся странам, когда лишь отдельные крупные ведомства и организации имеют право выступать в качестве генерального подрядчика, лишало возможности советских контрагентов гибко реагировать на запросы развивающихся стран. На этот факт обратил внимание американский экономист П. Десаи в своей книге «Советская экономика. Проблемы и перспективы».

Где же выход? Решение проблем экономического сотрудничества СССР с развивающимся миром нуждается в новых подходах. Для этого следует прежде всего признать, что такое сотрудничество пока что носит преимущественно межотраслевой характер, в то время как современный этап научно-технической революции и структурные изменения в международном разделении труда выдвигают на первый план необходимость развития внутриотраслевой специализации и кооперации.

Нужно отметить, что в Советском Союзе приобретен определенный опыт сотрудничества на кооперационных началах со странами СЭВ. Почему бы такой опыт не распространить и на развивающиеся страны? Кооперация советских предприятий с фирмами развивающихся стран помогла бы устранить структурные диспропорции в наших экономических отношениях. Основные усилия можно было направить на прямое сотрудничество предприятий и фирм прежде всего в области агропромышленности, машиностроения, химической промышленности и производства товаров народного потребления.

Если говорить о нашем научно-техническом содействии, то, думается, здесь основное внимание следует уделять помощи в строительстве средних и небольших машиностроительных предприятий, технически хорошо оснащенных и способных оперативно менять программу. Узость внутреннего рынка развивающихся стран делает целесообразным строительство именно таких предприятий.

Важно скорректировать наши планы развития таким образом, чтобы лучше учитывать возможности разделения труда

с развивающимися странами. Ведь экономический обмен с этими государствами можно распространить и на такие необходимые для обеих сторон товары, как нефть, одежда, обувь, текстиль, спортивные товары, некоторые виды электронной техники, краски, лаки, медикаменты и отдельные виды продовольствия. При этом можно было бы пойти и на отказ от расширения производства в нашей стране отдельных товаров, обеспечивая потребность в них за счет импорта.

Трезвые оценки положения на мировом рынке, отказ от сложившихся ранее догматических представлений о сотрудничестве с развивающимися государствами, принятие решений, основывающихся на реальностях нашего времени, будут способствовать успешному выполнению многих народнохозяйственных задач СССР. Это нейтрализует факторы, тормозящие расширение торгово-экономического сотрудничества Советского Союза.

Резюме. Анализ положения дел в нашей внешнеэкономической сфере говорит о том, что здесь требуются новые подходы, неординарные решения. Опыт свидетельствует, что задачи по перестройке нашей экономики не могут быть решены без активного участия страны в международном разделении труда. Сегодня необходимо усиление интеграции СССР как в рамках СЭВ, так и в рамках всего мирового хозяйства. Другой подход означал бы более длительный, дорогостоящий и неэффективный путь развития.

Практика указывает на необходимость разработки научно обоснованной программы конкретных действий долговременной концепции развития внешнеэкономических связей СССР. Такая концепция должна включать вопросы развития отношений с различными странами мира. Она призвана четко определить, что необходимо предпринять для повышения эффективности советского экспорта: создание мощностей по переработке первичного сырья, особенно энергоносителей, развитие экспортных производств наукоемкой продукции, определение места в международном сотрудничестве крупных отечественных отраслевых комплексов.

Очень важная роль в укреплении внешнеэкономических связей Советского Союза отводится дипломатическим ведомствам страны. Им предстоит предпринять ответственные инициативы и направить их на освобождение современных международных экономических отношений от политизации, создания равноправного, недискриминационного климата во внешнеэкономическом обмене.

Экспорт: хороши ли стимулы?

Теперь попытаемся посмотреть на себя как бы изнутри и ответить на вопросы: что необходимо предпринять по совершенствованию внутреннего механизма внешнеэкономического сотрудничества СССР? Почему действовавший до последнего времени механизм внешнеэкономических связей отличался отсутствием гибкости, закостенелостью организационных структур? Почему произошло падение интереса отечественных предприятий к экспортному производству? Для этого необходимо прежде всего дать трезвую оценку существовавшему в течение длительного периода времени аппарата внешнеэкономических связей СССР, который не только не стимулировал развитие внешней экономики страны, но и стал определенным тормозом. Командно-административные методы хозяйствования не могли не сказаться на характере и результатах нашей внешнеэкономической деятельности вплоть до сегодняшнего дня.

С чего все началось? В 1930 году по инициативе Сталина была проведена жесткая централизация всей внешнеэкономической сферы Советского государства. Право заключать сделки с иностранными контрагентами получили исключительно всесоюзные внешнеторговые объединения Народного комиссариата внешней торговли.

Этим актом непосредственные производители советской экспортной продукции и потребители импортных товаров на долгое время оказались оторванными от внешнего рынка, от иностранных контрагентов. Монополия внешней торговли стала исключительной привилегией Народного комиссариата внешней торговли (а позже Министерства внешней торговли). Это привело к тому, что советские предприятия, производя продукцию на экспорт по заказам всесоюзных внешнеторговых объединений, работали, практически не зная запросов иностранных потребителей. Анализом конъюнктуры внешнего рынка и поиском контрагентов занимались представители советской внешней торговли. В результате нередко получалось, что на экспорт поставлялась продукция, не соответствующая потребительскому спросу. Для предприятия главное было — изготовить экспортный товар и передать его Всесоюзному внешнеторговому объединению, дальнейшая же судьба этого товара его уже не интересовала.

К чему это привело? Такая практика не давала нам возможности своевременно реагировать на быстро меняющиеся «вкусы» мирового рынка. В результате многие советские товары оказывались неконкурентоспособными.

Пример. В 1975 году Советский Союз, испытывая большие валютные затруднения, предложил американским контрагентам купить некоторые художественные изделия, специально изготовленные из драгоценных камней. Во время согласования условий сделки оказалось, что американцам не понравились наши изделия, но они выразили готовность купить их по цене сырья, то есть по цене вкрапленных в эти изделия алмазов и бриллиантов. Советское внешнеторговое объединение в конце концов согласилось с предложением американской стороны и понесло большие потери, так как не была учтена при продаже стоимость изготовления продукции. Эти потери мы несли потому, что наши производители, дизайнеры, художники просто не знали вкусов иностранного потребителя.

Известны случаи, когда экспортируемое нашей страной в Индию сгущенное молоко не находило там сбыта. В чем же дело? Оказывается, на банке с этой продукцией была изображена корова, а известно, что это животное в Индии священное. Так что несмотря на большую любовь индусов к сгущенному молоку, с таким оформлением они покупать его не будут. Значит, и в этом случае производитель советской продукции, так же как и его посредник-экспортер не учли особенности национального рынка, не изучили специфику потребительского спроса.

Разрубить «валовой узел»

Долгое время экономика СССР развивалась в условиях, когда промышленности даже для внешнеэкономической сферы было выгоднее работать на «вал»: давала о себе знать приверженность к гигантомании. А в целом предприятия старались поменьше иметь дел с экспортной продукцией: выпуск ее каких-либо дополнительных материальных выгод не давал, а вот проблем дал множество. Так что выгоднее было работать на внутреннее производство.

Да и для внедрения импортной техники не находилось времени, особенно в условиях, когда «горел» план. А зачастую эта техника просто «не вписывалась» в общую устаревшую структуру производственного процесса. И дорогостоящее, закупаемое на валюту оборудование мертвым капиталом валялось на складах. «К сожалению,— пишет советский дипломат Э. Обминский,— достигаемое с превеликим трудом «развертывание на марше» в сторону мирового хозяйства «балансируется» порой удивительным равнодушием к использованию эф-

фекта участия в нем. По оценке Промстройбанка СССР, на начало 1988 года в просроченном незавершенном строительстве и в неустановленном оборудовании «накоплено» не менее 4,6 миллиарда инвалютных рублей. А сколько сил и ресурсов было затрачено, чтобы заработать эти самые миллиарды. И теперь, воплотившись в импорт установок, автоматических линий, комплектного оборудования из Италии, Франции и других стран, они годами «вылеживаются» на периферии заводских дворов и строительных площадок».

В результате созданные на основе импортного комплектного оборудования мощности осваиваются далеко не в установленные сроки. Все это снижает народнохозяйственную эффективность внешнеэкономических связей, порождает ряд диспропорций в развитии отраслей народного хозяйства в целом.

Хозяйственный механизм работал применительно к внешнему рынку на противоречащих здравому экономическому смыслу началах. Непосредственные производители экспортной продукции были избавлены от заботы о ее качестве, от необходимости постоянно изучать и учитывать изменяющиеся потребности мирового рынка. Они были ограждены от этих забот аппаратной монополией внешней торговли. Им не приходилось думать о «плате за отсталость»: не продали продукцию на внешнем рынке, так сбывали ее внутри страны или вообще списывали. Главное было — выполнить план. Он-то и диктовал отлаженную десятилетиями систему приоритета валовых показателей перед здравым смыслом.

Торговля исключительно через специализированные внешнеэкономические организации, отрыв промышленности от внешнего рынка и неэффективность стимулов обусловили преобладание в советском экспорте невозобновляемого сырья и мизерную долю конкурентоспособной машинотехнической продукции.

При неизмеримо возросших масштабах отечественной экономики, ее многоплановой структуре и ускорившемся динамизме хозяйственных и научно-технических связей сосредоточенность функций внешней торговли преимущественно в одном ведомстве вошла в противоречие с интересами эффективного участия СССР в международном разделении труда. Сама жизнь настоятельно потребовала радикальной перестройки внешнеэкономической сферы, конкретизации механизма монополии внешней торговли применительно к нуждам ускорения развития страны.

К новому механизму внешнеэкономических связей

Серьезная перестройка механизма внешнеэкономического сотрудничества началась в 1986—1987 годы. По своей природе она является неотъемлемой составной частью радикальной общехозяйственной реформы и базируется на тех же принципах: демократическом централизме в управлении и хозяйственном расчете в непосредственно коммерческих операциях. В основе создания нового механизма внешнеэкономических связей СССР лежат ленинские идеи об экономических методах хозяйствования, о сочетании централизованного руководства экономикой с деловой самостоятельностью и ответственностью предприятий.

В. И. Ленин отмечал возможность разных ступеней и форм государственной монополии внешней торговли — от абсолютной, когда монополия внешней торговли осуществляется лишь одним уполномоченным государственным органом, до либеральной, при которой формы и методы внешнеэкономической деятельности при сохранении государственного контроля становятся более разнообразными и глубокими. Проявлением либеральной монополии внешней торговли было практиковавшееся в 20-х годах предоставление права выхода на внешний рынок отдельным советским предприятиям. Ленин подчеркивал, что предоставление таких прав ни в коей мере не вредит эффективному осуществлению принципа государственной монополии внешней торговли.

Можно ли трактовать происходящую сегодня реформу внешнеэкономического механизма как снижение уровня государственной монополизации внешней торговли СССР? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть особенности работы нового механизма внешнеэкономических связей.

Центр тяжести внешнеэкономического сотрудничества лежит на предприятиях и объединениях. Все они получили право самостоятельно совершать внешнеторговые операции. Кроме того, советские предприятия получили право устанавливать прямые связи с фирмами стран — членов СЭВ и капиталистических государств.

Созданы внешнеторговые организации при 55 министерствах и ведомствах страны для работы на хозрасчетных условиях и валютной самоокупаемости. Советские предприятия, которые непосредственно вышли на внешние рынки, дают уже около 20 процентов внешнеторгового оборота страны.

Для ряда предприятий участие во внешнеэкономической деятельности стало частью их хозрасчетного механизма. Они устанавливают договорные отношения с внешнеторговыми объединениями, получают валютные отчисления за экспорт, кредиты и т. д.

На высшем уровне управления и координации создана Государственная внешнеэкономическая комиссия Совета Министров СССР, определяющая стратегию внешних хозяйственных связей страны, разрабатывающая их нормативную базу и руководящая работой всех звеньев внешнеэкономического комплекса. Обеспечению общегосударственных интересов в этой области призвано способствовать и создание на основе бывших Министерства внешней торговли и Государственного комитета по внешнеэкономическим связям Министерства внешних экономических связей СССР. Расширены функции Внешэкономбанка СССР, Торгово-промышленной палаты СССР, приняты решения по кадровому и информационному обеспечению внешнеэкономических связей. Активно осваивают эту новую для них область республиканские хозяйственные органы.

Таким образом, реализация государственной монополии внешней торговли в ее общегосударственных аспектах в целом остается централизованной, а стержневые функции внешнеэкономической деятельности постепенно передаются на хозяйственный уровень.

Экспортный шанс советской продукции

Выход непосредственных производителей на внешний рынок открывает новую страницу в развитии внешнеэкономических связей страны: сегодня создаются необходимые условия для наращивания экспортных ресурсов СССР, формирования и постоянного пополнения фондов конкурентоспособной промышленной продукции, более квалифицированной проработки технических вопросов, обеспечения коммерческой эффективности внешнеторговых контрактов.

Непосредственное подключение производственного звена к внешнеэкономическим связям создает реальную возможность для преодоления сдерживающих факторов в этой сфере. Ведь теперь сами производители заинтересованы в повышении конкурентоспособности своей экспортной продукции. В новых условиях внешнеэкономическая деятельность приобретает для советских предприятий принципиально новый характер: она становится органической составной частью их хозяйственной

деятельности. Это четко зафиксировано в Законе СССР о государственном предприятии.

Мировая торговая практика показывает, что достижение высокой эффективности экспорта требует комплексного решения ряда вопросов, каждый из которых уже имеет достаточно ясно сформировавшуюся методику разработки и применения. К ним прежде всего относится новый подход к изучению мировых товарных рынков, потребительского спроса и предложений конкурентов, позволяющий обобщить и использовать полученные материалы при создании и организации новых или модернизации имеющихся производств по выпуску изделий.

Как изучать требования мирового рынка!

За последние годы мировой рынок претерпел большие изменения, связанные с применением изощренных форм и методов конкурентной борьбы. Эти формы и методы объединены в целую систему, получившую в лексиконе деловых кругов название «маркетинг».

Современная концепция маркетинга, которую часто еще называют «философией бизнеса», заключается в том, что вся деятельность фирмы: научно-исследовательская, производственная, финансовая, а также сбытовая должна основываться на знании потребительского спроса и возможных его изменений в перспективе. Одна из главных целей современного маркетинга состоит в выявлении неудовлетворенных запросов покупателя, чтобы соответственно ориентировать производство.

Сегодня капиталистические фирмы стремятся организовать производство товаров на «известный рынок». И это понятно: если раньше бизнесмены, не зная хорошо все тонкости рынка, могли потерять один-два миллиона долларов, то теперь такое незнание (принимая во внимание нынешние масштабы производства и сбыта) может обойтись потерей в десятки и сотни миллионов долларов. Так что продуманная рыночная политика венчает усилия монополистических объединений.

Капиталистические фирмы, являющиеся основным контрагентом на мировом рынке, всесторонне программируют выпуск продукции, используя новейшую вычислительную технику, они учитывают повседневные колебания спроса и предложения. И только после этого составляют определенные программы производства товаров, отказываясь от своей прежней концепции — обеспечения сбыта любой продукции.

Факт. В настоящее время более 90 процентов всех крупных и средних капиталистических фирм имеют в своей структуре отделы маркетинга. Считается, что применение системы маркетинга обеспечивает фирме увеличение товарооборота на 30—50 процентов, гарантирует успех в конкурентной борьбе или во всяком случае страхует от больших потерь.

Внедрение новой системы маркетинга в организацию работы и технику управления производством на советских предприятиях требует соответствующих структурных изменений, направленных прежде всего на наиболее эффективное взаимодействие производственных и сбытовых секторов, их слияния в единый технологический процесс. Современные специалисты по маркетингу рекомендуют обращать внимание на то, чтобы во главе предприятий стояли руководители, которые думают прежде всего о реализации продукции, а затем о ее производстве.

Задача советских специалистов по производственной и коммерческой работе состоит в том, чтобы не только досконально изучить новую философию конкурентной борьбы на мировом рынке, но и умело применять ее на практике.

Со времени первых шагов по реорганизации внешнеэкономического комплекса страны прошло три года. Время, конечно, не очень большое, однако и этот небольшой период дает возможность увидеть, как работает новый механизм внешнеэкономических связей СССР, выделить трудности и проблемы, стоящие на его пути.

В. И. Ленин в свое время отмечал, что критериев оценки методов управления внешнеэкономическими связями есть два: толк и проверка делом [1]. Если исходить из этого, то можно отметить, что, начиная с 1988 года, несмотря на неблагоприятную конъюнктуру мирового рынка, Советскому Союзу в целом удалось приостановить тенденцию к падению товарооборота. Вырос промышленный экспорт, поставлен заслон безответственной импортной «чуме». Промышленность, особенно ее наукоемкие отрасли, начинают чувствовать «вкус» к экспорту.

Что же надо сделать, для того чтобы эти первые сдвиги привели к желанным переменам в структуре советского экспорта, наращиванию поставок на мировой рынок отечественных машинно-технических изделий?

Главная из проблем сегодняшнего дня заключается в том, чтобы найти пути дальнейшего сближения, взаимослияния об-

---

[1] См.: *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 52. С. 252.

щехозяйственного и внешнеэкономического механизмов. Пока их «шестеренки» не всегда стыкуются.

Задачей номер один является расширение экспорта продукции обрабатывающих отраслей, и в первую очередь машинно-технического экспорта. В этой области мы заметно отстали от других промышленно развитых государств.

Факт. Импорт СССР по машинам и оборудованию примерно в 2,5 раза превышает экспорт.

Можем ли мы коренным образом переломить ситуацию? Опыт показывает, что может. По некоторым видам машинно-технической продукции, например по тяжелому энергетическому оборудованию, металлорежущим станкам, СССР занимает на мировом рынке достаточно прочные позиции. К этому уровню надо поднимать все отрасли машиностроения. И главное — не упустить время. Ведь уже сегодня формируется мировой рынок машинно-технической продукции начала следующего века.

Вместе с тем следует признать, что в стране еще не создан действенный механизм, обеспечивающий приоритетность экспортных поставок. Конечно, в условиях дефицитной экономики дело это нелегкое: зачастую у коллектива есть желание расширить экспортные поставки, но нет свободных мощностей, ресурсов. К тому же высокая доля продукции, включенной, например, в 1988 году в государственный заказ для внутреннего рынка, оставила предприятиям мало возможностей для экспорта, в том числе сверхпланового. Понятно, что необходимо удовлетворять потребности внутреннего рынка. Но при этом следует помнить, что экспортная выручка по импортным каналам может дать больше в копилку национального дохода.

Немаловажную роль в повышении конкурентоспособности советского экспорта имеет проблема унификации некоторых видов машинно-технических изделий. Зачем, например, в СССР выпускать 32 наименования электробритв или 53 наименования холодильников? Дело дошло до того, что у нас каждая республика, каждый большой город считает за честь выпускать свою марку названных товаров, хотя качество многих из них оставляет желать лучшего. Может быть, лучше пойти на унификацию такой продукции и выпускать, скажем, 8—10 ее наименований (как в Японии), но высшего международного стандарта по качеству? Думается, что такой подход был бы оправдан в отношении многих видов советских промышленных товаров.

Как стимулировать экспорт?

Нуждается в совершенствовании работа по планированию поставок на свободно конвертируемую валюту. Руководствуясь необходимостью наращивания валютных ресурсов страны, Госплан СССР спускает сегодня отраслям и предприятиям многократно увеличенные планы поставок на валюту, не обеспечивая их соответствующими валютными фондами.

Пример. В 1987 году валютный план Министерства электротехнической промышленности был увеличен в 7 раз по сравнению с 1986 годом, а экспортные фонды при этом составили всего 22 процента от объема плана. Сходная картина наблюдалась и по Министерству сельскохозяйственного машиностроения, Министерству автомобильной промышленности и другим, где планы валютной выручки из года в год не выполняются.

Реальность, обоснованность, сбалансированность планов не должны приноситься в жертву прежним командно-приказным методам. Практика уже доказала: нереальные планы не стимулируют, а расхолаживают трудовые коллективы.

Особого разговора заслуживает проблема хозрасчета. Советские предприятия-экспортеры используют сегодня как бы две системы хозрасчета — внутреннюю и внешнюю, хотя по идее он должен быть единым. Чтобы добиться этого, необходимо внутренние цены на экспортную продукцию сделать сопоставимыми с мировыми. Пока же используются искусственно синтезированные «переходники» в виде дифференцированных валютных коэффициентов, которые могут искажать показатели реальной эффективности внешней торговли.

Коэффициенты построены таким образом, что умноженные на них внешнеторговые цены дают величину в рублях, обеспечивающую производителю покрытие его затрат по производству продукции для экспорта и необходимую рентабельность. Таким образом, они призваны создавать условия, при которых усилия предприятия по снижению затрат, повышению качества выпускаемой продукции, обновлению ассортимента должны оборачиваться получением более высокой внешнеторговой цены. На сегодняшний день таких коэффициентов насчитывается до 3,5 тысячи.

Что это означает на практике? Множественность коэффициентов нередко приводит к столкновениям министерств с предприятиями-экспортерами, возникновению массы конфликтных ситуаций. Как и прежде, происходит перераспределение

доходов: у одних приходится отбирать, а другим добавлять.

Министерство финансов СССР нередко пытается снизить уровень коэффициентов. Это совершенно недопустимо: ведь наши заводы только почувствовали вкус к внешнеэкономической деятельности, только начинают изготавливать и поставлять на необходимом уровне продукцию за рубеж. А Минфин уже спохватился: много зарабатывают предприятия, надо срезать коэффициенты. Но целесообразно ли это? И ко времени ли? Ведь так можно загубить на корню инициативу производственных коллективов.

Хозяйственники справедливо требуют совершенствования системы дифференцированных валютных коэффициентов. Накладываясь на затратный механизм цен, эти коэффициенты не могут не являться его логическим следствием и не отражать деформации стоимости в ходе расчетов.

Проблема заключается и в том, чтобы устранить несообразности во внутреннем ценообразовании: несоответствие между низкими ценами на сырье и высокими (по сравнению с мировыми) на готовые изделия. Относительная заниженность ныне действующих внутренних цен на сырьевую продукцию, обусловленная недоучетом затрат на создание дорогостоящей инфраструктуры, стоимости воспроизводства ресурсов, элементов капитальных затрат, связанных с поддержанием на необходимом уровне объема добываемого сырья и т. п., приводит к формированию показателей эффективности ее экспорта на завышенном уровне, что оправдывает и более того — стимулирует сырьевую направленность экспорта.

В то же время относительная завышенность внутренних цен на техническую продукцию и другие виды готовых промышленных изделий, складывающаяся в результате недостаточного учета реальной потребительной стоимости готовой продукции, особенностей действующей системы налогообложения, длительной неизменности установленных цен и других факторов, приводит к занижению показателей эффективности экспорта готовых изделий и, следовательно, не стимулирует увеличение их доли в общем объеме экспорта.

Жалобы на неэффективность дифференцированных валютных коэффициентов справедливы, хотя это является отражением неприятия мировым рынком внутренних цен и качества советской машинно-технической продукции. Какой же выход? Он видится в реформе ценообразования и введения реального курса рубля (до того как будет достигнута его конвертируемость), что позволит существенно упростить расчеты и создаст унифицированную основу для повышения эффективности внешнеэкономических связей.

Другим инструментом, повышающим экономическую заинтересованность в экспорте, является формирование в объединениях, на предприятиях и в организациях валютных фондов, которые создаются за счет отчислений от валютной выручки по стабильным нормативам. Тем самым каждое предприятие оказывается заинтересованным в росте экспорта и увеличении валютной выручки: ему заранее и на длительный период известно, какие валютные средства поступают и накапливаются на его валютных счетах во Внешэкономбанке СССР. А если учесть еще и предоставленное предприятию право расходовать заработанную валюту на техническое перевооружение, реконструкцию и на другие цели, то этот экономический рычаг становится еще сильнее. Вот где заложена суть валютной самоокупаемости и самофинансирования.

Отраслевым министерствам в настоящее время разрешено централизовать лишь до 10 процентов средств валютных фондов предприятий и использовать их только для оказания подведомственным предприятиям финансовой помощи. Новое строительство, особо важные стройки финансируются за счет валютных средств государства.

В целом первые итоги работы советских предприятий в новых условиях хозяйствования показывают, что, вопреки решению центральных органов, большая часть импорта машин, оборудования и материалов осуществляется за счет централизованных государственных средств, а не собственных валютных фондов объединений, предприятий, организаций и отраслей. Не здесь ли кроется разгадка ведомственной «терпимости» к убыткам, а также нередко встречающейся безответственности в использовании импортной техники?

Особого разговора заслуживает проблема запчастей к советским машинам и оборудованию, которая остро стоит на внутреннем рынке и заметно осложняет наши внешнеторговые поставки. Несмотря на все разговоры вокруг запчастей, делать их до сих пор заводам невыгодно. Это результат действия упоминавшихся выше дифференцированных валютных коэффициентов. Между тем современные капиталистические корпорации рассматривают производство запчастей не как убыточное, а как совершенно определенную сферу бизнеса, приносящую немалые доходы.

Факт. По опубликованным в США подсчетам, каждый доллар, вложенный в производство запчастей и организацию техобслуживания, может обеспечить прибыль вдвое большую, чем при производстве машин и оборудования. Причем цены на узлы и детали, реализуемые американскими компаниями

как запасные части, в 1,5—2 раза выше цен этих деталей при производстве готовой продукции, то есть машин или оборудования.

Вообще само техническое обслуживание, как утверждают западные специалисты, является одной из существенных функций маркетинга. Оно выгодно потому, что, во-первых, приносит прибыль, а во-вторых, расширяет круг покупателей и завоевывает их расположение. Немаловажно и то, что специалисты, занимающиеся техническим обслуживанием, являются носителями новых идей, так как они аккумулируют информацию о вкусах и изменяющихся потребностях покупателей.

Серьезного внимания к такого рода производственной и коммерческой деятельности мы как раз не встречаем в практике работы советских предприятий. Характерно, что на «доводку» нашей экспортной техники на месте затрачивается в валюте от 10 до 30 процентов ее стоимости. Многие миллионы у наших фирм, продающих тракторы и автомобили, уходят на закупку запчастей на местных рынках.

Факт. Лишь около 70 процентов советских автомобилей поступает к иностранному покупателю без каких-либо переделок. Не отвечающие самым высоким требованиям внешнего рынка некоторые виды электроники, резинотехнические изделия, красители, обивочные материалы приходится в ряде стран заменять изделиями зарубежных фирм.

Преодолеть деловую робость

Предоставление предприятиям права самостоятельно осуществлять внешнеэкономические связи вызвало срочную потребность в переподготовке, а на местах даже в начальной подготовке кадров.

Раньше профессиональные кадры специалистов, знающих коммерческое дело, находились в Москве — по месту расположения всесоюзных внешнеторговых объединений. Теперь они нужны на местах — там, где размещены предприятия и их внешнеторговые фирмы и объединения. Поэтому ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление, направленное на решение в течение пяти лет кадровой проблемы. Речь идет не о решении проблемы только в количественном отношении, но, главным образом, в качественном — с учетом новых требований к специалистам внешнеэкономических связей.

Нам необходимы кадры, умеющие разбираться в сложной конъюнктуре мирового рынка, находить оптимальные решения, обладающие высокой квалификацией в области организации и техники ведения внешнеэкономических операций.

Во внешнеэкономической сфере можно выделить также целый ряд проблем и противоречий субъективного характера: есть здесь, разумеется, вещи, которые нельзя исправить одним махом в силу неготовности нашей экономики к восприятию тех или иных новаций. Это прежде всего относится к дисциплине поставок на внешний рынок. К сожалению, такие обычные для нас «привычки», как неуважение к своим контрактным обязательствам, проникают и во внешнюю торговлю, где подобное совершенно нетерпимо. Многие советские поставки за рубеж осуществляются с большим опозданием в силу инертности и безответственности хозяйственников. Немало, например, упреков можно слышать по поводу постоянной задержки с поставкой на внешний рынок «Москвичей» и «Запорожцев». То же самое относится и к продукции ряда других министерств, прежде всего Минхимпрома и Минлесбумпрома. Никак нельзя оправдать нарушителей дисциплины экспортных поставок и ссылками на «заторы на транспорте», строгость госприемки, отсутствие экспортных фондов и т. п.

Назрело время решать вопросы, связанные с улучшением практики заключения контрактов. Международный опыт подсказывает, что обычно контракты на каждый следующий год заключаются в ноябре — декабре текущего года, чтобы дать зарубежному партнеру возможность заранее заполнить портфель заказов и планировать производство продукции на экспорт. Между тем многие советские предприятия по состоянию на 1 января еще не успевают заключить контракты по согласованным ранее сделкам, что, естественно, подрывает интерес иностранных фирм к советским заказчикам.

Большое значение для повышения эффективности сделок имеет правильное определение времени выхода на внешний рынок. Дело в том, что цены на мировом рынке колеблются в зависимости от сезонных и конъюнктурных факторов. Например, цены на нефть, как правило, выше в первом и четвертом кварталах. А вот экспортные фонды на нефть у нас почему-то постоянно выделяются во втором и третьем кварталах. Как это расценивать? То же самое можно сказать и о формировании экспортных фондов на другие товары. Подобное «регулирование» нашими экспортными ресурсами совершенно неприемлемо.

Не «согласовывать», а решать!

Увеличение числа министерств и ведомств, вышедших на внешний рынок, фактически привело к появлению еще одного управленческого звена во внешнеэкономических связях. Произошло дублирование административных бюрократических аппаратов в сфере внешней торговли. Практически во всех министерствах были созданы большие экспортно-импортные управления, своего рода «внешторгики», которые только сковывают инициативу предприятий и увеличивают издержки обращения. Кроме того, на самом высоком уровне контроль и координацию работы министерств осуществляют Государственная внешнеэкономическая комиссия, Министерство внешнеэкономических связей и Главное управление государственного таможенного контроля при Совмине СССР. В итоге зачастую получается, как в известной пословице: у семи нянек дитя без глазу. Между тем еще в свое время В. И. Ленин отмечал важность сосредоточения контрольных функций над внешнеторговыми операциями в лице одного органа.

Опыт первых лет работы в условиях перестройки внешнеэкономической сферы подтверждает: для повышения эффективности регулирующей и контролирующей функции государства, сокращения бюрократического управленческого аппарата необходимо сосредоточить все вопросы регулирования, координации и контроля за внешнеэкономической сферой в одном государственном органе, освободив его от чисто коммерческой деятельности, при одновременной ликвидации новорожденных «внешторгиков». При этом для предприятий, получивших право самостоятельного выхода на внешний рынок, возможно временно потребуется двойное подчинение, как это имеет место в Болгарии и Венгрии.

Кто бы не осуществлял внешнеторговые операции, государство должно иметь точные и оперативные данные о том, что, сколько, кем, куда и по каким ценам вывезено и соответствует ли эта деятельность народнохозяйственным интересам и планам. В условиях, когда отдельным предприятиям предоставлена свобода выбора товаров, рынков и партнеров, нет еще действенных рычагов, контролирующих экспортно-импортные операции. А это может приводить к таким негативным явлениям, как продажа товаров по необоснованно низким ценам, а покупка по завышенным.

Подобные факты уже имели место. Так, в 1987 году Ижорский машиностроительный завод продал уникальный толстый холоднокатаный лист по ценам, значительно ниже мировых.

Минстанкопром закупил у Японии микроавтобусы, хотя они производятся у нас. Всесоюзное объединение «Соврыбфлот», нарушив контрактные обязательства с акционерным обществом «Плодимекс», основными акционерами которого являются советские организации, вышло самостоятельно на английский рынок с продажей икры, реализуя ее по цене в среднем на 10 процентов ниже цен «Плодимекса».

Особенно большие убытки возникают при товарообменных операциях, когда советские поставщики мало вникают в такие вопросы, как цены, обеспечение импортируемого оборудования запчастями, возможность продажи товаров не в обмен, а на свободно конвертируемую валюту и т. п. В 1988 году, например, итальянская фирма «Рисокомекс» предложила Всесоюзному объединению «Экспортхлеб» 30 тысяч тонн... советского риса. Она приобрела его в Австрии, куда товар был продан одной югославской фирмой, получившей рис из Одесской области в порядке компенсации за поставленное оборудование. Можно только догадываться, насколько невыгодна была эта операция для советских контрагентов, если она прошла через руки стольких иностранных посредников. Приведенный пример показывает, что при должном контроле за внешнеторговыми операциями было бы целесообразно разрешить двум советским организациям совершить сделку с оплатой стопроцентной стоимости в валюте по мировым ценам.

В том же 1988 году австрийская фирма «Краус» перепродала на рынке ФРГ по бросовым ценам советское постельное белье, также полученное в порядке товарообмена. За бесценок были проданы в США советские хлопчатобумажные ткани, приобретенные ранее одной из социалистических стран по товарообмену. Таких примеров противоречий между индивидуальными интересами отдельных предприятий и общегосударственными много, и их число растет. Эти вопросы можно согласовать с помощью соответствующих торгово-политических и экономических рычагов, которые должны быть разработаны единым государственным органом, контролирующим осуществление внешнеторговых операций в СССР.

Регулирование можно осуществлять через такие, например, рычаги, как заключение межгосударственных соглашений, лицензирование, введение квот по экспорту и импорту отдельных видов продукции, а также через плановые и хозрасчетные рычаги. В частности, план по валютной выручке и другие плановые инструменты наиболее пригодны для регулирования объемов и основных общесоюзных пропорций внешнеторговых связей. Они же могут быть инструментом балансирования национального внешнеэкономического комплекса и поддер-

жания тенденций, соответствующих главным направлениям современного научно-технического прогресса.

Система регулирования экспорта и импорта в общегосударственных интересах должна включать и такое средство внешнеэкономической политики, как таможенные пошлины и таможенный тариф, имеющий у нас пока чисто символическое значение.

Резюме. Только отношение к внешнеэкономическим связям как к целостной системе, в которую встраиваются все новые, неизвестные совсем недавно, но необходимые теперь звенья, вооружает пониманием того, что на внешний рынок выходит единый народнохозяйственный комплекс. Сегодня еще рано говорить о том, что найдены все оптимальные решения по перестройке внешнеэкономических отношений. Предстоит еще отработать взаимосвязи внутреннего хозяйственного механизма и внешнего, централизованного управления и оперативно-коммерческой самостоятельности. Только в этом случае можно рассчитывать на желаемые результаты.

Новый подход к сотрудничеству

Основной областью развития экономического сотрудничества между Востоком и Западом всегда была внешняя торговля. Однако ныне процессы всемирного разделения труда переносятся непосредственно в сферу производства, выходя за рамки традиционных форм обмена.

В доперестроечный период производственное сотрудничество СССР с миром капитала в основном концентрировалось на таких формах, как компенсационные сделки или лицензионные соглашения. Эти формы сотрудничества в свое время сыграли определенную положительную роль в налаживании технологического обмена с капиталистическими странами. Однако со временем они стали терять свое значение: для поддержания таких связей нужны были достаточные валютные резервы (по крайней мере, если речь шла о лицензионных сделках), кроме того, капиталистические монополии начали терять интерес и к компенсационным сделкам.

В этих условиях важно найти новые формы экономического сотрудничества, привлекательные для западных государств и выгодные для нашей страны.

Пристальный интерес в деловых кругах всего мира вызвал такой аспект перестройки внешнеэкономического механизма СССР, как создание совместных предприятий на нашей

территории с участием иностранного капитала. Этот вопрос имеет не только экономический аспект, но и широкое общественно-политическое звучание и рассматривается подчас как одна из новых форм «интеллектуального вызова с Востока».

Процесс интернационализации общественного производства выявляет одну из главных форм производственного сотрудничества — совместную деятельность, или, как ее именуют на Западе, «джойнт венчурс».

Широкое внедрение нового типа внешнеэкономических отношений — создание совместных предприятий — означает переход к активному импорту капитала в производственной форме (в отличие от пассивного импорта в виде займов и кредитов). Это дает возможность прекратить рост международной задолженности и интегрировать западную технологию в процессы происходящей в СССР структурной перестройки.

Однако речь идет не только о внедрении новой техники и технологии. Как считает один из руководителей «Дойче банк» Ф. Кристианс, решающее значение приобретает современное управление производством (менеджмент), основанное на принципах аналитического учета, действенного хозрасчета, многоступенчатой модели сбыта продукции и подготовки соответствующего рынка. По мнению Ф. Кристианса, именно эти важнейшие формы управления производством не получили должного развития в советской экономике.

Функционирование совместных предприятий — это не феномен, а типичная для большинства стран мира форма производственного сотрудничества, которая доказала свою жизнеспособность. Советский Союз долгое время был чуть ли не единственной страной, которая отвергала такой способ хозяйственного взаимодействия. И здесь в немалой степени давал себя знать устаревший, высмеянный еще Лениным, подход «как бы чего не вышло», как бы не поразил «вирус капитализма» наше общество.

Экскурс в историю нэпа

В. И. Ленин считал привлечение иностранного капитала одной из важнейших задач экономической политики молодого Советского государства. По его инициативе в ноябре 1920 года СНК РСФСР принял декрет об общих экономических и юридических условиях концессий на территории СССР. Кстати, этот декрет Ленин относил к числу важнейших законов Советской власти.

Концессионная форма внешнеэкономической деятельности позволила иностранным предпринимателям осуществлять на территории СССР торговую и производственную деятельность. Эта форма получила название «чистой концессии» и предполагала организацию, оборудование и самостоятельную эксплуатацию иностранным капиталом концессионных предприятий, которые в условиях советской экономической системы являлись капиталистическими предприятиями.

Давая концессионерам гарантии, что вложенные ими капиталы не будут подвергаться ни национализации, ни конфискации, ни реквизиции, Советское правительство одновременно осуществляло контроль за деятельностью концессионных предприятий, с тем чтобы их внутренние распорядки не затрагивали основ экономического и социального строя страны.

В течение 1921—1925 годов было заключено 118 концессионных договоров. Часть из них вскоре была ликвидирована из-за несостоятельности концессионеров или в связи с краткосрочностью обязательств. Среди наиболее крупных выделялась концессия А. Хаммера на разработку асбестовых месторождений на Урале сроком на 20 лет. Интересно, что по условиям договора в оплату концессии Хаммер предложил доставить один миллион пудов хлеба для уральских рабочих, испытывавших трудности с продовольствием. Успешно функционировали также концессия Гарримана на Чиатурское марганцевое месторождение и английские золотопромышленные концессии «Тетюхе».

Наряду с «чистыми» концессиями в это же время использовалась и другая, более гибкая форма привлечения иностранного капитала — смешанные общества в области торговли, производства и транспорта. Такие общества функционировали в рамках установленной монополии внешней торговли под контролем Народного комиссариата внешней торговли.

К началу 1925 года в СССР функционировало 51 общество с привлечением иностранного капитала. Наиболее известными среди них были: русско-германское общество по транспортировке грузов «Дерутра», русско-германское общество воздушных сообщений «Дерулюфт», русско-английское общество «Русанглолес» и «Русвуд», русско-австрийское торговое общество «Русавторг», советско-польское общество «Совпольторг», общества по торговле с восточными странами «Персазнефть», «Персхлопок», «Персшелк», «Шарк» и другие.

Хотя доля смешанных обществ во внешнеторговом обороте СССР была незначительной (не более 10 процентов), их деятельность оказала большое влияние на развитие советской

экономики, способствовала прорыву экономической блокады и выходу Советского государства на внешние рынки.

В ответ на раздававшиеся в то время опасения, будто определенные уступки, на которые Советская республика была готова идти в налаживании производственных связей с зарубежным капиталом, означали чуть ли не «распродажу» страны, В. И. Ленин терпеливо разъяснял, что ни о какой «продаже» России не может быть и речи. Выступая в ноябре 1922 года на IV конгрессе Коминтерна, он по поводу создания смешанных обществ отметил: «Во-первых, мы таким путем учимся торговать, а это необходимо, и, во-вторых, мы всегда имеем возможность, в случае если сочтем это необходимым, ликвидировать такое общество, так что мы, так сказать, ничем не рискуем» [1].

Тем не менее с 1928 года по инициативе Сталина в стране начала осуществляться политика по свертыванию деятельности предприятий с участием иностранного капитала. Уже в 1931 году прекратили свое существование концессии, а к началу второй мировой войны были ликвидированы все смешанные общества. Официально совместное предпринимательство было запрещено под предлогом его несовместимости с социалистической экономикой.

Потребовалось почти полвека, чтобы пересмотреть сталинский подход к экономическому сотрудничеству с западными странами. Только после принятия 19 августа 1986 года постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о коренном совершенствовании внешнеэкономической деятельности страны проработка вопросов о деятельности совместных предприятий с участием иностранного капитала приобрела осмысленный характер. Неужели столько времени необходимо было выяснять то, что давно подсказывала сама жизнь? Дело оказалось не в том, кто кого «обратит» в свою веру, а в наличии конкретных условий для извлечения обоюдной экономической выгоды.

Сфера взаимных интересов

Основой для создания совместных предприятий служит взаимный интерес к этой форме сотрудничества капиталистических фирм и Советского государства. Капиталистические предприниматели при создании совместных предприятий стремятся расширить сферу своего действия, извлечь выгоду из

[1] *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 289—290.

сотрудничества с Советским Союзом. Перспективы для этого благоприятны: стабильность экономики СССР, отсутствие кризисов, сравнительно слабая реакция на неблагоприятные конъюнктурные колебания мирового капиталистического хозяйства, доступ к относительно более дешевым, чем на капиталистическом рынке, сырьевым и топливно-энергетическим ресурсам; возможность обмена опытом в освоении техники и технологии в целом ряде отраслей экономики, особенно в наукоемких производствах.

Возможности обмена передовой технологией и управленческим опытом являются одной из главных причин, привлекающих и Советский Союз к созданию совместных предприятий на своей территории. Кроме того, наша страна заинтересована в этой форме сотрудничества для удовлетворения потребностей народного хозяйства и населения в товарах и услугах и расширения экспортной базы в важных современных сферах производства.

По состоянию на 1 января 1989 года на территории СССР зарегистрировано 191 совместное предприятие и 18 международных объединений и организаций с участием иностранного капитала из 17 стран: Австрии, Австралии, Великобритании, Венгрии, Индии, Испании, Италии, Ирландии, Лихтенштейна, США, Финляндии, Франции, ФРГ, Швейцарии, Швеции, Югославии и Японии.

Наибольшее количество совместных предприятий в нашей стране создано с фирмами ФРГ (24), Финляндии (12), Венгрии и Италии (по 4), США, Франции и Австрии (по 20). Некоторые предприятия включают сразу нескольких партнеров. Это, например, советско-франко-итальянское предприятие «Интерквадро».

География расположения совместных фирм в нашей стране достаточно широка: Москва и Ленинград, Таллинн и Ташкент, Украина и Белоруссия, Литва и Молдавия, Армения и Грузия, Карелия и Татария, Белгородская, Иркутская, Пермская области и Дальний Восток.

На территории Украинской ССР в 1988 году было зарегистрировано три совместных с фирмами капиталистических стран предприятия: «Кранлод» — по выпуску гидравлических самоходных кранов — с участием Одесского производственного объединения тяжелого краностроения имени Январского восстания и фирмы «Либхер индустрианлаген АГ» (Швейцария); «Интерфакел» — по производству оборудования и материалов для обновления и упрочнения деталей машин — с участием НПО «Факел» (г. Бровары Киевской области) и фирмы «МТС» (Австрия); «Таврия» — по производству и

сбыту сернистых красителей и другой химической продукции — с участием ВПО «Союзанилинпром» (г. Армянск Крымской области) и фирмы «Сандоз АГ» (Швейцария).

Разумеется, список совместных предприятий будет расширяться. Десятки иностранных фирм уже высказали пожелание принять участие в этой новой форме сотрудничества с Советским Союзом. Однако первоначальный период своеобразной «эйфории грюндерства» сегодня переходит в стадию делового обсуждения общих целей и конкретных направлений совместной производственной деятельности.

Для оказания соответствующих услуг совместным предприятиям в Москве с сентября 1987 года функционирует акционерное общество «ИНАУДИТ».

В сентябре 1988 года в Москве была создана Ассоциация совместных предприятий СССР во главе с генеральным директором советско-франко-итальянской фирмы «Интерквадро». Эта новая общественная организация представляет интересы совместных предприятий в государственных органах СССР и других стран. Главная задача ассоциации состоит в содействии развитию совместного предпринимательства. Она решает проблемы социального плана, связанные с организацией быта иностранных и советских сотрудников, занимается обучением персонала, консультированием предпринимателей. Подобное объединение менеджеров, несомненно, окажет благоприятное влияние на развитие новой формы экономического сотрудничества.

Первые шаги совместных предприятий

Совместные предприятия функционируют в таких важных для нашей страны сферах хозяйства, как химия, станкостроение, деревообработка, выпуск потребительских товаров, сфера услуг.

Пионерами в деле создания совместных предприятий выступают западногерманские фирмы, имеющие немалый опыт экономического сотрудничества с СССР. Среди них «ХОМАТЕК» — советско-западногерманское предприятие, участниками которого являются Московский станкостроительный завод имени С. Орджоникидзе и компания «Хайнеман машинен унд анлагенбаум». Предприятие размещается в Москве и выпускает продукцию обрабатывающих центров и гибких производственных систем с применением робото-, сенсоро- и лазерной техники. Часть продукции продается за границу.

С целью подготовки профессиональных кадров для работы на совместном предприятии дирекция фирмы «ХОМАТЕК» организовала переподготовку в ФРГ 25 специалистов Советского Союза. В ближайшие годы фирма предлагает открыть в 11 городах СССР филиалы технологических и сервисных центров, без которых немыслимы существование и успешная деятельность такого предприятия, как «ХОМАТЕК».

Хороший старт в Ленинграде у западногерманской фирмы «Саламандра», которая вместе с советской обувной фабрикой № 2 «Пролетарская победа» создала совместное предприятие «Ленвест» по производству модельной обуви. Пока предприятие производит мужские полуботинки, однако через три года планируется наладить многоступенчатый цикл производства различных моделей обуви в количестве 3—4 миллиона пар в год. Всю основную технологию предприятию поставляет западногерманский контрагент, он же обеспечивает сбыт части продукции в третьи страны за валюту.

Первым совместным советско-американским стало предприятие «ПРИС». Его название — прикладные инженерные системы — определяет направление деятельности: разработку, производство и внедрение автоматизированных систем управления для установок каталитического крекинга, гидрокрекинга, комплексов и установок по выпуску ароматических углеводородов, этилена и пропилена и других производств в нефтеперерабатывающей и нефтехимической отраслях.

С советской стороны участником предприятия «ПРИС» является НПО «Нефтехимавтоматика» Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, с американской — корпорация «Комбасчен инжиниринг». Объем производства ориентировочно определен в 30 миллионов рублей ежегодно. Большая выгода для советской стороны заключается в обмене опытом — инженерным и управленческим — с известной во всем мире капиталистической корпорацией.

В апреле 1988 года в Москве было подписано соглашение о создании совместного советско-американского предприятия «СТЕРХ». Его учредителями стали Министерство по производству минеральных удобрений СССР и компания «Ханиуэлл». Американский партнер — один из признанных мировых лидеров в области управления и автоматизации промышленных процессов, один из самых крупных производителей электронно-вычислительных машин. Например, при помощи систем компании «Ханиуэлл» осуществлялось управление всеми космическими полетами с экипажем на борту в рамках программы Национального управления США по аэронавтике и исследованию космического пространства. Задача созданного

совместного предприятия состоит в выполнении целого комплекса производственных и инжиниринговых услуг, связанных с внедрением на предприятиях Минудобрений СССР совершенных автоматизированных систем управления технологическими процессами.

В будущем намечается строительство в СССР с учетом приобретенного опыта ряда заводов по выпуску систем автоматизированного управления производством для их применения в различных отраслях промышленности СССР.

Широко известна деятельность в Советском Союзе совместного советско-итальянского предприятия «Совпластила», созданного в Ташкенте на основе объединения капиталов НПО «Узбытпластик» и итальянской фирмы «Алма-Розе». Это предприятие производит широкую номенклатуру товаров из пластика — предметы интерьера прихожей, ванной комнаты, кухни, а также различные сувениры, декоративные растения. Определенная часть продукции предприятия реализуется через фирменные магазины в Ташкенте, другая часть экспортируется. Причем хорошо известная в Европе фирма «Алма-Розе» гарантирует продажу продукции предприятия даже на рынках США, Канады и Японии.

Совместные предприятия выпускают важную для нашего народного хозяйства и нужную для экспорта продукцию. Например, советско-японская фирма «Игирма-Тайрику» производит пиломатериалы, советско-швейцарская «Лиян» —самоходные грузоподъемные краны, советско-финляндская «Эст-Финн» — продукцию легкой промышленности.

Наряду с производственной сферой, совместные предприятия созданы и в сфере обслуживания. Так, в Москве успешно работает советско-индийский ресторан «Дели», создан советско-финляндский ИНФА-Отель (с участием Интуриста), который после реконструкции будет управлять московской гостиницей «Берлин», а затем откроет свои филиалы в других городах.

Несколько предприятий имеют инжиниринговое направление. Это советско-лихтенштейнское предприятие «ЯТИГ-Инжиниринг» — по разработке конструкторских и технологических проектов комплектных производств, участков, оборудования, агрегатов машиностроения; советско-английская фирма «Динамика» — по производству и распространению обучающих и других компьютерных комплексов; советско-американская фирма «Диалог» — по разработке различных программ.

Чтобы расширить спектр сотрудничества, в настоящее время ряд довольно крупных банков мира начал принимать активное участие в создании смешанных предприятий. Так, во

Франции Банк европейского союза, Лионский кредит, Коммерческий банк для Северной Европы осуществляют вместе с Госбанком и Внешэкономбанком СССР совместный проект по предоставлению консультативной помощи и содействию в финансировании при создании совместных предприятий. Переговоры в этом направлении ведет также банк Индосуэц. Кроме того, два австрийских банка, два итальянских, один норвежский и пять западногерманских подписали соглашение о сотрудничестве с Госбанком СССР и Внешэкономбанком СССР в деле создания на территории СССР совместных фирм.

Стимулирование совместного предпринимательства

В последнее время приняты дополнительные меры по активизации создания совместных предприятий на территории СССР. Проводится работа по сближению правовых режимов совместных предприятий всех видов и упрощению формальностей. Министерствам и ведомствам СССР и Советам Министров союзных республик предоставлено право самостоятельно принимать решения о создании совместных предприятий с участием организаций и фирм любых стран (раньше это входило в компетенцию Совета Министров СССР). При этом создаются льготные условия для их деятельности: совместные предприятия будут, как правило, освобождаться от уплаты налога в течение первых двух лет с момента получения объявленной прибыли; оплата труда иностранных граждан, работающих на совместных предприятиях, теперь регулируется на основе договорных отношений.

Создаваемые в СССР совместные предприятия не находятся в прямом подчинении каких-либо национальных органов. Курирующие государственные органы не вмешиваются в оперативную деятельность совместных предприятий, но наблюдают за ней. В случае нарушения этими предприятиями установленной сферы деятельности они могут ликвидироваться.

Советское законодательство также не устанавливает приоритет доли национальных участников совместного предприятия в уставном фонде. Руководящие посты на совместных предприятиях могут занимать как советские, так и иностранные граждане.

Важно отметить и то, что дирекция совместных предприятий заключает коллективный договор с профсоюзной организацией, представляющей интересы трудящихся этих предприятий. Условия оплаты труда, режим работы и отдыха совет-

ских граждан, работающих на совместных предприятиях, а также социальное обеспечение и страхование регулируются национальными нормами.

Не менее важно подчеркнуть и то, что основным принципом участия советских организаций в создании смешанных компаний с участием иностранного капитала является государственная монополия внешнеэкономической деятельности. Этот принцип и производные от него социалистические принципы сотрудничества являются не только основанием, но и важнейшим инструментом обеспечения таких вопросов международных экономических отношений, как предоставление принципа наибольшего благоприятствования, содействие государства при разрешении конфликтных ситуаций, обеспечение стабильности и долговременности, предоставление гарантий со стороны государства и многие другие.

Какие проблемы выдвигаются практикой? Вопросы создания совместных предприятий на советской территории продолжают оставаться в центре внимания общественности и деловых кругов различных стран. Настрой в пользу новых форм сотрудничества с Советским Союзом оказывает воздействие на принятие положительных решений многими фирмами. В то же время нельзя не заметить, что интерес к созданию «джойнт венчурс» в последнее время несколько ослабел, усилились колебания и сомнения в эффективности этой формы производственной кооперации.

В чем же дело? Видимо, причины тут кроются в том, что мы еще не вышли на широкий круг партнерских отношений. Предстоит отработать взаимосвязи внутреннего хозяйственного механизма с механизмом работы совместных предприятий, ибо первый не должен их ни изолировать, ни отвергать. Здесь уже имеются определенные решения, некоторые из них нуждаются в отработке, усовершенствовании. Речь идет прежде всего о ценообразовании, проблемах сбыта продукции, налогообложении. Немало трудностей в расширении делового сотрудничества порождают бюрократические препоны.

В последние два года первые практические шаги совместных предприятий на территории СССР были объектом пристального внимания мировой печати. Они обсуждались также на специальных двусторонних и многосторонних семинарах и симпозиумах, в которых принимали участие различные страны. Представители Запада единодушно отмечали, что возможности расширения сотрудничества в этой новой форме поистине безграничны. Вместе с тем высказывались многочисленные пожелания, направленные на то, чтобы придать больше динамизма сотрудничеству на основе создания совместных пред-

приятий. Конечно, эти пожелания носят как объективный, так и субъективный характер. И разумеется, в каждом случае договориться непросто. Но вот что нужно всегда учитывать: иностранный партнер никогда не будет работать себе в убыток. Он либо будет получать хороший доход за вложенный капитал, либо свернет дело. Поэтому важно совершить ускоренный переход на равноправные, экономически выгодные каждому партнеру методы хозяйствования.

Какие пожелания высказывают наши партнеры? Речь идет прежде всего об определении основных рынков сбыта совместной продукции; возможностях свободного перевода прибылей за границу; обеспечении рентабельности совместного производства; самостоятельной деятельности и характере взаимоотношений с контролирующими организациями и т. п.

Важнейшим мотивом западных фирм для создания совместных предприятий является возможность непосредственного выхода на советский внутренний рынок. В принципе это не противоречит и нашим целям создания «джойнт венчурс». Однако, по мнению журнала «Ост-Вест-коммерц», отсутствие в СССР дополнительных разъяснений о механизме реализации продукции на внутреннем рынке и осуществления перевода доходов в валюте порождает разные толкования.

Западных бизнесменов крайне беспокоит положение постановления Совета Министров СССР о создании совместных предприятий, в котором установлено, что переводы иностранному партнеру его части прибыли можно осуществлять только из той части доходов, которая будет получена от экспортной деятельности. Однако здесь, по их мнению, возникает риск для реализации продукции вне СССР, не говоря уже о том, что, создавая совместное предприятие, фирма невольно вскармливает себе конкурента.

В особенно трудном положении оказываются мелкие и средние фирмы, которые хотят сбывать свои товары исключительно на новом для них огромном рынке, каким является рынок СССР. «Какой прок от высокой прибыли совместных предприятий,— пишет журнал «Тайм»,— если компании США будут получать эту прибыль в рублях, на которые ничего не купишь? А многое из того, что могут производить совместные предприятия, уже имеется на международном рынке в достаточном количестве».

Возникают опасения и в связи с тем, что прибыль, полученная от реализации продукции на советском рынке, будет оставаться внутри нашей страны, а это значит, что иностранный партнер уже не должен рассчитывать на самовозрастание собственного капитала. Принуждение к «валютному самофи-

нансированию», считают некоторые бизнесмены США, существенно ограничит возможности деятельности совместных предприятий.

Многие представители западного бизнеса считают, что совместные предприятия, связанные с производством продукции на внутренний рынок, модернизацией советской экономики, должны ориентироваться преимущественно на импорт. Свой вклад в разрешение валютной проблемы они обеспечат путем сокращения нерационального импорта западной техники, на что постоянно расходуются значительные валютные средства. Экспортный этап ориентации советских предприятий при этом не отвергается, но ему должен предшествовать подготовительный период.

Еще более откровенно на этот счет высказывается «Нью-Йорк Таймс», которая пишет, что, создавая совместные с СССР предприятия, западные фирмы, как правило, продают советским партнерам технологию не самого последнего поколения, а именно ту, производство и реализация продукции на основе которой уже встречает большие затруднения на мировом рынке. Поэтому продажа Советскому Союзу этой технологии как бы продлевает ее жизнедеятельность с учетом возможности реализации произведенной продукции на новом обширном рынке СССР. Не отвергается при этих рассуждениях и экспортная ориентация совместных предприятий, однако подчеркивается необходимость последовательного освоения основных этапов выхода продукции на мировой рынок.

Заслуживают внимания и соображения, высказанные во время состоявшегося в апреле 1988 года в Нью-Йорке семинара по совместным предприятиям. С целью стимулирования экспортной направленности совместных предприятий в СССР, отмечали участники семинара, необходимо предусмотреть возможность организации аналогичных предприятий и в западных странах. Это позволит наладить кооперацию нового типа, при которой возможны экспортные поставки комплектующих изделий с советских «джойнт венчурс» за валюту на аналогичные предприятия на территории западных стран.

Участники семинара высказывали также опасения, что совместные предприятия в СССР будут связаны жесткими производственными планами государственных предприятий-поставщиков, обеспечивающих первые сырьем, материалами и услугами. Кроме того, они подчеркивали, что отсутствие в СССР коммерческого права приводит зачастую к бесконечным переговорам.

Многие западные компании, нацеленные на создание совместных предприятий, обеспокоены тем, что нынешняя ситуа-

ция не дает гарантий конвертирования полученной прибыли в рублях в доллары или другую валюту и что эта гарантия наступит не раньше чем в 90-х годах.

При заключении соглашения о совместном производстве в СССР у представителей швейцарского химического концерна «Сандос» возникли проблемы, в частности, из-за того, что мало у кого в Советском Союзе есть практический деловой опыт. Советские партнеры с трудом понимают действие рыночного механизма, отмечали представители концерна, а следовательно, и необходимость изучения рынка, расходов на маркетинг и зависимость производства от рыночного спроса. Кроме того, для советских товаров также трудно определить нормы качества.

Факт. Всю тяжесть бюрократической машины «Сандосу» пришлось испытать в 1987 году, когда согласовывались окончательные условия сделки с Министерством химической промышленности. Около 15 правительственных учреждений должны были утвердить проект совместного предприятия, в то время как большинство из них не имели ни малейшего представления, о чем идет речь.

Много вопросов возникает сегодня у наших основных партнеров из ФРГ. Они, в частности, спрашивают: как можно обеспечить высокий уровень производства и качества продукции, базирующейся на западной технологии совместных предприятий, если два основных руководящих поста должны занимать советские менеджеры, не располагающие необходимым опытом в этой сфере? Кто и как будет поддерживать режим производственной деятельности? Каковы возможности маневрирования в области зарплаты и состава производственного персонала? Речь идет о возможностях реализации эффективной западной модели производства в новых условиях. В этой связи высказывались предложения разграничить общее и производственно-техническое руководство, передать западному менеджменту решение проблем, ради чего собственно и создается совместное предприятие.

Особое внимание деловые круги Запада уделяют вопросам рентабельности совместных предприятий. Вызывает, например, у предпринимателей настороженность, что реализация продукции совместных предприятий осуществляется на внутреннем рынке через советские внешнеторговые организации, что, как опасаются наши партнеры, может привести к нарушению нормальной деятельности рыночного механизма, утрате рентабельности и, следовательно, превращению совместных предприятий в «рискованное мероприятие».

Некоторое недовольство западногерманские предприниматели высказывают и в отношении действующей системы налогообложения. Согласно постановлению о создании совместных предприятий с участием иностранного капитала налог с западных партнеров взимается дважды — 30 процентов от общего объема прибылей и 20 процентов при переводе прибылей за границу. По мнению западногерманской газеты «Хандельсблат», это дает совсем незначительное преимущество по сравнению с налогообложением в ФРГ. Указывается также на то, что эта система налогообложения мало дифференцирована, недостаточно учитывает особенности отраслевой ориентации совместных предприятий и т. д.

Предметом особых рассуждений на Западе является проблема создания в СССР совместных предприятий по производству наукоемкой продукции. Основным мотивом рассуждений по этому поводу являются утверждения о якобы неготовности СССР к созданию подобных предприятий. Например, представитель английской фирмы «РЭНК КСЕРОКС» Р. Лэнд отмечает, что главная трудность для западных наукоемких компаний в организации совместного производства в Советском Союзе кроется в структуре советской промышленности. «Советская система принятия решений,— отмечает он,— экономическая отчетность и допустимые нормы амортизации не учитывают непродолжительность срока службы наукоемкой продукции. На Западе этот период составляет 2—3 года, в СССР — 10—15 лет. Часто на принятие решений времени уходит больше, чем мог бы служить тот или иной товар».

Широко распространено суждение о необходимости поэтапного решения вопроса о создании совместных наукоемких производств в СССР. Первой предпосылкой этой работы является создание в Советском Союзе организаций по совместному обслуживанию импортного наукоемкого оборудования, произведенного на фирме — будущем партнере. Затем основывается совместная инжиниринговая компания по проектированию и вводу в строй производственных объектов. И лишь на третьем этапе начинается совместная производственная деятельность. Высказывались и другие предложения, выдвигались планы, которые могли бы расширить и углубить совместное сотрудничество советских и иностранных фирм.

Какие предложения заслуживают внимания? По-видимому, прежде всего те, которые подчеркивают необходимость усовершенствования законодательства, регулирующего деятельность совместных предприятий. В частности, с целью более широкого вовлечения иностранных партнеров в управление производственной деятельностью совместных предприятий необхо-

димо в отраслях промышленности, особенно наукоемких, всячески расширять возможности приобретения иностранным контрагентом контрольного пакета акций. При этом может возникнуть вопрос: следует ли опасаться того, что иностранная фирма может иметь контрольный пакет акций? На наш взгляд, не следует. Ведь иностранный акционерный капитал будет вкладываться, во-первых, в вещественно-материальной форме для развития особо нужных нам производств, во-вторых, владение контрольным пакетом акций отнюдь не означает монопольного положения иностранного капитала на советском рынке. Внутреннее советское законодательство дает возможность контролировать так или иначе деятельность совместных фирм с преобладающей долей иностранного капитала.

Целесообразно продумать и вопрос о снижении налога на прибыль для тех иностранных фирм, в совместной деятельности с которыми мы особенно заинтересованы, то есть проводить более гибкую политику в области налогообложения. Кстати, вышеупомянутые меры уже применяются во внешнеэкономической практике Китая и Венгрии.

Конечно, можно отвергать или учитывать суждения наших партнеров по совместному предпринимательству, можно соглашаться с ними или не соглашаться. Однако попытки оставить без внимания основную группу пожеланий и претензий, выдвигаемых нашими западными контрагентами, могут негативно воздействовать на весь комплекс взаимных отношений в условиях рождающейся, безусловно, очень важной и перспективной для экономики СССР формы производственной кооперации. В этой связи представляют интерес суждения, высказанные 25 июля 1988 года на научно-практической конференции МИД СССР. Многие выступавшие, особенно послы, со всей прямотой говорили об огромном количестве недочетов во внешнеэкономической сфере. Участники конференции высказали радикальные предложения о создании специальных экономических зон, открытии в нашей стране филиалов транснациональных корпораций.

Важное значение для развития новой концепции внешнеэкономических связей СССР имеют предложения, изложенные М. С. Горбачевым в выступлении 17 сентября 1988 года в Красноярске. Он, в частности, подчеркнул, что в целях динамизации внешнеэкономических отношений Дальневосточного региона прорабатываются меры по созданию так называемого «льготного режима». Среди этих мер можно выделить готовность освобождать созданные на Дальнем Востоке совместные предприятия от налога на прибыль на более длительный

срок, чем в других районах страны, предложение о создании здесь «зон совместного предпринимательства» и другие. Все это призвано активизировать совместную предпринимательскую деятельность.

Резюме. Советский Союз имеет все возможности для того, чтобы прочно занять на мировом рынке место, соответствующее его научно-техническому потенциалу и политическому весу. Внешнеэкономические связи должны обеспечить прирост национального дохода страны сверх границ его отечественного производства. В новых условиях крайне важно построить правильные взаимосвязи наших внутриэкономических процессов с участием во всемирном хозяйстве. И здесь мы должны дать твердую оценку как внешней, так и нашей собственной готовности к подобному взаимодействию. Именно так, в духе перестройки и нового хозяйственного мышления должен функционировать преображающийся советский внешнеэкономический комплекс.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

1

ВРЕМЯ ТРУДНЫХ ВОПРОСОВ 11

От «демократии поддержки» к «демократии участия» — 12
Идея самоуправления — 13
Реально ли социалистическое самоуправление? — 14
В условиях социалистического плюрализма — 15
Кого избирать, как избирать? — 16
Какая мудрость нужна гласности? — 18
Никто не мешает спорить — 19
Несколько вопросов к «плакальщикам по социализму» — 21
Гласность смывает «белые пятна» — 26
Надо ли ворошить прошлое? — 31
Опасности подлинные и мнимые — 33
Еще раз о культе личности — 36
О проявлении культа личности на Украине — 41
Была ли альтернатива культу личности? — 48
Зловещая практика сталинизма — 51
Перестройка и советология: разрушение стереотипов —56
О критике наших критиков — 58
О социализме и тоталитаризме — 62
Политика и культура — 65

2

ДРУГОГО ПУТИ У НАС НЕТ 73

«Трое на красном ковре» — 74
Немного истории: от Сталина к Брежневу — 75
Нет ничего без причин — 89
Что разумно — то действительно — 91
Социализм невозможен без демократии — 94
Не повторять ошибок — 97

3

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ВОЗРОЖДЕНИЕ . 103

Ленинские традиции и реальность — 104
О демократическом централизме и его антиподе — 105
Коллективность руководства и авторитарные тенденции — 108
Преодоление пассивности — 112
«Масса должна иметь право...» — 119
Позиция: гласность и открытость — 122
Парадоксы «волевого» регулирования — 124

4

СОВЕТСКОЕ ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО:
ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ 127

Истоки идеи — 127
Немного теории — 129

30-е годы: регресс права — 132
Застой — расплата за пренебрежение демократией — 136
Переориентация теоретических представлений — 139
Что такое закон? — 141
Демократизация принятия законов — 142
О справедливости законодательства — 146
Что определяет качество законодательства? — 149
О правах человека — 157
Правовое государство и правосудие — 161
Уважать право, закон — 165

5
ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ БЮРОКРАТИИ 171

От чего мы отказываемся? — 171
Демократия — это выбор — 176
Болевые точки экономической реформы — 179
Экономическая основа демократизации — 183
Как заинтересовать человека? — 188
Бюрократизм — в отставку! — 193

6
ТРИ ЗВЕНА НТП 197

Зачем нам нужна наука — 197
Родник общественного богатства — 202
Из жизни и для жизни — 207
И опыт, и юность — 211
А что в эпицентре? — 215
Без чего ничего нет — 217
На перекрестке дорог — 222
Материальная инженерия — 228
Актуальная энергетика — 230
Живая ткань — 233

7
ПРОТИВОЗАТРАТНОСТЬ: НОВЫЙ ПОДХОД 237

От убытков к доходам — 239
Задействовать экономические рычаги — 243
Как распределять ресурсы? — 250
Учиться торговать — 255
Маркетинг — искусство работы с рынком — 259

8
ЛЕГКО ЛИ ПРЕОДОЛЕТЬ УРАВНИЛОВКУ? 265

Что такое уравниловка? — 265
Полумеры не помогут — 267
Чему учит опыт? — 268
Когда экономика работает «на себя» — 272
Затратный хозрасчет? — 276
Есть ли потолок для цен? — 277
Когда поспешность во вред — 282

За какой результат платить? — 283
Практика подсказывает — 287
Как бороться с валом? — 289
За советами к классикам — 289
Новое — хорошо забытое старое — 292
Что мешает качеству? — 293
В завтрашний день со вчерашними подходами? — 293
Видеть перспективу — 295

9

ЧТО МОГУТ КООПЕРАТИВЫ 297

Принципы деятельности — 298
Достоинства кооперации — 300
Страсти вокруг дохода — 304
Цель — не мишень — 309
Цены, цены, цены... — 313
Если верхняя пуговица застегнута неправильно, то и остальные застегнуты неправильно — 316
По закону и вопреки...— 319
Не командовать, а регулировать — 321
Когда форма далека от содержания — 324
Уроки впрок — 328

10

МЕРИДИАНЫ СОТРУДНИЧЕСТВА 331

Время трезвого анализа — 331
Взгляд со стороны — 333
Что же не было использовано? — 335
Новая западная модель развития — 335
С учетом мирового опыта — 336
Что мешает Меркурию? — 338
Как увеличить эффективность сырьевого экспорта? — 339
Приоритетное направление сотрудничества — 340
Новая концепция сотрудничества СЭВ — 342
Выход на рынки западных стран — 344
Что сдерживает торговлю с Западом? — 347
Дискриминация и протекционизм в торговле — 348
Сотрудничество с развивающимися странами — 350
Экспорт: хороши ли стимулы? — 358
Разрубить «валовой узел» — 359
К новому механизму внешнеэкономических связей — 361
Экспортный шанс советской продукции — 362
Как изучать требования мирового рынка? — 363
Как стимулировать экспорт? — 366
Преодолеть деловую робость — 369
Не «согласовывать», а решать! — 371
Новый подход к сотрудничеству — 373
Экскурс в историю нэпа — 374
Сфера взаимных интересов — 376
Первые шаги совместных предприятий — 378
Стимулирование совместного предпринимательства — 381

Научно-популярное издание

БЫКОВ Геннадий Николаевич,
КОНДРАТЮК Анатолий Степанович,
КОЗЮБРА Николай Иванович и др.

СИЛОЙ ПРАВДЫ И ДЕЙСТВИЯ

За строкой резолюций
XIX Всесоюзной
партконференции

Составитель и автор предисловия
ШОСТКА Анатолий Николаевич

Киев
Издательство политической
литературы Украины
1989

Заведующий редакцией *П. П. Орленко*
Редакторы *П. В. Бабич, А. И. Михайлов*
Младший редактор *Т. В. Ужун*
Художник *Ю. П. Щепкин*
Художественный редактор *В. П. Марыняк*
Технический редактор *З. С. Бурдейная*
Корректоры *М. Я. Иванова, Г. Э. Орешкевич*

ИБ № 5477

Сдано в набор 25.11.88. Подписано в печать 12.05.89. БФ 36900. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,58. Усл. кр.-отт. 20.58. Уч.-изд. л. 23,16. Тираж 10 000 экз. Заказ № 8—3436. Цена 1 р. 60 к.

Политиздат Украины, 252025, Киев-25. Десятинная, 4/6.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

23 02

1 р. 60 к.

СИЛОЙ ПРАВДЫ И ДЕЙСТВИЯ